

Николай Романов

**День за днем
и жизнь за жизнью**

1943

Н. Романов

День за днем и жизнь за жизнью

1943 год

В том, что эта книга увидела свет, огромная заслуга главной Берегини страны Людмилы Федоровны Кириченко.

В обеспечении издания книги принимали участие Ф. Ф. Абдумаликов, А. В. Бадусев, И. А. Буков, Б. И. Безкоровайный, А. В. Бобрицкий, Г. П. Вергунов, И. В. Дубравин, П. М. Жердев, В. Н. Замай, Е. А. Изотова, Е. И. Кирилева, А. П. Лысенко, Т. Л. Магазинская, А. П. Макарова, Г. И. Малахов, Н. Г. Миц, А. В. Мурушкин, А. В. Никольский, А. И. Пашенко, З. К. Путренко, И. Н. Проворченко, В. П. Рудов, Н. С. Северин, А. В. Силкин, В. И. Федорова, Л. К. Ушакова, И. В. Шкепу, Н. А. Яровая, А. Г. Яровой, президиум Краснолучского городского совета ветеранов.

г. Красный Луч

ББК 63.3(2)622
Р 69

Романов Н.

Р 69 День за днем и жизнь за жизнью: в 5 т. - Донецк: Руденко С. А., т.3: 1943 год. - 2005. -400 с.
ISBN 966-8842- 00-6
ISBN 966-8842- 04-9 (т.3)

Это произведение — в пяти томах. Каждый том — год Великой Отечественной войны.

День за днем и жизнь за жизнью раскрываются перед читателем в рассказах краснолучан. Говоря о своем видении события, дня, минуты, они помогают представить общую картину трагедии, постигшей нашу Землю. Есть в книге и исторические документы, и письма с фронта, и свидетельства оккупантов.

Книга особенно полезна людям, которые родились после войны. Тем, кто разминулся со своими отцами, бабушками, дедами.

ББК 63.3(2)622

Романов М.

День за днем і життя за життям. 1943 рік

Це твір — у п'ятьох томах. Кожен том — рік Великої Вітчизняної війни.

День за днем і життя за життям розкриваються перед читачем у розповідях краснолучан. Говорячи про своє бачення події, дня, хвилини, вони допомагають представити загальну картину трагедії, що спіткала нашу Землю. Є в книзі й історичні документи, і листи з фронту, і свідчення окупантів.

Книга особливо корисна людям, які народилися після війни. Для тих, хто розминувся зі своїми батьками, бабусями, дідами.

ISBN 966-8842- 00-6
ISBN 966-8842- 04-9 (т.3)

Вячеслав Тюменев:

Возле дома Вити Мачихина и дальше по всей улице остановилась длинная колонна понтонов. Эта колонна остановилась на час, а осталась стоять и в зиму. Немцы везли их в Сталинград, да что-то застопорило их продвижение. А потом зимой и мы еще помогли им задержаться. Неподалеку от нас жила бабушка. Она приехала из Новопавловки. А у нее в погребе скрывался дядя. Его звали Александр Васильевич. Одет он был в серый свитер. Бабушка однажды свела нас с ним. Он попросил несколько камер. Он же и научил нас, где и как можно добыть камеры. Сделал нам ножи типа сапожных, и мы пошли.

Подползали под тележки с понтонами, прокалывали шины, затем вырезали кусок покрышки, перерезали пополам камеру, вытягивали ее и — дело сделано. За каждую камеру Александр Васильевич давал нам по 10 рублей. За 10 рублей можно купить хлеба. Интересно, что в то тревожное время, когда бесконечно говорилось, что Красная Армия разгромлена, что немцы пришли навсегда, что начался новый порядок, советские деньги продолжали цениться. Люди верили, что возвратится советская власть. Вначале мы вытаскивали камеры из внутренних скатов, чтобы не так было заметно, а потом уже и из других.

Можно предполагать, что дядя Саша выполнял задание нашего командования. Тогда же мы об этом и не догадывались. Дядя Саша давал еще махорку, которую мы выгодно продавали. Махорка хорошая, такую выдавали солдатам. Александр Васильевич высыпал нам ее из пакетов в кульки. Пакеты уничтожал. Наверное, чтобы если попадемся, не возник вопрос, где взяли солдатскую махорку.

Юрий Рябущенко:

На нашу улицу (переулок Урицкого, который начинался от улицы Советской, шел до Коняевской и дальше) поставили понтонное подразделение. В первое время немцы охраняли его, а потом часовых сняли. Этим мы воспользовались незамедлительно. Сначала с понтонов исчезли средства сигнализации, карбидные лампы и вымпелы, а потом весла, спасательные круги и другое имущество. Когда уже нечего было брать, вырезали скат около соска, камеру перерезали пополам и вытягивали камеры из покрышек почти целиком. Таким образом, мы вытащили камеры из всех прицепов. На улице Переверзева жил дядя Жора, китаец. Он отлично изготавливал из камер галоши. Конечно, дяде Жоре мы отдавали камеры за какое-то вознаграждение. Когда камер не стало, приступили к более рискованной операции. Динамита, запалов, и бикфордова шнура у нас было навалом. Его оставили наши войска при отступлении. В любую щель вставляли детонатор, поджигали бикфордов шнур, от папиросы поджигали, а дальше — дело техники. Ни один понтон за 4 месяца стоянки не остался пригодным. В каждом был разворочен металл. Так что понтоны к применению были непригодны.

Николай Редникин:

Морозно и темно. Части 59 стрелковой дивизии заканчивали подготовку к наступлению. Правый холмистый берег Дона — словно живой: тысячи бойцов делают свое нелегкое дело. Мой третий батальон сосредоточился на важнейшем направлении. От его успеха зависело многое. Враг, видимо, что-то почуяв, нервничал. Беспрерывно вел стрельбу, жег ракеты. Четыре часа. Сигнал — белая ракета. Сыграли «катюши», громыхнула артиллерия. Авиация ушла по тылам противника, и наша дивизия с мощным «ура» двинулась в атаку... Новый год мы встречали уже под Миллерово в блиндажах врага, тех самых, о которых немцы говорили, как о неприступных. К 12 часам первого дня 1943 года мы прошли более 27 километров, пленили более 3 тысяч солдат и офицеров противника, взяли много техники и боеприпасов.

Иван Корнеев:

1 января 1943 года начался штурм 17-тысячного вражеского гарнизона в Миллерово, превращенного гитлеровцами в крепость с круговой обороной. Когда мы вошли в город, открылась страшная кар-

тина. Впервые мы увидели порождение «нового порядка» — фашистский концлагерь. За колючей проволокой лежали сотни трупов. Жестокость захватчиков не знала границ, и все это совершалось на советской земле.

Измученные оккупацией жители города со слезами радости встречали освободителей. Наши разведчики с передовых наблюдательных пунктов уже докладывали:

— Вижу Украину!

Я тогда занимал пост начальника штаба полка, входящего в артиллерийскую дивизию специального назначения при главкоме.

Закат был в багрянце, багрянец низко залил горизонт — как кровь земля. Уже немолодой наводчик из запаса, отличный артиллерист, соскочил с передка, сорвал с головы пилотку и низко поклонился. Поклонился седому ковылю, пирамидальным тополям, — их синие силуэты маячили вдали, ветру родины, землякам, которых он чаял встретить.

Только железнодорожное полотно отделяло старинный российский город Чертковое от украинского райцентра Меловое.

Первыми нас восторженно встречали жители села Пивневка. Это и было началом освобождения украинской земли.

Геннадий Шепелев:

Мы с мамой эвакуировались из Красного Луча в Краснодон. Жили у тети. Мой старший брат Женя был на фронте. Оказался в плену, бежал и пришел в Краснодон. Здесь он познакомился с местными ребятами. Однажды я обнаружил под комодом стопку исписанных от руки тетрадных листков. Это были листовки. В них — призыв к жителям Краснодона не покоряться немцам, прятать продукты и вещи, сообщалось, что скоро придет Красная Армия. В конце листовки: написано: «Смерть немецким оккупантам!»

К нам стали приходить Демьян Фомин, Вася Бондарев, Анатолий Николаев, Анатолий Попов.

Вечером 5 декабря брат сказал, что идет ночевать к товарищам. Ночью мы увидели в городе большое зарево, а утром узнали, что сгорела биржа труда. Пришел брат. Когда мы ему сказали, что сгорела биржа труда, то он улыбнулся и сказал:

— Ну и прекрасно!

Вечером опять у нас собрались ребята. Приходил Ваня Земнухов. Почти после каждой такой «вечеринки» они уходили все вместе. Брат приходил домой поздно, а иногда совсем не приходил. Однажды, когда он ушел, я решил его проверить. Я знал, что в трубе в лет-

ней печке у него спрятан карабин и патроны. И вот, когда он ушел, я проверил, карабина и патронов на месте не было. Женя пришел под утро уставший и сразу же лег спать. Утром я посмотрел в трубу. Карабин был на месте.

Однажды утром к нам прибежал Демьян Фомин. Такой расстроенный и говорит моему брату:

— Надо уходить, арестовали Ваню.

Женя вытолкнул его в коридор и сказал:

— Возьми себя в руки. Без приказа уходить не имеем права.

Вадим Ткаленко:

Сталинградский фронт. Командую отдельным стрелковым батальоном, занимаем правый фланг 62 армии. Правее нас уже никаких войск нет. Берег и Волга. На самом берегу — наше пулеметное гнездо и блиндаж командира второй роты Бондаренко.

150 дней и ночей простояли мы на этом огненном рубеже. Назад ни шагу. Тогда нашим девизом было: за Волгой для нас земли нет. Стоять насмерть здесь. И мы стояли. Меня, например, ранило двумя пулями в правую ногу. Но из строя не вышел. Некогда было.

Василий Щегольков:

Сталинград. Тяжелые бои, вышел из окружения, попал в другую часть. Стал наводчиком на батарее. Отражал атаку вражеских танков и прямой наводкой из пушки расстреливал ползущие прямо на наши позиции стальные чудовища. Большие потери несли фашисты, но всячески стремились занять выгодный для них плацдарм. Бой продолжался около пяти часов, дрались за каждый дом, за каждую улицу, но к Волге врага не допустили. Фашисты охотились на самолетах за каждой пушкой, повозкой, даже за одиночным солдатом. Из траншей нельзя было поднять голову. Вокруг сплошной гул, лязг железа, рев самолетов, разрывы снарядов.

Я панен, но заменить меня у орудия некому. Другие погибли. Перевязал рану и своей пушкой уничтожил еще два танка.

Снова ранило. Дополз до укрытия и потерял сознание.

Нина Янчин:

В спецшколе разведчиков мы занимались в военной форме. В Москву преподаватель выводил нас в гражданской одежде. Идем по улице. Прошли какое-то расстояние, останавливаемся. Преподаватель спрашивает:

— Сколько вон в том доме окон, подъездов?

Вырабатывали зрительную память, внимание. Допустим, я захожу в кабинет, вы сидите и пишете. Я одним взглядом должна сфотографировать документ. Запомнить, что там написано.

Тамара Бакаич:

В полночь подул северный ветер, неся с собой снежную метель. Он то утихал, то с новой силой гудел под окном землянки. В эту суровую сталинградскую ночь нам не спалось. С рассветом — в бой. Надо выбить противника с высоты, которая господствовала над местностью. К рассвету ветер немного утих. И как только лучи солнца коснулись верхушек деревьев, мощный шквал артиллерийского огня обрушился на оборону противника. Наша часть вступила в бой.

Надежда Чуприна:

Под мощными ударами войск Сталинградского фронта в начале 1943 года началось освобождение от фашистских захватчиков Ворошиловградской области. Люди со слезами радости встречали освободителей и всячески старались им помочь. Юноши и девушки, не угнанные в Германию, стали проситься на фронт. Кое-кому удалось прямо в своем родном селе вступить в действующую армию. Остальные с этой просьбой кинулись в районные центры. Так поступила и я. В военкомате удовлетворили просьбу и зачислили в 1603 зенитно-артиллерийский полк. Я стала телефонисткой. Наводила линии и обеспечивала связь между батареями и КП. У нас три батареи зенитных пушек и три пулеметные роты крупнокалиберных пулеметов. Обслуживали их в основном девушки из нашей области.

Иван Корнеев:

Командир батареи старший лейтенант М. И. Вихров на прямую наводку поставил расчет орудия, которым командовал сержант Аглям Ахметов. В расчете этого орудия сражались: наводчик Максим Гусев и заряжающий Николай Куманикин — русские, замковой Ашот Петросян — армянин, установщик снарядов Иван Лысенко — украинец, подносчик снарядов Николай Варяскин — мордвин, а взводом командовал лейтенант Роман Сухашвили — грузин. Настоящая интернациональная семья, которую породнил долг перед Отечеством. Показав в этом бою мужество и находчивость, расчет прошел потом сотни километров фронтовых дорог, побеждая врага и умением, и взаимовыручкой, показывая пример великого братства народов.

Вадим Ткаленко:

Мужество и самоотверженность батальона привлекли внимание многих военных корреспондентов, в том числе и писателя К. Симонова. Мы встретились с ним на передовой линии фронта, в окопе, расположенном в районе поселка Рынок. Симонов интересовался, главным образом, огнем противника и нашим ответным огнем, стойкостью солдат, их настроением.

Владимир Борсоев:

4 января. Получили приказ переменить место дислокации. Едем из южной части Воронежа в северную, вероятно, это связано с концентрацией наших войск южнее и севернее Воронежа; чтобы скрыть перегруппировку, мы маневрируем.

Геннадий Шепелев:

4 января 1943 года в 2 часа ночи в нашу квартиру ворвались вооруженные полицейские. Полицейский потребовал у мамы что-нибудь связать Жене руки.

— У меня нет ничего такого, чтобы вязать своему сыну руки, - ответила мама. А Женя усмехнулся и говорит:

— Эх вы, трое вооруженных и боитесь одного, брали бы с собой цепи, — поиздевался Женя над ними.

Александра Матвеева.

30 лет проработала учительницей в хуторе Елизаветовке Александра Сергеевна Матвеева. За трудовую доблесть награждена медалью. Во время оккупации она вселяла в сознание односельчан уверенность в нашей победе. Когда угоняли молодежь в рабство, Александра Сергеевна скрывала у себя комсомолку Григорьеву.

5 января 1943 г. полицейские схватили ее и увезли в тюрьму в Красный Луч. Немцы, почувствовав приближение Красной Армии, в панике начали метаться. Александрю Сергеевну из Красного Луча перевезли в Штеровку. Расстреляли ее в сарае Глущенко Л. Д. До последней минуты она ждала наших.

Эрнст Эмиль Ренатус:

5 января 1943 года лейтенант Вульферт уехал в отпуск. Этот день я хорошо помню, так как сам выдавал ему разрешение об от-

пуске, будучи руководителем жандармского отряда. 6 января поступило запрещение об отпусках. Его взвод возглавил заместитель жандармейстер Зиберт. Последующее время Красный Луч являлся объектом налета советской авиации. Немецкие части шли по направлению к фронту, тыловые части покидали район. В городе находилось много частей. Помещение жандармерии и камеры для заключенных использовались для размещения частей.

Мария Югас:

Петров Николай Александрович, 1917 года рождения, брат Пашенко Клавдии, танкист. Раненый пришел к матери, которая жила вместе с Пашенко и двумя внуками в поселке шахты № 21 (Софиевка). У матери пробыл два дня. Вечером пришли в поселок наши разведчики. У Кривоченко Груни на квартире стояли немцы. Наши разведчики взяли одного немца и увезли с собой. На второй день рано утром вновь приехали 9 всадников, искали старосту. Петров Николай уехал с ними. Они попали в засаду где-то под Красным Кутом. Петров был в гражданской одежде. Он убежал. Пришел в совхоз «Хрустальный». Родина Прасковья спрятала его у себя на чердаке.

За того немца, которого увезли партизаны, немцы арестовали Пашенко Клавдию, Кривоченко Груню. Пытали, а потом вывели и расстреляли. Они лежали три дня. Немцы не давали их хоронить. Потом родители забрали их и похоронили на кладбище в поселке шахты № 21. В январе 1943 г. Родину и Петрова выдал полицай. Их забрали. Пытали. Петрова вывели босого, раздетого перед вечером и расстреляли на глазах у людей. Мы с сестрой в это время были на улице. Родину тоже расстреляли, а хату ее спалили.

Александр Ткаченко:

«7 января 1943 г. Посылаю тебе нашу фронтовую песню «В землянке». Если бы имел крылья, то полетел бы к тебе, а так только словами песни сказать могу:

До тебя далеко, далеко.
Между нами поля и леса.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.
Ты, гармоника, песню мне пой
О покинутом счастье вдали,
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

А правда, какие золотые слова, это нужно пережить и прочувствовать. Очень за душу берет песня. Ты ее сохрани, если останусь жив, то споем вместе».

Евгений Полеводин:

В начале зимы наш домик до отказа заполнили немецкие солдаты с передовой. Их, пожалуй, было не менее тридцати. Приказ о переброске на Сталинградский фронт привел их в отчаяние. Все писали письма домой, многие плакали. Сталинград для них означал смерть. После их отправки на фронт наступило относительное спокойствие.

Мария Тимофеева:

Ленинградцы 900 дней защищали свой город. Фашисты методично вели артиллерийский обстрел. Сколько было раненых! Порой воздушные налеты длились по 18 часов. Мне и таким же, как я санитаркам и медсестрам медсанбата, было по 16—18 лет. Но мы повзрослели быстро. Не все выдержали суровое испытание. Тысячи и тысячи людей погибли, умерли от голода и холода. Но те, кто мог двигаться, продолжали бороться. Израненный город, истощенные люди. Некоторые дети разучились говорить. У них не было сил даже плакать. Они лишь тихо стонали, как старики. В блокаду умерла и моя сестра. Она работала на заводе. Так прямо у станка и умерла.

Уставали настолько, что когда появлялась возможность отдохнуть, падали, где придется, под деревцем или кустиком, прямо на снег, бывало, смерзались волосы. Но мы никогда не жаловались, не стонали. Знали, придет светлый день.

Иосиф Милованов:

Зимой наш полк получил танковую колонну «Тамбовский колхозник», построенную на средства народа. На этих танках прошли с боями до Матвеева Кургана.

Владимир Боженко:

10 января, слолив оборону противника, обошли высоту 129 и село Дмитриевку. К исходу 12 января вышли юго-западнее Карповки. Бои велись в чрезвычайно трудных условиях. При сильном морозе, с ветрами и метелями. Полное бездорожье.

Иосиф Кучер:

В Ленинградской области неподалеку от Октябрьской железной дороги, соединяющей Ленинград с Москвой, есть деревня с названием Красная Горка. Вокруг нее на многие километры раскинулся лес. Эти места надолго остались в памяти. Началось все с окружения. Казалось, гибель неминуема. Кончились боеприпасы и питание. Немало пришлось предпринять атак для разрыва кольца и выхода из окружения. Готовилась решающая атака. Но мин к минометам не было. Помогла солдатская находчивость.

Разведка установила, что недалеко от линии фронта на немецкой стороне есть склад боеприпасов. До склада от нас метров четырехста. К складу направляем смельчака с проводом и маленьким блоком. Подобрался. Достает лотки с минами, цепляет их к проводу, мы подтягиваем. За ночь переправили 120 лотков по три мины в каждом.

В этой операции вместе со мной участвовал мой друг по цеху и войне Петр Андреевич Букаев.

Александр Ткаченко:

12 января в 9 часов 30 минут огненный ураган чудовищной силы обрушился на гитлеровцев, окружавших Ленинград. «Это был сущий ад. Снаряды ложились точно в расположение блиндажей. Еще до атаки русских было много убитых и раненых», — жаловались пленные немцы.

Григорий Яровой:

Перед прорывом блокады Ленинграда наши части пополнились людьми и вооружением. В ночь перед наступлением второй батальон гвардейского стрелкового полка занял первую к Неве траншею на правом берегу. Противник, как обычно, освещал ракетами, вел методический артиллерийский обстрел нашей обороны.

Ночную тьму изредка рассекали трассирующие пули. Утром 12 января наша артиллерия начала массированный обстрел фашистских укреплений, завершившийся залпом «катюш».

И вот настал наивысший момент боя — атака... Воины устремились на лед Невы и достигли противоположного берега.

Мария Тимофеева:

Наступали через замерзшую Неву в районе Шлиссельбурга. На правом высоком берегу Невы враг создал мощные оборонительные

сооружения. Чтобы наши воины не могли добраться до этих сооружений, крутой берег поливали водой, и он обледенел. Таким образом, немцы казались неприступными. Гремели тысячи орудий с той и с другой стороны, от разрывов снарядов поднимались фонтаны льда, кипела вода. В бой пошли с пением «Интернационала». Раненые не хотели уходить с поля боя. Меня также здесь ранило.

Иосиф Кучер:

В атаку по прорыву кольца пошли во второй половине дня все оставшиеся в живых. В ход пустили все, что оставалось на вооружении, вплоть до кулака и зубов. В этом бою ранило и меня. Товарищи в суматохе сочли убитым, и я остался лежать среди трупов. Когда пришел в себя, над лесом висели густые сумерки. Темень то там, то здесь разрывали лучи карманных фонарей.

Понял, что вокруг немцы. Короткими автоматными очередями они добивали таких, как я, раненых. Как попал в канаву с водой, не знаю. Лежу по шею в воде, изнемогаю от боли в ноге. Выждал, пока немцы удалятся. Начал карабкаться. Цепляюсь за веточки кустарника. Выбрался. Ползу. Укрылся между спиленных деревьев. Снова потерял сознание. Только в госпитале, когда пришел в себя, узнал о том, что меня в лесу подобрала наша разведка. В госпитале провалялся 3 месяца. После выздоровления в городе Шуя Ивановской области закончил военно-политическое училище.

Екатерина Романовская:

Бои под Сталинградом. Январь. Мороз, метель. Нам с подругой поручили обеспечить связь между полком и батальоном через промежуточную станцию. Бои были настолько жаркие, что мы не успевали ликвидировать повреждения. То с одной стороны порвет, то с другой. Только возвратится подруга, уже мне идти, искать, где перебило провод. Она остается у аппарата. И так двое суток.

Владимир Борсоев:

15 января. Повторили операцию. На дер. Благовещенка выпустили много снарядов. Положили там почти батальон — вышли только 24 человека с командиром батальона. Никаких результатов не достигли. Ошибкой в этой операции было отсутствие внезапности (открытый подход, шумное движение, пристрелка целей только в этом месте, вынос на передовую радиосвязи и открытый разговор по ней). Все учимся.

Таисия Шепелева:

Мой сын Женя Шепелев вступил в «Молодую гвардию». Его другом был Ваня Земнухов. Женя вместе с другими членами подпольной организации выполнял поручения штаба. В канун Октября над Краснодоном взвились красные флаги. В январе 1943 г. Женю арестовали. 15 января Женю расстреляли и бросили в шахту № 5.

Историческая справка:

16 января 1943 года советские войска освободили Меловое.

Иван Савенков:

«Женечка! Желая тебе быть счастливой... Как жаль, что мы не вместе... я все время помню, как удалялась ты в красивом желтом платье, как колыхалось оно и уходило дальше и дальше. Вот и все. Сейчас идем в бой».

Полина Дубовицкая:

В январе на Северном Кавказе перешли в наступление. Так случилось, что с первого дня мне довелось испытать трудности, которые нашим солдатам казались не такими уж и значительными. Мы шли через Кабардинский перевал под проливным дождем. Ураган сбивал с ног. И я, горе-солдат, в этой кутерьме потеряла вещмешок.

Геннадий Семенов:

1943 год, январь. На счету Василия Погорелова уже 200 боевых вылетов. При выполнении очередного задания обнаружил группу транспорта, машины с грузом, передвигающуюся по дорогам пехоту. Самолет обстреляли зенитки. Бросив машину в головокружительный вираж, разведчик ушел от огня. Сведения о противнике доставил на командный пункт.

На аэродроме знали: если капитан Погорелов вылезает из самолета с улыбкой, а голубые глаза сияют радостью, значит, задание выполнено.

Шагая по родному аэродрому, Василий пел:

Скоро-скоро растают снега,
Засинеют в полях васильки,
Роковые четыре шага
Будут так далеки, далеки.

Николай Ожередов:

После недолгой учебы в школе связистов обеспечивал связь под Сталинградом. Вот снова связь штаба полка с передовой позицией оборвалась. Значит, опять бомба или снаряд перебили провод. Уж в который раз ползу вдоль провода. Связь надо восстановить. Вокруг рвутся снаряды. Конечно, страшно. Не за себя. За ребят на передовой. Вдруг не успею соединить...

Нашел обрыв! Порядок... нет, передовой не слышно. Значит, надо искать еще обрыв. И снова вдоль провода по-пластунски... Соединен второй обрыв, но не откликается передовая. Только когда нашел третий обрыв, услышал в трубке знакомый голос:

— Мы держимся, товарищ командир!

Задание выполнил. Больше ничего не помнил. Фашистский металл впился-таки в мое тело... Госпитали, операции... Снова учился ходить.

Валентина Токарчук:

Началось наступление советских войск по всему Северокавказскому фронту. Наши войска продвигались быстро. Иногда не успевали разворачивать госпиталь.

Эрнэст Эмиль Ренатус:

Население по приказу местного коменданта привлекали для очистки дорог от снега. Работали под наблюдением жандармов и украинской полиции. Многие жители отказывались идти на эти работы. Их направляли насильно, избивали. Методы насилия одобрялись.

В середине января 1943 г. прибыл приказ командира жандармерии Сталино. Согласно ему жандармерия и украинская полиция подчинены местной комендатуре для несения военной службы. Однако проведение полицейских мер не должно было от этого страдать.

Мария Тимофеева:

Наконец, 18 января в месте прорыва соединились войска Ленинградского и Волховского фронтов. Кольцо блокады было разорвано. Воины плакали, радуясь победе.

Дорого обошлась советскому народу блокада Ленинграда. Из 2,5 миллиона в живых остались всего около 800 тысяч человек. Ленинградцы гибли от снарядов и бомб, голода и холода. Погибли тысячи советских воинов, в том числе 150 краснолучан.

Александр Ткаченко:

18 января, сломив сопротивление фашистских дивизий, войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились.

Немалую роль в разработке операции по прорыву блокады сыграли сведения, добытые воздушными разведчиками, в том числе моим экипажем. Почти ежедневно на своем Пе-2 вылетали мы на разведку немецкой обороны южнее Шлиссельбурга и в район Синявинских болот. Гитлеровцы встречали нас ураганным огнем. Если не брали зенитки, тогда в воздух поднимались «мессеры» и «фоккеры».

Евдокия Щетинина:

18 января с Ленинграда снята блокада. Все дети больницы выжили. Мы никому не дали умереть. Как счастливы мы, что благодаря им они спасены!

Но детский голодный стон в блокаде забыть нет сил.

Н. Каганская:

21 января арестовали моего отца Любимова Ефима Федоровича, члена КПСС с 1920 года.

25 января с утра на шахту «Богдан» начали прибывать грузовые машины. Избитых, измученных узников гнали по три человека к стволу шахты, над которым были проложены две доски. Таким образом, расстрелянные падали прямо в ствол, и палачи не утруждали себя уборкой тел убитых. Каждый раз находились люди, которые не ждали немецкой пули и сами бросались в ствол. А очевидец, престарелый Сидоров, рассказал мне, что мой отец и вместе с ним еще два коммуниста, подбежав к стволу, схватили полицейского и вместе с ним прыгнули в пропасть.

Я не знаю имен всех расстрелянных, но в памяти остались некоторые фамилии старых кадровых рабочих, знакомых мне с детских времен: Гнетнев, Крючков, Костенко, Степаненко, Гончаров, Локтев, Костин, Макущенко Татьяна...

Евгений Полеводин:

Зимой мы с мамой вынуждены были покинуть город, чтобы спастись от голода. Наше маленькое хозяйство разграбили оккупанты, и мы перебрались к родственникам в село, в соседнюю область.

Историческая справка:

В январе 1943 г. советские войска нанесли один за другим удары на Северном Кавказе, под Ленинградом, на Верхнем Дону и на донбасском направлении.

Эрнэст Эмиль Ренатус:

В последней четверти января 1943 г. комендант Красного Луча майор Зеггер направил все части для обороны города, которая, однако, не была осуществлена. Мне он приказал незадолго до отступления поехать на передовую линию и проинструктировать находившийся в Петровке походный батальон, так как части Красной Армии уже наступали из Ворошиловграда. Майор Зеггер поехал со мной в Петровку.

Этот батальон сняли на следующий день, так как он не имел противотанковые средства. На его место прибыла немецкая танковая дивизия. Группу жандармов направили для предварительной разведки, но на второй день отпустили из армии. Затем майор Зеггер направил немецкую жандармерию и полевую жандармерию своей комендатуры для регулирования транспорта, особенно на скрещении дорог, в связи с тем, что части отступали в беспорядке.

Александр Ткаченко:

В январе силами Ленинградского и Волховского фронтов проведена операция «Искра». Цель ее заключалась в прорыве кольца в районе Шлиссельбургско — Синявинского выступа. Здесь, между городом Мга и Ладожским озером, находилось 5 хорошо укомплектованных дивизий врага. В их составе насчитывалось почти 700 орудий и минометов, до 50 танков и штурмовых орудий. В подготовке операции упор был сделан на разведку и, в частности, на воздушных разведчиков.

В дни подготовки операции эскадрилья под моим командованием получила приказ разведать всю глубину немецкой обороны в направлении предполагаемого удара. Под плотным зенитным огнем и при бесчисленных атаках вражеских истребителей летчики эскадрильи выполнили задание командования.

Экипажи совершили 80 вылетов и сфотографировали 52000 квадратных километров, полностью вскрыли систему оборонительных сооружений и огневых точек врага, обеспечили прорыв блокады Ленинграда.

Иван Попов.

«Красный Луч, Поповой Таисии Владимировне.

Извещение.

Ваш муж, Иван Егорович Попов, пропал без вести».

Иван Егорович работал электрослесарем на шахте № 17/17-бис. Служил в кавалерийском полку. Пока фронт стоял по Миусу, он воевал в родных краях. Была у него такая возможность, дважды на минутку заскакивал домой. Так и запомнились Володе всадник да сильные руки отца...

В боях под Ровеньками И. Е. Попов был ранен. В госпитале сумели вернуть его в строй. И он снова сражался с врагами. Уже на Северном Кавказе.

Александр Ткаченко:

Мой экипаж — ведущий в разведывательном полку. Мы летали на разведку при любых метеоусловиях, летали в районы, куда не могли пробиться другие экипажи. Со штурманом В. Чернегой мы впервые разработали и осуществили дальний трехчасовой разведывательный полет. В одном таком полете зафиксировали на 9 аэродромах противника свыше 300 боевых самолетов и разведали 10 железнодорожных узлов.

П. Звирин:

Три года наша гвардейская 45 дивизия в составе 30 отдельного корпуса защищала Ленинград. Командовал дивизией храбрый офицер, коммунист Симоняк. Он всегда находился среди бойцов: то рассказывал нам в минуты затишья о Ленинграде, то сам водил нас в атаки.

Бойцы знали, что в Ленинграде голод. Многие ленинградцы умерли от голода или погибли во время артобстрелов. И это еще больше ожесточало воинов, звало на подвиг. Тяжелые бои вели за острова Саарему и Красный Бор. Фашисты стянули сюда огромные силы, на некоторых участках превосходили нас в численности и вооружении. Только с помощью флота, после длительных и ожесточенных боев нам удалось овладеть этими островами.

Все фронтовые годы рядом со мной шла моя жена — медицинская сестра Любовь Наумовна. В бою был ранен, остался без ноги. Но это нас не разлучило.

Владимир Боженко:

Окончательно сломив сопротивление противника, 23 января мы перешли к преследованию гитлеровцев.

В. Кислый:

23 января начался штурм Старобельска. Мы, солдаты, с возгласами «За Родину! За Сталина!» бесстрашно ринулись в бой. Немец бежал. Потери дивизии огромные, но духом бойцы не пали. Мы понимали, что с освобождением Старобельска открыли ворота в Донбасс. Со всеми почестями похоронили павших. Мы поклялись отомстить за товарищей.

Владимир Боженко:

В рукопашной схватке мой пистолет ТТ дал осечку, и фриц, изловчившись, ударил меня по голове прикладом. Я упал. Немец хотел прикончить меня штыком, но выручил комиссар полка Смирнов. Он застрелил фрица из пистолета.

Андрей Мачуженко:

Стремительными ударами 23-24 января мы освободили станицы Кантемировская и Морозовская. Отступая, гитлеровцы, бросили пехоту, все дороги были устланы трупами солдат и офицеров. На восток без конвоя шли вереницы пленных румын в острых овечьих шапках и итальянцев, а также «гордых немцев». Вид их жалкий, смотреть на них противно.

Семен Ожередов:

В январе попал в партизанский отряд имени Котовского, входивший в соединение Сабурова. Возглавлял диверсионную группу. Мы пустили под откос 12 немецких эшелонов, подорвали 2 танка и автомашину.

Андрей Мачуженко:

Сколько было радости, когда наша армия освободила украинское село Давыдо-Никольское. Мы, украинцы, слышали родную речь. Гитлеровцы почти полностью разрушили это село, особенно сильно бомбили с воздуха, применив самые тяжелые бомбы. Словами передать трудно, с какой радостью встречали нас жители Давыдо-Ни-

кольского. На глазах слезы радости и гордости за своих освободителей.

Личный состав батареи на 30 процентов состоял из жителей Ворошиловградской области. Поэтому с чувством большой радости и одновременно тревоги мы подходили к Ворошиловграду. Радовались, что освободили областной центр, тревожились за семьи. Каждый думал: живы ли мои дети, жена, родители.

Владимир Борсоев:

Тербу. 24 января после продолжительного марша (140 км) заняли позиции на открытом месте. Мороз 30 градусов, пронизывающий ветер, люди не отдыхали уже четверо суток, но не жалуются. Все настроены, не останавливаясь, идти вперед.

Яков Дербенцев:

Участвовал в Сталинградском сражении. Сожалею, что не пришлось брать Паулюса. На день раньше был раненый из автомата в уличном бою. Уже подходили к универмагу, где засело немецкое командование. На пути оказался двухэтажный дом. Ни крыши, ни дверей, ни окон у него уже не было. Только стены. Первый взвод, в котором был и я, забежал в дом. Часть бойцов направилась в обход. Выскочил в окно. Глядь влево, а там из-за угла два фашиста строчат из автоматов и не видят меня. «Значица, по седьмой роте пуляют, — промелькнуло в сознании. — Они оттуда должны идти». Метнул лимонку — черный дым пошел. В тот же миг, будто что ударило в лицо. Потом до сознания донеслась автоматная очередь. И еще раз фашист, засевший с другой стороны дома, успел нажать на спусковой крючок, но пули пошли выше, так что только шапку и пробили — это наш Золотовский сзади фашиста как ахнет. Если бы не он, не жить мне. Золотовский тоже из первой роты и первого пулеметного взвода.

Андрей Мачуженко:

На подступах к Новосветловке в наши тыловые части прорвались пять немецких танков. Началась паника. В это время ехал расчет противотанкового орудия. В нем был наводчиком бывший разведчик нашей батареи рядовой Ярулин. Он не растерялся. Развернул орудие и подбил два немецких танка, с люка третьего танка вылез фашист и начал кричать:

— Русь, сдавайся!

Из-за щита орудия подымается Ярулин и отвечает фашисту:
— Татар не сдаётся.

И сразу почти в упор подбивает третий танк. Остальные два повернули назад, но вскоре их подбили из другого противотанкового орудия. Ярулина наградили орденом Отечественной войны.

В. Кислый:

До конца января дивизия преследовала отступающего противника, пока не вышла на рубежи Северского Донца. От фашистов очищены сотни населенных пунктов.

Немцы тем временем создали группу «Юг». Цель — взять Сталинград, окружить советские войска под Курском и уничтожить их.

Ослабленные части, в том числе и наша 195 стрелковая дивизия, сдерживали натиск врага, а затем получили приказ отступать в направлении Балаклеи. Противнику удалось глубоко «вбить» танковый клин. Нависла угроза окружения. Вот тогда-то и начался «драп марш». За сутки мы прошли 100 км от Харькова до Балаклеи. Под Балаклеей собирались соединения, вырвавшиеся из окружения. Уставшие, голодные, промерзшие, мы все же были рады тому, что остались живы.

Владимир Борсоев:

25 января в 15.30 началась артподготовка. Сначала дали залп «эрэсовцы» (Полевая реактивная артиллерия, вооруженная реактивными снарядами РС). Затем начали мы. Правда, снарядов сперва было немного, но потом подвезли. Полк получил отличные оценки. После прорыва поехали к своей дивизии. 27 января прорвали фронт и пошли вперед.

М. Лазарева:

Отец Лазарев Иван Сергеевич очутился в лагере на шахте № 17 в смертельной камере. После истязаний 25 января 1943 года фашисты бросили его в шахту. По дороге на казнь папа выбросил асигнацию достоинством в 30 рублей и на ней написал: «Нас везут на гибель. 50 человек. И. С. Лазарев».

Шестнадцатилетний парень подобрал записку, принес матери. Она стерла написанное и купила себе хлеба. Потом она извинялась, но что изменишь! Женщину можно понять. Голод.

Еще папа бросил носовой платок и голубой карандаш, который подобрала мама.

В тот же день в шахту № 151 фашисты казнили папиного брата Лазарева Михаила Сергеевича. Он жил и работал в Антраците. Они сидели в концлагере в одной камере, на казнь их везли в одной машине и сбросили вместе.

После гибели отца немцы забрали Василия и угнали на запад. Ему было тогда 16 лет.

Мать осталась с Алексеем. Она находилась в окружении людей, которые служили не в пользу пострадавших.

Александр Ткаченко:

«30 января. Жду того дня, когда вернусь в Донбасс «через рощи шумные и поля зеленые», как поется в песне».

Владимир Боженко:

Части Юго-Западного фронта отходили. Немцы взяли нашу колонну в клещи. Справа и слева танки фрицев сопровождали нас несколько часов. Я выбрал момент и убежал вместе с одним старшим лейтенантом. В районе железнодорожной станции Переездная мы встретились с нашим заградительным отрядом. Меня направили в 1260 стрелковую дивизию.

Владимир Борсоев:

30 января. Ночевали на ст. Олышанка, спал раздетым. Слушал сообщение Совинформбюро. Взятые Кропоткин, Нов. Оскол, Касторная. Мы двигаемся на юг, через ст. Ведут, наперерез Воронежской группировке. Движение идет успешно, противник, оказывая незначительное сопротивление, отступает на запад. По пути бросает множество машин, орудий и другую технику, вооружение.

Иван Савенков:

Последний Сталинградский бой батарея вела у вокзала. Справа еще стреляли. А уже перед нами проходила колонна пленных. Почерневшие, измученные лица. Конвоирующий солдат беспечно забросил автомат за спину. Ясно: не сбегут, деваться фрицам некуда!

Тут мой боевой товарищ Виктор Морозов обратил внимание, что из канализационного колодца тянет дымок. Толкнулись в близлежащие ворота — закрыты изнутри. Вскарabкались на забор. Широко расставив ноги, немец в черной форме летчика целился прямо в меня. Мой автомат висел на плече. Дотянуться не успел бы. Рывок — и я

уже был наверху. Отличная цель. Стреляй, гад! Но в это время другой немец подбежал к летчику и ударил его по руке. Сухо прозвучал выстрел.

— Молодец! — крикнул я своему спасителю. — Организуй всех, строй в колонну! Отвоевались!

— Гитлер капут! — весело отозвался он. — Подумал и добавил: — Дойчланд капут!

На сборный пункт мы привели восемьдесят пленных летчиков. Прямо скажем: не ахти какая наша с Виктором заслуга. Немцы сдавались легко, понимали: их песенка спета.

И. Саверский:

Наш кавалерийский корпус из-под Сталинграда пошел в Донбасс, освобождая Тацынку, Морозовскую. И пошел в рейд по тылам врага, с задачей занять станцию Дебальцево, отрезать железную дорогу, питающую фронт врага.

Дмитрий Капленков:

В конце января или начале февраля к нам в окно постучались. Мать вышла и через некоторое время вошла в дом с группой мужчин. Это были партизаны. 18 человек. Двое из них — ранены. Один на санках, без ног по колено. У второго оторван бицепс правой руки. Среди них был медработник. Он лечил их.

Еды у нас нет совершенно. Мы доели в полном смысле слова последнюю дворовую собаку. Партизаны поинтересовались, где расположены немцы, где достать продукты. Мама сказала:

— Об этом вам лучше всего расскажет мой сын Митя.

Я им рассказал, где расположились немцы, где живет староста, где хранят продукты, что продукты часто свозят к старосте. Они решили идти к старосте Духану.

Пошли. Вернулись с продуктами. Мама начала жарить и варить — кормить партизан и нас. Для того чтобы я никуда не ходил (наверное, чтобы случайно не выдал их), они мне дали 18 зажигалок и столько же фонариков. Правда, батареек из них они предусмотрительно удалили. Я был несказанно рад.

Эрнст Эмиль Ренатус:

Я получил приказ из Сталино дать указание и проконтролировать, чтобы окружные жандармские руководители занялись отправкой транспорта и мешавшего отступлению тяжелого багажа.

Степан Шевцов:

31 января 1943 г. 8-й кавалерийский корпус получил задание прорвать немецкую оборону в районе населенных пунктов Лысый и Белоскелеватый и далее наступать в направлении Луганска, захватить важнейшие железнодорожные узлы Чернухино и Дебальцево.

Части корпуса прорвали укрепления врага и стремительным маршем двинулись в тыл немцам.

Павел Щебетовский:

Первое февраля. Полночь. Мы, четверо заключенных в концлагерь на шахте № 17-бис, добрались до смотрового окна. Выбрав удобный момент, по очереди выпрыгнули в глубокий снег и растаяли в темноте... Мы использовали последнюю возможность остаться в живых. Завтра предстояла поездка к «Богдану».

Иван Корнеев:

2 февраля 1943 года полной победой советских войск завершился разгром 300-тысячной группировки фашистов под Сталинградом. В этой исторической операции принимали участие все рода войск. Но особую роль Верховное главнокомандование возлагало на артиллерию. И она оправдала свое предназначение, став, по общему мнению воинов, — «богом войны».

Эрнэст Эмиль Ренатус:

В начале февраля 1943 года отступление происходило по группам. Части украинской полиции остались, многие из которых разбежались. Руководитель жандармского поста в Успенке гауптвахмистр Яго, подчинявшийся Красному Лучу, сообщил, что при отступлении расстреляли 8 коммунистов, находившихся в тюрьме. О других расстрелах, происходивших в жандармском округе Красный Луч, мне не доносили. Я выехал из города с жандармским взводом. Гестапо оставалось еще в городе.

Анатолий Коробкин:

Когда начался массовый угон молодежи в Германию, я и другие мои товарищи прятались, но в начале февраля 1943 года меня и соседского Николая, все же выследили и направили на станцию Щетово строить вторую колею железной дороги. На станцию согнали много молодежи: с Днепра, с Пятихаток. Там мы с Николаем проработали

ли два дня и решили бежать ночью. Николай пошел на работу, а я остался в вагоне, сказал, что заболел. Остался, чтобы понаблюдать за охраной и решить, как нам лучше уйти. Рядом с нашими вагонами стоял немецкий эшелон с танками. Танкисты резвились, играя в снежки. Эшелон стоял в тупике. Внезапно в вагон зашел немецкий комендант и что-то заорал. Я пытался объяснить, что заболел, но он вытолкнул меня в тамбур и дал по шее. Я кувырком полетел из вагона на насыпь. Вскочил на ноги. Комендант выхватил пистолет. Я продолжал лепетать, что болен и показывал рукой на живот. Комендант поздравил солдата и что-то ему приказал, показывая на меня.

«Ну, все», — подумал я, идя впереди солдата. Но солдат привел меня в больницу. Врач, молча послушал, что-то написал на бумаге и меня снова повели на станцию. Комендант прочитал заключение врача, крикнул «Вэк» и через переводчика приказал мне завтра быть на работе. Ночью станцию бомбили наши, и мы с Николаем, пользуясь общей суматохой, удрали в степь и пробрались в Красную Поляну.

Яков Дербенцев:

Бои были ожесточенные под Сталинградом. Прорыв мы сделали. Когда уже сдались немцы, команда послышалась:

— Раздаться на 40 метров. Пропустить их.

Они колоннами шли прямо.

А того, кто сразу не сдался, а сражался до последнего, наш главнокомандующий приказал расстрелять. Расстрелять их. И расстреляли. Закончили митинг. Вот Еременко влез на танку и говорит:

— Товарищ Чуйков, напрасно вы расстреляли их. Пусть бы они посмотрели, чем окончится война, и за что они воевали.

А Чуйков говорит:

— Товарищ Сталин что писал? Кто будет сопротивляться до последнего, расстреляйте его и все. Гляньте, сколько наших красавцев лежат побитых. Хто их побил. А отети гады. А я их буду хлебом кормить!

Да так строго.

— Мне такие не нужны. Те, которые сдались сразу, мы их забрали, а ентих не будем. Мне еще надо отступающего противника преследовать.

Еременко говорит:

— Не беспокойтесь, товарищ Чуйков, вы не пойдете за противником. Вы сейчас пойдете под Паулюса.

А там уже было две армии. Ну, и нашу туда. Они же были потрепанные. Мало народу. И мы пошли, значаца.

Владимир Борсоев:

2 февраля. Просторная. Проехали через сахарный завод недалеко от ст. Касторная. Вчера приняли бой с окруженными частями противника в селе Гологузовке, захватили 1400 пленных и трофеи. Везде валяются немецкие винтовки, пулеметы, орудия, трупы фашистов. Сегодня начали наступление на деревню Просторная и к 15.00 вошли в деревню, но с большими потерями. Боеприпасов у нас недостаточно, наблюдение плохое, стрелять нам, артиллеристам, непосредственно по целям приходилось мало.

Петр Соколов:

Начиная с февраля 1943 г. готовил людей для партизанского движения, проводил агитационную работу среди населения, направленную на срыв молотбы, поставок продовольствия немцам. Проработал среди населения первомайский указ Сталина. Взорвали два комбайна и молотилку.

Иван Дибров:

2 февраля отгремели последние залпы, возвестившие о полном разгроме и пленении группировки Паулюса. Воинские части перебрасывались на другие фронты. Но чтобы город жил, нам, саперам и минерам, нужно было проделать огромную, опасную и тяжелую работу — очистить его от заграждений и мин, которые были наслоены в четыре яруса. Наше подразделение преобразовали в пятую инженерно-минную бригаду. Около 5 миллионов мин и различных «сюрпризов», угрожавших жизни сталинградцев, обезвредили воины. Выполняя эту сложную задачу, бригада потеряла десятки минеров.

Георгий Иващенко:

Сталинградская битва продемонстрировала единство фронта и тыла, армии и народа. За подвиги 86 воинских частей и соединений были награждены орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. 187 частей, соединений преобразованы в гвардейские. Более 717 тысяч защитников волжской твердыни награждены орденами и медалями, 112 участникам Сталинградского сражения присвоено звание Героя Советского Союза. Сталинград был городом-воином и городом-тружеником, в нем не было границ между фронтом и тылом. Ядро составляли коммунисты и комсомольцы. В войсках сражалось свыше 160 тысяч коммунистов и 240 тысяч комсомольцев.

И. Ковалев:

Командование Юго-Западного фронта приняло решение ввести 7 гвардейский кавалерийский корпус в тыл противника на направлении Ворошиловград — Успенка — Чернухино — Дебальцево. Перед нами ставилась задача дезорганизовать тылы противника, разгромить железнодорожные узлы, уничтожить живую силу врага. В тыл вражеских войск двумя колоннами под командованием генерала М. Д. Борисова и под началом генералов Н. П. Якунина, И. Т. Чаленко и Шаймуратова введены 3 гвардейские кавалерийские дивизии, отдельные части корпуса и подразделение «катюш».

Николай Савенков:

Вместе с товарищами влились в партизанский отряд, действовавший в Белоруссии. Я готовил мины, с помощью которых партизаны пустили под откос десятки поездов, следовавших из Германии на фронт. Принимал участие и в срыве пуска большого цементного завода, который хотели восстановить фашисты.

Дмитрий Капленков:

Прошло три дня, и партизаны узнали, что со стороны Красного Кута на шахту движется группа немцев, 70-80 человек. Они долго спорили: принимать бой или отступить? Решили отступать. Мама напекла им хлеба, наварила еды, чтоб они подкрепились перед дорогой. Со мной поговорили. Так как я пацан был понятливый, сразу вернул им зажигалки и фонарики, но за каждый фонарик потребовал по одной пышке, а за каждую зажигалку — по две пышки. В общем, у меня осталась целая гора пышек. Какое это счастье, может представить только тот, кто постоянно голодает. Один фонарик на память они мне все же подарили. Ночью партизаны ушли. А мы сразу же опустились из дома в погреб и почти целый месяц выходили из погреба только ночью. Боялись, что кто-нибудь донесет, что у нас оставались партизаны. Мы снова перебрались в дом после того, как подружка мамы крикнула в отдушник:

— Нюрка, вылезай. Немцы ушли.

Уже таял снег. Бабы стали выходить на поля резать мясо убитых лошадей. Мы ждали, что партизаны возвратятся, но они не появились.

Владимир Борсоев:

3 февраля. Боково. Трагический день: 2-й дивизион погиб. Матчасть целиком оставлена у немцев. Батареи действовали героически, стреляли по противнику в упор. Уничтожено до 1000 солдат и офицеров. Погибли прекрасные командиры — зам. комдивизиона, командир 4-й батареи.

Николай Угланов:

После госпиталя попал на Черноморский флот. В Геленджике перед посадкой на корабли к десантникам, отправлявшимся на Малую землю, выступил начальник политотдела 18 армии полковник Л. Брежнев. Он призвал нас сокрушить врага.

А потом, уже на Малой земле, меня с группой разведчиков вызвали на КП корпуса 18 армии. Дали задание любой ценой достать «языка». Задание выполнил.

Виктор Бутков:

На Тонком мысу в Геленджике тренировали штурмовые группы. Нас учили прыгать в воду с пулеметами, взбираться по скалам, бросать гранаты из неудобных положений. Мы освоили все виды трофейного оружия, научились метать ножи и бить прикладами, перевязывать раны и останавливать кровь. Запоминали условные сигналы, наловчились с завязанными глазами заряжать диски автоматов, по звуку выстрелов определять, откуда ведется огонь. Все предстояло делать в темноте, на ощупь.

В ночь с 3 на 4 февраля я в составе второй группы десантников спустя полтора часа после первой группы высадился на обрывистый берег Цемесской бухты. Боевая выучка и стремительность моряков в том ночном бою решили успех десанта.

Утром 4 февраля фашисты к месту десанта перебросили подкрепление. Сбросили бомбовый груз «юнкерсы», ударила артиллерия, пошла в наступление немецкая пехота. Отрадив атаку, мы в свою очередь атаковали и пробились в пригород Новороссийска поселок Станичку.

Раиса Злобина:

В феврале сорок третьего, когда наши воины с боем прошли через родной хутор, преследуя врага, увидела среди них и девушек в белых полушубках с автоматами. Захотелось быть с ними. И я ушла

на фронт. Служба военной регулировщицы у всех на виду и часто связана с большой опасностью для жизни. Бывало, стою на перекрестке фронтовых дорог, флажками указываю путь колоннам, а над головой вдруг пропоет рой пуль. На посту нас не раз обстреливали вражеские самолеты.

Алексей Никонов:

У хутора Натальино, что по дороге к Мценску, погиб почти весь второй батальон нашего полка. Вечная память им. Замечательным человеком был наш командир 3 роты товарищ Левин.

Он прибыл на фронт, окончив Ленинградский лесотехнический институт, родом из г. Семенова Горьковской области. Погиб от прямого попадания мины. Мы тогда поклялись за смерть командира отомстить гитлеровцам и слово сдержали.

Виктор Бутков:

В ночь с 4 на 5 февраля поступило подкрепление.

Впоследствии на Малой земле сражалось несколько бригад морской пехоты. В 255 бригаде морской пехоты сражался краснолучанин П. В. Коропцев. в 83 бригаде морской пехоты командиром разведроты был майор Н. С. Угланов.

Федор Акименко:

1337 полк, в котором я командовал ротой, ночью высадился на Малую землю в районе электростанции. Жаркое было дело. Противник еще в море заметил наш десант. При подходе к берегу и во время высадки мы понесли значительные потери от артиллерийского и пулеметного огня. Но наша рота атаковала дружно. К утру мы заняли первый этаж длинного здания справа от ТЭЦ. А на втором и третьем этажах засели немцы. Они вели пулеметный огонь со всех окон, обстреливали все подступы к зданию. Связь прекратилась. Мы поняли, что ожидать подкрепления неоткуда. Единственный выход: выбивать фашистов с верхних этажей. Пробили потолок и завязали бой за второй этаж, затем за третий. Как потом выяснилось, в этом доме держали оборону «смертники». Многие из них застрелились, а некоторые сдались в плен. Многие наши бойцы и командиры погибли. Тяжело ранен командир 318 дивизии полковник Вруцкий.

Иван Вялов:

В феврале меня тяжело ранило. Отправили в госпиталь в Сочи. После лечения комиссовали, дали вторую группу инвалидности и шесть месяцев отпуска. После отпуска я просился в маршевую роту, чтобы попасть на фронт, но так как меня комиссия признала негодным к строевой службе, меня на фронт не пускали. Я обратился к комиссару полка — и уговорил его.

Алексей Никонов:

Станция Верховье Орловской области, немецкая бомбежка, огромные воронки от авиабомб, заживо погребенные в них люди. В первом же бою погиб мой большой друг, командир стрелкового взвода, лейтенант Анатолий Комарь, родом из Киевской области. Он защищал Родину не щадя своей жизни.

Василий Войнилович:

В дни тяжелых сражений на Малой земле я временно потерял зрение после контузии. Мой дух и боевое настроение поддержал Леонид Ильич Брежнев. Он вручил мне карточку кандидата в члены партии коммунистов.

— Ну как настроение у солдат? — спросил Леонид Ильич.

— Отличное! — ответил я.

— Молодцы! Так держать! И победа будет за нами!

М. Лазарева:

Из Красного Кута пришел полицай, увел корову. Другие приходили тоже грабили. Кому гардины, кому комод требовался. Семьи казненных грабили без зазрения совести.

А в феврале 1943 г. полицай пришел за мамой. Приказал забрать с собой и ребенка. Леше три года.

Вели по заснеженным улицам. Вокруг — ни души. Ввели по направлению к «Богдану». Думала, что их с сыном тоже решили сбросить в шахту. А потом свернули ко Дворцу культуры. Когда за зданием мама увидела много людей, она даже обрадовалась, что хоть кто-то расскажет потом о ней.

Посадили в машины и повезли в Донецк. Разместили в здании школы, обнесенной колючей проволокой. Кругом охрана с собаками.

Там мама просидела до весны. Всю зиму. В школе окна заколочены досками. Не отапливалось. А она в одном легком пальтишке.

И. Нестеров:

В феврале командование представило заместителя командира эскадрильи гвардии лейтенанта Глазова Николая Елизаровича к присвоению звания Героя Советского Союза.

В представлении командир полка гвардии майор Б. Н. Еремин писал: «Товарищ Глазов является одним из смелых и способных летчиков. Не зная страха в борьбе с врагом, презирая смерть, он бьет фашистских стервятников наверняка. Отлично владеет летным делом, смело и отважно проводит воздушные бои с превосходящими силами противника. Скромный, культурный командир, обладает высокими волевыми качествами, способен пожертвовать собой для победы над врагом».

Александр Ткаченко:

«6 февраля 1943 г. Привет с фронта! Добрый день, дорогая Тосенька! Сегодня решил написать тебе письмо, потому что завтра переезжаю на новое место, потому не смогу писать дней 8-10, а ты будешь волноваться... Учитывая, что письмо дойдет до тебя к 1. 03. 43 г., хочу заранее тебя поздравить. 23. 02. 43 г. исполняется 25 годовщина нашей славной непобедимой, оваянной славой на века Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Поздравляю тебя с этой годовщиной и желаю, чтобы следующую годовщину уже ты праздновала со мною вместе.

Нужно полагать, что этот год будет годом разгрома фашизма, так как разгром этой проклятой гадины под Сталинградом можно считать началом конца существования гитлеризма и его своры. Радостный луч солнца должен засиять над народом в этом году.

Уже одной ногой твердо вступают наши войска в родной Донбасс. Скоро настанет час, когда «черное золото» опять будут добывать наши люди, потому что оно принадлежит нам, нашему народу. Очень жалею, что нахожусь на другом фронте, что не придется участвовать в освобождении родных мест, хотя здесь тоже все наше, народное.

До получения этого письма ты должна услышать по радио еще не одну радостную весть о победах Красной Армии.

Как ни тяжело приходит победа, но враг дрогнул и бежит, кое-где еще оскаливает зубы, как раненый зверь, но наши доблестные

войска, верные сыны своей Родины, добивают его и не дают оправиться и собраться с силами. Живу по-прежнему, скучаю по вас.

Я тебе сегодня посылаю нашу фронтовую песенку. Ты ее сохрани, если останусь жив, то споем ее вместе.

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Ведь золотые слова, только, когда поешь, то сердце сжимается при воспоминании о доме. Тяжело все-таки жить в разлуке. Как хочется домой, чертовски, но ничего не попишешь, война, а какая она беспощадная, суровая и злая! Но нужно терпеть до победы, а самое главное, бить больше фрицев, чтобы скорее закончить и с победой вернуться домой...».

Дмитрий Станкевский:

В феврале сорок третьего советские войска вышли на рубеж юго-западнее Ворошиловграда. Здесь 346 стрелковая дивизия, которой я командовал, 187 дней прочно держала оборону. Чувствовалось приближение весны. Подули южные ветры, фронтовые дороги стали просыхать, но не так быстро, как нам хотелось.

Иван Родин:

Перед нашим кавалерийским корпусом поставили задачу: пройти по тылам врага. Крепкий мороз, метель, глубокий снег, изрезанная балками и оврагами местность, — все это создавало дополнительные трудности. Лошади и машины увязали в снегу, но нам удалось прорвать оборону немцев южнее Ворошиловграда. Наш путь пролегал к Дебальцево. Это был стратегически важный железнодорожный узел.

Петр Коропцов:

Нашу группу курсантов военного училища подняли по тревоге и направили в качестве пополнения 255 бригады морской пехоты. Так я стал краснофлотцем, морским пехотинцем. Наша бригада одной из первых высадилась на западной окраине Новороссийска.

Наша рота отличалась взаимной выручкой, боевой сплоченностью. Я моложе всех по возрасту, и меня назначили связным. Знал на Малой земле каждую тропку, каждую воронку, где можно переждать обстрел, открытые места, где надо двигаться по-пластунски.

Дмитрий Станкевский:

Прижимаясь к холодной земле, разведчики 1164 полка бесшумно продвигались вперед. В группе захвата находились наиболее рослые и крепкие ребята. Среди них — Закотный, Андреев, Корнеевский. Накануне днем наблюдатели облюбовали одиночный вражеский окоп-ячейку, пока не соединенный ходом сообщения с общей линией траншей. В окопе были два гитлеровца. Там ли они сейчас? Пристально всматриваясь, передний разведчик заметил впереди еле видные колеблющиеся точки: холод пробирал гитлеровских вояк, и они пританцовывали в промозглом окопе.

Разведчики поползли к ним. Ежесекундно могла резануть очередь или вспыхнуть осветительная ракета. Ведь как ни таись, а движение двух с лишним десятков человек не скроешь. Однако со стороны окопа по-прежнему слышался негромкий перестук кованых каблучков. Полоснула автоматная очередь. Гитлеровцы осели и затихли. Андреев схватился за руку: пуля прошла мякоть предплечья. Кто-то попытался прихватить пулемет, торчавший на бруствере, да не смог — тот был прикован цепью. Крики гитлеровцев и автоматные очереди взбудоражили противника. В небо взвились ракеты. Но разведчики уже стремительно неслись вниз, в спасительную балку Камышеваху, поросшую деревьями и кустарниками и разделявшую два фронта. Там укрылись и те, кто сопровождал «языка».

Иван Родин:

Мы продвигались с боями, уничтожая на своем пути вражеские гарнизоны. Я командовал отдельным хим. эскадроном и, конечно же, не мог знать обо всех тонкостях операции. У нас была одна забота — бить врага, как можно больше навредить ему, как можно сильнее ослабить его силы, чтобы отвлечь его полки и дивизии с фронта, помочь нашим перейти в наступление, освободить Ворошиловград. Мы овладели Чернухино, Софиевкой, вышли к Дебальцево. Немецкие части лишились возможности получать по железной дороге подкрепление. Немцы стали стягивать к Дебальцево свои силы, чтобы окружить и уничтожить корпус.

Михаил Борисов:

После разгрома отборной вражеской группировки под Сталинградом, на Среднем Дону, гитлеровское командование прилагало от-

чаянные усилия, чтобы удержать за собой Донбасс. На Луганском направлении действовала третья гвардейская Армия, в которую входил наш корпус. Мы получили задачу: войти в глубокий тыл врага и, действуя в направлении Коммунарска, парализовать железнодорожное сообщение в районе Дебальцево и Чернухино. В ночь на 10 февраля прорвали оборону противника на участке Белоскелеватой и к рассвету вышли в район Васильевки, Петровки и устремились к Дебальцево.

Аверьян Мишин:

10 февраля в одиннадцатом часу взрывной волной выбило в окнах стекла. Во дворе горел сарай, в огороде лежали обломки самолета, обгорелые тела летчиков. Я собрал документы, забрал полевые сумки погибших и спрятал. Вскоре приехали фашисты. Стали искать документы... Фашисты запретили хоронить летчиков. Но мы с Колей Бабичевым все-таки похоронили летчиков: лейтенанта В. В. Харченко, стрелка П. П. Воробьева, стрелка-радиста И. М. Пархимчика и младшего сержанта А. Г. Дрынова.

Михаил Борисов:

На участке Коммунарск — Дебальцево только артиллерия одной кавалерийской дивизии уничтожила восемь железнодорожных эшелонов. В феврале наши войска освободили Луганск. Решающее значение в этой битве имел наш глубокий рейд в тылу врага.

Андрей Нежданов:

Мы отбили у немцев три грузовых автомашины, надеясь найти в них боеприпасы. К сожалению, кроме награбленной детской одежды, ничего другого в этой машине не оказалось. Я вспомнил, что в хате, где мы грелись перед боем, две девочки лет — 8. Им не во что одеться. Мы вернулись и подарили им все необходимое.

Владимир Борсоев:

13 февраля. Архангельское. За это время заняты крупнейшие города — Ворошиловград, Курск, Тим и другие. За это время мы приняли бои в Орловке и Ср. Апочках, Гологузовке, Ключах и др. Полк за это время уничтожил много немецких разбойников. В Орловке 5 батарея действовала героически. Разбила одну 105-миллиметровую батарею противника и уничтожила до 100 немцев. Замести-

тель командира первого дивизиона капитан Сычев застрелил двух немцев, взял трех пленных. В Ключах из нашего участия в бою ничего не вышло: командир дивизиона, приданного наступающей пехоте, не проявил достаточной настойчивости и не сумел установить нужную связь с пехотой. И пехота осталась без артиллерийской поддержки. Безобразие! Командира дивизиона строго наказал.

На подступах к селу Ястребовке наши положили около полка артиллерии и около полка пехоты. Там действовала 4 батарея полка, люди сражались героически. Погиб начальник связи полка старший лейтенант Яковлев.

Немцы побросали и подожгли все свои машины. Наш 2-й дивизион возобновил свое существование. Идем наперерез окруженной части немцев между Курском и Харьковом.

Дмитрий Станкевский:

Марш в новый район наша матушка-пехота осуществляла по обочинам дорог — там было суше. Теперь наша дивизия вошла в состав 3 гвардейской армии генерала Лелюшенко. В Давыдово-Никольском я получил от командира 14 стрелкового корпуса генерала Шевардина следующую боевую задачу: К утру 14 февраля 346 стрелковой дивизии выйти на рубеж Ореховка — Роза Люксембург и перейти в наступление на Шелковый Проток, Чернов, Орехово, Красную Поляну... Началось освобождение шахтерского края. Мы вступили в Ворошиловградскую область. Но противник использовал всякую возможность, чтобы задержать наше наступление.

Валерия Зубова (Матвейцева):

Год 1943 — госпиталь № 2148. Заключение комиссии: «Старшие Зубовой разрешено вернуться в строй после излечения в госпитале по поводу ранения в ногу».

Валентин Гречишкин:

Вечером 13 февраля кавалерийская часть появилась в нашей Фащевке. Ночью разыгралась пурга, снег слепил глаза, ветер продувал насквозь. С несколькими парнями мы решили отступать с конниками. Вместе с кавчастью, мы выступили в направлении шахты № 153 («Запорожская») и дальше, вдоль железной дороги к совхозу им. Шевченко. Появился поезд из 4 пассажирских вагонов, идущий в сторону Дебальцево. Артиллеристы несколькими выстрелами подбили и остановили этот поезд.

После этого мы двинулись на Селезневку. На всем пути ночью вступали в стычки с немцами. За селом из засады нас подвергли минометному обстрелу. Сбив засаду, конники и мы двинулись на Бугаевку. Нам на «пятки» стали наступать фрицы, постоянно обстреливая нас на ходу.

Рассвет застал на опушке леса. Здесь раненый кавалерист вручил мне автомат ПППШ, который я отдал своему другу Саше Сергееву. Вскоре он был убит.

Я видел, как наши командиры, не слезая с лошадей, обсуждали ситуацию: что делать дальше? В это время в 2-3 километрах от нас накапливались немцы. Основные наши силы пошли дальше, а я спустился в балку, выбрался на противоположный холм, где из-за деревьев наши бойцы вели по немцам огонь. Меня тоже положили в цепь, за одним из дубов. Перед нами было метров 200 чистого поля. Вдруг, сзади нас, из леса немцы открыли по нам стрельбу. Оглянулся. Немцы бежали на нас и кричали. Начал стрелять по ним из карабина. Стреляли и другие бойцы.

Как стало потом для меня ясным, нас оставили здесь для прикрытия отхода. Мы, отстреливаясь, стали отходить по балке, в сторону Илирии. Оторвавшись от преследователей, мы вскоре наткнулись на наши сани, повозки с ранеными. Повсюду слышались крики: «Помогите! Спасите!» Это были брошенные раненые. Немцы расстреливали их прямо с бронетранспортеров. До самого села нас подгоняли автоматные очереди немцев. Из камышей, мимо которых мы бежали, раздались выстрелы, от взрыва гранаты погиб наш капитан. Мы бросились врассыпную. Я оказался в небольшой балочке. Когда стал выходить из нее, натолкнулся на группу немцев, которые окружили пушку на лошадиной тяге, смотрели в мою сторону, и что-то кричали. Я выбросил в снег карабин, патроны, притоптал ногой и пошел на крик: «Рус, иди сюда!». Это были молодые немцы, меня обыскали и как партизана передали жандарму, который сидел на коне.

Вскоре немцы стали разворачивать пушки к стрельбе. Оставив меня, жандарм по какой-то причине отъехал в сторону. Когда началась стрельба, я показал часовому, что меня жандарм отпустил и медленно пошел в степь, в сторону Алчевска, ожидая выстрела в спину. Со многими происшествиями и трудностями добрался до Фашевки.

Василий Коленский:

В феврале выписан по излечении из госпиталя временно нестроевым. Учитывая мое среднее образование, направили с фронтового

распредпункта в саперный батальон, где несколько месяцев довелось мне прослужить так называемым чертежником старшим, хотя чертежников младших в штатном расписании и не значилось.

Моим рабочим местом был стол, приставленный вплотную к столу начальника штаба батальона старшего лейтенанта Любомирского, интеллигентного, изящного человека лет тридцати. Прошло несколько дней, и я обратил внимание на интересную особенность в его поведении. Как бы ни были мы с ним завалены работой, как бы ни уставали (иногда за ночь удавалось вздремнуть лишь часок, другой), он обязательно начинал свой новый день с одного и того же. Потирая рукой не успевшие отдохнуть глаза, протягивал назад через плечо другую руку, брал один стандартный почтовый листок, лежавший на сейфе, стремительными движениями пера наносил на бумагу не более двух-трех слов и надписывал на лицевой стороне адрес. Я с каждым днем все сильнее и сильнее мучился: что же там пишет и кому, и почему с такой неизменностью ежедневно? Любопытство мое было, видимо, так велико, что он вскоре не то что заметил, а скорее почувствовал его. И однажды, будто вспомнив вдруг что-то важное, поднялся из-за стола и вышел, успев положить на мой стол свое раскрытое письмо и бросить мне на ходу:

— Пожалуйста, заклейте и отправьте.

И тогда я увидел... «Жив, здоров, Любомирский», — вот слова, буквально каждый день уходившие от него в Москву к его старенькой матери и младшей сестре, о существовании которых я узнал еще из первой беседы с ним, когда попал под его начало. Разумеется, писал он им, наверное, и более обстоятельные письма, хотя, конечно, реже и не на службе. Зато каждое утро уходило от него слова, балзамом проливавшиеся на сердца любящих его и любимых им людей. Ох, как много же это значило! Ведь в самом разгаре была в те дни жестокая война... Признаюсь: я, девятнадцатилетний, так и не достиг находившегося передо мной идеала. Но все же стал писать моим родным намного чаще, чем прежде. А старшего лейтенанта Любомирского запомнил навсегда.

Михаил Борисов:

15 и 16 гвардейские дивизии корпуса предприняли ряд атак на Дебальцево. Здесь противник сосредоточил более четырех дивизий, в том числе танковую. Дебальцево было забито танками. В Ивановке стояли крупные силы пехоты, в Штеровке разгружались эшелоны с вражескими войсками. Гитлеровцы отвечали на наши атаки контратаками.

Николай Кулик:

Наш зенитно-артиллерийский Севастопольский полк вслед за отрядом Цезаря Куникова тоже высадили в районе Новороссийска со спаренных мотоботов для прикрытия десантников от налетов вражеской авиации. Нам приходилось бить и по наземным целям, особенно при атаках противника, которые повторялись по несколько раз в день.

Михаил Борисов:

Численно превосходящие силы врага стали окружать наш корпус. У нас не было танков, ощущался недостаток снарядов. Мы вынуждены были перейти к обороне. Оборона была крайне трудной. Но корпус огнем артиллерии, минометов и контратаками наносил противнику большие потери. Мы совершали налеты на обозы с боеприпасами, с горючим и продовольствием, пускали под откос эшелоны с войсками, боевой техникой. Противник продолжал наращивать силы и сжимать кольцо окружения.

Николай Ширков:

Услышал, что в тылу у немцев, где-то около Петровского, действует кавалерийский корпус. Вместе с друзьями нашли конников и присоединились к одной части.

Выполнив задачу, кавалеристы прорвали линию обороны противника и соединились с нашими войсками. Меня зачислили в 52 гвардейский полк этого кавалерийского корпуса.

Дмитрий Станкевский:

Максим Иванович Беловодов, возглавивший с февраля штаб дивизии, доложил:

— Армия требует контрольного пленного. Надо установить, кто обороняется против нас.

Я распорядился провести разведку боем в районе безымянной высоты, что южнее Елизаветовки. Общее руководство разведкой возлагалось на майора Л. П. Чистякова.

В бой шли пять групп: захватывающая, обеспечивающая, отвлекающая, инженерно-химическая и огневого обеспечения. Непосредственно в разведке принимало участие 54 бойца.

В полночь захватывающая группа сосредоточилась на исходном рубеже. Проволочного заграждения противника разведчики дос-

тигли бесшумно. Группа огневого обеспечения открыла огонь по пристрелянным целям. Через три минуты последовал сигнал атаки, и артиллеристы перенесли огонь в глубину. Захватывающая группа под командованием старшего сержанта Свиридова бросилась в окоп и взяла двух пленных. Противник пытался контратаковать, но безуспешно. Тем временем химики и саперы поставили дымовую завесу, под прикрытием которой разведчики отошли. Разведка боем прошла отлично. Кроме захваченных пленных, удалось подавить три дзота, уничтожить 60 фашистов. Наиболее удачными в ту пору были вылазки дивизионных разведчиков. Командовал ротой лейтенант Х. М. Гатажков — подлинный мастер своего дела. Приведу лишь один из эпизодов его боевой практики.

Несколько суток командир роты и три разведчика провели на наблюдательном пункте в районе боевого охранения. Установили точное очертание переднего края обороны противника, который был тщательно замаскирован засохшим бурьяном. Разведчики выявили колючую проволоку, насчитали несколько дотов и дзотов. Между этими огневыми точками патрулировали автоматчики. Разведрота выполнила задачу без потерь.

Николай Кулик:

Занимаемый нами плацдарм в 30 квадратных километров был весь изрыт воронками от вражеских снарядов и бомб. Но, несмотря на ожесточенный огонь артиллерии, непрерывные налеты авиации и атаки нам необходимо было удержаться на занятом рубеже до наступления и соединения с нашими войсками с «большой земли». К этому нас призывали воззвания ставки Главного командования и военного совета фронта, которые сбрасывались с наших самолетов.

«Героические десантники! Держитесь и боритесь до последней капли крови, — говорилось в воззваниях, — мы вам поможем!»

Т. Говоров:

Далеко позади остался Сталинград, израненный, но свободный, устоявший в нечеловеческой битве с жестоким врагом. Мы, солдаты и офицеры 14 гвардейской дивизии, были счастливы, что внесли свой вклад в достижение победы на Волге. Мы спешили. Мы шли теперь на запад, где ждала нас измученная украинская земля.

Нелегко далось нам вступление в ее пределы. Едва успели пересечь Донец, как у деревни Скелеватой под Краснодоном нам преградили путь двадцать фашистских танков. Это был тяжелый бой, и

трудно пришлось бы нам, если бы не подоспели на помощь и не поддерживали артиллерийским огнем самоходные установки. Рассеяв вражеский заслон, мы устремились к Луганску. На подступах к нему только батальон, которым я командовал, уничтожил три гитлеровских танка. Затем с ходу взяли Успенку. Но увидеть Красный Луч мне так и не довелось. Нашу дивизию сняли с позиций и перебросили на северо-запад. Спустя несколько дней мы снова встретились с Донцом, форсировали его и пошли на Харьков.

Историческая справка:

14 февраля освобожден первый областной центр Украины — Ворошиловград.

Владимир Шевченко:

14 февраля партизаны напали на полицейский конвой, угонявший 240 советских рабочих из г. Шахты в немецкий тыл. Три полицейя были убиты, остальные разбежались. А те, кто еще недавно были обречены на фашистскую каторгу, вернулись к родным и близким.

При освобождении Антрацитовского района партизанами только в поселке шахты № 15 было убито около 70 гитлеровцев. Наряду с этим партизанские мстители на протяжении всего периода немецкой оккупации собирали данные о силах врага, выпускали листовки, поднимавшие дух советских людей, вселявших в их сердца веру в победу Советской Армии. Плечом к плечу с бойцами отряда «Боковский» сражались партизаны и подпольщики Красного Луча, Ивановки. Трудно приходилось нам в условиях безлесного Донбасса, особенно если учесть, что против нас действовали четыре различных карательных органа. Многие погибли в борьбе с оккупантами. Но оставшиеся в живых продолжали борьбу.

Дмитрий Станкевский:

15 февраля при наступлении на Шелковый Проток батальон старшего лейтенанта Кушнера контратаковали 15 танков с десантом автоматчиков. Основной удар противник наносил по позициям роты старшего лейтенанта Петрова.

— Солдаты, — обратился к подчиненным этот офицер, — моя семья совсем близко, в оккупированном Красном Луче. Ни шагу назад, товарищи, только вперед, к победе!

И старший лейтенант Петров приказал всю мощь огня роты обрушить на танки, бить по смотровым щелям, ослеплять экипажи,

подбивать противотанковыми ружьями, подрывать гранатами. Неравный бой продолжался около часа. Большинство бойцов и командиров этой роты погибло под гусеницами вражеских танков. Ценой таких больших потерь вражеская контратака была отражена. В этом бою пал смертью героя и старший лейтенант Петров. До своего родного города он не дошел всего несколько километров.

Андрей Мачуженко:

Не было предела нашей радости в связи с освобождением нашего областного центра. Вот мы гордо идем по Ворошиловграду, по его центральной улице Ленина. Видим радостные улыбки ворошиловградцев.

15 февраля по радио принимаем приказ Верховного Главнокомандующего, где всему личному составу армии выносятся благодарность за освобождение Ворошиловграда. Потом были освобождены Петровка, поселок им. Тельмана, Лутугино, Успенка, Орехово, Красная Поляна, с. Щетово, ст. Щетово и Антрацит. Наша проволочная связь, которой я непосредственно руководил, проходила от Петровки и поселка им. Тельмана по трассе Лутугино, Успенка, Орехово. Связь работала четко и устойчиво. В Успенке находилось Военное полевое управление Армии.

Евгения Трофимова:

Когда наши войска освободили Ворошиловград и другие города Украины, нас направили домой на восстановление Донбасса. Я попала в Ивановский райком партии, который поручил мне восстановить колхоз в селе Никитовка. Здесь я работала до конца войны вместе с колхозниками, не считаясь ни с чем. Затем мне пришлось выехать с семьей в Беловодск, где тоже восстанавливали колхозы.

Дарья Иванова:

В феврале меня и совсем еще юную радистку Олю Бежан несколько раз пытались перебросить из района Краснодара в Симферополь, но сильный зенитный огонь не позволяет самолету приблизиться к заданному месту. И лишь 23 числа, в самую годовщину Советской Армии, это, наконец, удается.

Холодная зимняя ночь... Высота — пять тысяч метров... Бросаемся в люк бомбардировщика и попадаем в черную бездну. Нам повезло: приземлились почти рядом, и я быстро нашла Олю. А утром

мы уже были на явочной квартире в Симферополе. Здесь началось главное боевое дело.

Владимир Борсоев:

16 февраля, ст. Прохоровка. Пятый день двигаемся без соприкосновения с противником, скоро, вероятно, с ним встретимся. Прохоровка занята нашими в 2.43.

Дмитрий Станкевский:

На другом участке танки и группа автоматчиков врага контратаковали роту лейтенанта Парубенко. Замполит роты старший лейтенант Семенов с несколькими солдатами выдвинулся вперед. Когда вражеские машины были уже совсем близко, сержант Зайцев из противотанкового ружья подбил танк. Гитлеровцы пытались вытащить подбитую машину с поля боя, но старший лейтенант Семенов метнул в тягач противотанковую гранату и подбил его. Мужество политработника вдохновило солдат. Они отбили атаку вражеских автоматчиков. Но их командиры — Парубенко и Семенов — погибли. Бойцы роты потеряли не только своих командиров, но и близких и верных товарищей, которых искренне любили за бесстрашие, решительность и умение руководить боем, за отеческую заботу и внимание к нуждам подчиненных. За героизм и мужество в этом тяжелом бою офицеры Семенов и Парубенко посмертно награждены орденами Красного Знамени.

Михаил Борисов:

К 17 февраля обстановка осложнилась. Мы решили прорвать вражеское кольцо. Это совершилось в ночь на 18 февраля. Мы прорвали окружение с незначительными потерями. Дальнейший успех действий корпуса зависел от захвата вражеской артиллерии.

П. Корницкий:

В феврале меня забросили в тыл врага, в район действия партизанского отряда под Старой Руссой. Наша десантная группа должна была организовать партизанский отряд, перерезать коммуникации противника, уничтожать штабы и живую силу карательных отрядов.

В десантной группе было 25 человек. Летели на транспортном самолете. Ночью. Вдруг стало так темно, что и рук своих не видишь. Самолет бросало из стороны в сторону. После я узнал, что мы

попали в луч прожектора и по самолету ударили зенитные батареи. С большим трудом пилот вывел самолет из огня.

Через некоторое время, когда мы были уже над местом назначения, дали команду:

— Пошел!

Видю, уже выпрыгнули по шесть человек в левый и правый люки. Вдруг сигнал: «Отставить!» Что-то, видимо, летчику помешало. Самолет сделал разворот и снова вышел к цели. Выпрыгнули остальные, в том числе и я.

Парашют раскрылся, опускаюсь плавно. Слышу: «та-та-та-та-та...» Близко просвистели пули. Значит, подумал, немцы заметили. Захватываю с одной стороны стропы, перехожу на скольжение, опускаюсь быстрее. Приземлился. Выстрелы автоматов. Свист пуль. Лай собак...

Освободился от парашюта и отполз в сторону. Огляделся и понял, что нахожусь недалеко от леса. Местность покрыта кустарником. Произнес пароль. Услышал ответ. Ползу на голос. Нашел командира десантной группы. Очень обрадовался.

Вместе с командиром поползли в глубь леса. В лесу преследование прекратилось. Пробирались к месту назначения трое суток. Два товарища погибли при выброске.

Анатолий Коробкин:

День 17 февраля был пасмурный, а к вечеру туманный. Перед вечером со стороны с. Ореховки на северо-восток от Красной Поляны слышались разрывы снарядов, стрекотня пулеметов и автоматов.

Мы с Анохиным Николаем и Таракановым Петром скрывались в доме Тараканова В. Е. от полиции. Их дом стоял у яра. Рядом сад, а внизу — балка. К тому времени мы уже знали, что под Сталинградом разгромили фашистов. Еще в декабре — январе несколько дней подряд через село двигались на запад «цыганские кибитки» румынских войск.

К вечеру канонада со стороны Круглика и Ореховки стала громче. Мы спустились огородами в балку. Спрятались в терновнике и пытались угадать, где идет бой.

Со стороны ул. Партизанской, с северной окраины, вдоль речки по тропинке бежал немец, держа в руке за шею гуся. Он все время оглядывался.

— Вот бы ружье! Кокнуть и — в копанку, — сказал я.

Вскоре в районе фермы колхоза «Партизан-5» застрочил пулемет, а в районе кузни и амбаров послышались автоматные очереди.

Темнело. Мы перебрались в землянку. Автоматная стрельба усилилась. Бой за нашу улицу Интернациональную завязался, когда стало совсем темно. Бойцы 1164 сп на нашей землянке установили станковый пулемет. Фашисты подожгли хаты Тараканова Ф. Х., Маслова К. А., Зайцевой Е. Засев в хате Таракановой М. И., фрицы открыли автоматный огонь, обстреливая северную часть улицы. Со стороны фермы колхоза «Красный колос» немцы открыли минометный огонь. Мины рвались в огородах. Одна попала в соседний дом и смертельно ранила деда Демида. С кладбища бил немецкий станковый пулемет. Ему отвечал длинными очередями наш пулемет, установленный на крыше землянки. Бой длился всю ночь. Пулеметчики по очереди грелись в землянке. Мать угощала их картошкой в «мундирах» и квашеной капустой с луком.

Василий Бойченко:

17 февраля части 150 полка 50 стрелковой дивизии 51 армии освободили наш поселок Каменное Антрацитовского района. В этот день призван в армию и зачислен пулеметчиком в роту, которая освободила наш поселок. А уже 19-20 февраля принимал участие в боевых действиях по освобождению Антрацита. После освобождения Антрацита дивизия была возвращена на ранее занимаемые позиции для пополнения личного состава и перегруппировки. Из отдельных рот было сформировано снайперское подразделение численностью 30 человек. Командиром снайперской команды назначили лейтенанта Халикова. В состав команды был включен и я. После идем 60 км до Луганска, а дальше — на правый берег Северского Донца, в район села Желтое Славяносербского района. Окопались. Немецкое командование несколько раз бросало большие силы в атаку на нашем участке обороны, но безрезультатно. Неся большие потери, они возвращались на свои позиции. Оборона приняла затяжной характер, и наша снайперская команда стала выходить на «охоту». Когда на моем счету оказалось 15 врагов, меня наградили медалью «За отвагу».

Дмитрий Станкевский:

Комсомолец Ерошевич, стиснув зубы, зажал здоровой рукой кровоточащую рану. В это время он заметил, что вражеские автоматчики наступают в полный рост. Собрал последние силы. Он навел пулемет и открыл огонь короткими очередями. На поле боя осталось лежать 70 вражеских солдат, советский пулеметчик стрелял до последнего патрона.

И. Ковалев:

17 февраля бой завязался за поселок Чернухино. Противник старался всеми силами окружить части корпуса с целью его уничтожения. Рейдовые бои превратились в позиционные. Но наши воины выстояли и к исходу 17 февраля заняли Чернухино. Каменные постройки мы переоборудовали в огневые, пулеметные и оружейные точки. Поддерживаемый танками и артиллерийским огнем противник неоднократно переходил в психические атаки. Вражеская авиация беспрерывно бомбила позиции наших частей. Кольцо окружения сжималось. На станции Чернухино враг сосредоточил до двух полков пехоты, а на дорогах, ведущих к поселку, — свыше пехотной дивизии с 50 танками.

Андрей Мачуженко:

До войны я работал учителем в школе на станции Щетово. В оккупации остались жена и дочь. Командование поставило мне задачу установить свою радиостанцию в Орехово, чтобы обеспечить устойчивую радиосвязь с командующим артиллерией 32 стрелкового корпуса. Кроме того — побывать дома.

Как на крыльях летел домой. Несмотря на глубокий снег ноги мои шли, как по асфальту, а сердце стучало как молоток. Каждый его удар отражался в голове, в висках, в глазах.

Вместе со мной шел радист Муляров Валентин Данилович, бывший мой ученик. Семья его жила в х. Зеленый Курган.

Мы зашли к нему домой... Встреча его с матерью и сестрами была трогательная. У всех из глаз лились слезы. Мне казалось, что погибшие наши товарищи и те слышат и видят эту встречу солдата с родными.

Мои нервы не выдержали, я заплакал и вышел.

От х. Зеленый Курган до моего дома полтора километра.

Анатолий Коробкин:

Перед рассветом 18 февраля фашисты пошли в атаку в Красной Поляне. На землянке перестал строчить пулемет. Наши бойцы выскочили из комнаты. Мать выглянула в окно, сказала:

— Наши отходят. Бегите и вы.

Мы хотели через двор пробраться на огороды, но к землянке с двух сторон уже бежали фашисты. Я схватил Николая за руку и втолкнул в коридор. Мы вскочили в комнату. Мать толкнула нас обоих на

кровать и прикрыла до подбородка одеялом. Меньший брат залез под кровать. Я был в солдатском бушлате и понимал, что, увидев меня в нем, фашисты тут же расстреляют.

Фашисты вошли в комнату. Землянка освещалась только от плиты. Мать стояла возле кровати. Фрицы поставили ноги к печке и стали греть руки.

В огороде разорвались мины, раздались автоматные очереди, крик. Фрицы выскочили во двор и через минуту потащили убитого фельдфебеля. Следом за ними 6 немцев проскочили двор и помчались в сторону кладбища.

На улице стало совсем светло, стрельба утихла, наступила тишина. Мы вышли во двор. В это время появился Коробкин Н. Г. и, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Вот дали так дали!

А сам смотрел в сторону разбитых повозок.

— Чему радуешься? — сказала моя мать, и Коробкин сразу ушел. Жил он через два дома от нас. При немцах он и Коробкин Петр были охранниками, ходили с винтовками, отбирали у колхозников скот.

Яков Голубов:

Я не стал дожидаться полного возмужания, предусмотренного законом, и в 1943 году восемнадцатилетним парнишкой добровольно вступил в армию. Линия фронта проходила по окраине села Красная Поляна, станций Колпаково, Штеровка, села Ивановка. Вместе со мной служил В. З. Степанищев. Мы подружились и всегда были рядом. А однажды поклялись найти друг друга после войны, если, конечно, останемся в живых. Мы находились в районе станции Колпаково. Село Христофоровка было у немцев. В Красной Поляне расположились некоторые наши штабы и командные пункты.

Немцы стремились обнаружить и уничтожить эти объекты. Они стали посылать двухфюзеляжный самолет, разведчик-корректировщик. Когда эта «рама» появлялась над Красной Поляной, немцы начинали обстрел из дальнобойных орудий. Нам приказали обнаружить эти огневые точки противника и потом уничтожить их.

Анатолий Коробкин:

Утром наши бойцы атаковали. На полевой дороге с западной стороны ул. Петровского в Красной Поляне валялись разбитые немецкие повозки. Над хутором Булаховка кружили немецкие бомбардировщики. Хорошо видно, как они заходят для атаки, выныривая из-

за туч, пикируют, сбрасывая смертоносный груз. Ахали взрывы, стояла земля.

18 февраля 1943 года, когда стало совсем светло, советские бойцы заняли нашу улицу. Немцы отходили на юго-западную окраину Красной Поляны. Они закрепились в районе фермы. Бой длился целый день.

Степан Шевцов:

Командир корпуса М. Д. Борисов ведет нас к главной цели рейда — захвату железнодорожных узлов. Мы атаковали эти станции сходу. Но немцы опомнились и ударили силами пехоты и танками.

Андрей Мачуженко:

Дома меня считали погибшим в мае 1942 года. Однополчанин, воевавший со мной под Харьковом, видел, как я упал. Моя встреча также была тяжелой и, самое главное, меня не признала дочь Людмила. Пришлось доказывать фотографиями, что я её отец.

Дочь мне говорила:

— Ты не мой отец, ты военный, а мой папа гражданский.

Я показываю её фотографию, спрашиваю:

— Кто это?

— Это я, Людочка.

Потом показываю фотографию, где мы вдвоем — жена, я и дочь.

— Кто это?

— Мама.

— А это кто?

— Я.

— А это кто?

— Это папа.

— Теперь посмотри на фотографию и на меня перед тобой. Похожи или нет?

Факт был неоспорим. Она признала во мне родного отца. Наклонив голову, она влезла ко мне на руки, крепко обняла, несколько раз поцеловала, а потом посмотрела мне в глаза. Эта встреча осталась в моей памяти на всю жизнь.

Александр Морозов.

Шли по тылам врага. Выходили из района Дебальцево — Чернухино, обессиленные тяжелыми двухнедельными боями. До линии фронта оставались считанные километры, но фашисты не отставали,

шли по пятам. Каждый боец знал, что из рейда по тылам врага вернуться удастся не всем. Кто-то должен остаться, прикрыть отход товарищей.

...Старший лейтенант не открывал утомленных глаз от проема окна. Утренний туман, рассеиваясь, постепенно открывал перед ним тихую и безлюдную улицу Красного Кута.

Зловещая тишина. На войне она страшнее бомбежки и артобстрела. Она всегда грозит неожиданной опасностью. Тем более, когда знаешь, что враг где-то вблизи. Да, враг был близко. Вот на том конце улицы среди сугробов тающего снега появились белые фигуры. Перебежали улицу. Ближе, ближе. Даже слышны отдельные голоса, чужая речь.

— К бою! — скомандовал старший лейтенант.

И ожил домик, покинутый хозяевами. Защелкали затворы винтовок, автоматов. Остались неподвижными на снегу десятки вражеских солдат. Потом еще и еще. Крестьянский домик стоял, словно маленькая крепость. Но вот из-за горизонта выползли танки.

— Боеприпасов у нас уже нет. Нужно пробиваться к своим, — сказал старший лейтенант. — Отходите. Я прикрою.

Минуту, другую мелькали знакомые фигуры, это отходили товарищи. Три солдата остались со старшим лейтенантом. Бой продолжался. В немцев летели последние гранаты. Вскоре один за другим пали от вражеских пуль три солдата. Вдруг лейтенант покачнулся, застыл на мгновение и упал на пороге домика. Вражеская пуля пробила голову.

Грязные чужие руки вывернули карманы, но ничего не нашли, кроме маленькой фотокарточки. Со злостью фашист разорвал и выбросил ее. Позднее колхозницы Феодосия Андреевна и Прасковья Федоровна Тимошенко, в доме которых приняли бой советские конники 7 кавкорпуса, похоронили погибших, а маленькие кусочки фотографии сберегли. Потом узнали, что старший лейтенант — Александр - Иванович Морозов. До войны он работал секретарем райкома комсомола на Алтае.

Дмитрий Станкевский:

Туманным утром 18 февраля на северную окраину Красной Поляны вступила наша разведка. Разведчики уточнили расположение позиции и огневых точек противника, установили, что северную окраину населенного пункта обороняют до 200 вражеских солдат и офицеров. Узнав об этом, я решил внезапным ударом овладеть Красной Поляной, ворвавшись в нее не с восточной стороны, а с северной.

Подразделения 1164 полка майора Закирова С. З. скрытно выдвинулись вперед и подошли почти вплотную к противнику. Вскоре воины полка с криками «Ура!» овладели северной окраиной села.

Немцы ошеломлены стремительностью и внезапностью нашего удара. Их попытка организованно отойти сорвана решительными и смелыми действиями наших бойцов. Гитлеровцы отеснены к центру Красной Поляны. До самой ночи шел бой с переменным успехом. Улицы и дома неоднократно переходили из рук в руки. С наступлением темноты фашисты начали поджигать строения, освещать местность ракетами.

Яков Голубов:

Немало трудных огненных дорог прошли мы плечо к плечу с фронтовым другом Николаем Семеновичем Власкиным.

После освобождения с. Успенки наш полк двигался на Малониколаевку, где гитлеровцы, занимая выгодные позиции на высотах севернее села, решили любой ценой задержать наступление советских частей. И это на какое-то время удалось им. Завязались бои. Фашисты бросили против нас не менее 20 танков и самоходок, за которыми двигалась пехота, и в нескольких местах прошли наши траншеи.

Противотанковые орудия полка вели огонь. Но вот в штаб полка сообщили, что снаряды у артиллеристов на исходе, и просили нас, автоматчиков, находившихся в резерве, помочь им. Тогда один взвод нашей роты оставили у штаба, а другим приказали доставить к орудиям снаряды и принять бой с вражеской пехотой.

Батарея, к которой мы ползли со снарядами и бутылками с зажигательной смесью, еще вела огонь, но некоторые орудия уже молчали. И когда я со своим отделением достиг одного из умолкнувших орудий, командир его радостно крикнул:

— Спасибо, братцы-автоматчики, в долгу перед вами не остаемся! Огонь по фашистским гадам!

Это и был Николай Семенович Власкин. Вскоре на поле боя факелами пылали несколько вражеских танков, а те, что еще могли двигаться, повернули и стали уходить. Сотни солдат и офицеров недосчитались гитлеровцы в своих рядах после этого боя.

Михаил Бондаренко:

18 февраля части нашего кавалерийского корпуса из района Чернухино — Дебальцево устремились по вражеским тылам на юг.

Около Грабово и Стрюково обнаружили группу фашистов, со-

гнавших в эти места сотни наших людей, чтобы привести в порядок немецкую линию обороны — ту, что гитлеровцы занимали еще в 1941 — 1942 годах, когда устремлялись на восток. Вражеский гарнизон в этих поселках мы уничтожили.

Со стороны Красного Луча появились фашистские танки и густые цепи пехоты. Они приближались к нам. Танки начали обстрел из орудий. Снаряды разрывались недалеко от нас, не причиняя нам никакого вреда. У нас был дивизион «катюш». Несколько боекомплектов реактивных снарядов к ним мы держали на особый случай. И вот этот случай наступил. «Катюши» пропели — вражеские танки запылали в заснеженной степи, от пехоты не осталось и следа.

Елена Стома:

18 февраля немец занял оборону спереди скель. Всю ночь полная хата немцев была и у нас. В эту ночь пришли наши, разведка. Наши пришли часов в 9 утра с Николаевки, а немец ожидал их с Булаховки. Там была усиленная оборона. Один хороший немец, он нас и раньше никогда не обижал, время от времени заходил в нашу хату и показывал на пальцах:

— 4 километра — Русь.

К утру немцев поменьшело. 6 немцев принесли мясо и заставили варить суп. Когда был готов, заставили попробовать, не отравленный ли. Наши прибегают, а немцы сидят. Кричат с двору:

— Хозяйка, немцы есть?

— Есть.

— Если можешь, выходи.

Немец схватил автомат со стола. Мама к двери, а они не пускают. Нина на руках. Немцы стали просить, чтобы их в плен забрали. Но куда же в плен их брать, если кругом немец, а наших мало. Потом немец нажал, и наша разведка отступила к Малониколаевке. Потом шли на штыки и наши. Наши со стороны Пасечной. От Ивановки лежали побитые наши. Партизаны. За Великим Лужком на Денисовке были найдены их тела.

Анатолий Коробкин:

Утро 19 февраля выдалось солнечным и морозным. Снегу намело много, по дорогам переметы. С востока двигались войска и техника. Скрипели солдатские сапоги. На западной окраине Красной Поляны стреляли. К обеду стрельба стала удаляться. Бой продолжался в районе Колпаково — Казаковка.

Фекла Литвинова:

Покидая поздно вечером 19 февраля Стрюково, конногвардейцы вынуждены оставить на попечение местных жителей трех раненых в домах Чистиковой Нины Тихоновны, Кнышовой Елены Андреевны, Морозова Якова Кузьмича.

Примерно в часа три-четыре дня 19 февраля к нам в дом занесли раненого красноармейца Вшивкова Иосифа Васильевича из Пермской области. А он был в одном белье. Первую помощь ему оказали еще в воинской санчасти. Мы его лечили, ухаживали за ним. Мы считали его своим братом, а мама — сыном. На второй день пришли немцы. Мы им сказали, что это наш брат. Находился раненный в грудь боец у нас около месяца.

Потери 263 отдельного артдивизиона 7 кавкорпуса.

19 февраля 1943 г. Убит в Чернухино Рязанов Каюм. Телефонист. 1923 г. р. Москва, Б. Серпуховский пер. 6, кв. 9.

Михаил Борисов:

В Фашевке мои конногвардейцы появились вечером 19 февраля, захватили немецкие склады. Немецкий гарнизон частично уничтожен, а частично рассеян. В центре села, у одного дома, в это время стояла немецкая автомашина. Человек 20 немцев зашли в дом погреться, не выставив часового. Наши вызвали из дома хозяев, дом забросали гранатами.

Михаил Бондаренко:

К концу суток 19 февраля 14 гвардейская кавалерийская дивизия достигла села Поповки. Противника здесь нет. Получасовой отдых. И снова по бездорожью продолжаем путь. Начали пересекать балку Широкую. За два километра до железной дороги остановились. Генерал Н. П. Якунин приказал мне возглавить нашу разведку из 23 автоматчиков с двумя ручными пулеметами. Надо разведать участок железной дороги, который нам предстоит пересечь в районе поселка Запорожье. Противника мы не обнаружили. Увидели два кирпичных домика. В одном из них на полу отдыхала группа железнодорожных рабочих. Немцы заставляли их ремонтировать железнодорожное полотно. Эти домики именовались 28 километром. Рабочие рассказали, что патрули немцев периодически проверяют охрану пути, полиция стоит в пикетах через два-три километра на всем участке

железной дороги от Дебальцево до Штеровки. На 28 километре вражеский патруль был полчаса назад и проследовал до Кокино. Там до 200 немцев с минометами. В Комендантском много немцев, имеется артиллерия. Железная дорога Дебальцево — Штеровка двухколейная. Я приказал бригадиру Петру Овсянникову развинтить рельсы у 28 километра и оставить на шпалах, а также подпилить телеграфные столбы. К дивизии послал связного. На флангах выставил заслоны с пулеметами.

Потери 148 минометного полка 7 кавкорпуса.

19 февраля 1943 г. Убит в Красном Куте Базлов Владимир Георгиевич. Начальник связи второго дивизиона. 1914 г. р. Архангельская обл.

Алексей Моргунов:

«Старший сержант Моргунов Алексей Семенович, кандидат ВКП (б), с октября 1942 г. по февраль 1943 г. воевал в составе минометной роты в качестве командира взвода и командира расчета. Он отличник боевой и политической подготовки. Тактически грамотный. Его взвод был лучшим. Участвуя в разгроме Сталинградской группировки противника с 10 января по 2 февраля 1943 г., показал себя смелым решительным командиром. Не раз товарищ Моргунов лично сам корректировал минометный огонь взвода и всей роты. В результате его расчет уничтожил самоходную пушку, 5 минометов с расчетом, 4 автомашины, 2 кухни, 10 огневых точек, 12 дзотов, 2 склада с боеприпасами и продовольствием, 400 солдат и офицеров. За отличные боевые действия, за доблесть и мужество, проявленные на фронте, А. С. Моргунов награжден орденом Красной Звезды».

Эту характеристику, выданную мне в феврале 1943 г. замкомроты Горьбиком и начальником политотдела нашей бригады Шапкой, я берегу и, время от времени перечитывая ее, вспоминаю фронтовых товарищей, события минувших дней.

Николай Ярошенко:

В нашем партизанском отряде было несколько ребят по 15-16 лет. Не до забав нам было. Ведь почти каждый день — бои, стычки. Правда, все мы пользовались покровительством взрослых, и никогда не забуду отеческую заботу командира пулеметного взвода Ивана Лебеда, Ивана Ерастовича Грищенко да и самого командира соединения Ю. О. Збанацкого.

Дмитрий Третьяк.

С приближением кавалерийского корпуса немцы в панике бросались из стороны в сторону. В Красном Куте Дмитрий Афанасьевич Третьяк увидел немецкую машину, груженную ящиками со снарядами, испортил механизм управления машины. И помешал таким образом доставить снаряды к месту боя.

Немцы схватили несколько мужчин, в том числе и Третьяка. Расстреляли возле машин.

Владимир Борсоев:

19 февраля. Готня. В Готне догнали свою пехоту. Догнали и противника, захватили богатые трофеи — эшелон бензина, эшелон мяса. В том числе 3000 кур, два эшелона сахара, несколько амбаров зерна. Благодаря своевременным и умелым действиям партизан остались целыми сахарный завод, электростанция и все эти эшелоны.

Здоровье немного пошаливает, пролежал два дня.

И. Ковалев:

В ночь на 19 февраля командир корпуса генерал М. Д. Борисов приказал вывести корпус из окружения и соединиться с войсками, действовавшими на рубеже Илирия — Штеровка — Ивановка.

Частям корпуса удалось незаметно оторваться от противника и выйти в направлении к Крюково. Полагая, что корпус пошел в обход Дебальцево с юга и юго-запада, гитлеровцы выдвинулись к разъезду Редкодуб. Здесь насчитывалось до двух батальонов живой силы, а также десятки танков. Примерно такие же силы враг скопил у населенных пунктов совхоза имени Демченко и Городище. Обе эти группы завязали между собой бой. Каждая считала, что ведет бой с нами. 19 февраля в течение всего дня в районе Круглой немцы воевали между собой. Противник понес значительные потери. А наш корпус продолжал свой путь.

А. Гончаренко:

Красный Кут в феврале переполнен немецкими войсками. Мы ютились, где кто мог, поскольку из домов всех выгнали. Там жили незваные гости. Есть нечего. Каждый выкручивался, как мог. Наша компания подростков обнаружила неподалеку обоз с оружием и продовольствием. Вот мы и зачастили туда. В тот памятный день, увлекшись едой, не заметили автоматчиков в маскхалатах. Подумал

тогда: это конец. Знали, что за меньшие провинности расстреливали без разговоров. Но вот увидели на шапках бойцов звездочки, и испуг сменился радостью! Мы поделились с ними. К немецкому шпику добавился русский мерзлый ржаной хлеб, лук. Но не это главное. Нам поручили разведать, где стоят батареи. Через полчаса мы были в центре поселка, а еще через два докладывали о выполнении задания. Ночью мы провели наших к складам противника. Захваченные боеприпасы и продовольствие были хорошим подспорьем нашим войнам кавалерийского корпуса, которые шли по тылам врага.

Иван Родин:

В ночь на 19 февраля нам удалось вырваться из полукольца. Выполнив главную задачу, мы направились на Малониколаевку, где предполагался переход через линию фронта. Полки и дивизии корпуса шли через Красный Кут, Фашевку, шахту № 152... И снова были бои, снова гибли наши товарищи.

Василий Задорожный:

20 февраля во время наступления в направлении Ивановки погиб заместитель командира роты старший лейтенант Прибега Григорий Степанович. Посмертно он награжден орденом Красной Звезды.

В ночь на 20 февраля 28 человек из 346 полка завязали бой с немцами на совхозной усадьбе. Вышел из строя пулемет, кончились патроны. Я приказал разрядить пулеметные диски и раздать патроны бойцам. Отбивались и гранатами. В это время в направлении шахты «Штеровской» начало наступление подразделение Г. С. Прибеги. Подошло пополнение из Малониколаевки 10 человек. Немцы, побоявшись окружения, стали отступать. В этом бою пали смертью храбрых пять воинов. 13 человек ранены.

20 февраля наш полк перешел в наступление.

Виктор Малкин:

«20 февраля 1943 г. Лекочка, настоящий костер радости у меня в груди... Ведь только представить, что я полноценный семьянин и дождался, наконец, дочечку. Для меня и сын, и дочка желанны. Сбереги ее и себя тоже... Тебе нужно усиленно питаться, пить молоко.

...Я представляю, как ты сидишь и кормишь нашу Люсеньку, как качаешь ее».

«Знаю, сейчас, ты, любимая, тоже не спишь, и у детской кроватки тайком все слезу утираешь».

Филипп Музырь:

20 февраля наша 16 кавдивизия заняла ст. Петровеньки. Уничтожили 60 танкистов, которые направлялись на фронт.

Михаил Борисов:

20 февраля группа во главе с капитаном Никулиным С. А. в Кокино уничтожила много фашистов и боеприпасов. Получился великолепный фейерверк, вызвавший панику у немцев близлежащих гарнизонов.

П. Корницкий:

Перед командованием встал вопрос — разведать место расположения карательного отряда. Командир десантной группы лейтенант Гринев посылает в разведку меня. В Демьянск я вошел рано утром как нищий. Заходил в каждый дом, пока не узнал, где расположены солдаты. В один дом меня не пустил часовой. Потом увидел, что сарай охраняется двумя солдатами. Значит, решил я, что-то здесь есть. Запомнил расположение важных объектов. Согласно заданию я вышел из деревни в другую сторону на такое расстояние, чтобы скрыться из виду. Встретились немцы. Спросили:

— Откуда?

— Иду домой.

Вернулся в лес благополучно. По моему рассказу партизаны сориентировались быстро, так как сами были из Демьянска. Через сутки, в ночь, десантная группа совместно с партизанами небольшими группами по три-четыре человека тихо вошла в село, залегла. Бесшумно сняли часовых. С появлением красной ракеты в окна полетели гранаты. Выскакивающих немцев настигали пули. После выполнения этого задания на следующий день в двух с половиной километрах от Демьянска устроили засаду. Встретили четыре грузовика с солдатами. Немцы потерпели полный крах. Я ранен в руку. Вскоре подошел 15 воздушно-десантный полк, действующий с фронта. Мы соединились.

Михаил Бондаренко:

20 февраля 4 часа утра. Вот и колонна. Начался переход железной дороги. Все делалось быстро и бесшумно. Повозки и пушки почти на руках переносили через рельсы. Колонна втянулась в балку. Приближалось утро. Дивизия рассредоточилась, замаскировалась,

заняла круговую оборону. В стогах соломы недалеко от 28 километра устроили засаду: два пулемета, одна пушка, 40 автоматчиков. В 7 часов со стороны Кокино послышался шум поезда, а затем мы увидели, как паровоз вместе с вагонами пошел под откос. Наши пулеметчики расстреливали вагоны с немцами. Минут через семь все смолкло. Кокино не реагирует. Через час появился состав со стороны Комендантского. Его постигла та же участь. Потом заговорило Кокино. Вдоль железной дороги начали наступление отдельные группы немцев. Их прикрывали неприцельным минометным огнем. Но наша небольшая, хорошо замаскированная застава-заслон была мало уязвима. Дивизия же в балке не раскрывает себя. Когда немцы подошли к заставе на расстояние пулеметного и автоматного огня, все огневые средства дивизии были пущены в ход. Фашисты, оставляя убитых и раненых, бежали в Кокино. Так повторялось несколько раз в течение всего дня 20 февраля. Вечером мы сожгли все немецкие вагоны и продолжали рейд по тылам врага.

Дмитрий Станкевский:

Ночной атакой 20 февраля Красную Поляну полностью очистили от врага. Мужественно сражался в этом бою командир 120-миллиметровой батареи коммунист старший лейтенант Ахматов. В тяжелую и ответственную минуту боя, когда немцы потеснили подразделения полка к последним трем домам на северной окраине села, Ахматов выдвинул свой миномет — все, что осталось в батарее после длительного и тяжелого боя на открытую огневую позицию, и стал вести огонь. Офицер стрелял метко. В одном лице он выполнял обязанности командира батареи, наводчика, подносчика боеприпасов и автоматчика. В этом же бою отличился пулеметчик Соколов. Он вышел на фланг своей роты и открыл огонь по контратакующему противнику. Оставив на снегу до 20 убитых, фашисты укрылись за заборами и домами прилегающих улиц. Большую помощь нашим войскам оказали жители Красной Поляны.

Анатолий Коробкин:

20 февраля 1943 г. я и Тараканов П. В. направились в штаб, который находился возле сельсовета в центре села Красная Поляна в доме Чегриновых. Мы попросили зачислить нас в действующую армию. Нас же направили на очистку от снега Первозвановского шляха и наказали быть готовыми в любой момент, мол, нас вызовут.

Дорогу очищали от шахты № 51 до села. Скопилось много авто-

машин и военной техники. На очистку дороги вышли все жители села. Перед заходом солнца из-за туч вынырнул «мессершмитт» и на бреющем стал поливать нас из пулеметов. Люди падали в снег, а он вдоль дороги прошелся трассирующими пулями. «Мессер» развернулся и начал делать второй заход. Недалеко от того места, где я лежал, отозвался зенитный пулемет, установленный на автомашине. Он бил по приближающемуся самолету длинными очередями. Пулемет умолк. Пулеметчик мертв. Фашист удалился на запад и больше не возвращался. К вечеру дорогу полностью очистили от снега. Недалеко от мельницы стоял наш подбитый транспортёр.

Михаил Бондаренко:

20 февраля на рассвете части дивизии генерала Чаленко Ивана Терентьевича, бывшего буденовца и в гражданскую воевавшего в этих местах, атаковали фашистов в Красном Куте. Врага застигли врасплох, так как наши подразделения вступили сюда с тыла — со стороны Фашевки. С паническим криком «руссише казак!» гитлеровские вояки из крестьянских хат выскакивали в одном белье, попадая под пули и клинки наших кавалеристов. В Красном Куте мы разгромили штаб 62 дивизии врага.

Дмитрий Станкевский:

В разгар боя кто-нибудь из сельских парней, схватив немецкий автомат, поливал из него убегающих фашистов. Когда же враги пытались незаметно обойти наши позиции, их выдавали местные жители, истосковавшиеся по воле, радующиеся приходу своих освободителей. Четырнадцатилетний подросток Боря Ляхов заметил, что продвижению наших бойцов препятствуют два немецких пулеметчика, укрывшиеся за дымоходной трубой на крыше дома. Об этом паренек предупредил наших бойцов, которые своим огнем заставили гитлеровцев убраться с крыши. В другой раз, когда фашисты установили пулемет за углом дома и пытались открыть огонь, Боря сзади бросился на немецкого пулеметчика и не дал ему возможности стрелять. Другой немец пытался выстрелить в юношу из пистолета, но меткая пуля советского стрелка сразила гитлеровца.

Михаил Бондаренко:

Ввиду того, что Уткино сильно укреплено немцами, решили обойти его и продвигаться дальше на Андрианополь. В Андрианополе взяли проводником местного жителя Чесленко Ивана Ильича. Впоследствии

он стал воином дивизии. Из Андрианополя дивизия последовала на Селезневку. Но в Селезневке оказались крупные силы врага. Дивизия расположилась в балке неподалеку от села.

Авиация противника начала бомбить нас. К этой бомбежке конники относились спокойно. Генерал Якунин даже играл на аккордеоне, что способствовало выдержке воинов.

В 22 часа дивизия пошла в обход Селезневки, двинулась в со-вхоз «Огородный». Здесь нашли еще проводника из местных жителей. Им был Андриенко Лазарь Ильич.

Дмитрий Станкевский:

Захваченные в Красной Поляне и Колпаково пленные 302 пехотной дивизии гитлеровцев показали, что враг понес большие потери. Да это видели мы и сами: на улицах, во дворах и сараях Красной Поляны насчитали свыше 200 трупов. Примерно столько же гитлеровцы эвакуировали раненых. А в районе Колпаково противник потерял только убитыми 240 солдат и офицеров.

Михаил Бондаренко:

Прошли около 2 км. Навстречу шли 7 вражеских танков. Комки огня, снаряды, пули на первых порах пролетали над головой. Потом огонь стал прицельным. Отсечен хвост колонны: тыльный отряд — около сотни всадников, две пушки, несколько повозок со снарядами.

Отсеченный отряд принял боевой порядок. Пушки повернули в сторону врага. Открыли огонь по неподвижным танкам. Тыльный отряд принял на себя весь огонь, давая возможность дивизии выйти из зоны танковой засады. Бой длился 10-15 минут. Пушки отряда были разбиты. Отряд пожертвовал собой, колонна дивизии потерь не имела. Пересекли гребень высоты и вышли на дорогу к поселку Иллирия. Отдельные небольшие группы тыльного отряда выходили из рейда самостоятельно. Они укрывались в шахтах. Им всячески содействовали местные жители: Голощапов, Иван Ильин, Козлова Мария Павловна, ее сын Витя.

Историческая справка:

В ходе донбасской наступательной операции в феврале 1943 г. войска Южного фронта нанесли оккупантам крупное поражение. Они освободили восточные районы Донбасса, вернули Родине важные промышленные и сельскохозяйственные центры и вырвали из фашистского рабства сотни тысяч советских людей.

Выйдя на реку Миус, советские войска вели бои, чтобы про-
рвать оборону противника. Но сходу решить эту задачу им не уда-
лось. Фронт стабильно установился по Северскому Донцу и Миусу. В
районе Красного Луча он проходил между Антрацитом и Красным
Лучом.

Анатолий Коробкин:

На следующий день, 21 февраля, нас вызвали в школу и выдали
винтовки. Калита пошутил, что меня из-за винтовки не видно. А сам
он под два метра. Фронт остановился в трех километрах от поселка
станции Колпаково. 346 дивизию отвели на отдых.

В Ореховке мы простояли несколько дней. Каждое утро приле-
тала проводывать нас немецкая «рама». Высматривая, кружила над
селом. Командир взвода приказал вырыть окоп для проведения так-
тических занятий. Мы с Таракановым П. В. и Дударевым И. И. вы-
копали. Через некоторое время дали команду на построение. Повели
к окопу. Весь полк построили побатальонно в виде буквы «П». Сто-
им. Привели солдата в полушубке с перебинтованной рукой. В сол-
дате я узнал Василия С. До войны он работал в колхозе «Партизан-
5», жил на нашей улице в Красной Поляне. Когда освободили село,
призвали в 346 дивизию, направили на передовую у станции Колпако-
во. Через день он пришел домой, раненый в руку, посмеялся, что он
отвоевался, пусть другие воюют, и направился в Орехово в медсан-
бат. Там определили, что ранение — самострел. У окопа, который
мы вырыли, зачитали приговор военно-полевого суда: за измену Ро-
дине — высшая мера.

Михаил Борисов:

Главные силы корпуса успешно действовали в районе Красного
Кута, хутора им. Артема, шахты № 152 21 — 22 февраля.

Потери 148 минометного полка 7 кавкорпуса.

Убит 21 февраля 1943 г. в Никитовке Юматов Яков Иванович,
командир взвода 2 дивизиона, Мордовская АССР

Михаил Борисов:

Немцы подтянули свои силы. Конники, имевшие недостаточное
количество боеприпасов, на третий день покинули село Фащевку. С
ними ушли фащане Пихтерев Василий Владимирович, Слостин Васи-

лий, Макашутин Александр Сергеевич, Шалычев Николай Степанович и полицейский Двоеглазов.

Михаил Бондаренко:

Когда Фашевку оккупировали, фашисты приступили к насильственной эвакуации населения. Об эвакуации распорядился местный комендант Вилли. Однако жители не спешили этот приказ выполнять. Они придерживались тактики: «Едем, но на месте». Руководили этой эвакуацией староста Макашутин и полицейский Двоеглазов. Больше всех суетился полицейский. То и дело он прикрикивал на жителей. Эвакуация так и не состоялась. Станным был этот полицейский Двоеглазов. Никто из жителей не знал, откуда он появился. Но никто из жителей не был угнан в Германию на каторжные работы. В этом немалая заслуга Двоеглазова. Не удалось немцам увезти и скот в Германию. Несколько раз жители приводили своих коров на главную площадь села. Немецкие ветеринары осматривали скот. Годный для нужд рейха скот приказывали отводить в одну сторону, а выбракованный — в другую. Но по знаку полицейского, крестьяне незаметно перегоняли скот из группы, отобранной для отправки, в забракованную. К концу осмотра получалось, что отправлять в Германию нечего. Ветеринары злились, кричали, били полицейского, и, махнув рукой, так ни с чем и уезжали.

Марат:

«22 февраля 1943 г. Малкиной Ольге Михайловне.

Дорогая наша Лекочка! От всего сердца поздравляю тебя с дочуркой и желаю здоровья, счастья, как можно быстрее дожждаться Виктора. А дочурке твоей быть большой, здоровой, красивой, похожей на папу и маму. Счастливая вы, Оля, с ним! Увидать бы вас с дочкой. Она, наверное, черноглазая, толстенькая, ручки и ножки маленькие с маленькими ноготками. Да? Это, Лека, большой День. И я искренне желаю дожждаться Витюка. Марат».

Дмитрий Станкевский:

Наступил вечер 22 февраля — канун 25 годовщины Красной Армии и Военно-морского флота. Части дивизии продолжали вести наступательные бои на рубеже Казаковка — Христофоровка — со-вхоз Краснолучский. В штаб дивизии в Красной Поляне командиры полков донесли, что гитлеровцы применили новый вид оружия — сна-

ряд, при разрыве не оставляющий воронок. Его выпустили из шестиствольного миномета, который за характерный звук выстрела наши бойцы окрестили «скрипухой».

Михаил Бондаренко:

Начало рассвета. На гребне высот тумана нет, а внизу, как молоко. Генерал Якунин послал вперед разведку. Она донесла, что впереди глубокая балка. Решили укрыться в ней, занять круговую оборону, а с наступлением темноты начать прорыв. Как выяснилось позже, своей круговой обороной дивизия вклинилась в боевые порядки врага. Обнаружив нас, немцы начали атаки. За день отразили 9 атак. Бой не утихал. Еще и наши со стороны Елизаветовки открыли огонь. Они не были предупреждены о нашем присутствии.

Филипп Музырь:

В ночь на 23 февраля квартирьеры под командованием командира взвода лейтенанта Ковальского в Красном Куте на северной окраине приступили к расквартированию личного состава учебного дивизиона. Офицеры штаба прибыли в намеченный дом, в котором 40 гитлеровцев спали, не подозревая об опасности. Мы отбили у немцев 20 автомашин с продовольствием, боепитанием.

Иван Безбородов:

В зиму снежную, выюжную ходил с мамой за три километра в лес за дровами. По колена в снегу барахтались, но зато, какое блаженство — посидеть у жаркой печки.

Тамара Процев:

В феврале у нас в Красном Куте стреляли, а утром стало тихо. Мама побежала узнать, как там наша родня. Пришла и сказала, что люди берут фураж в немецких складах. Мы с братом тоже пошли туда в надежде достать что-нибудь поесть. В складах уже было пусто. В сарае нашли убитого деда с котомкой за спиной. Возвращались домой мимо кладбища. Там кто-то возился в тернах под стенкой. Мы любопытные. Брату 10 лет, а мне 13. Подошли ближе, увидели: женщина копает могилу, чтобы похоронить мужчин. Один в обычной одежде, а второй — в армейской. Командирское обмундирование было и орден. Женщина сказала, что это комиссар. Она вытащила у него пистолет и адрес. И похоронила.

А. Гончаренко:

Как мы были счастливы, когда нас зачислили в разведку! Конникам нужны проводники, и мы хорошо справились с задачей. От поселка к поселку продвигались мы с боями в сторону Петровенок. Но немцы, очнувшись от внезапных ударов конников, встретили нас ураганным огнем. В неравных боях погибли многие воины.

Конники опирались на местное население. В действующую армию влились многие жители нашего поселка. Возглавлял группу Нестеренко Дмитрий Назарович. Ему 40 лет. Дмитрия Назаровича ранило в ногу. Он сказал нам:

— Сынки, пробивайтесь к своим без меня, я поддержу вас огнем.

Вместе с воинами мы пытались прорвать оборону противника, но только Задорожному Владимиру Михайловичу, Величко Николаю Григорьевичу, Третьяку Николаю Павловичу удалось пробиться к своим. Меня же при подходе к линии обороны контузило и тяжело ранило в голову и ноги. Это случилось 23 февраля 1943 г. Кто-то из товарищей подтянул меня к калитке на окраине поселка Штеровка. На следующее утро после боя бабушка Дуся и дед Иван нашли меня. И выходили. Лишь в мае вернулось сознание. Они говорили, что помог вернуть меня к жизни врач Брагин, которого привозили из Ивановки. Многие спасали раненых.

Константин Владимирский:

Наш кавалерийский корпус после рейда по тылам врага в районе Дебальцево — Чернухино выходил на соединение с армией фронта в районе Малониколаевки. Противник всеми силами старался воспрепятствовать соединению.

Анна Заверюха:

Холодно. Спать не хотелось, знобило. Потеплее укрыв дочурку, вышла во двор. Бой шел западнее железнодорожной станции.

Григорий Вьюхин:

Начальник связи корпуса полковник Сурбая Анатолий Александрович поручил занять хутор имени Артёма и до прихода главных сил корпуса развернуть связь. Наш взвод всадников быстро оторвался от своих. Перед рассветом 23 февраля достигли указанного хутора. Для ознакомления с обстановкой выслали разведку. Разведка до-

несла, что в хуторе немцы. По улице ходят их патрули. Командир решил: шесть бойцов во главе со старшим сержантом Полуэктовым И. В. должны бесшумно снять патрули. Остальные бойцы рассыпаются по обе стороны улицы. Наши разведчики добрались не замеченными до углового дома. Сняли часового. Мои бойцы сосредоточились на домах. Хватали спящих немцев. Только в некоторых домах опомнившиеся немцы пытались отстреливаться. Однако их сопротивление быстро подавили. Взвод пленил около 60 немцев.

Иван Родин:

В 5 утра 23 февраля я рассредоточил эскадрон, дал команду, и мы пошли в наступление. Снег был глубоким, до колен. Передвигаться тяжело. Местность открытая. Мы цепью подошли к колонне метров на 200. По нам открыли огонь из всех видов оружия. Но мы не дрогнули. Вели ответный огонь. Продвигались вперед.

Захватили две конюшни, в которых находились 400 лошадей. Когда мы ворвались в конюшни, немцы бежали в панике кто куда. Но от метких пуль наших автоматчиков, многим уйти не удалось. Прятались на чердаке, под зарядными ящиками, в кормушках.

Мария Игнатьева:

На рассвете 23 февраля 1943 года, возвращаясь к линии фронта на восток из глубокого рейда по вражеским тылам, наш корпус дошел до поселков Юлино-1, Юлино-2 (на север от Ивановки). Командование кавкорпуса во главе с командиром генералом М. Д. Борисовым зашло в домик. Мы в снях грелись. Они о чем-то там поспорили и пошли. Мы — девчата, обслуживавшие штаб, — за ними. Потом началось что-то ужасное! Орудийно-минометный обстрел велся со всех сторон, даже спереди, со стороны фронта. Как потом выяснилось, что и наши «катюши» били по нам, приняв нас за немцев. Ну, а потом — плен.

Иван Родин:

23 февраля наши передовые силы вышли к поселку Юлино. В одном километре от него располагается поселок Фромандировка. В нем находится немецкая артиллерийская часть. В конюшнях — лошади. Личный состав разместился в каменных домах. Командир корпуса Борисов М. Д. приказал уничтожить гарнизон в Фромандировке и захватить артиллерию.

Немцы все время следили за движением корпуса по тылам и

знали, что мы идем на соединение со своими частями, приготовились дать нам бой. Разведчики у местных жителей узнали, что в хуторе больше трехсот немцев.

И. Саверский:

Когда рейд наш близился к концу, из тыла мы приближались к линии фронта в районе хуторов Юлино. У нас, артиллеристов, снарядов не было совершенно, и нам приходилось воевать с автоматами и винтовками.

В х. Юлино заметили боевое охранение противника, примерно до 40 человек, вооружены автоматами, гранатами, ручными пулеметами, минометами. Шли они строем, с песней, впереди строя — овчарка. Нас противник еще не заметил. Я стоял на санях и увидел их первый. Скомандовал:

— Остановить лошадей! Повозки направо, зарядить орудие, сделать засаду в хуторе Юлино и ожидать общей команды.

Противник подошел на прямой выстрел из автомата, последовала команда:

— Залпом, огонь!

Кавалеристы дали залп дружно, и все 40 немцев легли на снег как один, только собака прыгала подстреленная.

После такого удачного залпа, я подаю команду:

— В атаку, за мной, ура!

Я пошел слева с группой, а мой заместитель Киричек Я. С. справа со второй группой, и достигли пригорка. Лежало их на снегу примерно половина убитых, а остальные живы, но притаились.

Дмитрий Станкевский:

Утром 23 февраля я находился в уцелевшей хате вместе с комиссаром дивизии А. С. Пантюхиным. Беседовали об итогах только что завершенных боев. Зазвонил полевой телефон. Командир корпуса генерал Шевардин поздравил воинов дивизии и меня лично с праздником, пожелал еще крепче бить фашистов.

И. Лебедев:

Наша дивизия вышла на оборонительный рубеж севернее города Красный Луч. 23 февраля штурмом выбила врага из села Ряженое на реке Миус, южнее Матвеева Кургана.

В то время как войска Южного фронта прошли к Миусу, войска Юго-Западного фронта, освободив Ворошиловград, создали серьез-

ную угрозу для противника в Донбассе. В конце февраля враг, создав мощный кулак из 25 дивизий, предпринял контрнаступление. Немецкое командование намеревалось путем глубоких охватывающих ударов окружить и уничтожить выдвинувшиеся вперед наши части и, овладев районом Харькова, вновь взять Ворошиловград. Натиск врага был сильным. Наши передовые части вели ожесточенные бои. Противнику удалось потеснить их и вновь занять ряд городов севернее Ворошиловграда.

Константин Владимирский:

С небольшой группой бойцов мы прикрываем отход товарищей.

— Не робей, — говорю ребятам. — Все равно пробьемся к своим. Фронт рядом, за балкой.

Но выйти к этой балке, балке Пасечной, нет возможности. Перед нами выросли семь вражеских танков, а по снежной целине рассыпалась немецкая пехота в маскхалатах.

У нас — всего два орудия, но огонь вели точный, и танки повернули обратно. Откатилась и пехота.

Только мы попытались уйти в балку — она всего в трех километрах — как со стороны Петровенок ударили тяжелые орудия. Под прикрытием шквального огня фашисты опять ринулись в атаку.

Я приказал солдатам пробиваться к балке, а сам остался прикрывать их отход. Наши пушки уже молчали. У меня оставался уцелевший «максим». В перерыве между очередями я оглядывался. Уже полпути прошли солдаты. Опять поливаю немцев из пулемета. Кончились ленты. Надеваю на ствол винтовки трехгранный штык.

Немцы все ближе. Вот уже слышно тяжелое дыхание бегущих. Мелькнула граната с длинной деревянной ручкой. Ловлю на лету и отправляю ее обратно фашистам. Взрыв. Немцы залегли, чуть ли не у самого ствола умолкнувшего «максима». Вновь полетели гранаты. Одна из них разорвалась в моих руках...

Руку отхватило по локоть. Еще взрывы. Ранение в голову. Падая, успеваю глянуть в сторону балки. «Они успели», — была последняя мысль перед тем, как потерял сознание.

Степан Шевцов:

23 февраля 1943 г. Наш сильно поредевший отряд вышел на передовые позиции армии, стоявшей в обороне. Это была большая радость. Облегченно вздохнули.

Командир нашего минометного дивизиона капитан Синица Ва-

сильный собрал своих солдат и поставил их в оборону. Ибо фронт обороны был очень редким. Следом за нами шли, поддерживая друг друга, раненые. Появился полковник Голованов. Подозвал командиров и приказал капитану Синице В. собрать коммунистов и комсомольцев, а также добровольцев и двинуться в обратный путь, в тыл врага на помощь пробивающимся с боями частям корпуса.

Собрали 24 человека. В том числе были Синица В., Ларин, Кузнецов В., Шевцов С., Весенеев, Фролов. Каждый из нас имел свое или немецкое оружие, захваченное в бою, а вот боеприпасов почти не осталось. Мы взяли патроны у раненых, у солдат обороны и были готовы выступить. попрощались с боевыми друзьями, которые лежали на окровавленном снегу, ожидая медицинской помощи.

Александра Щукина:

Ночью услышали стук в дверь. Мама вышла в коридор, спросила:

— Кто там?

Множество мужских голосов закричало:

— Хозяйка, хозяйка, открывай!

Мама открыла дверь. Это были советские солдаты.

— Хозяйка, немцы есть?

— У нас нет.

Через несколько минут все комнаты заполнили солдаты. Мама еще не верила, что это были действительно советские солдаты, так как было темно. Мама сняла у одного солдата шапку, в темноте нащупала звездочку.

— Это же свои! — произнесла с большой радостью. — Ну откуда же вы пришли, везде немцы?

Оказывается, это были кавалеристы, которые совершали рейд по тылам врага, отвлекая на себя силы противника.

Константин Владимирский:

Но я не погиб. Меня определили в немецкий госпиталь, а оттуда — в лагерь. Дважды пытался бежать. Неудачно. На третий раз повезло. Попал в партизанский отряд Медведева Д. Н. Вместе с партизанами участвовал в разгроме врага.

Степан Шевцов:

Усталость за многие сутки непрерывных боев валила нас с ног, но мы двигались быстрым шагом, пока немцы не закрыли проход.

Чтобы не наскочить на засаду немцев всем отрядом, капитан Синица послал меня и двух комсомольцев в передовой подвижной дозор. Тяжело было идти по своему кровавому следу. На пути лежали наши товарищи. На морозе они превратились в ледяные глыбы. Кое-где, истекая кровью, слабо стонали тяжело раненные. Они снова умоляли добить их, прекратить мучения.

Анна Заверюха:

Утопая по колена в снегу, мы с Полиной Шейко добрались по балке до колонны. Никогда еще не испытывала такого озноба. Я впервые так близко видела смерть. Дрожь проняла до костей, когда столкнулась с жертвой войны.

Александра Щукина:

Было очень холодно. Стояли сильные морозы. Солдаты разместились в комнатах, в сарае, в кладовке и даже на чердаке, где у нас хранились стебли кукурузы. В комнате было тепло, и мы еще растопили печку, чтобы скорее отогрелись гости. Солдаты все не помещались в хате. Они менялись. Командир сел за стол, разложил карту. Смотрел, где находится станция Штеровка и как лучше добраться до железнодорожного узла. Мама рассказала, где находятся нужные им населенные пункты, где базируются немцы.

Мы от радости думали, что наши бойцы освободили нас. Мы всегда верили в победу Советской Армии. Но мы ошиблись.

И. Саверский:

Только успели расправиться с боевым охранением, как из-за складок местности появился батальон.

Кавалеристы в пешем строю вступили в бой с превосходящими силами противника. Я взял немецкий пулемет, открыл огонь по батальону, после второй пулеметной очереди был ранен. Бой с этим батальоном продолжался целый день. В этом бою убит начальник штаба 15 кавдивизии гвардии майор Стрижак. Меня кавалеристы не оставили, раненого вывезли из рейда через линию фронта в Успенском районе. В составе той части, которой я командовал, все офицеры, сержанты и солдаты в особенности в рейде, проявляли исключительный героизм и отвагу, не жалея своих сил, энергии и даже крови.

Александра Щукина:

С наступлением рассвета началась перестрелка, а потом завязался бой. Оказалось, что у советских бойцов боеприпасы были на исходе. Об этом они говорили вслух.

Солдаты ушли драться с фашистами, которые находились на колонне Фромандировка № 1 на расстоянии 1 км от нашего дома. Наша хата опустела. Но вот открылась дверь, и бойцы внесли раненого старшего лейтенанта. Мама достала чемодан и сумку с бинтами, вату и йод и начала перевязывать ему раны. Кажется, их было тринадцать. Бойцы говорили:

— По вам, товарищ старший лейтенант, специально строчил пулемет.

Лейтенанта уложили в постель. Мама поила и кормила его из ложечки. Сознание он не терял, а вот вставать не мог, так как руки и ноги у него были в ранах. Мы все надеялись, что он выживет.

Анна Заверюха:

У перевернутых саней в белом полушубке лежал красноармеец. Пряди русых волос, будто бы их только что причесали, покорно, покоились на его голове. Красивое волевое лицо, прямой нос...

Александра Щукина:

Хата снова начала наполняться. Но теперь уже ранеными. Мы (я, мама и Маша) под диктовку бойцов перевязывали их. Не помню, скольких перевязала. Много. Им приходилось ждать очереди, мы не успевали перевязывать. Мне солдаты говорили, как нужно правильно перевязывать, учили:

— Шура, вот так, сюда заведи бинт, теперь вот так и завязывай...

У меня неплохо получалось. Солдаты, которые могли двигаться, после перевязки куда-то уходили, а тяжелые оставались у нас. Бинты закончились. В дело пошли занавески, простыни. Мама кипятила их, стирала. Солдаты называли нашу хату полевым госпиталем.

Юлия Бергер:

В момент прорыва конников из рейда в Юлино скопилось много немецких воинских частей. Линия фронта в то время проходила в 9 км от Юлино через Малониколаевский лес. Зная хорошо местность, я с трех до 6 часов выводила части корпуса через большак в направ-

лении на балку, что вела в Малониколаевку. Части корпуса, которым помогала я, достигли позиции советских войск благополучно. Подразделения конников из Красного Кута до Юлино вели проводники Чичиков, Пастухов, Редька.

Пастухов сразу не признался командованию, что он дальше от Юлино дороги не знает. Редька же по прибытию в Юлино скрылся. Как выяснилось позже, он оказался предателем и работал на немцев. Обоз с ранеными повел Чичиков, однако, проводник отклонился от северо-восточного направления, а повёл прямо на север, где были большие силы фашистов, это привело к гибели многих конников.

Надежда Карпова:

Я пошла на поле боя вместе с Пугачевой Полиной Ивановной, посмотреть, нет ли среди убитых раненых, чтобы помочь им добраться до поселка. Но раненых мы не нашли, далеко мы не могли пройти, так как по полю ходили фашисты и прогоняли. Видели мы убитую девушку, но подойти к ней не смогли, так как на нас шел фашист, и мы вернулись. На поле боя валялось много писем и фотокарточек. Мы подобрали документы.

И. Лебедев:

Наша дивизия проследовала через Ровеньки, выдвинулась в район Красной Поляны напротив Штеровки и приняла участие в боевых действиях, отражая мощные контратаки врага.

Длинные колонны войск растянулись по дорогам к Штеровке. У Красной Поляны налетели самолеты. Они бомбят и обстреливают боевые порядки наших частей. Зенитчики, пулеметчики ведут огонь по самолетам. Трассирующие пули пронзают воздух сверху вниз и снизу вверх. Злится, беснуется враг. С ревом пикируют самолеты. А наши бойцы? Вот одна из рот залегла прямо на спины в грязь, вскинула винтовки и пулеметы и ведет огонь по стервятникам, помогая зенитчикам. Один самолет задымил. Потом к небу взвился огромный черный столб дыма от взрыва... Налетели наши истребители и прогнали врага. Небо стало чистым.

Ближе к Штеровке — больше взрывов от снарядов, мин.

Александра Щукина:

Мы с Машей полезли на чердак и в щелку наблюдали, как шел бой. Видели, как наши бойцы по-пластунски добирались до хат, где

были немцы, и начали атаку колонии Фромандировки № 1. Немцы всех наших солдат положили на поле боя намертво.

Анна Заверюха:

Ночью, накрывшись простынями, почти весь состав подпольной группы: А. А. Шейко, П. Ф. Шейко, В. С. Иванов, М. И. Карпов, В. А. Карпова, Токарева, переодевали раненых в гражданское, выносили и распределили их по квартирам.

Мне достался раненый без сознания. Он бредил. Светлые волосы липли к потному лбу, вокруг губ пробивался мягкий пух волос.

С великим трудом мне удалось привести его в порядок, а еще с большим трудом узнать, что раненый — это Мазеев Григорий Степанович, что сам он из Сибири, и что ему всего 22 года.

Больной нуждался в медицинской помощи, т. к. одна нога была отморожена и начинала сочиться. Но как отправить его в больницу, когда в поселке рыскали полицаи!?

Степан Шевцов:

Многих раненых укрывал шинелями, плащ-палатками. Были башкиры, узбеки. Я не спрашивал их фамилий. Некоторые просили, чтобы добил их, но у меня не поднималась рука. Да и лишних патронов у нас не было.

Мы оказывали им помощь, какую только могли, но капитан торопил нас. До рассвета надо было достичь балки Широкая, где как предполагал Синица, находится штаб корпуса.

Перед рассветом начал падать снег, который прикрывал белым покрывалом это трагическое поле. Силы оставляют нас. Идти все труднее и труднее. Глаза закрывались сами собой. А до балки Широкой оставался еще один бросок.

Капитан остановил движение, позволил отдых. Мы укрылись в небольшой выемке. Здесь лежали несколько убитых наших бойцов, их прикрыл снег. Мы тут же опустились на снег, укрылись плащ-палатками, шинелями. Снег присыпал и нас, и мы сомкнули веки в спокойном сне.

Обостренный слух улавливал шорохи. На востоке забрезжил рассвет. Прекратилась метель. Как хорошо почувствовали мы себя. Лежишь, как на перине, в мягком снегу. А сверху прикрывает пушистое снежное одеяло, и нам тепло. Пасмурное небо стало светлеть, хотя на земле еще стояла плотная темнота. В это время услышали с

левой стороны бряцания котелков, фляг и другой военной амуниции. Капитан подал команду:

— Приготовить оружие и лежать неподвижно до моей команды.

Немцы, перевалив через гребень склона, двинулись в углубление, где лежали мы. Они, видимо, прошли большое расстояние по глубокому снегу и устали. На плечах тяжелая ноша: ранцы, оружие, боеприпасы, котелки.

Впереди офицер, рядом — несколько унтер-офицеров и около 30 солдат.

Тревожно забилося сердце. Приподняв край плащ-палатки, с тревогой ждал команды капитана. А немцы все ближе и ближе. С трудом переставляют ноги в глубоком снегу и о чем-то негромко говорят, показывают руками в сторону наших убитых солдат. Офицер остановился. Солдаты подставили ему ящик с боеприпасами. Он сел. Его примеру последовали остальные. Кое-кто прилег на снег. Закурили. Один фашист подошел к засыпанному снегом убитому нашему солдату и ударил кованым сапогом окоченевшее тело. Что-то сказал. Засмеялись.

Немец приблизился к нам. И опять сапогом бил убитого солдата, норовя попасть по лицу. Затем повернул в сторону, где тоже лежали убитые. Постучал по замерзшим трупам, возвратился к своим и разлегся на снегу.

В этот момент прозвучала команда капитана. Мы вскочили и открыли огонь. Немцам могло показаться, что на них двинулись убитые. Они оцепенели от неожиданности, растерялись. Офицер свалился с ящика на спину и не мог подняться. Те, кто лежали, на четвереньках уползали от нас, а те, кто еще стояли, сделали по несколько шагов и упали в снег. Они от растерянности забыли об оружии. Дикое мычание и какой-то хрип были слышны с их стороны. Охватив группу с трех сторон, мы по команде «Огонь!» открыли в упор прицельную стрельбу из автоматов и в течение неполной минуты уничтожили врагов. Когда прекратилась стрельба, среди убитых стоял на коленях молодой солдат, раненый в лицо. Без каски. Глаза вышли из орбит, широко раскрытым ртом хватал морозный воздух. Он крестом сложил руки на груди и неустанно повторял:

— Майн гот, майн гот.

Капитан обратился к нему, но он и не слышал, и не видел. Из всей группы остался этот молящийся юноша. Остальные были убиты.

— Если выживет, — сказал капитан, — будет рассказывать, что здесь и мертвые стреляют.

Пополнив за счет немцев боеприпасы, мы двинулись к балке Широкой.

Андрей Нежданов:

На окраине г. Петровское ранен в левый плечевой сустав и правую кисть. Под покровом ночи дополз к дому, где вместе с другими ранеными спустился в какой-то сухой колодец. Около недели пришлось пребывать в этом колодце, а потом в подвале разбитого дома.

Очнулся в очередной раз и увидел, что один раненый убит. Убит и второй, Лушников из Алтайского края, тоже, видимо, был убит немцами. Меня, наверное, посчитали мертвым, не стали тратить пулю.

Я снова потерял сознание.

Василий Иванов:

Когда был бой конников в поселке Юлино, я, Бурмистров С. Н., Шейко А. А. с поля боя выносили раненных советских воинов, размещали по ближайшим квартирам. Нам помогали подростки и женщины. Ночью открыли совхозный амбар с ячменем и разнесли зерно по квартирам, у кого оставили раненых. Фашисты повесили объявления: «Кто будет спасать раненых, тех уничтожим». Но наши люди угрозы фашистов не боялись, укрывали советских воинов.

Потери 263 артдивизиона 7 кавкорпуса.

23 февраля 1943 г. убиты в Юлино:

Рогов Иван Егорович. Повозочный. 1919 г. р. Деревня Пестовская Московской обл.

Бронников Фрол Иванович. Кузнец ковочный. 1915 г. р. Иркутская обл.

Михаил Борисов:

23 февраля, в день 25-летия Советской Армии, конники прорвали оборону противника в районе Малониколаевки. Башкирская дивизия захватила несколько орудий и продвинулась вперед. Но нам не хватило ночи. Противник сумел оправиться и перешел в контратаку при поддержке танков. Завязался бой. Конники сражались с невиданным упорством. В этом бою пали смертью героев заместитель командира корпуса гвардии генерал-майор С. И. Дудко, командир Башкирской дивизии гвардии генерал-майор М. М. Шаймуратов и другие офицеры. В этом же бою тяжело ранен и я.

Высокое воинское мастерство проявил здесь командир дивизии полковник И. Т. Чаленко. Он принял на себя командование и повел части на прорыв. В этом бою отличился также полковник И. И. Голенин и другие офицеры. Оборону противника прорвали, и конники присоединились к своим войскам.

Иван Родин:

Немец упорно сопротивлялся. Каменные дома использовал как укрытия. Бой длился до 16 часов. Немцы пытались выбить нас из конюшен. Неоднократно атаковали, хотели вернуть себе свои 400 лошадей, но это им не удавалось. Они открыли артиллерийский огонь по конюшням. Одна из них загорелась. При штурме конюшен немцы потеряли до ста человек. В течение дня я находился в конюшнях. Трижды ранен.

Михаил Бондаренко:

23 февраля в районе поселка Штеровка погиб заместитель командира 7 гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор С. И. Дудко. В первые дни войны С. И. Дудко ушел на фронт, был в окружении, из которого благополучно вывел боеспособную дивизию, за что был награжден вторым орденом Ленина. Его дивизия принимала участие в боях под Москвой и Сталинградом.

Дудко родился в 1898 году в Сумской области. С 12 лет ушел из дому в поисках заработка. Некоторое время работал в портняжной мастерской. Затем приехал к дяде в Донбасс и вместе с ним работал на шахте. Был гвардейцем первого Луганского социалистического отряда под командованием К. Е. Ворошилова. За храбрость Степан Иванович награжден орденом Красного Знамени. Свою жизнь он навсегда связал с Красной Армией, стал кадровым командиром.

Иван Родин:

В 16 часов я получил приказ отойти на исходные позиции и присоединиться к своим войскам.

Мы взорвали немецкие орудия и отошли.

Михаил Бондаренко:

23 февраля дивизия находилась на высоте с отметкой 240,8 недалеко от Малониколасвки.

Случилось так, что наша 14 гвардейская кавалерийская диви-

зия не могла пробиться на соединение с основными войсками, пришлось занять круговую оборону.

В течение дня мы отбили 8 атак. В пылу боя к нам перебежал поляк в немецкой форме. С собой он притащил пулемет и два ящика патронов. Попросил разрешения вступить в бой против фашистов. Командир дивизии гвардии генерал-майор Якунин Николай Петрович разрешил. Так в наших рядах появился поляк в немецкой форме, который очень стойко сражался. Не один десяток атакующих нас фашистов остался на той высоте, которых сразил польский пулеметчик. С нами в дивизии он сражался до конца войны.

Иван Родин:

В 17 часов командир 15 кавдивизии Чаленко И. Т. приказал прорвать оборону противника и соединиться со своими войсками, которые находились возле Малониколаевки.

Немец озверел. Из всех сил старался уничтожить корпус. По дороге из Ивановки к Малониколаевке противник подбрасывал на автомобилях живую силу. На наших глазах на расстоянии 300 – 400 метров немцы высаживались и шли на нас цепью. Но никто из них до нас дойти не мог. Это повторялось до конца дня.

В этих боях мы потеряли своих командиров, товарищей Сабурова И. Д., Шаймуратова М. М., Карпушенко А. А.

А. Федоров:

В районе г. Петровское при попытке перейти фронт погибли и мои товарищи подполковник Гуленков, майор Баско. Небольшие группы, отрезанные танками, задержались в тылу у немцев, ведя огонь. Наша группа (12 человек) четыре раза пыталась перейти фронт, но безуспешно.

Михаил Сергеев:

Отбита очередная атака. Израсходован последний диск. Задание выполнено! Дивизия выходит из рейда...

Лежу тихо, по уши зарывшись в снег. Позади остались дымящиеся развалины деревушки Юлино. А совсем рядом, вот она, широкая магистраль. И кто только ее выдумал! Удобно на высотке устроился фашистский пулеметчик! С бугра дорога видна как на ладони. Даже сейчас, когда уже совсем стемнело. Ночная тьма испуганно бежала от ярких всплесков ракет.

Петр Соляренко:

Долго бродил по занесенному февральской метелью лесу. Искал партизан. Не встретились. А когда добрался почти через месяц до родного села Кременевки, свиделся с уже не ждавшими меня родными, сразу же спросил:

— Партизаны поблизости есть?

Партизан в этом районе не было. Но не мирилась душа с неволей. Нет-нет, да и вспыхивал кое-где стог собранного оккупантами сена, выходил из строя трактор. Как мог, вредил гитлеровцам.

Владимир Шувькин:

23 февраля в заснеженном поле к северу от поселка Ивановки полегло немало наших воинов. Мне довелось видеть это скорбное поле, павших солдат с автоматами без патронов, зверски добитых раненных, молоденьких девушек-медсестер, прикрывших их своими телами. Фашистские изверги настигли здесь санитарный обоз и никого не оставили в живых.

Михаил Сергеев:

По шоссе непрерывно курсировали два танка с крестами. И горе было тому, кто рисковал ступить на шоссе. Но это был единственный путь к линии фронта. Единственный! Шипя, медленно разваливалась ракета. Осторожно привстал на колено, и... будто крылья выросли за спиной. В три прыжка перемахнул шоссе и тяжело рухнул в кювет. Успел только заметить, что дорогу перебежал не один.

Затахтел пулемет. Крик, стоны... Повезло не всем. Осмотрелся. В нескольких местах шевелился снег. Полегчало: не один.

За голенищем нашупал пистолет. Решил пересчитать оставшиеся патроны, вытащил обойму. И впервые за все тяжелые дни рейда испугался, испугался по-настоящему. Смотрел и не верил своим глазам: в обойме не было ни одного патрона. Даже последнего, самого заветного... Времени на раздумья мало. Приподнявшись над снежным покровом, увидел немцев. Первые несколько сот метров прополз относительно легко. Но затем тяжесть навалилась на тело.

Михаил Бондаренко:

Наступили сумерки. Генерал Якунин отдал приказ начать прорыв. Создали группу прорыва на Елизаветовку, группу уничтожения танкового заслона, группу прикрытия. Документы зарыли, зашифровали.

ные документы уничтожили. В 22 часа команда генерала: «Вперед!» Все пришло в движение. К 4 часам колонна 14 гвардейской кавалерийской дивизии была в Елизаветовке, в которой находились в обороне части 1 гвардейского мехкорпуса под командованием генерал-лейтенанта Руссиянова. Обстоятельства сложились так, что полку Романенко пришлось выходить из рейда самостоятельно. Его из Городища вел проводник Полехин Архип Карпович. Из всех подразделений корпуса этот полк вышел из рейда, почти полностью сохранив личный состав.

Анастасия Конько:

В феврале сорок третьего лейтенант отдельного дивизиона связи штаба кавалерийского корпуса Григорий Вьюхин ранен в живот и, потеряв сознание, остался лежать на поле боя в районе поселков Юлино-1 и Юлино-2, севернее Ивановки. Обнаружили Григория рядовые Туров Виктор и Рассказов, которые тоже были ранены, но не так тяжело. Двое суток скрывались от немцев в овраге. Хотя до линии фронта всего несколько километров, добраться до нее было очень рискованно. Решили передвигаться во вражеский тыл. Шли ночью, мучаясь от холода и голода. Лейтенанта на плащ-палатке тащили по снегу. Через шесть суток добрались на окраину маленького поселка (в районе юго-восточной окраины Красного Кута). В заброшенной шахтной штольне нашли свой первый приют, после многодневного пребывания на холоде штольня казалась уютной и теплой комнатой.

Потери 148 минометного полка 7 кавкорпуса.

23 февраля 1943 г. Убиты в Юлино:

Дубровский Михаил Алексеевич. Начальник штаба полка.

1911 г. р. Кировская обл.

Спиридонов Евгений Николаевич. Начальник связи 1 дивизиона.

1913 г. р. Деревня Давыдовка Московской обл.

Синьковский Сергей Евгеньевич. Командир 2 батареи. 1903 г. р. Москва. Пропал без вести.

Николай Кулик:

Новороссийск. Февральской ночью на Мысхакко высажен десант морской пехоты. Несмотря на превосходящие силы противника, десантники не отступили. Семь месяцев продолжалось это сражение.

Задача немецких войск сводилась к тому, чтобы любой ценой разгромить и сбросить советских бойцов в Черное море.

Михаил Сергеев:

...Сколько прошло времени? Час? Два? А может быть, всего несколько минут? Я не знал. Только сил уже оставалось совсем мало. Одеревенели ноги, руки. Сказалась голодовка последних дней. А немцы, как клещи вцепились в измученную группу. За вспышкой ракеты следовали автоматные очереди. Новая вспышка — новые очереди. И как назло на гладком поле — ни кустика... Рядом кто-то вскрикнул:

— Ногу задели, сволочи!

— Терпи. Осталось немного. Давай помогу.

Сколько осталось, не знал и сам. А силы уходили с каждым метром. Закружилась голова. В глазах замелькали красные зайчики. Нельзя допускать слабость. «Встану! Хоть на ногах встречу смерть». Качаясь, приподнялся на снежной целине. И, видимо, счастливая звезда меня оберегла. Немец промахнулся. Но за те короткие секунды словно влились в меня силы. Смерть прошла мимо. И снова полз. Ведь скоро рассвет. И тогда перестреляют, как куропаток. Ясность вернулась, когда голова уперлась в дерево. Неужели лес? Он. Вот он, спаситель. Прополз несколько метров и замер, не в силах сделать ни одного движения. Немцы в лес не пошли. Отдышавшись, приподнялся. Ноги одеревенели. Глянул на них, и глазам своим не верю: носки сапог стерты так, что видны портянки.

Оперся на ствол, попытался встать. В предрассветной мгле четко вырисовывались контуры деревьев. Ночь отступала...

И. Ковалев:

В результате действий кавалерийского корпуса перерезаны важнейшие коммуникации противника в районах Коммунарск — Дебальцево — Фашевка — Красный Кут.

За 20 дней и ночей рейда в тылу противника корпус разрушил 6 железнодорожных узлов, взорвал три железнодорожных моста, водокачку, снабжавшую водой Дебальцево, уничтожил 16 эшелонов с боевой техникой, боеприпасами и продовольствием. В этих боях также был разгромлен штаб 62 пехотной дивизии, убито и ранено около 12 тысяч солдат и офицеров. Из фашистской неволи мы освободили около полутора тысяч военнопленных и гражданского населения. В боях подбито два бронепоезда, 28 танков, 60 орудий, 35 минометов, 54 пулемета, 152 автомашины, около 3 тысяч винтовок.

Но тяжелые потери понесли и кавалеристы. Пали смертью героев заместитель командира корпуса генерал С. И. Дудко, начальник штаба корпуса И. Д. Сабуров, генерал М. М. Шаймуратов.

Неоценимую помощь конникам оказывало население в питании и уходе за ранеными. Партизанский отряд Пискунова присоединился к корпусу и действовал вместе с нами.

Дмитрий Станкевский:

24 февраля командир корпуса был в нашей дивизии. Он привез мне генеральские погоны. Мы долго рассматривали их. Погоны у нас тогда только вводились. Через несколько дней генерал Шевардин снова приехал в дивизию. От имени Президиума Верховного Совета СССР он вручил мне орден Красного Знамени, которым я был награжден за участие в боях в большой излучине Дона.

Александра Шукина:

Наш сосед Чичиков Фома помог двумстам солдатам перейти через линию фронта. У нас остались 4 тяжелораненых и 18 человек с ранениями средней тяжести.

Юлия Бергер:

После ухода конников в Юлино осталось много раненых. На чердаке моего дома скрывался раненый подполковник. Фамилию его не помню. В моем доме под видом молодожёнов скрывались Аксёнова Рая и патриот из Чернухино Мищенко Михаил. Скрывался у меня и подросток из Грабовского хутора Миша.

Оказывала помощь и мальчику Жигалову из Красного Кута, который пришёл в Юлино вместе с конниками.

Анастасия Конько:

Первая попытки связаться с местным населением, чтобы раздобыть еду и лекарства, закончилась трагически: боец Рассказов попал в руки фашистов и был расстрелян. Через некоторое время группе Вьюхина все же удалось связаться со мной. Удалось достать марганец для промывания ран, оказать бойцам медицинскую помощь.

Надежда Карпова:

Ночью помогали старшим перевозить раненых, устраивали их у надежных людей. Моя мама Карпова Варвара Алексеевна и брат Михаил со своим другом вывозили из балки раненых. Одного раненого привезли к Томильцевой. Через три дня он скончался. Второго раненого привезли к Колесник Паше.

Мария Игнатьева:

Нас, троих девушек, привели в Ивановку. Переночевали в конюшне. Очевидно, это была школа, которую немцы превратили в конюшню. Утром погнали на станцию Штеровка. Меня завели в кузницу. Дали тряпку, ведро с водой, приказали мыть пол. Я стою, не знаю, что делать, за что браться. Окна побиты, холод. В окно влетела записка. Читаю: «Девушка, сейчас придут два хлопца, не бойся, иди за ними». Через несколько минут заходят (как я потом узнала) Володя Омельченко и Петя Плужник и говорят:

— Пойдем!

Я иду за ними. Привели меня в дом Володи Омельченко. Дали мне одежду мамы Володи. Переоделась. Говорят:

— Становись у плиты, вари борщ.

Ушли. Я одна. Прошло несколько минут. Заходят немцы, спрашивают:

— Метхен... русише... плен...

Спрашивают пленную русскую девушку. Я пожала плечами:

— Не знаю. Не понимаю.

И так приходили три раза. Вечером собралась семья Омельченко. Рассказали, что по всей Штеровке немцы ищут пленную русскую девушку (то есть меня), сбежавшую из кузницы.

Потери 148 минометного полка 7 кавкорпуса.

24 февраля 1943 г Убиты в Юлино:

Синица Иван Николаевич. Командир первого дивизиона. 1915 г. р. с. Хрестиновка Киевской обл.

Агеев Михаил Александрович. Командир взвода 1 батареи. 1919 г. р. Горьковская обл.

Александра Щукина:

Немцы находились на высоте, и наша колония хорошо просматривалась. Поэтому днем передвигаться было нельзя. Ночью рубили дрова, носили воду, топили печку и готовили кушать. Солдаты сделали ступку, в которой толкли зерна кукурузы, пшеницы, ячменя, перерабатывая, таким образом, на муку и крупу. Мяса не было. В сарае находились шесть лошадей. Бойцы решили забить молоденькую лошадь на еду. Это сделали ночью. Мясо закопали в снег. Понемногу брали, и мама готовила еду. Лошадей поили и кормили ночью. Так прошла неделя.

И. Лебедев:

Штаб нашей дивизии располагался в одной из балок в районе Красной Поляны. Совсем близко от села.

На батарею младшего лейтенанта Курмачева двигались вражеские танки. Но не дрогнули артиллеристы. По команде своего командира они открыли меткий огонь.

Вот загорелся один танк, вскоре за ним вспыхнул и второй. Но танки шли, а артиллеристы не отходили от своих орудий. Снаряд за снарядом посылали они по вражеской броне. Подбита еще одна машина. Нервы вражеских танкистов не выдержали. Враг повернул обратно. Атака отбита.

Александра Щукина:

Однажды днем кони начали ржать. Стали думать, как их напоить. Сарай находился под одной крышей с хатой. И я сказала, что эту работу придется выполнить только мне, взрослых заметят немцы, пустят в дом снаряд и всех накроют.

Вооружившись молитвами, они у меня были записаны, я побежала с ведрами к колодцу, набрала воды и быстро пошла в хату. Из окна за мною следили плачущая мама и все бойцы. Напоили только двух лошадей. Они перестали ржать. Побежала второй раз, и все обошлось удачно. Лошади пили с такой жадностью, что в ведре не оставалось ни капли воды. Побежала в третий раз. Когда дошла до колодца, по мне открыли огонь из пулемета.

Но ни одна пуля не попала. Лошадей напоили, и они спокойно ели стебли кукурузы. Потребовалось принести воды людям. Перекрестившись, я снова пошла. До колодца метров 50, не больше. Немцы заметили меня. И опять застрочил пулемет. Но я не отступила. Пули свистели вокруг меня. Пробивали колодец. Вонзались в снег, но в меня ни одна не попала. С полными ведрами воды я благополучно вошла в хату. Мама плакала, обнимая меня, бойцы подбадривали и говорили:

— Шура, как Гаврош, не боится, молодец!

И подшучивали надо мной:

— Ну, что, еще пойдешь?

— Больше рисковать нельзя, убьют!

Солдаты шутили со мной, называли «Гаврош», а я смеялась от счастья, что вражеская пуля не сразила меня и даже не зацепила. Значит, мне суждено жить. Я и тогда верила в судьбу. И вот я осталась и жива, и невредима.

Потери 263 артдивизиона 7 кавкорпуса.

24 февраля 1943 г. Убиты в Юлино:

Самойлов Иван Филиппович. Повозочный. 1908 г. р. Рязанская область.

Постыка Алексей Трофимович. Командир отделения разведки. 1920 г. р. Сталинградская обл.

Зилотин Михаил Григорьевич. Телефонист. 1920 г. р. Московская область.

Гусев Александр Павлович. Ездовой. 1923 г. р. Родные живут в Московской области.

Киргизбаев Сатвалда. Повозочный. 1910 г. р. Узбекская ССР.

Прусаков Яков Александрович. Старшина. Разведчик. 1913 г. р. г. Тутаев Ярославской области.

Новиков Николай Николаевич. Телефонист. 1923 г. р. Ивановская область.

Уваров Михаил Николаевич. Телефонист. 1922 г. р. Москва, Мытищинская 13, кв. 24.

Шеремет Сергей Алекс. Орудийный. 1923 г. р. д. Тоблин, Белоруссия.

Шагов Анатолий Ильич. Орудийный. 1923 г. р. Москва, Б. Переяславская, 51, кв. 6. Мать Софья Андреевна.

Тутыгин Иван Кузьмич. Старший телефонист. 1923 г. р. Ногинск. Московской область.

Милюков Сергей Иванович. Старший телефонист. 1922 г. р. Ивановская область.

Гулюкин Тихон Филиппович. Разведчик-наблюдатель. Тульская область.

Муминов Эрназар. Старший телефонист. 1915 г. р. Самаркандская область.

Атабаев Абдурахман. Повозочный. 1922 г. р. Андижанская область.

Смирнов Павел Кириллович. Повозочный. 1922 г. р. Калининская область. Пропал без вести.

Ольга Хорохордина:

Работала на старой шахте № 16. Была навалоотбойщиком — заменила мужа, ушедшего на фронт.

Зимой, когда в Красном Луче хозяйничали фашисты, мы с подругой Е. И. Медведевой взяли санки и мешки и отправились по окрестным селам менять вещи на хлеб и другие продукты. В районе стан-

ции Штеровки и села Ивановки заблудились. Опустился туман, быстро сгущались сумерки, и было непонятно, куда идти. Пошли наугад. Заметили огонек. Дом показался большущим. Решили попроситься погреться, постучали, а потом подумали, а что если здесь фашисты? Отозвались русские.

— Заходите, но мы заперты с улицы. Открывайте и заходите.

Раскрутила проволоку, зашли в помещение. На железной бочке горела коптилка. Нас обступили измученные и голодные советские солдаты, накануне во время боя попавшие в плен. Они расспрашивали, где фронт, как можно пробраться к своим. Мы сказали, что можем провести. Все девятнадцать военнопленных пошли за нами. Нужно было торопиться уйти как можно дальше, пока не хватились фашисты. Обошли уже Марусин разъезд, приблизились к Кульбакино, как вдруг застучал пулемет. Попадали в снег и поползли. На ноги поднялись, когда поняли, что находимся в безопасности. Благополучно миновали Ростовское шоссе, шахту № 16 и вышли к шахте № 17-бис. У нашего дома остановились передохнуть. Я разбудила отца. Старик согласился помочь. В стороне остался холодильник. Перешли совхозный сад. До наших передовых позиций, проходивших по балке, неподалеку от села Боково-Платово, оставалось километра два-три. Дальше бойцы пошли сами. Мы долго стояли — слушали тишину. Ни одного выстрела. Значит, перешли благополучно.

Надежда Карпова:

Прибежал домой брат Миша и говорит:

— Скорее приготовьте одежду.

Мама понесла одежду в балку. Там помогли переодеться двум раненым.

Александра Щукина:

Вьюга продолжала бушевать. Вечером солдаты стали решать, что делать дальше, ибо оставаться им здесь больше нельзя. Мама посоветовала забрать лошадей и идти в Петровское, а там попроситься в какую-нибудь хату.

— На окраине немцев нет. Люди приютят вас. А потом решите, как действовать дальше.

У них не было в запасе ни одного патрона, но ни один не оставил свою винтовку. Все забрали свое оружие с собой. Подкрепившись на дорогу, все, кто мог идти, ночью ушли. У нас осталось четверо бойцов, которые не могли передвигаться.

Василий Дианов:

На Псковской земле зимой 1943 г. при форсировании реки Ловать в двадцать лет был ранен и попал в госпиталь.

Степан Шевцов:

В течение 24 февраля в балке Широкая собирались остатки частей, раненые, которые могли двигаться и штабы разных частей. Весь день мы отбивались от немцев, создавали новые отряды и ожидали ночи, чтобы опять двинуться на прорыв и соединение со своими. Вечером капитан Синица, лейтенанты Ларин и Кузнецов, политрук Петухов, комсорг дивизиона Весенев возглавили за день сформированные отряды и были готовы к прорыву. Капитан сказал:

— Младший лейтенант! Когда мы шли сюда, ты был впереди. Теперь, когда уходим, будешь последним. Подбери себе десяток солдат, займи оборону и прикрой наш выход. И пусть удача не покидает тебя и на этот раз.

Когда отряды двинулись на прорыв, сердце больно сжалось: удастся ли нашей небольшой группе выполнить приказ, а затем и вырваться из смертельного кольца.

Приказ надо выполнять. Солдат я расположил в обороне, выбрав удобные позиции. Когда немцы увязались за нашими отрядами, преследуя их, моя группа открыла огонь из немецких пулеметов и автоматов, которые имеют своеобразный бой. Немцы в недоумении, почему по ним бьют свои, стали громко кричать, пускать зеленые ракеты, предупреждали, что они свои, немцы. И после короткого перерыва вновь двинулись вперед. И опять наш сильный огонь остановил их. И они поняли, с кем имеют дело, и стали окружать нас.

А наши отряды уходили все дальше и дальше. Звуки боя еле доносились до нас. Нам можно было сниматься с обороны и догонять их. Но немцы обрушили на нас такой силы огонь, что не было возможности двигаться за своими. Я решил, что следует двигаться в обратном направлении, где еще не было немцев, обойти окружение, соединиться со своими. Мы двинулись по небольшой ложине.

Александра Щукина:

Утром посмотрели вокруг хаты. Следы занесло снегом. Мы постоянно следили за окнами, боялись немцев. Знали, если они придут, то всех расстреляют. Я увидела в окно, что к нам идет посыльный старосты Скориченко. Мама оделась и вышла во двор. Он ей сказал:

— Всем завтра выйти на снегоборьбу на колонию Юлино с лопатами.

— Я еще слаба после болезни. Без палки ходить не могу.

— Надо пойти обязательно, — сказала я маме, — чтобы узнать, о чем там будут говорить.

Надежда Карпова:

Колесник П. пришла и говорит:

— У раненого высокая температура, все время бредит.

Я сообщила об этом Шейко Александру Андреевичу. Он послал меня к главврачу Грабарь Софье Степановне. Она нам сказала, чтобы привезли раненого в больницу.

Когда раненый пришел в сознание, мы узнали, что его зовут Мишанин Владимир Тимофеевич, что он из Тамбовской области. Я помогла Колесник П. переодеть Мишанина В. Т. Уложили на санки и повезли. А ему опять стало плохо. Бредил, кричал. Мы боялись, чтобы нас не увидели полицаи. Но довезли благополучно.

Александра Щукина:

Наутро, взяв лопату, вместе с соседями отправилась на колонию Юлино. Снег все сравнял, дорог не видно. Не было видно ни одного следа. Мы тонули в снегу, пока дошли до нужного места. Нас уже ожидал староста Семен Остапович и сразу указал, где нужно очистить дорогу от снега. Немцам из райцентра сюда невозможно добраться. Нас работало 30 человек. Толщина снежного покрова достигала метра. А очистить нужно было 3 км дороги. Ко мне подошел староста и сказал:

— Говорят, что у вас находятся советские бойцы.

Я смотрела ему прямо в глаза и сказала, что у нас никого нет. А он на меня как закричит:

— Как никого нет! А вот Карпинская говорит, что у вас раненые прячутся, и я вынужден послать к вам полицию для обыска! Передай матери, что я проверю, тогда не обижайтесь!

— У нас никого нет.

С большим волнением ждала окончания работы, украдкой даже плакала. Работали до 16 часов.

Домой возвратилась уставшая, мокрая, озябшая. Рассказала маме и бойцам. Они сделали выводы, что оставаться здесь очень опасно. Но куда деть тяжелораненых? Старший лейтенант лежал в постели нагим, бинтами перевязано все тело.

Анастасия Конько:

Во время облавы несколько эсэсовцев зашли во двор. Пока солдаты шастали по сараям, офицер присел на кучу дров посреди двора. Под дровами в укрытии, тщательно замаскированном, сидели Вьюхин и Туров, сжимая пистолет и винтовку. Бабушка и Мария очень переживали, но все обошлось.

Александра Щукина:

Рано утром меня мама послала в совхоз Петровского к знакомому Подопригоре дяде Сереже (это было в двух километрах от нас), чтобы я узнала обстановку и можно ли им направить раненых бойцов. Всю дорогу я бежала, и когда зашла в квартиру, и увидела дядю Сережу, который перевязывал раны дяде Грише (он был ранен разрывной пулей в ключицу). В постели лежали еще двое раненых. Он обрадовался моему появлению. Я рассказала дяде Сереже, что привело меня к нему.

— Направляй их всех сюда, я их вылечу.

Подопригора Сергей Егорович получил до войны специальность ветеринара. Мобилизован на фронт в 1941 г. А потом у него открылась язва желудка. Оперировали и списали с военного учета.

И. Лебедев:

Пехотинцы атаковали врага, засевшего на высоте. Минометный расчет подразделения старшего лейтенанта Порыгина, поддерживая огнем стрелков, выдвинулся на фланг атакующих. Оттуда они дали несколько выстрелов. В это время фашисты открыли огонь по минометчикам из пулеметов и автоматов. Им удалось ранить наводчика и командира орудия. Фрицы бросились к миномету. Красноармеец Каир Курмашев, увидев это, побежал фашистам навстречу. На несколько секунд ему удалось опередить врага. Прибежав к миномету первым, он залег около него, и дал по гитлеровцам очередь из автомата. Бросив своих раненых, фрицы побежали к балке. Оттуда они открыли по смельчаку огонь. Дважды пытались приблизиться к миномету, но оба раза откатывались назад. Врагу не удалось овладеть высотой.

Степан Шевцов:

Наши отряды под сильным огнем все же пробились к своим, но понесли большие потери. В этих боях между селениями Степное и

Малониколаевка в ночном бою был сражен капитан Василий Синица. Его похоронили в безымянной могиле со своими солдатами.

Александра Щукина:

Прибежала домой, обрадовала всех. Мама как раз готовила им кушать. Вдруг один солдат говорит:

— Братцы, немцы!

Бойцы, которые могли двигаться, оделись, забрали винтовки, ушли на чердак и запрятались в кукурузе, а тяжелораненные остались на своих местах. Фрицы окружили соседний дом и обыскивали его. Там никого не оказалось. Направились к нам. Окружили хату. Двое вошли и сразу пошли в зал. Никого не нашли и вернулись в кухню.

— Матка, киндер век, — и показали рукой в зал.

Я взяла на руки младшую сестренку и пошла в зал, а мама пошла вслед за немцами и сказала им:

— Пан, не стреляй их, они раненные, а ружья пустые!

Немец повернулся к маме, и прикладом винтовки ударил ее так, что она полетела в зал и упала. Мы закричали, подбежали к маме, подняли ее и усадили на стул. Потом я считала выстрелы. Их было четыре. Я держала Валю на руках, и при первом выстреле у меня подкосились ноги. Вонь пороха разнеслась по всей хате. В окно видно, как немцы пошли по дороге. Когда они скрылись, я сказала маме:

— Пойдем к Карасевым, там дядя (он был глухой), и нам не будет страшно.

Одев всех, я первая вышла в кухню. Боец, который лежал на кушетке с разорванной рукой, спросил:

— Шура, немцы ушли?

Еще один солдат спросил:

— Где немцы?

— Мама! Они живы, живы!

Я осмотрела всех. Старший лейтенант издавал последние вздохи. Он был убит в переносицу, а боец узбек, раненный в колено, лежал на полу с разорванной головой и окровавленными мозгами.

Мария Игнатьева:

Мне достали оккупационное удостоверение личности. С ним можно было надеяться, что меня уже не схватят. К тому времени фронт проходил на востоке от Ивановки. Однажды немцы погнали жителей рыть окопы. Попалась и я. Попыталась перейти линию фронта, но не удачно. Решила бороться с врагом здесь. У нас стихийно

создалась небольшая группа подпольщиков из местных комсомольцев. Они готовы были вступить в борьбу с врагом.

Потом мы узнали, что существует такая же группа И. А. Хробуста в Ивановской больнице. Его, как и многих советских бойцов, там укрывали патриоты.

Вскоре меня связали с Иваном Авксентьевичем Хробустом — лейтенантом корпусной разведки, который был ранен при выходе из рейда. Его подпольно лечил врач Ивановской больницы В. Н. Брагин.

После выздоровления Хробуст организовал в Ивановке подпольную группу. Я тоже вошла в нее.

Чем занималась наша группа? Мы собирали у населения одежду, продукты питания для раненых, распространяли листовки среди населения с призывом к борьбе против фашистов, собирали оружие, всячески вредили оккупантам.

Кроме советских воинов и местных патриотов, в нашей группе был немецкий солдат Вилли. Он разрешал нам слушать на немецкой радиостанции передачи Совинформбюро. Мы записывали их, размножали и распространяли эти листовки в Ивановке и Штеровке.

Ваня Хробуст советовал мне быть осторожной особенно при распространении листовок в Ивановке, где было много немцев.

Александра Щукина:

Оставаться в хате мы боялись. Потому пошли к Карасевым. Мама еле передвигалась. К Карасевым пришли еще две семьи. На улице стреляли.

Карасевы уложили маму в кровать. Она не могла говорить, только молча смотрела всем в глаза, дрожала и тихо плакала. У нее сильно болела голова. Но лекарства нет.

Александра Щукина:

Спать никто не мог, разговаривали все шепотом и смотрели в окно, не идут ли немцы. Наступили сумерки. Ночевали, сидя на стульях, прижавшись друг к другу. Мама вместе с Колей и Валею лежала на кровати. Из хаты никто не выходил. Так прошли сутки. Вечером к Карасевым пришел молодой человек, красивый, высокий, в рваной одежде и спросил:

— Здесь находится Щукина Мария Ефимовна из Воронежа? Я ее сын.

Мама еле встала и подошла к нему. Он сказал, что хочет с ней поговорить. Мы остались в кухне, и он тихонько целовал маму, как

сын. Действительно он чуть был похож на старшего брата Васю. Но он признался, что его зовут Леонид Звонарев, что он из Воронежа и оказался просто однофамильцем маминых родственников. Он просил маму дать ему хотя бы какой-нибудь документ, так как он попал в окружение, а немцы сообщили, чтобы все мужчины явились в комендатуру с документами. У нас было свидетельство о рождении брата, но мама ему дать не могла, так как оно находилось в нашей хате. Он просил, чтобы мама приняла его за сына. Немцы, мол, всех в плен возьмут, но он обещал маме, что оттуда все равно убежит и перейдет линию фронта и обязательно вернется к своим советским войскам.

Мама не могла с ним долго разговаривать: болела голова. Мне пришлось ему все рассказать, как немцы расстреляли наших бойцов. Только вот называть его Васей не смогла, он меня каждый раз поправлял. Он звал нас в нашу хату, но мы боялись возвратиться туда.

Пелагея Токарева:

Я узнала, что на чердаке разрушенного дома скрываются раненые солдаты. Понесла им еду. Так было три вечера. На четвертый день я никого там не нашла. Они ушли и оставили записку: «Большое спасибо. Больше приходить не надо. Мы ушли».

Александра Щукина:

Леня Звонарев пошел сам в нашу хату. Вынес убитых двух бойцов за хату, расстелил шинель, положил рядом обоих убитых, накрыл их второй шинелью и засыпал снегом. Все сам убрал. Натопил печь и пришел за нами. Мама еле передвигалась. Она не могла идти. Мне сказала, чтобы я принесла документы. Пришел посыльный из комендатуры. Сказал, чтобы все мужчины сегодня к 20 часам явились в комендатуру, с документами. Мама отдала Лене Звонареву свидетельство о рождении сына Васи, поделилась едой, и распрощались.

В свою хату идти ночевать боялись и остались у Карасевых.

Николай Колесников:

На Курской дуге батарея охраняла важный железнодорожный узел в городе Бахмач и железнодорожный мост, под которым проходил второй железнодорожный путь. Немецкое командование решило уничтожить этот важнейший стратегический объект. Фашисты направили сюда 300 самолетов. Зенитная установка, которой я командовал, уничтожила в этом бою два самолета противника.

Александра Щукина:

Утром снова начали стрелять. Потом все стихло. Мама послала в хату принести чемодан. Мария, я и Коля вышли за угол хаты Карасевых. Немцы начали нас обстреливать. Пули свистели над головами. Мы вернулись. Через несколько минут в хату вошли немцы и стали показывать пальцами, что сюда забежали три русских солдата. Немцы делали обыск в комнатах, коридорах и показывали руками: «Найдут русских солдат, всем капут — и matka и киндер». Везде заглядывали, лазали на чердак, но никого не нашли. Я говорила:

— Это они нас обстреляли и приняли за солдат.

Тетя Карасева им пояснила, что это были мы, показала на наши головы, что мы бежали в свою хату. Они согласились, поверили и ушли. В этот день мы уже не рисковали идти в свою хату. Наблюдая за улицей несколько часов, убедились, что никого не было.

А. Федоров:

Нас, раненых, с обмороженными конечностями, жители хутора переправили в больницу.

Гитлеровцы забрали нескольких солдат и офицеров из больницы. Главному врачу Софье Степановне Грабарь все же удалось скрыть и оставить в больнице тяжело раненных и обмороженных семь человек. В больнице в то время никаких медикаментов не было. Мы лежали с открытыми ранами. Сотрудники больницы знали, кто мы, однако выдавали нас за тяжелобольных местных жителей. Когда приходили немцы, нас переводили в тифозную палату. Туда они боялись показываться. О нас заботились главврач Грабарь София Степановна, работницы больницы Дегтярева Л. П., Токарева Наталья, Токарева Поля, Токарева Шура, Лушина А. И., Подберезная М. Е.

Анатолий Коробкин:

25 февраля 1943 года приняли воинскую присягу. Нас перевели в Коцурбовку, на шахту Ворошилова. На буграх проводились тактические занятия, стрельба из минометов, винтовок, автоматов, метание гранат.

Александра Щукина:

Наутро я пошла в хату с ведром. Сразу в колодце набрала воды и вошла в хату, где находилось еще шесть бойцов. Попросила, чтобы

они не подходили к окнам, не выглядывали из чердака, пока мы будем у Карасевых.

— Как только мама приготовит обед, я вам его принесу.

Так прожили еще неделю. Я приходила за продуктами и водой, а мама готовила кушать. Поставит в ведро кастрюлю с едой, положит ложки и вилки, и я пошла в хату. Захожу, отдаю обед, потом иду за водой и возвращаюсь к Карасевым. Однажды один боец говорит:

— Шура, принесешь в следующий раз еще одну ложку и вилку.

— Кто-то еще добавил?

— Так надо.

Николай Власов:

В конце февраля у села Будамонастырское мы с семьей добровольцами, взяв с собой два пулемета и по десятку гранат, метельной ночью ползком приблизились почти вплотную к вражеским траншеям. Окопались в снегу и стали вести наблюдение, ожидая атаку нашей пехоты, чтобы поддержать ее своим огнем. Может показаться неправдоподобной легкостью, с которой нам удалось подползти к гитлеровцам, если не учесть одно обстоятельство... окопались-то мы на речке Жиздре, разделявшей позиции врага и наши. Достаточно было себя обнаружить, чтобы стать приманкой для рыбы. Исчезла бы тогда и внезапность атаки. Немцы не ожидали от нас такой дерзости. Это и облегчило выполнение первой половины задачи. Но наступление почему-то задерживалось. Да к тому же внезапно потеплело: снег под нами стал подтаивать. К счастью, вскоре снова завьюжило... Да, нужно было обладать большой выдержкой и умением, чтобы, находясь трое суток под самым носом у немцев, не выдать своего присутствия. Когда после артподготовки в наступление пошла пехота, в лицо атакующим брызнули струи трассирующих пуль; путь пехоте преградил хитро замаскированный вражеский пулемет. Его удалось подавить и обеспечить успешное продвижение дальше. За эту операцию я получил свою первую награду — медаль «За отвагу». Получили награды и мои бойцы В. Винокуров, В. Кочетков.

Александра Щукина:

Я увидела в хате новенького — заросшего черной бородой.

— Шура, не пугайся, я свой, живу вместе с солдатами на чердаке. А у меня подмороженные ноги, и они очень болят.

Он рассказал, что он из Ростова-на-Дону, родителей и его семью немцы расстреляли. Достал из кармана фото и сказал:

— Возьми и сохрани, а после войны я приеду и заберу ее.

С фото — красивая женщина с мальчиком и он сам.

— Я — Милованов Сергей Иванович, подполковник, а для конспирации зови меня Александр Сергеевич, как Пушкина, поняла?

Я кивнула головой.

— Партбилет и другие документы спрятал под Ивановкой. Если бы ты смогла пройти туда забрать это все и сохранить. Я тебе нарисую план, где я их закопал.

— Я в этой местности совсем не ориентируюсь, выполнить это поручение не смогу, — ответила ему. — Вам всем надо уйти от нас. Вы же знаете, что двух бойцов немцы уже расстреляли.

Он мне отдал карманные часы с разбитым стеклом, мол, они пригодятся, и попросил меня, чтобы я обязательно привела сюда маму. Я пояснила ему, что мама больная, еле двигается, и придти сейчас не сможет. Он настаивал, чтобы она срочно пришла. Ему она очень нужна. И я вновь ушла к Карасевым. Мама сразу все поняла и сказала, что надо ему немедленно оказать медицинскую помощь.

Она приготовила ужин, и мы вместе пошли в свою хату.

Надежда Карпова:

Пришла к нам Пугачева П. И. и говорит моей маме:

— Тетя Варя, пойдем со мной. Была в балке и увидела раненого, помогите его довести.

Он был ранен в скулу на вылет. Из 5 человек он остался один. Остальные убиты. Спасался в балке. Когда мы его привезли, он был в тяжелом состоянии. Его переодели, обмыли, мама принесла молока, но ему нельзя было есть. Напоили молоком из маленькой ложки.

Александра Щукина:

На улице темно и тихо. Милованов просил маму связать его с партизанами. Но мы тогда о них ничего не знали. Он попросил одежду, ибо в форме подполковника ему выйти на улицу нельзя.

Утром я отнесла им завтрак. Набрала воды, и когда все покушали, ушла к Карасевым. Через несколько минут мама снова послала за водой. Вдруг выходит соседка Карпинская и начала кричать, что у нас по-прежнему живут солдаты.

— Я сама видала, как они ходят по хате, и ты носишь им кушать. Вот и сейчас несешь им. Вот переверни свое ведро!

Я перевернула. Оно оказалось пустым. Так она меня встречала три раза. Но, наверное, моя звезда оберегала меня. Всегда я шла с

пустым ведром, когда она выходила проверять ведро. Она говорила, что из-за нас их всех немцы постреляют.

И. Лебедев:

Их было десять. Перейдя ночью линию фронта, на рассвете вышли к селу, занятому фашистами. У самой окраины командир отделения разведки старший сержант Мясоедов увидел сидевших в засаде фрицев. Решили атаковать их. Бесшумно подобравшись к окопам, обрушили на гитлеровцев всю силу автоматного огня. Фрицы опешили и бросились бежать. В этом налете убили 32 фашиста и захватили 2 пулемета.

Пелагея Токарева:

Многие наши солдаты и офицеры, раненые или обмороженные остались в морозной, заснеженной степи, в наших донецких балках. Но погибли не все. Некоторых нам удалось спасти. Их разместили в домах, окружили теплом и заботой и с помощью главного врача местной больницы Софьи Степановны Грабарь, медработниц М. Е. Подберезной и Л. П. Дегтяревой, рисковавших собой и помогавших своим умением и медикаментами, в конце концов, поставили на ноги, хотя сделать все это было невероятно трудно и опасно.

Александра Щукина:

Началась оттепель. Двое бойцов решили уйти. Взяв винтовки, они поползли в сторону колхоза Петровского. Им нужно было пройти через глубокую балку. Мы долго смотрели на дорогу и оплакивали их следы.

Вернувшись в хату, стали думать, как теперь нам перебраться. Да еще нужно определить двух бойцов, один из которых ранее прополз всю колонию Юлино, и никто ему не открыл дверь, все направляли его к нам. Ползи, мол, к Щукиным, там госпиталь, помогут.

Борис Стремиллов:

В феврале советские войска овладели Антрацитом, бои шли в районе Малониколаевки, а Красный Луч все еще удерживали немцы. Те же Осипов и Бороденко продолжали выделять людей на окопы в помощь немцам. Попала в эти списки и моя мать. И только потому, что она взяла на воспитание оставленного младенца, ее не стали гонять на окопы.

Александра Щукина:

Снег начал понемногу оседать, и из него выглядывали убитые лошади. Люди голодали. Из поселков, сел и хуторов голодающие шли с саночками рубить мерзлую конину. Однажды я увидела двух женщин с саночками. Они спросили у меня:

— Где здесь убитые лошади?

Я показала и рассказала о раненых бойцах. Очень просила забрать и увезти их к себе домой, а потом прийти за кониной:

— Лошадей убитых много и вы успеете сегодня еще нарубить мяса, — просила женщин, умываясь слезами. — Ведь немцы могут в любую минуту расстрелять их.

— Давай скорее, пока туман не рассеялся.

Женщины усадили их на саночки, надели им на головы мешки, и повезли в совхоз Петровского. Это произошло так быстро, что я даже забыла спросить их фамилии и где они живут.

В. Ведерникова:

Фурсов Иван Кондратьевич работал до войны инженером на заводе. Немцы схватили его и бросили в концентрационный лагерь, который находился на шахте 17/17-бис.

Через некоторое время группу узников повели на казнь. Когда Иван Кондратьевич понял, что это его последний путь, решил попытать счастья. Он побегал, но, сраженный пулей, упал наземь. Его тело и тела других патриотов фашисты сбросили в ствол шахты № 151.

Александра Щукина:

Мама сказала, чтобы завтра на работу я не шла, а с Машей на чердаке надо перебрать кукурузные стебли, переложить их на другую сторону. Для того, чтобы проверить, не оставили ли солдаты винтовки или что-нибудь еще. Не дай Бог, будет обыск, и полиция что-нибудь найдет, нас всех перестреляют. Утром мы с Машей отправились на чердак. Работали быстро и осторожно. Вилами накалывали стебли кукурузы и переносили на другую сторону. Вдруг кто-то кашлянул. Мы испугались. Мгновенно сбежали с чердака. Мама пошла на чердак и тут же вернулась с подполковником Миловановым.

— Вам надо немедленно уйти, иначе погибнете и нас погубите.

Милованов отдал маме наган, попросил спрятать, а сам стал собираться в дорогу. Мама вышла в коридор и закопала наган в яму. В это утро был сильный туман. На расстоянии трех метров ничего не

было видно. Мама, рискуя жизнью и жизнями четырех детей, сложила в мешок военную одежду подполковника, повела его в Петровское к Подопригоре С. Е. Как только мама с Миловановым ушли из дому, пришли немцы. Обыскали все, но никого не нашли.

Виктор Малкин:

«...Крошечка моя, я так хочу тебе помогать во всем, ты же знаешь, как я люблю детей и умею заботиться... Я рад имени дочурки, оно понравилось всем, и моим папе и маме.

Напиши всем нашим друзьям о нашей дочурке...»

Пелагея Токарева:

Щукина Мария привела раненого. У него левая нога прострелена, а правая обморожена. И еще он контужен. Он вошел в комнату и потерял сознание. Всю ночь бредил. Утром Подопригора Сергей на левой ноге отрезал палец. Обмороженные места смазал рыбьим жиром и перевязал.

Полина Дубовицкая:

В конце февраля дивизия вошла в состав 18 Армии, части которой вели бои на Мысхако, у стен Новороссийска. В марте на Малую землю направили и меня. А там, видимо, пожалели девчущку, отправили назад. Но я снова побывала на Малой земле. Прикомандировали к начфину, и мне поручили выдать бойцам, сражавшимся на Малой земле, деньги. Было непросто добраться до нужной батареи, но где ползком, где перебежками, все же добралась.

Некоторое время спустя мне снова приказано ехать на Малую землю. В этот раз — связистом в первый дивизион арtpолка.

Пелагея Токарева:

Шейко Полина принесла одежду и продукты.

— Кто эта женщина? — спросил Милованов.

— Жена товарища, который спасает раненых.

— Попросите его прийти ко мне.

Александра Щукина:

Последние известия подбадривали нас: немцев уже гонят назад, они в панике отступают. Приносили известия и с концлагеря, о

нашем приемном брате Лене Звонареве (все думали, что это настоящий наш брат). Передавали ему приветы, продуктовые посылочки. Потом маме сказали, что Леня сбежал. Мы с нетерпением ожидали освобождения. Фронт остановился в 5 км от нас, в Малониколаевке.

Валентин Цепляев:

Группа разведчиков возвращалась с задания. В центре Малониколаевки у моста через речку стояла солдатская кухня. Возле нее — повар. Голову склонил. Опечален.

— Что случилось? — спрашиваем.

— Пошел батальон в наступление... и погиб... в живых осталось пятнадцать человек. Я вот на весь батальон наварил, а есть некому... Поешьте хоть вы. Смотрите, какие хорошие макароны... с тушенкой...

Мы были очень голодны, но есть отказались. До еды ли, когда погиб батальон друзей.

Пелагея Токарева:

Шейко пришел. Познакомились. Он рассказал, что отца расстреляли еще белогвардейцы, а мать фашисты убили как партизанку. Милованов представился, попросил Шейко держать связь с ранеными.

— Доставайте для них оружие.

— У нас уже действует подпольная группа. Оказывает помощь раненым. И оружие припасли.

Они наметили план совместных действий.

Андрей Нежданов:

Первого марта меня подобрали отважные патриотки. Так как я уже не мог двигаться, женщины срезали с меня шинель, уложили на санки, тщательно обложили меня со всех сторон соломой и потащили к себе домой. Я слышал, как по пути нашего движения немцы не раз спрашивали:

— Что везете?

Женщины неизменно отвечали:

— Мясо, конину.

Каких нечеловеческих усилий стоило этим женщинам вытащить меня из крутой балки. Там мне почему-то очень приглянулся могучий дуб. Я набрался сил и попросил:

— Если не выживу, схороните меня под этим великаном.

— Не выдумывайте.
— Мы поставим вас на ноги.

Пелагея Токарева:

Я обратилась к главврачу больницы Грабарь Софье Степановне. Она прислала медработников Глазычеву, А. И. Токареву. Осмотрели раны, сделали перевязку. Оставили медикаменты.

Владимир Борсоев:

2 марта. Верх. Сыроватка. 10 км от г. Сумы. За деревню Верх. Сыроватка шла четырехдневная борьба. В конце четвертого дня, когда совершили одним полком обходное движение, противник ушел. Черт знает что!

XXУ годовщину РККА праздновали в условиях тяжелой обстановки. Во-первых, совершенно нет подвоза боеприпасов, на каждое орудие осталось по 5-6 снарядов; во-вторых, ничего праздничного нет. Даже соли... Продукты и фураж достаем на месте, но соли не найдешь. Бойцы и командиры успокаиваются тем, что будем живы, — после войны напразднуемся до отвала.

Противник оказывает сильное сопротивление, у нас большие потери. Я из своего полка выделил 76 человек для действий в пешем строю, из них вернулись обратно после двухдневного боя только 47 человек, остальные убиты или ранены.

Пелагея Токарева:

У меня оказался раненый без сознания. Я его обмыла, переодела и увидела, что ранен он двумя разрывными пулями в ключицу. Подпригора Сергей вынул из груди раздробленные кости, промыл и наложил марлевую повязку. Все кости сожгли в печке. Раненый в тяжелом состоянии. Я сидела над ним и спрашивала, откуда он, как фамилия? Когда пришел в сознание, то первое, что сказал, было:

— У меня четверо детей.

И снова потерял сознание. Потом он сказал, что фамилия его Нежданов Андрей Алексеевич с Урала.

Александр Богачев:

В 1943 г. в марте, когда наши войска окружили Демьяновскую группировку на северо-западном фронте, мы летали ночью на уничтожение противника в район Ромушево Старорусского района Новго-

родской области. У села Ромышево мы с летчиком Личковым сбросили бомбы и, развернувшись в направлении своего аэродрома. Немцы открыли зенитный огонь. Меня ранило в правое плечо, летчик тяжело ранен в правую ногу. Но самолет он посадил благополучно в расположении наших войск на поляну около леса.

Юрий Рябущенко:

Какое положение на фронте, никто не знал. Немцы говорили, что взяли Москву и Сталинград. Но в эту брехню никто не верил.

В марте 1943 г., прогуливаясь по саду горкомхоза возле бывшего аэродрома, мы нашли листовку. В ней сообщалось, что Красная Армия полностью разгромила немцев под Сталинградом. Они бегут, и это мы почувствовали сразу. Через Красный Луч двинулись колонны машин с войсками.

Листовку мой отец Рябущенко М. Е. спрятал под двойным дном сапожного стула и давал читать только преданным знакомым.

Ефросиния Литвинова:

В 1943 году мы вместе с дочерью были ранены. Уже позже политрук батальона командировал меня в Старобельск, где формировался специальный санитарный эшелон. Вскоре он был взорван, в живых остались единицы, в том числе и я.

Нина Янчин:

Нас должны были выбрасывать с парашютами. Тренировочные прыжки. Моя очередь. Подошла к люку, как глянула, обомлела — пропасть. Схватила за поручни, — и ни в какую. Мою мертвую хватку никто не мог одолеть. Тогда стали бить по рукам. Помогло. Руки расслабились, и меня вытолкнули.

Мария Козьмина:

Это очень страшно оторвать ногу от пола самолета.

В. Кислый:

3 марта заняли оборонительный рубеж западнее Изюма в излучине Донца напротив села Прохоровка. И, не теряя времени, учили «науку войны» — зарывались в землю, укрепляли оборону. Здесь же мы слышали из сводки, что наша 195 дивизия в наступательных боях от реки Дон до реки Северский Донец уничтожила 14 тысяч солдат и офицеров противника, десятки танков и орудий, сотни пуле-

метных точек. В качестве трофеев нам досталось 65 танков, 1492 автомашины, 147 орудий, 201 радиостанция. Главное же — дивизия освободила почти тысячу населенных пунктов.

Сводку мы восприняли с чувством гордости за свою родную дивизию, за наши славные боевые дела.

Александра Щукина:

В марте начал таять снег, и все больше и больше стали видны трупы погибших бойцов. Комендатура созвала людей из Ивановки, Петровского, Федоровки и др. Немцы под плетками согнали сюда стариков, женщин и детей для уборки трупов защитников Советского Союза. Немцы, вооруженные плетками, следили за каждым, чтобы никто не убежал, и как можно скорее убирали с поля боя трупы. Взрослые копали братскую могилу, а мы, дети, подвозили погибших к братской могиле. Немцы боялись эпидемии. Когда мы пришли на колонию Юлино, увидели множество трупов, которые валялись в разных позах. Среди них были солдаты, офицеры, медсестры, совсем молоденькие девушки. Кто лежал с открытыми глазами, смотрел вверх, кто с закрытыми. Погибали стоя, сидя, лежа, кого где настигла пуля, или опершись на телегу или винтовку. Погибшие были всех национальностей.

И. Лебедев:

Отделение сержанта П. Мастрюкова вклинилось в сильно укрепленную оборону врага и заняло его окопы. Немцы не захотели смириться с потерей выгодного рубежа. До пятидесяти автоматчиков кинулось в контратаку. Решили подпустить ближе и потом бить из винтовок залпами. Так мы и сделали. Когда фрицы подошли метров на сто, первым залпом убили 6 гитлеровцев. Фашисты попятись. Мы открыли беглый огонь. Еще пятерых убили. Фашисты стали окапываться в пятистах метрах от нас. Еще четырех убили бойцы Ворохин и Золочев. Под огнем немцы отошли еще метров на сто. Тогда боец Ерохин подобрался к их окопам и убил еще двоих. Теперь у него на счету было уже восемь уничтоженных врагов. Так отделение выбило врага из окопов и отразило контратаку.

Александра Щукина:

Немцы ходили следом с плетками и говорили:

— Шнель, шнель.

Мы с Машей подвозили на саночках погибших. Подошли к пер-

вому погибшему бойцу. Боялись за него братья. Стоим и думаем: «Как же его положить на саночки, чтоб он не упал?» И вдруг видим, что прямо к нам идет немец с плеткой, и у нас страх пропал. Положили труп на санки, и одна везла, а другая поддерживала, чтобы мертвый солдатик не свалился. Трупы подвозили к самой могиле, а взрослые брали их и осторожно клали в могилу. Сначала рядом, а потом один на одного, так как рядом не помещались. Убирали несколько дней. Когда всех свезли, могила оказалась полна трупами. Начали закапывать. Шли домой, все плакали и сокрушались, что не знаем ни имен, ни фамилий погибших. А ведь это чьи-то родственники.

Николай Власов:

7 марта, попав под бомбежку, был тяжело ранен в обе ноги. Окоравленного и контуженного товарищи доставили в медсанбат. Врачам удалось поставить на ноги в буквальном смысле слова.

Александра Щукина:

Потом нас погнали убирать трупы на колонию Фромандировку № 1, Там уже была подготовлена могила. У коровника издали виден черный холм. Мы не могли понять, что это такое и откуда взялось. Раньше этого не было. Что-то непонятное и неузнаваемое виднелось вдаль. Подошли ближе, увидели гору обуглившихся трупов советских солдат. Страшно и жутко. Боль и жаль охватили нас. Мы плакали, на нас все трусилось. Немцы заставляли быстрее убирать, размахивая плетками, угрожали ударить. Укладывали трупы и везли к братской могиле. Взрослые аккуратно опускали их.

И. Лебедев:

Фашисты предприняли контратаку. По склону высоты шло 11 танков. За ними, прикрываясь броней, следовала вражеская пехота.

— Близко уже, — заметил кто-то из артиллеристов.

Младший лейтенант Васильев командовал:

— По фашистским танкам — огонь!

Как костер, загорелся передний танк. Затем второй. Почувствовав мастерство артиллеристов, остальные танки свернули в сторону.

Александра Щукина:

Как погибли эти люди? Потом нам рассказали, что кавалеристы, доехав до коровника, решили обогреться, так как мороз до 30

градусов. Измученные, уставшие, голодные, они разместились в этом коровнике. А немцы узнали об этом, окружили его, закрыли двери, облили горючим и подожгли.

Закопали эту могилу, оправили ее, облили слезами, возвратились домой. Не хотелось ни пить, ни есть, ни спать. Долго сидели и рассказывали маме. Мама плакала вместе с нами.

В. Кислый:

Из стрелков переведен рядовым наблюдателем снайпера. По своей неопытности чуть не лишился жизни. Поднял шапку выше лба, а фашистский снайпер заметил меня. Пуля, к счастью, попала в звездочку на шапке.

Пелагея Токарева:

Полиция и немцы рыскали по поселку, искали раненых, чтобы уничтожить. Пришли ко мне, увидели Милованова.

— Кто это?

— Мы мобилизованы возить раненых. А получилось так, что и коней потерял, и самого ранило, — ответил Сергей Иванович.

Полицай забрал у него шапку, понравилась. Ушел.

Я поняла, что с этого момента моя квартира на подозрении.

А. Федоров:

Со временем у нас образовалась небольшая группа из военнослужащих и петровчан. Цель ее — сбор оружия, организация связи через фронт с нашими частями, чтобы во время активных действий на фронте оказать помощь Советской Армии. Хотя группа наша была не многочисленна, но диверсии под руководством Шейко А. А. организовывали.

Владимир Борсоев:

8 марта. Верх. Сыроватка. Получил назначение от командующего артиллерией 40-й армии полковника Снегирева на должность командующего артиллерией 107 стрелковой дивизии. На фронте без изменений.

Пелагея Токарева:

Раненые нуждались в уходе и лечении. Глазунова А. Г. пошла мягкие бурки. Их надели на ноги Милованову. Она принесла свиде-

тельство о рождении своего погибшего мужа. На тот случай, если полиция потребует документы. Фашисты ходили по домам и делали обыски. У кого находили раненых, увозили их неизвестно куда. Я стала думать, куда определить хотя бы одного раненого. На сутки Милованова переселили к Подопригоре Сергею. А на следующую ночь — к соседке Карповой.

Владимир Калитеин:

В марте одна за другой Пулковские высоты переходили в руки фашистов. Вот враг захватил последнюю Воронью гору, в двух километрах от окраины Ленинграда. Дальше отступать было некуда.

Воронья — одна из самых высоких. С нее хорошо просматривалась вся линия обороны и даже окраина города. Поэтому, захватив высоту, немцы поспешили укрепить ее, стянули сюда артиллерию. Нависла угроза прорыва обороны Ленинграда. Поэтому последовал приказ: во что бы то ни стало забрать Воронью гору. Но к этому времени высота была укреплена, а дзоты и пушки надежно замаскированы. Необходимо было узнать расположение укреплений.

Надежда Карпова:

Полиция узнала, что у Вороновой Полины Григорьевны лежат раненые. Чтобы их не забрали, одного раненого мы перевезли к себе. У нас в комнате был подвал, там устроили постель и опустили его туда. Он сказал, что его зовут Милованов Сергей Иванович. Мама перевязывала, промывала раны марганцовкой. Пока она его лечила, я во дворе смотрела, чтобы не нагрянула полиция.

Михаил Чиков:

«Здравствуй, Рита! Должен тебе сообщить две радостные новости. Первое — я принят в члены ВКП (б). Второе — нашей части присвоено звание гвардейской. С нынешнего дня я — гвардеец. Звание это мы получили за отличные боевые действия под Сталинградом. В скором времени будем иметь возможность оправдать это звание в боях на западе. Пиши чаще, как живете, как встречаете 8 марта. Чиков. 8 марта 1943 г.»

Пелагея Токарева:

Прибежала Карпова Надя и говорит:
— К вам идут полиция и немцы.

Я замкнула комнату на замок и побежала в балку.
Там стоял маленький домик. В нем жила семья Дудкина. Я вбежала в дом, а хозяйка говорит:

— Следом за тобой идет полицай.

— Я пришла занять соли и спичек.

Вошел Русаков. Скрутил мне руки назад и повел к моей квартире. Полиция сорвала замок и увидела Нежданова.

— Куда дела второго?

— Ушел неизвестно куда.

Фашист выхватил наган и поставил меня к стенке. Нежданов протянул руку, взял фашиста за полу шинели и говорит:

— Если пан считает нужным выпустить пулю, то стреляй в меня. Она не виновата.

Они ушли. Я закрыла комнату на замок и пошла к Шейко. Рассказала ему о происшедшем. Когда вернулась домой, соседи сказали, что приходил полицай Брехов. Но квартира оказалась запертой. Он хотел стрелять по закрытой двери, но соседи стали кричать на него, что здесь дети, и он вышел.

Нежданов нашел в себе силы сползти на дальний край кровати, так что его не было видно полицаю в окно. А окно было до половины забито досками.

Иван Щербаков:

Командир корпуса дал приказ механизированной бригаде гвардии полковника Щербакова освободить город Новый Буг.

В ноль— ноль часов на восьмое марта передовые части бригады овладели полевым участком в трех километрах от города, откуда и началась подготовка к штурму Нового Буга.

В 4 часа ночи на полевой участок прибыл усталый командир корпуса генерал Танасчишин, а в 5 часов утра 8 марта по сигналу красных ракет начался штурм укрепленных позиций вокруг станции Новый Буг. Через два часа командиру корпуса доложили, что станция освобождена.

А тем временем комбриг Щербаков, будучи в хорошем настроении, в сопровождении 20 конников мчался от станции на южную окраину города чуть ли не рядом с танками, которые овладевали все новыми и новыми объектами. В 9 часов утра бой в городе начал утихать. Щербаков послал к комкору адъютанта с сообщением: «Город освобожден».

С какой радостью жители города встречали своих освободителей! Командир бригады Н. Е. Щербаков получил дорогой для него

подарок — золотистого коня. А 13 марта комбрига Щербакова весь город хоронил на городской площади в центре Нового Буга. Он героически погиб в бою на том золотистом коне.

Гвардии полковник Никодим Ефремович Щербаков — прирожденный кавалерист. В годы гражданской войны он сражался в армиях Буденного, Пархоменко, Щорса, Киквидзе. Воевал на Дону, в Украине, в Средней Азии. Великая Отечественная война застала его в Белорусском военном округе в должности заместителя командира танковой дивизии. На Смоленском направлении в первых боях был ранен, и по излечении командовал кавалерийской дивизией. Затем командовал отдельной механизированной бригадой в составе механизированного корпуса.

Василий Иванов:

У нас был план подорвать клуб вместе с фашистами. Все было готово. Но Солодухин и Калитвянский нам запретили это сделать, и Шейко А.А. выгнали из драмкружка. Он остался без работы. Всех, кто не работал, фашисты угоняли в тыл.

Начальник полиции Иванов Федор Степанович предложил ему работать слесарем в полиции.

— Будешь у нас ремонтировать велосипеды.

Что делать? Шейко А. А. пошел к Карповой В. А., у которой скрывался Милованов С. И., посоветоваться. Подполковник сказал:

— Иди. Там должен работать наш человек и узнавать нужные сведения.

В. Кислый:

До войны я успел закончить десятилетку, часто на отдыхе читал бойцам стихи, в том числе и выдержки из «Василия Теркина». Как-то мне командир и говорит:

— Вижу, парень ты грамотный, поучись-ка на курсах радистов.

Я быстро освоил азбуку Морзе. Обеспечивал связь, когда дивизия шла с боями через Донец. А реку Самару перешел вброд, неся рацию над головой.

Пелагея Токарева:

Состояние здоровья Нежданова ухудшилось. Главврач Грабарь предложила поместить его в больницу. Но еды и одежды в больнице не было. Поэтому раненых в больнице едой обеспечивала наша подпольная группа. Там, кроме Нежданова, были Чагин И., Плотни-

ков К. С., Мишанин В. Т., Мазеев Г. С., Федоров А. А. В больницу к раненым тайком приходили Шейко, Карпова, Заверюха, приносили еду, табак.

Владимир Борсоев:

9 марта. Нижняя Сыроватка. Помылся в бане. Здесь, несмотря на то, что проходит передний край обороны, горит электричество. На фронте какая-то подозрительная тишина.

Надежда Карпова:

Ночью прибежала Пугачева П.И. и сказала, что у раненого сильное кровотечение. Прикладывали холодный компресс, пока не остановили кровь, пробыл раненый у Пугачевой три дня. Полиция ходила по квартирам, у кого находили раненых, забирали. Забрали раненого и у Пугачевой П.И. Мы ходили в больницу узнать, где он, но его там не было. Увезли неизвестно куда.

Геннадий Семенов:

10 марта 1943 года Василий Погорелов отправился в 241 вылет с разведывательной целью. Перелетели озеро Ильмень, и взяли курс на Сольцы. Перед самым населенным пунктом зенитки открыли огонь. Навстречу самолету вылетели 8 немецких истребителей «фокке-вульф». Такая обстановка для экипажа не была в диковинку. Выполнив задание, Погорелов повернул на свой аэродром. «Фоккеры» не отстали и шли по пятам. Самолет был подбит. Загорелся один мотор, второй. Самолет объят пламенем. А Погорелов пел:

Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем боевом коне.

— Горячей не может быть, — отозвался по самолетному переговорному устройству штурман Смирнов.

Пилот бросал самолет из стороны в сторону, стараясь сбить пламя. Это ему удалось сделать, но заглохли моторы. Самолет планировал. Штурману и стрелку-радисту командир приказал покинуть горящую и плохо управляемую машину, когда дотянул до своей территории. Самолет приземлился на вспомогательном небольшом аэродроме Онучино, но летчик из него не вылез.

Он был мертв. Похоронили Василия Погорелова на аэродроме базирования в парке военного городка в селе Выползово Бологоевского района Калининской области.

Владимир Борсоев:

10 марта. Началось самое неприятное — отступление от достигнутого рубежа. Противник, собрав свои разбитые части и подбросив с запада свежие силы — корпус СС в составе дивизий «Великая Германия», «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова» — перешел в контрнаступление и потеснил наши части.

Юрий Белоградов:

14 марта, воскресенье. Сегодня у нас расцвела лилия. Красная. Читал книгу и рисовал английские самолеты.

И. Лебедев:

В середине марта части нашей дивизии, заняв оборонительные рубежи, вели активную оборону.

В оборонительных боях важно иметь хорошо поставленную разведку сил противника.

14 марта лейтенант Григорий Пименов под покровом ночи ползком пробрался в район села, миновав засады и часовых. На рассвете заметил, что у перекрестка дорог, в окопе, сидят восемь гитлеровцев. Кругом — никого.

Пименов был в маскировочном халате. Разведчик вышел на дорогу и спокойно зашагал к окопу, насвистывая немецкий марш. Гитлеровцы приняли его за своего. Дойдя до окопа, Пименов прыгнул в него, и внезапно наставил на фрицев автомат. Те опешили от неожиданности. Всех восьмерых он привел в штаб.

Иван Попов.

«Наградной лист.

Лейтенант Попов с небольшой группой саперов под ураганным огнем противника восстановил взорванный мост через реку Кумов, чем обеспечил возможность продвижения наших танков, пехоты и артиллерии через водную преграду. Его самоотверженная, бесстрашная и преданная боевая работа предредила окончательную победу над врагом за полное овладение железнодорожным узлом — станцией Кума. Товарищ Попов погиб от огня противника, выполняя боевую задачу по восстановлению моста.

Командир 214 кавалерийского полка 63 кавдивизии майор Фролов. 15 марта 1943 г.»

Юрий Белогрудов:

15 марта. Утром читал книгу «Наследство капитана Немо». Весь день дует сильный ветер. Орудия стреляли целый день. Вечером было электричество. До этого его обрезали.

И. Лебедев:

15 марта сержант П. Годин выбрал огневую позицию для пушки невдалеке от переднего края. Выкопали мы окоп и установили в него пушку. Потом я приказал принести больше соломы. Из соломы навязали снопов и над пушкой сделали скирду. Стреляли прямой наводкой и нанесли врагу большой урон. Гитлеровцев это очень злило, и они решили уничтожить нашу пушку. Думали, что стреляют из оврага, и выпустили по нему больше ста снарядов и мин, но не причинили вреда. Вот что значит хорошо замаскировать орудие!

М. Беликов:

С марта наша часть находилась в районе Малониколаевки и села Штеровки. В сводках говорилось, что здесь идут бои местного значения. Они были каждый день. Разведчики ходили за «языком», снайперы уничтожали солдат и офицеров, артиллерия подавляла огневые точки врага. Как раз против расположения нашей части была видна красивая роща. Разведка доложила, что именно в ней фашисты сосредоточили много орудий и минометов. Оттуда враги забрасывали нас смертоносными «подарками». Однажды фашистами в роще занялось подразделение «катюш». Снаряды летели над нами со стороны Малониколаевки. И мы видели, как в роще рвались боеприпасы врага. Пока немцы опомнились, «катюши» уехали.

Иван Комаров:

В районе Демьянска 16 марта И. И. Муравьев, П. М. Вострухин, И. Я. Горобец, Наздрачев и я сбили 6 вражеских самолетов. В тот день летчики дивизии сбили 27 самолетов. Лейтенанты П. И. Муравьев и И. Я. Горобец уничтожили по три самолета противника, а младший лейтенант П. М. Вострухин сжег четырех стервятников...

Виктор Малкин:

«17. 3. 43 г. Привет с фронта! Золотце, если б ты знала, как я соскучился по тебе и как мне хочется увидеть свою маленькую до-

чурку, ведь она сейчас становится интересной... Золотце, я тебя попрошу, ты мне ее опиши подробнее: какая она, что на тебя похоже, а что на меня?.. Золотце, за зиму мы много фрицев утянули, и офицеров, и солдат, но все они, крошка, отвратительные и очень сильно боятся нас, разведчиков. Как только поймаешь, он, сволочь, кричит: «Гитлер капут!» и тарашит на тебя глаза свои свиные. И знаешь, Катенька, когда его видишь, вспоминаешь, что это они, гады, виноваты в нашей разлуке, что это они не дают миллионом людей увидеть своих новорожденных дочек. И знаешь, так кулаки чешутся, что прямо смазал бы ему раз по свиному рылу, чтобы он и ножищами своими не дрыгал на нашей земле. Ничего, любимая моя, проклятые изверги чувствуют наши удары не только на своей спине, скоро они почувствуют такой удар, что быть им на нашей земле удобрением...»

Владимир Борсоев:

17 марта. Ясное. Окончил сдачу полка, подписал последний приказ. В 13.00 противник внезапно напал на Ясное и создал там панику.

Иван Комаров:

18 марта мы взлетели под Великими Луками последний раз. Моя эскадрилья — 8 самолетов. В воздухе получили поздравление о присвоении корпусу, а соответственно и двум дивизиям, полкам звания гвардейских.

Юрий Белогрудов:

18 марта, четверг. Утром сильно стреляли. С мамой молот ячмень. Читал книгу. Сделал карту для военной игры.

Иван Смешко:

В марте сорок третьего года я ранен осколками мины. Один осколок так повредил правую руку, что ее едва не ампутировали. Несколько месяцев провел в госпиталях Средней Азии, а когда выписался и пришел в военкомат, видимо, выглядел так плохо, что, выслушав меня, там сказали:

— Какой тебе фронт? Иди работай, нужно будет, позовем.

И вот я работаю в школе на станции Джума, недалеко от Самарканда. Рядом со школой находился детский дом, где воспитывались спасшиеся от фашистов польские дети. Сироты. С какой оте-

ческой заботой и лаской относились к ним окружающие! Было трудное, голодное время, но партийные и советские органы делали все возможное, чтобы дети ни в чем не нуждались. А работали в детдоме душевные воспитатели.

И. Лебедев:

Фашистские танки неожиданно появились из-за одной высоты. Артиллерист Голоскок не растерялся. Он быстро навел орудие на танки и открыл меткий огонь. Два фашистских танка подбил он в этот день. Все в батарее хвалили сержанта, а командир представил его к награде.

М. Лазарева:

В тюрьме маме удалось завязать разговор с девушкой-переводчицей. Рассказала ей все о себе. Девушка прониклась к ней, может быть, стало жаль ребеночка. Она время от времени приносила маме еду, а однажды сказала:

— Спать ложитесь под ступеньками. Сегодня ночью на воротах будет дежурить наш человек. Он выпустит вас. А завтра всех будут сортировать: кого в Германию, кого — в расход.

Так и сделала. Легла под ступеньками, Лешку — под себя. Прижалась, лохмотьев на себя набросала, чтобы незаметно было. Ночью, правда, пришел охранник.

— Беги, — говорит.

Схватила Лешку и побежала. Летит. Ножки Алешки болтаются. Думает, если стрелять будут, в спину попадут, хоть сын жив останется. А она его заранее учила, чтобы он запомнил свою фамилию, что он из Красного Луча, и что его папу немцы сбросили в шахту. К счастью, никакой погони не было. Никто не стрелял, не гнались и собаки. Улицы пустынные. Увидела одну единственную женщину.

— Спрячьте меня, пожалуйста. Я из лагеря.

— Не могу. Нас всех расстреляют. Каждый вечер приходит полицай, проверяет паспорта. И вас, и нас не пощадят, если найдут. Бегите дальше, там есть брошенные двухэтажные дома, где раньше жила городская знать. Там можно переждать.

Побежала. Увидела приоткрытую дверь, нырнула туда. Просидела всю ночь. Наступило утро. Стало еще тревожней. Услышала шаги. Сжалась в комок. Пронесет или нет?

Шаги все ближе и ближе... Остановились у двери. Заглянула женщина:

— Вы здесь. А я уже все дома обошла. Поесть вам принесла.
— Спасибо.

Эта женщина пристроила ее к другой женщине, так они и жили, пока не ушли немцы. По помойкам собирали старые носки, которые выбрасывали немцы, распускали, вязали снова и получались новые вещи. Их продавали. За вырученные деньги жили.

Яков Голубов:

Приказ был кратким: за 5 дней пройти в тыл врага, отыскать дальнобойки и вернуться с донесением, в бой не вступать.

Отобрали добровольцев: 3 разведчика, 5 автоматчиков, в числе которых был и я, один сапер и старший группы — командир взвода, разведчики. Двое суток, днем и ночью мы ползали по передовой, чтобы отыскать место, где можно перейти линию обороны фрицев. Наконец нам удалось. Между стыками подразделений фашистов не было траншеи, но было все заминировано. Ночью, сделав проход в колючей проволоке и минном поле, мы проползли этот опасный участок, и к рассвету замаскировались недалеко от села Христофоровки. Днем немцы снова открыли огонь из орудий, а «рама», как всегда, кружила над Красной Поляной. Орудия были врыты в землю, сверху — маскировочная сетка, поэтому обнаружить с воздуха батарею трудно.

Юрий Белогрудов:

19 марта, пятница. С Виктором играл в военную игру.

Дарья Бурчак:

В воскресенье в марте приехал в село Стрюково немецкий карательный отряд. Население, как обычно, погнали на окопы. Под конвоем дошли до Пристеня.

Здесь нам встретились женщины, которые шли менять вещи на продукты. Я вместе с ними под видом меняльщицы возвратилась в Стрюково. У клуба увидела немецких солдат и полицейских. Они окружили двух раненых конников. Безногий раненый конник, тот, которого скрывали Кнышевы, лежал на снегу, а наш Вшивков Иосиф Васильевич стоял. У мельницы была видна могила-яма.

Иосиф Васильевич крикнул:

— Стреляйте, гады! Я уже стою. Но за нас вам, паразитам, отомстят!

Ему не дали говорить. Полицейские расстреляли обоих.

Раненый, оставленный у Морозовых, умер раньше.

Владимир Борсоев:

20 марта. Бутово. Приехал в штаб армии. Мне переменили назначение — буду командующим артиллерией в другой стрелковой дивизии. Противник занял Тамаровку и Белгород. Дела у нас плохие.

Елена Наумова:

Назначена командиром роты. В марте моя рота вела бои за высоту. Было жарко. Сбросила шинель.

— Не робейте, товарищи, наша возьмет, — подбодрила бойцов и пошла в атаку. Когда успех боя уже был предрешен, вражеская пуля впиалась в тело...

Яков Голубов:

Каждую минуту нас могли заметить, но мы наблюдали, а старший группы наносил на карту километровку точные координаты немецкой батареи и других огневых точек. В таком напряжении прошел день. А с наступлением темноты тем же путем вернулись в штаб полка. Утром, как обычно, над Красной Поляной появилась «рама». Поступил приказ — по ней не стрелять до условного сигнала. Мы еще не знали, каким образом будет подавлена немецкая батарея, и вдруг увидели, как подкатила необычная машина — гвардейский реактивный миномет. Это была гроза врагов — «катюша». В считанные секунды она развернулась, выстрелила и укатила.

Если учесть, что каждый снаряд весил около ста килограммов, а у «катюш» было 16 таких штук, то можно себе представить, каков был эффект залпа. Немецкая батарея уничтожена. А что касается «рамы», то в тот же момент открыли огонь по ней со всех видов оружия. Самолет подбили. Он пошел на снижение и упал на территории, занятой немцами.

Юрий Белогрудов:

21 марта. Над городом был воздушный бой. Самолеты сбросили бомбы.

Александр Ткаченко:

«22 марта. На дворе совсем весна, и мы почти не заходим в землянки. А на душе так тяжело. Когда же все это кончится, эта проклятая война! Ты только представь на минутку, что вот уже 15

месяцев, как я не снимал с себя обуви и верхней одежды, за исключением нескольких раз, когда мылся в бане. Тело до такой степени одеревенело, что порой не чувствуешь его. Скорее бы победить врага ненавистного. Родная, пиши чаще. Для нас ведь письма — это воздух, солнце, без чего человек жить не может».

М. Соломах:

Наша 40 отдельная стрелковая бригада держала оборону на линии реки Бнать. На опушке соснового бора неподалеку от деревни Освьянники разместилась медико-санитарная рота, в которой служил я. Неповторимы по красоте те места. И только война, взрывы снарядов и мин выступали тяжелым диссонансом на фоне мудрой природы. В одном уцелевшем доме по заданию штаба организовали фронтовой дом отдыха. Может, о нашем доме отдыха упоминает Твардовский в поэме «Василий Теркин»?

И представь, что вдруг покинув,
В некий час передний край,
Ты с попутною машиной
Попадаешь прямо в рай.
Рай по правде: дом, крылечко.
Веник — ноги обметай.
Дальше — горница и печка.
Все что надо — чем не рай.

Вот в таком раю — в чистой постели (имели возможность раздеться) — отсыпались солдаты за долгие годы боев.

Владимир Борсоев:

22 марта. Черкасское. Приехал к новому месту службы. Встретился со своими друзьями — майором Сузанским и гвардии майором Чистяковым. Авиация противника расстреливает отдельные подводы, машины и людей на дорогах. Танки у немцев какого-то нового образца — «Т-6», у них по одной 88-миллиметровой пушке, вес каждого танка 50 тонн. Каково-то будет нашим «Т-34», устоят ли они против этих танков?

М. Соломах:

Оборона затянулась. Перебои со снабжением усугубляли трудности. С наступлением весны появилась цинга. У солдат начали кровоточить десны, чернеть зубы. По ночам куриная слепота делала солдат недееспособными. Наши медики измучились. Поили солдат

рыбьим жиром, настоем хвои. Но все эти средства мало помогали. Кто-то сказал, что на нейтральной полосе, на Бжайских, болотах уцелела клюква. На следующий день командир медсанроты майор Загладин дает задание:

— Возьмите двух бойцов и отправляйтесь за клюквой. Любой ценой постарайтесь добыть.

Петр Полтаранов:

В Севастополь — там идут жаркие бои — отправляется теплоход «Чапаев». На нем — 90 человек. Судно сопровождали два морских охотника и эсминец. Но ему не суждено было достичь места назначения. Появились фашистские торпедоносцы. В тихоходный «Чапаев» попала торпеда. Морским охотникам удалось подобрать в ледяной воде только 6 человек, в том числе и меня. Я оказался в Севастополе, а в Потти меня занесли в список погибших.

М. Соломаха:

Два солдатики — Литвяк и Кабаненко — добровольно вызвались идти со мной на болото. Ранним утром мы отправились в поход. Дорога к болоту шла через лес, который жил напряженной фронтовой жизнью. Через час мы были на КП третьего батальона. Я доложил комбату о нашем намерении пробраться в нейтральную зону.

— Какое у вас задание? — спросил коренастый майор.

— Набрать клюквы для выздоравливающих.

— И вы думаете, это у вас получится?

— Нам надо любой ценой... у нас приказ.

— У вас приказ, а у меня нет такого приказа, поэтому я не берусь отвечать за ваши клюквенные дела, — сказал комбат и скрылся в землянке.

Я — за ним. Позвонили комбригу. Тот выслушал и, к удивлению комбата, приказал помочь нам добыть клюкву. Вся эта клюквенная канитель ему явно не по душе. Но теперь он, так же как и мы, причастен к этому заданию. Майор дал нам в проводники пожилого солдата Ивана Ефимова, который знал местные леса и болота.

Елена Наумова:

В марте я уже была политруком пулеметной роты, младшим лейтенантом. В бою на Пулковских высотах вела за собой атакующих бойцов.

Во время блокады на фронте мы получали на день кусочек хлеба и похлебку, заваренную мукой. Когда однажды выдали немного сахара и масла, это показалось нам небывалой роскошью.

М. Соломаха:

По живой подушке болотного мха, используя настил из веток, с трудом добрались до ягодных мест. Несколько часов утомительной работы под самым носом у немцев, и у каждого было по полмешка мороженных янтарных ягод. Когда возвращались назад, немцы нас обнаружили и обстреляли из минометов. Меня ранило осколком мины в лицо, а одного солдата в ногу. И все-таки задание мы выполнили. Клюква, собранная нами помогла воинам подлечиться, окрепнуть.

И. Лебедев:

Красноармеец Сиротин, оказавшись один против 8 гитлеровцев, вступил с ними в бой и вышел победителем из этой неравной схватки. Пять фашистских разбойников уничтожил гранатами Сиротин, а остальные бежали.

Красноармейцы Довженко, Федин, Казаков бесстрашно крошили проклятых фашистов в их окопах. Они действовали смело, решительно, кололи гитлеровцев штыками и настигали их меткими пулями. Все они проявили отвагу и победили.

Тамара Плуженко:

В марте тяжело контужена. Полгода пролежала в госпитале в Оренбурге.

Александр Лысенко:

В то мартовское утро хуторяне занимались обычной работой: топили печи, кормили скотину, доили коров. Дед Матвей по старой довоенной привычке стал приводить в порядок парниковые грядки. Вдалеке пальнула пушка. Услышав выстрел, старик опустил вилы, стал прислушиваться. Яркий всплеск озарил окраину хутора. Засвистели осколки, зазвенели разбитые стекла окон.

— Мария, буди детей, — закричал старик и бросился открывать крышку подвала.

Хата Емцевых стояла на углу хутора. Как только начался обстрел, семья укрылась в подвале. Когда взрывы несколько стихли, Вася, старший сын, рванулся к выходу.

— Я выгляну, отец. Интересно, что там делается?
— Сиди, — коротко отозвалась мать.
— Мам, я осторожно.
— Да пусть посмотрит, вроде бы все стихло, — сказал отец, качая на руках годовалого ребенка,
— Только быстро, — крикнула мать, прикрывая младшеньких одеялом.

Мальчик поднялся по ступенькам и слегка приоткрыл крышку подвала. Перед глазами вдруг выросли сапоги немецкого солдата. В одно мгновение крышка с треском отлетела в сторону, из автомата брызнул огонь, и безжизненное тело ребенка скользнуло вниз. Вторая очередь прошла спину отца, прикрывшего от смерти малыша. Вслед за выстрелом в подвал полетела граната с длинной деревянной ручкой. Мать бросилась на этот страшный «подарок». Дым после взрыва быстро рассеялся. Тело женщины сникло, оторванная нога в сапоге лежала чуть в стороне...

Юрий Белогрудов:

23 марта, вторник. Молол с мамой жито.

И. Лебедев:

Фашисты предприняли разведку боем. Они стремились перейти рубеж, который занимало отделение сержанта Староконев. Гитлеровцам не удалось осуществить своего замысла. Они натолкнулись на стойкость наших бойцов, которые не пропустили их через свой рубеж. Особенно отличился в бою сам командир отделения тов. Староконев. Он бесстрашно косил гитлеровцев меткими очередями из автомата. Два десятка фашистов и два пулемета были уничтожены в том бою.

Петр Полтаранов:

Снова воюю в своей 8 бригаде морской пехоты, в батальоне воздушного заградотряда береговой обороны. Участвую в спасении полотнищ исторической панорамы. В Камышовой бухте ранен. А меня снова посчитали погибшим.

Юрий Белогрудов:

27 марта, суббота. Позавчера поставили у нас двух австрийцев, но они вчера уехали. Приходили сегодня и хотели у нас поставить

сапожную мастерскую, но сказали, что квартира очень хорошая, и не поставили.

Владимир Калитеин:

27 марта нам, разведке 2-й ударной армии, приказали: любой ценой взять «языка». Операцию решено провести следующей ночью.

На задание пошли восемь человек, самых надежных и опытных разведчиков. В их число попал и я. Командир группы сержант Бухаров Василий — смелый и решительный боец.

В десять часов вечера группа в сопровождении минера, который должен был провести нас через наше минное поле, вышла на задание. Хотя уже и март, снег не успел растаять, и разведчики в маскхалатах ползли по хлюпающей кашице. Светила луна. В небо все время взлетали ракеты, освещая все вокруг ярким светом. Это мешало продвигаться. Время от времени мы замирали на снегу, стараясь быть незамеченными. Мокрые, замерзшие, мы к двенадцати часам ночи были уже в реденьком леске у тропинки, ведущей к ручью от вражеских укреплений. Именно здесь мы вчера утром в бинокль видели немцев, опускающихся к ручью за водой. Теперь нужно хорошо замаскироваться у ручья и ждать утра, ждать немцев.

И. Лебедев:

Связной красноармеец Шелепенков шел на командный пункт 27 марта. Вдруг из оврага раздался окрик:

— Русь, стой!

Обернувшись, связной увидел пятерых вражеских автоматчиков. Шелепенков не растерялся, он мигом упал на землю. В это время над его головой прожужжали пули. Связной открыл огонь из автомата. После первой очереди камнем упал один из врагов. Остальные расползлись, намереваясь окружить солдата. Вскоре меткой очередью Шелепенков пригвоздил к земле еще одного фрица. В это время вражеская пуля пробила отважному воину ногу. Три гитлеровца бросились к смельчаку. Меткая очередь отбросила их назад и ранила одного фрица. Остальные два, подхватив раненого, стали удирать. Вдогонку им советский воин послал несколько очередей. Преодолевая боль, Шелепенков дополз к командному пункту и доставил пакет.

Вячеслав Тюменев:

За станцией Красный Луч была небольшая банька. Немцы папились там. Мы заходили в предбанник, забирали их вещи. Вместе с

сапогами и мундирами попадались и документы. Их мы уничтожали. Однажды сапоги Вилли, который возил офицеров, нашли в нашей духовке. Избежать неприятности удалось чудом.

Владимир Калитенин:

Четверо разведчиков легли у тропинки, метрах в тридцати от ручья. Они должны прикрыть нас в случае отступления. Наша четверка замаскировалась у ручья. Ждем. Целую ночь пролежали на мокром снегу. Перед рассветом приготовились к встрече. Я вынул финку, заложил за голенище. Приготовили автоматы. Но немцы появились не скоро, лишь около шести часов. Когда мы уже потеряли надежду дождаться их, командир тронул меня за руку. Я прислушался. Со стороны вражеских укреплений послышалась немецкая речь и хлопанье снега. Вскоре мы увидели их: четыре немца, весело разговаривая, приближались к ручью. Вот они уже прошли четырех наших товарищей. На первом немце был мундир унтер-офицера.

— Как раз то, что нам нужно, — услышал шепот Бухарова. — Оставить только его, а остальных...

Немцы совсем близко, я даже различил у них на поясах по десятку котелков и фляг. Вот они уже прошли нас и остановились у ручья. Командир подал знак, и сразу же я и еще двое разведчиков бросились на немцев.

Задний немец оглянулся, увидел нас. Закричав что-то, выстрелил из автомата. Бежавший рядом со мной разведчик упал. Прозвучала очередь автомата командира, и двое немцев тяжело рухнули в снег, звеня котелками. Я одним прыжком настиг третьего немца и ударил его ножом в спину. Третий разведчик и Бухаров уже закрыли рот и вязали руки унтер-офицеру.

— Немцы! — крикнул Бухаров. Я увидел показавшихся на горе фашистов. Застрочили автоматы четырех наших товарищей. Немцы залегли. Началась перестрелка. Фашисты окружили нас. От успеха этой операции зависело очень многое...

Любовь Травина:

После освобождения территории от захватчиков неоднократно обращалась в военкомат. Наконец весной 1943 г. призвали в армию и в составе 342 зенитного полка направили на фронт. Не по плечам шинель, кирзовые сапоги, котелок, вещмешок, карабин... И над всем этим по-детски круглые щечки и косички, перехваченные марлевыми ленточками. В полку меня прозвали «пончиком».

Освоила специальность связиста. Мой полк сражался в составе войск 4 Украинского фронта.

— Чайка, я — первый! — звучало в телефонной трубке.

Владимир Калитеин:

...Из восьми человек в штаб вернулось только трое. За пленного унтер-офицера заплатили пятью жизнями друзей. Задание выполнили. Командование узнало подробную схему вражеских укреплений. 29 марта наша дивизия, уничтожила огневые точки врага, выбила немцев с Вороньей горы.

После боя перед строем нам вручили ордена Славы.

В этот день бойцы обрели прежнюю веру в то, что враг будет разбит. С еще большим мужеством и упорством начали сражаться советские воины, защитники Ленинграда. И вскоре мы перешли в решительное наступление по всему фронту.

Владимир Борсоев:

31 марта. Пены. В дивизии, куда я назначен, подполковник Биленко снят с работы и отдан под суд за потерю материальной части, командир полка понижен в должности. Я принимаю командование артиллерией.

Командующий артиллерией 40-й армии полковник Снегирев погиб, вместо него приехал полковник Гусев.

Юрий Рябущенко:

У дома 85 на улице Переверзева в Красном Луче стояло зенитное орудие. Мы крутились около него, открывали запирающую часть, а потом подложили брикет динамита с запалом, подпалили бикфордов шнур, а сами скрылись. После взрыва в рядом стоящих домах вылетели стекла. А у орудия больше не было запирающей части.

Федоров:

31 марта наша авиационная разведка в районе Евпатории обнаружила большой вражеский транспорт. По тому, как он усиленно охранялся сторожевиками, можно было предположить: фашисты очень дорожат грузом.

— Приготовить четверку торпедоносцев, — приказал командир гвардейской части. Через несколько минут четыре машины скры-

лись в синеве неба. В числе их был экипаж гвардии капитана Виктора Николаевича Беликова.

В штурманской кабине — краснолучанин, гвардии капитан Василий Пантелеевич Овсянников. Воздушными стрелками в экипаже самолета были Григорий Северин и Григорий Зыгуля. Виктор Беликов шел в паре со мной. В 30 милях от порта Евпатория заметили транспорт врага. Он шел под охранением миноносцев и тральщиков. Торпедоносцы легли на боевой курс. Снизившись к самой воде, все четыре самолета разворачиваются для нанесения удара. Первым атакует экипаж капитана Бесова. За ним на боевой курс становится самолет старшего лейтенанта Минакова. Однако их торпеды цели не достигли. Фашистские корабли открыли мощный заградительный огонь, и летчикам первых двух экипажей не удалось зайти на прицельное торпедирование. Я сбросил торпеду, когда до транспорта противника оставалось 500—400 метров.

Виктор Беликов продолжал сближение. Вот уже осталось 300, 250 метров... И тут случилась беда. Зенитный снаряд угодил в бак с горючим. Самолет вспыхнул. Впереди — тральщик. Беликов делает горку и на горящем самолете выходит над кораблем. Торпеда сброшена в цель... Но пламя охватило весь самолет. Его уже не спасти. Торпедоносец стремительно шел на транспорт... Взрыв... Пожар... Через несколько минут от вражеского корабля остались лишь обломки. Дальше я наблюдать не мог — наседали три вражеских истребителя. На море еще виднелось облако черного дыма, языки пламени...

Нина Гнилицкая.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 г. Нине Тимофеевне Гнилицкой присвоено звание Героя Советского Союза. Посмертно.

Александр Лысенко:

Несколько дней спустя крышка подвала с печальным стоном отворилась. Свет фонаря скользнул по темному квадрату подвала, вырвал из полутьмы детские лица.

— Вы не ранены? — спросил сержант.

— А вы кто будете?

— Мы красноармейцы.

— У нас тут еще маленький братик, на руках у батька сидит. А вот тато мертвый, и мама тоже...

Разведчик направил луч на мужчину. Лицо малыша было чер-

ным от копоти, и лишь две светлые полосы на щеках прочертила детская слеза.

— Мы для малого доили корову, пока она была жива. А вчера ее убило.

Солдаты, захватив детей, отправились к своим позициям. Дети молчали, лишь изредка вздрагивали, отогревшись под солдатской шинелью. Крепкие солдатские руки бережно несли эти хрупкие существа, чьи судьбы были исковерканы войной в одно мгновение. Трое детей Емцевых — Поля, Витя и Валя — попали в детдом. Самый младшенький вскоре умер: не выдержал детский организм испытаний, что выпали на его короткую судьбу.

Раиса Солодянкина:

На Кавказе ранена в обе ноги. В госпитале встретила Землячку Любу Мишину с шахты 7/8. Еще не зажили раны, а мы стали просить, чтобы выписали. Не устоял доктор, выдали нам направления в сануправление фронта. Хотели послать на санитарный поезд, но мы стремились в свою дивизию. Это стремление было понятно фронтовикам. Проваловская дивизия стояла перед так называемой «голубой линией». Грязь непролазная. Говорю:

— Люба, давай на передовую проситься.

Пришли к командиру батальона Юшко. Как раз командир 696 полка просил медсестер.

— Девочки, вы же уже ранены.

— Ну и что, пошлите нас на передовую.

И дал он нам направление в полк, в третий батальон, в 9 и 8 роты. Вот мы и попали на передовую.

Василий Жиленков:

Ночью, как правило, бойцы отдыхали. Спали не раздеваясь. По очереди. Прикорнет, согнувшись, в землянке солдат часок-другой и доволен: сон и усталость отступают. Но была категория солдат, для которых ночь предназначалась не для отдыха. Это разведчики. Если все остальные готовились к отдыху, разведчики собирались в поиск.

Для меня такая служба стала привычной. Тем более что командир взвода полковой разведки лейтенант Степанов приучал нас отдыхать днем, а ночью работать. Даже в самое спокойное время у разведчиков не было нормального отбоя. Поставит лейтенант на передовой в разных траншеях: наблюдайте за противником, запоминайте места, где фашисты проявляют активность.

Иван Скворцов:

Командир называет три фамилии. Боец Скворцов назначен старшим.

— Забросать гранатами вражеский пулемет, заставить его замолчать.

Мы поползли. Задание сложное, трудное и опасное. Прицельный огонь у врага точен. Незначительная оплошность — и солдата нет... Наконец пулемет захлебнулся. На поле битвы остались лежать двое. Меня только ранило.

Не пересчитать подобных эпизодов. А война все шла и шла. Казалось, что нет ей конца и края. Мелькали дни, насыщенные опасностями, напряжением, риском... Правильно в песне поется: «Мы солдатское лихо вместе с кашею ели».

П. Антонов:

Ночью меня доставили в медсанбат с очень опасной раной. Но хирург П. И. Погорелов немедленно сделал операцию, несмотря на бомбежку населенного пункта.

— Выздоровеете и опять воевать будете, — заверил он меня.

И я жив, здоров и снова в строю. Громлю фашистов.

Тамара Скворцова:

Когда вся станица Советская вышла на улицу провожать новобранцев на войну, я стояла в толпе, стараясь не выдать волнения.

Работала в колхозе. Днем мешали фашистские самолеты — обстреливали. Мы пахали ночью. Одна сидела за рулем трактора, а другая факелом указывала борозду. Потом менялись местами. И так всю ночь. Жилось холодно и голодно. Слабость от недоедания, усталость от чрезмерной работы. Редко, но переписывалась с Ваней Скворцовым. А однажды решила послать ему в армию лазоревый цветок.

Мария Игнатьева:

Меня готовили переправить через линию фронта в районе станции Колпаково. Перевести через линию фронта согласился немецкий солдат Вилли. Он тоже был в нашей группе. Но это не удалось. Группу предал провокатор по имени Тимка.

Немцкий солдат Вилли погиб, бедняжка, из-за нас, неопытных. Его расстреляли в Штеровке перед строем.

Юрий Рябущенко:

Рябущенко Валентин лично ограбил склад имущества немцев и санитарное подразделение, которое размещалось в доме 78 по улице Советской в Красном Луче. Немецкий часовой добросовестно охранял склад, ходил вдоль забора со стороны улицы. А Валентин проник в склад и в дом через веранду.

Во время отступления было много шума и обысков. Но ничего не нашли.

Василий Жиленков:

Каждый раз, когда отправлялся в поиск на территорию, занятую врагом, чувствовал собранность, прилив сил. Мы научились бесшумно передвигаться и безошибочно ориентироваться на местности, хорошо «ходить» по-пластунски и совершать стремительные перебежки. Задача разведчикам ставилась кратко: достать «языка». Но за этой видимой краткостью стояло много непредвиденного. Успех дела зависел от твоей ловкости и взаимодействия товарищей. Товарищи считали меня удачливым и надежным.

Раиса Солодянкина:

Получили ночью приказ. Саперы убрали проволочное заграждение, проходы в минных полях сделали. Как ударила артиллерия, как пошли наши танки... Бежал немец! Мы прыгали от радости, обнимались, целовались. Но это только сразу казалось, что все кончилось. Бой только начинался... Что там творилось... Мне командир сказал:

— Сестра, кто останется жив, вторым эшелоном будем укрепляться.

В соседней роте санитаром был высокий светловолосый мужчина. Мы стали с ним перевязывать раненых и стаскивать их в воронку. Выносить их было просто некуда — кругом шел бой. Смотрю, нам машут издалека. Подходим, смотрим — это раненые немцы. Я тринадцати сделала перевязку. А бой продолжался. Пули, словно град, тархтели по каске. Удивляюсь, как уцелела. Ведь одна пуля даже каску пробила.

Анатолий Брусник:

В начале апреля дивизия перешла в контрнаступление в районе станицы Крымская. Я несколько раз проникал в стан врага, где вскрыл

огневую систему, численность войск и разбросал там более 6 тыс. листовок. В траншее противника огнем из автомата уничтожил семь гитлеровцев.

Юрий Белогрудов:

3 апреля, суббота. По Новопавловке все время стреляют, и много бьет «катюша». Ночью часто бомбят. Вчера и позавчера целый день стреляли по направлению Княгиневки и Штергрэса. Позавчера кончил читать «Айвенго». Очень интересная книга.

Василий Мельник:

Брали станицу Крымскую, связь прервалась. Послали одного связиста, второго, третьего — погибли. Командир роты вызвал меня и попросил помочь части, которая задыхалась без связи. Я был маленький ростом и шустрый, так что пробраться легче, чем взрослому. Дополз до минного поля, которое быстрее почувствовал, чем увидел. Нашупал проводок, соединяющий 2 мины. На четвереньках преодолел его. Затем еще 2 раза «перекочевал» через такие препятствия. Воронка. Возле нее лежит мертвый связист, дальше — второй. Пополз вдоль кабеля. Через 100-150 метров лежит и третий, в руке которого зажат оборванный конец провода. Нашел второй конец. Соединил. Проверил, связь есть. Назад пробрался тем же путем.

Юрий Белогрудов:

4 апреля, воскресенье. Вчера вечером выпал снег. Сегодня утром купались. Папа красит улей.

Вчера, когда я носил уголь, летали три наших самолета. Они бомбили по направлению Княгиневки.

Летело много гусей. Они летели на северо-восток.

Вечером все носили уголь в сарай.

Леонид Бердышев.

«Свердловская область, г. Сухой Лог

Бердышеву Павлу Михайловичу.

Ваш сын Бердышев Леонид Павлович пал смертью храбрых в боях за г. Красный Луч.

Командир стрелкового взвода Бердышев Л. П. Похоронен в братской могиле в поселке шахты 2 ВЛКСМ».

Иван Скворцов:

Лазоревый цветок, который мне прислала Тамара, я спрятал в кармане гимнастерки, где хранился комсомольский билет. Каждый раз, когда притрагивался к нему, вспоминал предвоенный год. Мне исполнилось 15. Как и сверстники, особых жизненных планов не строил, учился в школе, как все. Но однажды понял, что стал заглядываться на школьную девчонку. А она и бровью не вела. Решил обратить на себя внимание, выделиться. Переплыл бурную речку, поднялся на возвышенность и собрал букет лазоревых цветов, самых ярких и красивых в Краснодарском крае. В нашем кругу не принято было дарить девочкам цветы. Выбрал самый крупный цветок и попросил второклассника Леню передать Тамаре.

Жизнь шла своим чередом. Мне уже пошел семнадцатый. Война полыхала вовсю. Фашисты подошли к Москве. И хотя их отогнали, но Ленинград им удалось окружить. Однокашники горячо обсуждали положение на фронте. Ясно было одно — дела наши плохи. А как помочь, что делать?

— Надо подаваться в военкомат, — предложил я.

Отправились и... получили отказ. Сделали еще несколько попыток. И военкомат уступил настойчивым ребятам. Так я оказался на войне я и мой лазоревый цветок. И я пронес его через войну.

Юрий Белогрудов:

5 апреля, понедельник. Утром читал Гоголя.

Александра Копытко:

Весной 1943 г. я вступила в партизанский отряд им. Ворошилова, которым командовал Дибров И. Д., комиссаром был Сабанский Казимир. Ходила в разведку, занималась снабжением отряда питанием. С первого дня в партизанском отряде были братья Чередниченко. Подгорный Леня был кучером. Он погиб от рук фашистов. Погиб и его отец. Он был партизаном еще в гражданскую войну. И в Отечественную стал партизаном.

Раиса Солодянкина:

В четыре утра следующего дня тем, кто был еще в живых, командир говорит:

— Вперед, за Родину! Ура!

Только влезли на бруствер окопа, немец как начал нас минами

лупить... Но не спрятались воины наши, не повернули назад, вперед продолжали бежать. Я только троих и успела перевязать, а потом как рвануло рядом, я и упала. Осколок извлекли только в глубоком тылу, в госпитале. А как поправилась, направили меня в другую дивизию. Видят, в документах написано: «Сестра фронтовая», вот меня снова на передовую и послали...

Василий Жиленков:

Нелегко захватить «языка», но еще труднее доставить его через линию фронта. Любой поиск, даже если он без «языка», приносил командованию пользу. Несколько раз удавалось доставать штабные документы, офицерские планшеты и почти всегда личные документы солдат противника.

Василий Мельник:

Стою на посту. В кустах еле слышный шорох. В том направлении как раз идет наш сержант. Ему навстречу выскакивают 2 немецких разведчика в белых маскировочных халатах. Завязалась борьба. Я поднял тревогу. Немцы поспешно бежали.

Шомахов:

Но бывает же такое. Выписали меня весной 1943 г. Начал медленно продвигаться к фронту. Запасные полки, пересыльные пункты — обычный путь военного времени после ранения. Наконец с маршевой ротой повез меня к фронту длинный эшелон. Место назначения таких рот — большая тайна, но... в пути все знали, что будем пополнять 116 укрепрайон. Почти никто не знал, что это за боевая единица, но солдат до всего докопается. Быстро узнали, что УР — это крупное формирование, в которое входит несколько пулеметно-артиллерийских подразделений.

Александр Ткаченко:

«8 апреля. Можешь меня поздравить: иду в бой коммунистом».

Юрий Белогрудов:

9 апреля. Вчера вечером самолет сбросил шесть бомб.

Александра Копытко:

Меня послали в Кременчуг. На дороге обогнала машина. Остановилась. Из кабины выглянул русский паренек, а с другой стороны второй такой же. Пригласили ехать. Я отказалась. Они окликнули кого-то из кузова. Оказывается, немец. Подъехали к переправе, а на переправе сдали гестаповцам. Тщательно обыскали. Потом один немец перевел меня по мосту в Кременчуг, в гестапо. За столом сидит пожилой гестаповец. Крупный чин. На чистом русском говорит:

— Вы утверждаете, что ваш муж на фронте, а почему же вы беременная?

— Я не беременна. В Донбассе немцы забрали все продовольственные запасы, и мы питаемся, чем попало, вот у меня и раздуло живот от недоброкачественной пищи.

Гестаповец подписал мне пропуск, вызвал дежурного и предупредил его, чтобы проследили за мной.

— В Кременчуге не задерживайтесь. А то во второй раз, если задержат, расстреляем.

Александра Щукина:

В начале апреля детвора совхоза играла в двенадцать палочек. Я предложила:

— Давайте потихоньку крикнем, как советские солдаты, когда шли в атаку: «За Родину, за Сталина, ура!».

Всем это понравилось, и мы несколько раз повторяли, все громче и громче и, наконец, кричали на весь совхоз. Вечер был теплый, тихий, на небе ни облачка. Когда видим, на нас бегут с палками из полиции дежурные. Мы бросились врассыпную. Нас нигде не нашли, но зато окна в бараке побили, и когда мама пришла и узнала, что это организовала я, она меня очень, очень ругала.

Юрий Белогрудов:

10 апреля. Вечером «кукурузник» бросил 3 бомбы и 2 ракеты. А одиннадцатого он пролетел низко над городом.

Алексей Кедов:

Прозвучала команда «Становись!» Командир взвода полковой разведки лейтенант Амосов назвал имена шести человек. Я сразу понял: идем в разведку. Документы и медали сдали на хранение политруку роты.

Стемнело. Сержант Киреев подкатил к нам на паре трофейных рысаков, запряженных в румынскую повозку. Мы выехали из села Никитовки, обогнули полем Петровеньки, проехали хутор Степной и остановили лошадей, не доезжая Ивановки. Дальше пошли пешком. Враг мог оказаться в любом месте. Чтобы не выдать себя, шли молча гуськом. Ночь темная, моросит мелкий дождик. Плащ-палатки намокли и не в меру шуршат. Каждый такой шорох настораживает. Мы на окраине села. Прислушиваемся. Невдалеке стучат в дверь избы. Через некоторое время снова сильные удары в дверь и неразборчивая немецкая речь.

Нам нужен «язык». Левее от нас что-то чернеет. Наверное, изба. Лейтенант Амосов поручает мне и Степану Ичневу узнать, что это. Мы успели проползти метров десять, как послышались шаги. Человек направлялся к дому. Открылась и закрылась дверь. И опять шаги. Теперь они приближаются. Это часовой. Он проходит около нас. Снова открылись в избе двери, и часовой зашел погреться. Взлетела ракета, осветив зеленым светом село. Мы прижались к мокрой земле. Но успели заметить, что во дворе у угла сарая — пулеметное гнездо.

Было около 12 часов ночи. Дождик не перестает. И это хорошо. Он помогает нам. Решили брать часового, который выйдет из избы. Ефрейтор Ичнев подполз к пулемету, вынул замок и забросил в колодец.

Время тянется долго. Холодно, дождик проникает до костей. Покурить бы, но нельзя. Скрипнула дверь, часовой приближается к нам. Как только фашист чуть минул нас, мы со Степаном Ичневым схватили его за ноги и резко дернули. Он не успел опомниться, как у него во рту уже торчал кляп. Мы связали «языку» руки и ноги и понесли к повозке.

Уже в дороге рассмотрели свой «трофей». Лицо завоевателя выражало страх и покорность. На рысях быстро добрались в часть.

Юрий Белогрудов:

14 апреля, среда. Вчера вечером поднялся ветер. Ночью он повалил заборы, а в одном месте повалил ворота.

С утра я носил уголь. А вечером, когда пришли Виктор и папа, также его носили.

Александра Щукина:

Немцы поселились в наших хатах, а нас выгнали.

Недалеко от колонии старики отремонтировали свинарник и по-

делили его на 20 маленьких комнат (клеток), каждая по 6 метров на семью. Свинарник находился около балки, и здесь же были колхозные поля. Нас заставляли всех работать в колхозе Тельмана, председатель которого был Вероховский Петр. У дьякона Яценко появилась корова. Жена его, немая Марина, и жена Вероховского понемногу угощали нас молоком, иногда и простоквашей. Мои младшие Коля и Ваня уже могли покушать кашу кукурузную, сваренную на молоке, а потом и нам попадало понемногу.

Юрий Белогрудов:

15 апреля, четверг. С утра мама ходила на огород и пробыла там полдня. Я ходил к Юре. По дороге зашел к Павлу. У него я взял книгу «Тайна поповского сына», а у Юры — повесть о зоопарке.

Полина Дубовицкая:

С 17 апреля пять дней без передышки от рассвета до заката вражеские бомбардировщики висели над нами. Одни, освободившись от смертоносного груза, уступали место другим. Солнце лишь иногда пробивалось сквозь черную пелену. Но моряки, пехотинцы, артиллеристы, минометчики держались. Вот упал скошенный вражеским пулеметчиком командир второго взвода, вот пошли в десятый раз в атаку фашисты, но не дрогнули наши, не отступили...

Юрий Белогрудов:

17 апреля, суббота. На огороде взял мину.

Николай Кулик:

В середине апреля фашисты бросили на нас огромное количество самолетов, артиллерии, несколько дивизий пехоты. Горела земля, плавился металл, рушился бетон, но мы отражали атаки гитлеровцев. Эти атаки разбивались о стойкость наших бойцов. Беспримерное мужество в боях под Новороссийском проявили коммунисты. Многие вступали в партию в ходе боев. Всюду сказывалось влияние политической работы, которую вели армейские коммунисты.

Виктор Бутков:

Малоземельцы помнят ожесточенные сражения на плацдарме, которые развернулись в апреле. Фашисты создали ударную группу войск, в которой было до 27 тысяч минометов, 1200 самолетов. Опе-

рацию назвали «Нептун». Ставилась задача — ликвидировать десант на Малой земле. Часами длилась артиллерийская и авиационная подготовка. Противник обрушивал на десантников сотни тонн смертоносного металла. Атаки следовали одна за другой. Но защитники Малой земли достойно встречали врага, фашисты несли большие потери и откатывались назад.

Юрий Белогрудов:

18 апреля, воскресенье. Ночью приехал австриец из Сталино. Пришел дедушка. Папа, мама и Виктор пошли на огород. Я сделал пропеллер и пускал его.

Г. Недоступов:

Освободив большую часть оккупированной немцами территории и войдя в пределы Донбасса, Советская Армия в начале 1943 года приостановила наступательные операции и начала готовиться к новым боям. Используя временную передышку, враг стал укреплять передний край обороны по реке Миус. Строились железобетонные доты, дзоты, блиндажи, противотанковые рвы и траншеи.

Наша часть базировалась возле станции Должанка. Мы вели воздушную разведку. Следили за сосредоточением войск противника, за их передвижением и производили фотосъемки оборонительных сооружений. В апреле летчики обнаружили в районе Чистяково крупный полевой аэродром, где базировались соединения разведывательной и бомбардировочной авиации противника. Уничтожить самолеты на аэродроме — значит лишить глаз врага, посредством которых он вел наблюдение за нашими войсками. Выполнение этой задачи было возложено на авиационную часть, в состав которой входил и я. Мы знали, что аэродром противника охраняется истребительной авиацией и зенитными установками. Поэтому требовалось найти скрытые подходы, чтобы наш налет был внезапным и эффективным.

Рассвет. Белая ракета взвилась в воздух, описала дугу. Она известила о старте. Машины одна за другой поднимаются в воздух. Вот вправо от нас последний контрольный ориентир и через пять минут — вражеский аэродром. Налет оказался для противника внезапным. Зенитная артиллерия молчала, и мы, спустившись на бреющий полет, в упор расстреливали вражеские машины. Мы уничтожили более 30 тяжелых бомбардировщиков и других вражеских машин. Выполнив задание, мы вернулись невредимыми на свою базу.

Юрий Белогрудов:

19 апреля, понедельник. Сегодня утром ниже шахты им. «Известий» упало три снаряда.

Полина Дубовицкая:

Во время малоземельской операции бывало по-всякому, но, несмотря на сложность положения, бои и трудности, мы не только воевали. Мы и отдыхали. В дивизии организовали хор. И мы каждый вечер в 19 часов собирались на репетицию, по вечерам смотрели кино, концерты.

Юрий Белогрудов:

22 апреля, четверг. С мамой мы пошли на огород. Около часа пришли домой. Огород весь посадили. А через час народ с огородов прогнала полиция. Приходила бабушка.

Юрий Белогрудов:

23 апреля. С утра отнес тете Нюсе лопаты и хлеб. Вчера посадил фиалки. Утром они были свежие, зеленые, потом повяли. Вчера вечером кукурузник бросил две ракеты и одну бомбу. А позавчера над Новоапавловкой взлетели ракеты пучком и стали рассыпаться. Через некоторое время раздался взрыв, и поднялся черный дым. Все последние дни сильно стреляют.

Юрий Белогрудов:

24 апреля, суббота. Утром я отвез мусор. Жарили пирожки с картошкой и капустой.

Василий Пустовой:

Во время боев за Малониколаевку 24 апреля мы получили задание добыть «языка». Нас 18. Идем через линию фронта в районе балки Редькино. Дело привычное для разведчиков. Спокойно, без шума взяли двух немцев. Возвращаемся.

На обратном пути нам не повезло. Мы обнаружены. Противник открыл по нашей группе ураганный огонь.

Задание мы выполнили, но заплатили за «языков» жизнями тринадцати товарищей. Мне повезло: хоть и ранен, но остался жив.

Борис Стремилов:

25 апреля мы, ребяташки, пасли коров и своих коз. Часов в 9 в камнях третьей скалы, что по балке Скелеватой, мы увидели четверых солдат. Когда разговорились, то выяснилось, что их часть стоит в селе Есауловке Антрацитовского района, а пришли в разведку. Убедившись, что они наши, мы рассказали им, какие и где стоят в поселке немецкие части, о передвижениях немецкой военной техники по автодороге из Штергрэса. Мы рассказали им все, что знали, и они заверили нас, что скоро они нас освободят.

Юрий Белогрудов:

25 апреля, воскресенье. Сегодня я много играл в мяч. Обедали у тети Лены. Борщ, лапша с мясом и компот. Вечером нам дали меду и по куску пирога. На улице были до часов 9. Были крашеные яйца и пасха. Вчера снаряды рвались утром, перед вечером и когда было темно.

Юрий Белогрудов:

26 апреля, понедельник. Утром где-то недалеко рвались снаряды. Приходила Вавочка, и с мамой пошли на могилу дяди Кости. Днем я отогнал Катьку. Зарезали Бориса.

Полина Дубовицкая:

Тонет пробитый в десятках мест катер, а на нем я, связная Полина... Малая земля... Сколько жизней оборвалось, сколько крови пролито! Много раз под ураганным огнем, рискуя жизнью, доставляла в штаб 18 армии донесения с Малой земли и снова возвращалась в самое пекло.

Юрий Белогрудов:

27 апреля, вторник. У Виктора забрали виолончель. Виктор нашел пять пфеннигов.

Иосиф Милованов:

На Смоленском направлении в боях за какую-то деревню мой танк подбили. Я вылез из танка. Осколок впился в ногу. 28 апреля в Калуге ногу мне ампутировали...

Юрий Белогрудов:

1 мая, суббота. Утром гонял Гальку на бугор. Со всех сторон стреляют. По городу стреляли. Снаряды рвались и на Эсауловке. Папа сказал, меня можно устроить на работу к Пряхину. Утром с папой пошли к Пряхину. Но он сказал, что я маленький.

Александр Конько:

Вчера вечером прилетел советский самолет, сбросил листовки. Мне досталась одна. Забравшись в кусты, рассматривал снимки первوماйской демонстрации в Москве.

Увлечшись, не заметал, как подошли немцы. Посыпался град ударов. Затем меня заперли вместе с лошадьми в школе, превращенной в конюшню. Что они обо мне подумали? Мне девять лет.

Всю ночь не мог уснуть. Тело горело как в огне. В голове возникали тысячи различных планов мести. Под утро пришло окончательное решение. Вот если бы только дождь пошел.

В полдень хлынул весенний слепой дождик. В таких случаях немцы старались держать лошадей на возвышенности.

Я быстро собрал лошадей и направил их на холм, где росла белена. Она особо опасна для животных после дождя и водопоя. Лошади с жадностью набросились на корм. Когда кончился дождик, и солнце сильно припекло, лошади с жадностью пили холодную ключевую воду. После этого лошади бросались друг на друга, падали, ломая ноги, в бешеной скачке уносились в степь. Прошло немного времени, и повсюду можно было видеть трупы лошадей с невероятно раздувшимися боками. Из сотни осталось в живых не больше десятка лошадей. Догадались немцы, в чем дело, и кинулись искать меня. Но я спрятался. Так я отпраздновал пролетарский день в 1943 г.

Юрий Белогрудов:

2 мая, воскресенье. Виктор, папа и мама пошли на работу. Я погнал Гальку на бугор.

Австрийцы уехали рано утром.

Ходил искать Катьку, но не нашел. Пошел на огород. Когда был на огороде, по направлению электропоста раздался выстрел. Поднялся черный дым. Потом что-то выстрелило по направлению Колпаково. Снаряд просвистел почти над нами. И разорвался на 160-й. Через некоторое время — еще один.

Вечером было электричество. Ночью я проснулся от сильного

взрыва. Мы вскочили. Где-то недалеко разорвалась бомба. Низко недалеко от нас летела ракета. Когда она потухла, то над Васильевкой самолет бросил еще одну ракету и бомбу. Перед рассветом я опять проснулся от взрывов. Где-то недалеко рвались снаряды. Мы оделись и сидели. Когда снаряды перестали рваться, я разделся и заснул. Говорят, что бомбил «кукурузник». Но это не «кукурузник». Он только гудит так.

В Чистяково, говорят, он сбросил 10 бомб по 50 кг.

Мария Норка:

Немцы забрали нас и повезли в Германию. Что нас ждет? Работать на убийц мы не могли. Быть рабами немецких фрау, мужья которых вешали советских людей, наших братьев и отцов, маленьких детей!? Лучше умереть, чем ехать в Германию! — решили с подругой, и ночью, когда поезд дал тихий ход, выскочили из вагона. Бежали, сами не зная куда, не зная, что нас ждет. Долго мы добирались домой, где нас уже оплакивали как мертвых родные.

Юрий Белогрудов:

3 мая, понедельник. Сегодня снаряды рвались где-то в городе. Пошли с мамой на огород. Когда мы были около «Веры», в городе упало еще три снаряда. Вечером папа сказал, что снаряды падали около конторы «Донэнерго».

Иван Дибров:

4 мая нашу бригаду перебросили на Орловско-Курскую дугу.

Иван Заикин:

5 мая получили приказ разбомбить немецкий штаб в г. Локоть (Липецкая обл.), где, по данным разведки, должно было состояться совещание высших офицеров армии, готовившейся к наступлению на Курской дуге.

Зная, что иду на очень опасное задание, написал в парторганизацию полка заявление: «Если погибну, то прошу считать меня коммунистом».

До линии фронта девятка пикирующих бомбардировщиков (Пе-2) шла в сопровождении истребителей, а дальше, как говорится, на свой страх и риск. На подлете к цели нас встретил зенитный огонь врага, но штаб был уничтожен. На выходе из зоны огня повредило мотор,

тяжело ранило меня. Командиру экипажа А. Д. Анашкину и штурману Н. П. Соловьеву потребовалось большое мужество и мастерство, чтобы на одном моторе дотянуть до ближайшего аэродрома.

Юрий Белогрудов:

5 мая, среда. Читал Уэллса. Ночью пришли оба австрийца. Один из них тот, что пришел ночью 25 марта. Он сказал, что второй австриец, в очках, убит в Штеровке.

Зинаида Илюхина:

Особенно тяжело было, когда увидела первую смерть на фронте. Это настоящее потрясение. Страшно и больно видеть, что смерть приходит так быстро.

Юрий Белогрудов:

6 мая. Пошли на огород. Возле «Веры» видел Качева. Он показал мне осколок. Это немцы взорвали неразорвавшуюся бомбу.

Дмитрий Кокшаров:

«Идут жестокие бои. Ранен. Но легко. В госпиталь не ложился. Завтра снова в бой. Дмитрий Порфирьевич Кокшаров. Май 1943 г.».

Юрий Белогрудов:

8 мая. Когда шли с огорода, на 160-й что-то взорвалось. Часов в 9 я пошел за хлебом. Возле аптеки стояли два танка. По ул. К. Маркса проехал еще один танк. Через некоторое время он вернулся, и все три поехали вверх по Интернациональной. Я взял хлеб и пошел домой. Танки ехали по Орджоникидзе. Это я узнал по следам. На Межевой улице, на шоссе, также были следы. Танки, наверное, поехали в Ивановку. Я поел и пошел с Галькой на огород. Со Штергрэса ехал поезд.

Александра Щукина:

В мае началась эпидемия брюшного тифа. Один выздоравливал, другой заболевал. Нет хозяйственного мыла, стирать нечем. Мы жгли в балке сухие ветки, пепел разводили в воде, отцеживали, замачивали белье, и стирали. Медикаментов нет никаких. Тиф пришел и в нашу семью. Первой заболела я, потом Маша, Коля и Валя. Без ме-

дикаментов и медицинской помощи наш организм покори́л эту страшную болезнь. Мама не болела, ибо переболела им во время гражданской войны. Она очень переживала за нас, часто плакала и молилась, чтобы Бог облегчил наши страдания и спас нас от смерти. Потеряла сознание на 11-й день, когда температура достигла 41°.

Яков Голубов:

Май. Прошло более недели, как я подал заявление о приеме в комсомол, но комсомольское собрание провести никак не удавалось — нам приходилось выполнять задания в поисках разведданных, ходить за «языками». Наконец среди ночи комсомольцы роты собрались в блиндаже. Первым на повестке дня стоял вопрос о приеме в комсомол. Рассмотрели заявления нескольких бойцов, и собрание пришлось прервать. Через нашу линию обороны просочились немецкие автоматчики, завязался бой. К рассвету бой утих. Фашисты понесли значительные потери. Убитые и раненые есть и с нашей стороны. Среди них — несколько ребят, которых накануне приняли в комсомол и которых принять не успели. В этом бою ранило и меня. В госпиталь не хотел, лечился в санбате, который располагался в землянках и блиндажах за Красной Поляной, в балке. Через несколько дней меня пришли навестить командир взвода автоматчиков лейтенант Турбин и комсорг нашей роты сержант Золотарев. Они мне сообщили, что за тот бой командование полка представило меня к награде, и тут же вручили мне комсомольский билет.

Жаль было наших ребят, погибших в расцвете лет своих, не успевших даже получить комсомольские билеты.

Юрий Белогрудов:

9 мая, воскресенье. На Новопавловку весь вечер шумит. И «ка-тюша», и снаряды, и пулеметы.

С. Шахов:

9 мая капитан-лейтенанта И. Я Трофимова назначили командиром подводной лодки Д-4 (Д-5 встала на капитальный ремонт).

Евгений Хлебников:

В кубанских степях у реки Челбас, что под Краснодаром, у подбитого танка КВ 1 меня подобрали санитары. Из моего тела вынули 17 осколков.

Карп Величко:

При первой возможности, рискуя жизнью, бежал из концлагеря. Это было 9 мая 1943 года...

После долгих скитаний по лесам в одном из сел встретился с партизанами. Привезли меня в партизанское соединение, запросили Москву, уточнили личность. Назначили заместителем командира по разведке партизанского отряда.

Николай Голофеев:

Рядовой Туйчи Эрджигитов замер. От волнения перехватило дыхание, сжались кулаки. Его принимали в комсомол. Минуты этой ожидал давно и был уверен, что готов к решительному шагу. А вот теперь засомневался: достоин ли?

Комсорг батальона Филипп Луговенко говорил четко, быстро, представляя его комсомольскому собранию. Да, собственно, и говорить-то не о чем было: родился, учился, фронт. Воевать начал под Сталинградом. Смелый, решительный, толковый боец. Из разведки без языка не возвращается. Вот и сегодня притащил гитлеровца...

Шел май 1943 г. На столе комбата мигала коптилка, а в узкие двери землянки яркой полосой вливался поток солнечного света. Выступили рекомендовавшие, друзья-разведчики, поднялся и я... Зря волновался Туйчи. Мне нравился боевой узбек Эрджигитов. С первого дня отметил про себя: стоящий парень. С таким не страшно в огонь и в воду. Промелькнуло все предыдущее молнией, пока поднимался. А вслух сказал:

— Сейчас будет бой. Пойдем в атаку. Вот и пусть те, кто знает рядового Эрджигитова, не отстают от него, узнают, как бьют врага комсомольцы.

Надо было прорвать передний край гитлеровцев. Задача не простая. Им не хотелось сдавать позиций. Но выбили-таки гитлеровцев из окопов. И впереди бежал Туйчи.

Перед боем получил Туйчи Эрджигитов комсомольский билет. А после боя — орден Красного Знамени...

Взял его к себе связным. Русские и украинцы, узбеки и татары, народ всей страны плечом к плечу защищал Родину.

Юрий Белогрудов:

10 мая. «Кукурузник» бросил 3 бомбы и 2 ракеты.

Александра Щукина:

Когда я открыла глаза, увидела маму. Она спросила:

— Шурочка, что тебе снилось?

— Я упала в очень глубокую яму, где невозможно было повернуться. Но я начала шевелиться и пыталась повернуться. Я чувствовала холод земли, а мне хотелось согреться. И вдруг эта могила немного раздалась и вверху появилась маленькая щель, куда проникал луч солнца. Упираясь ногами в стенки земли, еле-еле вылезла из этой ямы. Кругом была зеленая трава. Светило яркое солнце и я слышала пение птиц. Мне стало легко, и я проснулась.

Меня вынесли на улицу. Я увидела красоту природы, которая приснилось мне. Слушала пение птиц, любовалась кроной дуба, клена, ольхи, кругом была зеленая, сочная, чистая, не мятая трава. Вечером снова — «в клетку», как мы называли свою комнату. Я быстро поправилась и начала помогать маме, пошла на работу, чтобы немцы нас не эвакуировали.

Юрий Белогрудов:

11 мая, вторник. «Кукурузник» пролетел низко над городом. Сегодня годовщина, как к нам попал снаряд. Ходим молотить пшеницу. Сегодня Павло уезжает. Он оставил Юре части двух мотоциклов. Динамку, вольтметр, барометр.

А. Задорожный:

Готовясь к решающему летнему наступлению, немцы усиленно обучали своих солдат, особенно артиллеристов противотанковых пушек. На склоне горы неподалеку от поселка Яновка оборудовали артиллерийский полигон для стрельбы по движущимся мишеням. За каждым макетом на день закреплялись по четыре подростка, пригнанных сюда из ближайших поселков. Эту группу немцы называли «экипаж».

Несколько дней полигон работал нормально, но затем, с прибытием краснолучских ребят, начались неприятности.

— И на железных дорогах бывают катастрофы, — загадочно говорил крепыш в выгоревшей синей рубашке. Настоящего имени паренька никто не знал. Звали его все Ванюшкой. Это имя дал ему «полигонный» офицер.

«Полигонный» любил мелом рисовать на макетах пятиугольные звезды и надписи: «Сталин», «Москва», а на обратной стороне

появились и другие: «Гитлер», «Берлин», «Геббельс», кресты и немецкая свастика.

В каждый третий рейс макеты выпускались с очень малыми интервалами. В это время по ним били из трех пушек. В один из таких рейсов на самом большом уклоне сошел с рельсов первый макет, на него налетели второй, третий. Перед четвертым снарядом разворотило рельсовый путь. На исправление пути ушло почти три часа. Немцы нервничали.

Юрий Белогрудов:

12 мая, среда. Папа, мама пошли рано утром молоть просо. Клавдия говорила, что бомбы упали там, где живет Егоров. В полдень я и мама пошли на огород.

Днем... мама кричит, что опять начали стрелять, и чтобы я шел в комнату. Я пошел домой.

Разорвался еще один снаряд. Разорвался близко. Осколки били по крыше. Снарядов 10 всего.

Коляна был в коридоре, видел, как у Наташи один осколок ударил по ветке, и она упала. Мы пошли. Снаряд упал у Тимохина в сарай. От сарая осталась только куча досок. А у Семикиных в коридоре осколки пробили дырку, а в кухне осколки пробили стенку. Но не насквозь. А они как раз были в кухне. Коляна говорит, что снаряды падали около техникума. Это уже пятый раз.

С. Рогова:

Мой отец Дмитрий Иосифович, считавшийся без вести пропавшим, погиб у г. Ливны Орловской области 12 мая сорок третьего года.

Виктор Терещенков:

Мы жили в Брянской области. Все ушли в лес. К партизанам. Мама нас таскала с собой в лесу. Дочку только родила, в 41 г. отца на фронт взяли. Вторая с 39 г., я самый старший. Все сожгли, ничего у нас не осталось. Потом забрали нас в плен. Уже в 43 г. 12 мая, под автоматами отвезли в концлагерь в Локоть. Пацанов строили, отбирали. Немец руку поднял — измерил. Кто не дорос до руки немца, иди к маме. Выше — «Век». Отходи в сторону. Потом отвезли в Брасово. Там были женщины с семьями. В другой стороне пацаны, которых отобрали. Так там знаете, сколько их перестреляли? Ни в одной газете нет информации о том, что там был концлагерь.

Юрий Белогрудов:

15 мая, суббота. Вчера я записался в музыкальную школу. Сегодня получил справку и отнес ее папе. В конторе один дядя рассказывал, что на днях ночью по Штеровке раз пять била «катюша». Снаряды рвались у них всю ночь. Один снаряд попал к их соседям в ящики с толом и ФАУ. У них вывалилась стена под 4 окнами. Обвалилось два угла. Как раз в том месте спал немец. На него посыпалась штукатурка, но он даже не проснулся. Дядька после взрыва встревожился, где же немец. Он думал что, если немца убьют, ему нужно будет... Он и в сарай бегал. Нет его нигде. Пошел в комнату, а немец спит, засыпанный штукатуркой. Дядька давай будить его. Тот вскочил и, ничего не понимая, спросил:

— Вас ис дас?

Он и взрыва не слышал.

Владимир Богуславский:

Мне не было еще и 18, когда насильно увезли в Германию. Попал в село Ройдж (недалеко от г. Биттерфельд). Работать пришлось на шахтах, добывать бурый уголь. Кормили один раз в сутки. Вечером в 6 часов выдавали по 180 граммов хлеба. Только по средам «меню» разнообразили, выдавая по 200 граммов маргарина на неделю на пятерых.

Голод заставил воровать. Поймали. Допрашивали. Били. Приговор суда — 6 месяцев тюремного заключения.

Отправили сначала в тюрьму г. Галле. Разместили в здании бывшей мельницы на реке Саале. Сквозь дырявую крышу сыпался снег.

Юрий Белогрудов:

16 мая, воскресенье. Над городом пролетели десять «мигов». Они стреляли из пулеметов.

Нам перебежал дорогу заяц. Вскоре после того, как мама ушла, начали рваться снаряды. Я принес два ведра воды. Через минут 5–10 пришла мама. Мне Вербицкая сказала, снаряды падали около Марусино. Все пошли домой, когда дошли до Кульбакино, то решили идти назад. Но там еще упали два снаряда, и мама пошла домой. Два снаряда упали на путях. Часа в три мама и папа пошли на огород. Виктор собирал велосипед. Цепка большая, а на вилке крупная резьба. Копали водопровод.

Я, Виктор пошли сажать помидоры. Я вернулся домой, сварил Виктору на работу яиц. Папа пересадил пчел в другой улей.

А. Задорожный:

Утро началось как обычно. Макеты на полигоне катились вниз, по ним стреляли. Иногда снаряды попадали прямо в макет или путь. Повреждения быстро устранялись.

Еще утром ребята заметили, что выше их блиндажа появился за ночь другой такой же блиндаж, но значения этому не придали. Это и погубило Ванюшку. Во время стрельбы по первому макету он незаметно выскользнул из блиндажа, ослабил подкладки под колесами остальных.

Выстрела Ванюшка не услышал — его заглушил разрыв снаряда. Пуля, взвизгнув, впилась в деревянный щит. Ванюшка оглянулся. У соседнего блиндажа стоял офицер. Взгляды их встретились. Ванюшка понял, что провалился. Между блиндажами была телефонная связь. Когда «блиндажный» и «полигонный» офицеры выбрались из блиндажа, все макеты катились далеко вниз. На переднем стоял подросток.

С огневой вразнобой ударили три пушки. Столб огня и дыма взметнулся впереди макета с человеком, а через мгновение вместе с обломками макета тело Ванюшки было отброшено в сторону. Окровавленного, но еще живого Ванюшку немцы втащили в машину и увезли в неизвестном направлении.

Юрий Белогрудов:

17 мая, понедельник. Утром читал книгу «Научные развлечения». Мама ходила в город за повязками три раза.

Владимир Богуславский:

Однажды мы работали втроем. Двое других были ослаблены, не могли даже поднять лопаты. Так что мне пришлось работать за троих. Но, как ни старался, выполнить норму не смог. Надзиратель концлагеря видел, как это было, но все же я получил сполна. Им нужен был только повод, чтобы избить узника. Хотя часто избивали и без всякого повода. Нас избили так сильно, что думали, что умерли. Бросили в общую кучу трупов. Потом навалили сверху других. А я пришел в сознание и стал выкарабкиваться из кучи трупов. Это развеселило немцев. Но больше они меня в этот день не тронули.

Юрий Белогрудов:

18 мая, вторник. Я и тетя Лена пошли в город. Там встретили Вавочку и получили повязки. Мой номер 6952. Повязки с номерами и со свастикой обязан носить каждый.

Александр Задорожный:

В мае, возвращаясь из разведки, воины натолкнулись на линию заграждения, устроенную в посадке у железнодорожной станции Колпаково из проволочной сетки и навешенных на нее пустых консервных банок. Залаяли собаки, фашисты открыли огонь. Когда стало светать, разведчикам удалось короткими перебежками пробраться к своим окопам. Но ушли не все. В ста метрах от немецкого переднего края упал тяжелораненый командир разведгруппы. Бойцы подхватили его, но сильный пулеметный огонь прижал их к земле. Видимо, подчинившись приказу офицера, два разведчика поползли к своим окопам, а третий остался возле командира, но через несколько минут снайпер сразил его.

Вытащить раненого с ничейной полосы пытались и немцы, и наши, но попытки закончились неудачей. Ждали ночи. В последнее время немцам очень трудно давался захват «языков», а тут такой подарок на ничейной. Объявили своим: тот, кто захватит русского офицера, получит двухнедельный отпуск с поездкой в Германию. Но прошел час, другой, третий, а желающих не находилось. Вскоре это стало известно и на третьей линии обороны, где советские военнопленные копали для немцев окопы. Здесь обещали перевод в армию Власова и деньги.

День подходил к концу, когда немцы привезли на передний край военнопленного казаха. Он долго осматривал местность в бинокль и, наконец, согласился с условием, что хромовые сапоги, часы и обмундирование достанутся ему, а все документы и сам офицер — немцам. Условие приняли, но казаха предупредили: лишний шаг в сторону русских грозит расстрелом.

Извиваясь в бурьяне ящерицей, казах пополз к раненому. Метрах в десяти от него он почему-то остановился, и долгое время лежал неподвижно.

Шло время. Солнце уже клонилось к горизонту, но все оставалось по-прежнему. Русские молчали. Молчали и немцы. А затем... То, чего не учли немцы, учел сын казахских степей, советский артиллерист, попавший в плен. Когда солнце коснулось горизонта, смельчак подполз к раненому, взвалил его на себя и пополз к советским

окопам. Заходящее солнце светило прямо в амбразуры немецких дзотов. Фашисты всполошились, но вести прицельный огонь не могли. А солнце будто смеялось над ними, переливалось всеми цветами радуги и, казалось, нарочно задержалось над горизонтом, чтобы дать возможность двум сынам Родины добраться к своим. На бешеный, но неприцельный огонь немцев советский передний край немедленно ответил всеми видами оружия.

Осветив последними лучами передовую и, будто убедившись, что ничейная уже пуста, солнце скрылось за горизонтом.

Юрий Белогрудов:

19 мая, среда. Утром пошел к тете Нюсе. Отнес зерно. У них взял 6 журналов «Вокруг света» и один «Всемирный следопыт». Тетя Нюся дала мне сухие яблоки и груши. Зашел к папе, взял молоко. Мироненко говорит, что у него таких журналов много. Я сказал папе, чтобы он попросил их. Вечером ходил к Юре. Взял у него свои книги. Юра поставил мне один мат.

Борис Стремиллов:

В мае начались активные действия нашей авиации. Мы неоднократно наблюдали, как «яки» сбивали немецких «фоккеров». На моих глазах сбили «раму» над поселком шахты № 160. Она упала в Леонтьевском лесу. Другой самолет упал за поселком Штергрэс, третий — в районе Яновки. Все радовались успехам наших летчиков.

Юрий Белогрудов:

21 мая, пятница. Утром мы нашли осколок около ворот. А вчера, когда у Чуменко упал снаряд, у нас два осколка пробили забор. Один ударился в дом и куда-то делся. А второй тетя Лена нашла сегодня возле своего сарая.

Иосиф Кучер:

Май. 1 Белорусский. Фронт долго стоял на месте. Укрепились мы и немцы. Неделю выслеживал и изучал с помощью бинокля повадки и распорядок жизни врага. Выработал план захвата «языка». Идем двумя группами: группа захвата, в которой был я, состояла из трех человек, группа прикрытия — из пяти человек. Подкрались мы первой группой к вражеской траншее, как раз посередине между двумя пулеметными точками. Уперлись в проволочное ограждение.

Ничего не оставалось делать, как вырезать окно. Стояла темная ночь. Я работаю ножницами, двое по сторонам отводят концы. Оставалось перерезать пару проволочек, но товарищ справа упустил конец. Проволока спружинила, звякнула о подвешенную консервную банку. Немцы всполошились, открыли огонь. Мы ни с чем ушли восвояси.

Юрий Белогрудов:

22 мая, суббота. Ходил к папе за хлебом. Ходили все четверо на огород за Марусино. Протяпали почти весь огород.

Тимофей Гулеватый.

«Характеристика. За время нахождения в дивизионе 897 артиллерийского полка тов. Гулеватый с марта 1943 года показал себя одним из лучших наводчиков батареи. Во время жестоких сражений на фронтах Великой Отечественной войны неоднократно показывал себя смелым, храбрым, инициативным бойцом, за что дважды награжден орденом Красной Звезды и медалями «За отвагу». Коммунист Гулеватый активный участник партийной жизни дивизиона. Лейтенант Юсупов».

И. Ильин:

Пришел Павел Ковалев к нам на Воронежский фронт в знаменитый 861 бомбардировочный авиаполк. С виду скромный, тихий парень. В воздушном бою он преображался, будто сливался с самолетом. Движения его были энергичны, команды точны. Был этот летчик до отчаянности смелый.

Юрий Белогрудов:

25 мая, вторник. Виктор пошел сегодня на работу. Я ходил в музыкальную. Вечером сидели на лавке. Виктор рассказывал анекдоты. У нас уже два дня есть свет.

Иван Грачев:

25 мая комендант лагеря заключенных на шахте № 17/17-бис Лукин получил приказ начальника СД Бехера арестовать Марию Богатыреву. Ее предала Платонова. Лукин в сопровождении полицаев явился на улицу Коммунистическую, № 136, но Маруси не оказалось дома. Никто не знал о нависшей опасности и не мог предупредить девушку. Полицаи ушли, но не надолго. Легкая, как ветер, спешила

Маша домой, радуясь тому, что и на этот раз выполнила задание. Она доставила партизанам список тех, кого хотели угнать в Германию, выкраденный на бирже труда. Маша действовала не одна. Вера Калюжная, Люба Разоренова и Кыкова были в ее группе. То здесь, то там появлялись в городе листовки, написанные школьным почерком: «Наши придут. Смерть оккупантам!».

Однажды утром на стене рудоремонтного завода появились слова, написанные огромными буквами: «Долой немцев! Смерть Гитлеру!» Их написала Маруся Богатырева.

25 мая Маша спешила домой, где ее ждали полицаи. Девушку схватили и привели к Бехеру. Сначала ее допрашивал Лукин. Он ударил Марусю по лицу несколько раз, требуя признания.

— Ты связана с партизанами. Где они скрываются, в какой шахте? Мы знаем их имена. У них есть оружие?

— Не знаю! Нет! Нет!

Приемы палача Лукина показались Бехеру слишком гуманными, и он принялся за допрос сам. Через несколько часов девушка была почти мертва. Она лежала на цементном полу без сознания. Тело ее почернело, распухло.

Гестаповцы взяли и ее подружек. Они не выдержали пыток и назвали Машу организатором группы. Потом Марусю приводили в сознание лишь для того, чтобы снова пытаться. Но она молчала. Только раз Маша заговорила:

— Вам придется за нас ответить. Наши придут...

Ее душили веревкой, били железными прутьями. Сознание помутилось. Не было сил различить, когда наступал день и опускалась ночь.

И. Петухов:

Полк перебазировался в Миллерово. 30 мая получили приказ уничтожить авиабазу в районе Щегловки. На выполнение задания вылетело 30 самолетов. И вот эскадрилья у цели. Начали бомбить фашистский аэродром. Остервенело заработали зенитки. Было видно, как горели и взрывались вражеские стервятники, так и не взлетев в воздух. На последнем заходе самолет Павла Ковалева был подбит, загорелся и начал снижаться в сторону Горловки.

Юрий Белогрудов:

27 мая, четверг. Днем, когда гнали коз, нашел транспортир. Мы собрались идти на огород. Виктор позвал Клименко. Мама пошла, а я

остался ожидать Виктора. Клименко сказал ему, что его могут забрать. Не одного его, а всех шахтеров. Я побежал, догнал маму. Мама пошла домой, а я побежал к папе, чтобы сказать, чтобы он не шел на огород. Папа дал мне записку, чтобы отдать ее Клименко. Бабичев писал, чтобы все рабочие, которые были в списках, явились завтра к Пряхину в 8 часов.

Прилетели наши самолеты. Они так стреляли, что стоял сплошной гул и дым. Непонятно, что это. Наверное, «катюши».

И. Ильин:

Не удалось Павлу Ковалеву дотянуть до аэродрома. Взорвался самолет. Вместе с ним погибли его боевые друзья Иван Карташев, Василий Петрович, Борис Камустинин. В результате бомбардировки аэродрома выведено из строя свыше 100 самолетов противника.

Мария Богатырева:

«Мамочка моя! Крепись и помни меня. Придешь другой раз, а меня уже не будет. Скажи нашим, я до конца останусь комсомолкой».

Юрий Белогрудов:

30 мая, воскресенье. Утром вскочил от сильного взрыва. Папа сказал, чтобы я скорее лез в погреб и взял свою одежду. Я рубашку и штаны — в подмышку, и — в погреб. Там оделся.

Снарядов упало штук 7. Когда перестали стрелять, мы вылезли. Один снаряд попал в крышу дома Чуменко. Снаряд разворотил дыру метра 4 в диаметре.

Мама и тетя Маруся пошли бить масло.

Журналы очень интересные.

Перед вечером Коляна, Виктор и Шпоня стояли на улице. Рабочие пошли в ночную смену.

Мы стоим, разговариваем. Вдруг что-то выстрелило. Мы слушаем. Потом снаряд засвистел. Летит. Все ближе и ближе. Где-то разорвался. Мы с Виктором — под наш дом. Виктор вскочил и успел пробежать домой. А я остался. Я только бежать, а тут еще свистит. Я по-над домом раз 10 туда — назад бегал. Я кричу, что не могу перебежать, потому что там осколки летят.

Я закричал, чтобы мама открыла окно. Но она не услышала. Тетя Нюся открыла окно в комнату тети Лены. Я вскочил в окно, спрятался у них в погребе. Рабочие разбежались.

Вечером часов в 9 мы пили кофе. Вдруг опять начали стрелять. Мы — в погреб.

Мама лежала на кровати и не захотела идти в погреб. Она сказала, что лежит под кроватью. Но на самом деле она с кровати и не вставала. Мы слышали, как стучали осколки. Потом мама тоже пришла в погреб.

А перед тем, как начали стрелять, пролетал «кукурузник».

С. Шахов:

1 июня, находясь в 14 милях от Евпатории, гидроакустик доложил командиру:

— Справа слышны шумы работы винтов кораблей противника.

Иван Трофимов поднял перископ и, прильнув к окуляру, увидел вражеский конвой в составе транспорта, эскадренного миноносца и двух катеров-охотников, направляющихся в Констанцу. Трофимов принял решение атаковать. Атака сложилась нелегкой: конвой все время менял курс. Враг искусно уходил из-под удара. Трофимов тоже маневрировал, чтобы ударить наверняка. Наконец удалось сблизиться с транспортом и произвести прицельный залп двумя торпедами. Через минуту отчетливо прозвучали два взрыва.

Несмотря на серьезные повреждения цистерн и перископа, командир сумел привести лодку на базу.

Николай Каплун:

«За время боевой стажировки в составе снайперской группы 249 стрелкового полка 16 литовской дивизии с 10 июня по 2 июля 1943 года тов. Каплун Н. В. истребил 27 солдат и офицеров противника. За это время оказал первую медицинскую помощь 15 красноармейцам. В бою с немецко-фашистскими захватчиками тов. Каплун Н. В. показал образцы отваги и героизма, хорошее знание медицинского дела и вверенного ему оружия, беззаветной преданности социалистической Родине»...

Это характеристика. По этой характеристике меня принимали в Коммунистическую партию без партийных рекомендаций прямо в траншее. Было это на Орловско-Курской дуге под сильным огнем противника.

— Снайпер Каплун, снять пулеметную точку!

— Снайпер Каплун, снять наблюдателя!

— Санинструктор Каплун, вынести с поля боя раненых и оказать им медицинскую помощь!

В самом начале июня 100 выпускников школы снайперов в Курске послали под командованием лейтенанта Касумова пешим маршем на передовую линию Орловско-Курской дуги в 249 стрелковый полк литовской дивизии.

Дорога длинная. На пути встречалось много селений без домов и без людей. Торчали лишь обгорелые деревья и трубы сгоревших домов. Это все, что оставили после себя немецкие войска. Перед выходом начальник санитарной части Титаренко вручил мне сумку с медикаментами и наказал сопровождать группу, а также оказывать медицинскую помощь в бою.

Дорогой бойцы подходили за помощью. А красноармейца Узакова мучила малярия. Многие до крови растерли ноги, но мы шли без привалов, за исключением очень коротких остановок, чтобы перемотать портянки и подкрепиться сухим пайком.

Леонид Пивнык:

Аэродром наш под Одессой. Тихий солнечный июньский день. Четыре истребителя нашего звена получили задание вылететь в прибрежный район, чтобы не дать уйти двум канонерским лодкам противника.

Летать над морем для меня привычное дело. До войны окончил военно-морское авиационное училище имени Сталина, а до наступления наших войск под Сталинградом служил в специальной летной группе по охранению кораблей в районе Мурманска. Так что хорошо знаком с ведением воздушного боя в условиях моря.

5 часов утра. Через 15 минут после нашего вылета появились немецкие штурмовики с заданием отвлечь на себя наше внимание и тем самым дать возможность канонерским лодкам выйти в открытое море. У нас приказ: лодки противника не упускать, со штурмовиками в бой не вступать. Но тут из района Таврии на свою базу шли два наших военно-морских транспорта. Немецкие штурмовики устремились на них. Нам пришлось вступить в бой с противником. Не выдержав интенсивной атаки, немецкие штурмовики удалились. Таким образом мы спасли два советских транспорта и задержали вражеские канонерки, которые вскоре уничтожили.

Мария Козьмина:

Ночью наш самолет «Дуглас» перелетел линию фронта. В самолете случилось непредвиденное: у меня оторвалось крепление парашюта. Командир позвал членов экипажа — одного, другого, тре-

тьего. Никто не знал, как исправить. Что делать? Возвращаться? Вылет и так несколько раз задерживали по разным причинам. Спрашивают меня:

— Как ты?

— Буду прыгать, только пусть кто-то выбросит мешок вслед за мной!

А снизу по нам бьют трассирующими пулями, вот-вот настигнут самолет огненные струи. К счастью, в ночной темени на земле запылали костры в форме конверта. Это партизаны нас ждали на земле. И мы благополучно приземлились. Происходило это где-то в районе Припяти. Партизаны приняли нас как дорогих гостей, ведь мы привезли им оружие, боеприпасы, газеты, письма, одежду.

Владимир Боженко:

Наша дивизия заняла село. Не все, а только юго-западную его часть. А в другой части находились немцы. Командир полка приказал вывести роту в балку. Так получалось, что мы находимся в тылу у противника. Затем мне приказали отправиться в село на разведку. Втроем мы прошли, увидели, сориентировались. Вдруг показались два наших танка. Подбежали к танкам, забрались на них, и поехали. Немцы были шокированы. Никто даже не выстрелил. На танках вернулись в расположение части в балку.

Николай Каплун:

К вечеру 6 июня прибыли в село, где расположился штаб литовского полка. Тут же находился санитарный батальон. Командование полка поставило перед нами задачу уничтожить огневые точки противника и снять немецких снайперов, которых, по словам командира, появилось много. Они не дают поднять головы.

Распределили нас по подразделениям на передовой линии. По траншеям привели на исходные позиции. Траншеи в рост человека. Казались они бесконечными. На развилках, как на улицах стоят указатели, где что находится. Мы на своих местах. На передовой полный штиль. Ни одного выстрела, ни одного звука. Знакомимся с литовскими бойцами. Они говорят, что уже два дня у них тишина. Немцы не стреляют, и мы не стреляем.

Василий Харченко:

Я командовал пулеметным взводом в первом стрелковом батальоне. В июне взвод занимал позиции в направлении станции Ште-

ровка. Ночью гитлеровцы предприняли очередную вылазку, потеснив наших пехотинцев. Создалась угроза штабу батальона. Пулеметчикам пришлось вести круговую оборону, пошли в ход гранаты. Атака немцев захлебнулась.

Николай Каплун:

7 июня. Пришел наш командир лейтенант Касумов. Приказал всем снайперам сегодня не стрелять, а только знакомиться с местностью. Я в бинокль рассматривал передовую. Но кроме бескрайней долины и очень далекой лесополосы и кустарников ничего не заметил.

— Где же немцы? — спросил у бойцов.

Они рассмеялись и ответили:

— Они у тебя почти под носом.

И показали мне еле заметные брустверы, замаскированные травой и притом так близко. Один боец — толк меня в бок, говорит:

— Смотри, вон немец вылез из траншеи.

Я вскинул снайперскую винтовку, взял на прицел. А тут вылез второй немец и так нахально безбоязненно поправляет маскировку на бруствере. Через оптический прицел их видно так, что видишь черты лица. Немец на прицеле, но я хорошо помню приказ командира — не стрелять. За нарушение приказа на передовой мера наказания простая — расстрел.

Но мне хотелось скорее отомстить за те сожженные села, которые я видел вчера. Ненависть взяла верх, и я нажал на спусковой крючок. Немец упал. Там же, на бруствере. Второй прыгнул в траншею. Тут же появился лейтенант Касумов.

— Кто стрелял!?

Я молчу. Бойцы отвечают:

— Ваш снайпер стрелял. Посмотрите, он немца убил, вон на бруствере лежит.

Посмотрел в бинокль и говорит:

— Создать всех снайперов.

Посыльный побежал.

Иван Грачев:

Иногда разрешали прийти матери. Она приносила цветы и пищу. Но полицей выбрасывал цветы, крича:

— На могилу принесешь, если будешь знать, где ее зароят.

Мама... Это были минуты счастья. Рядом, совсем близко была

мама. Как осунулось ее лицо, какие глубокие морщины изрезали ее белый лоб, а в волосах — седина.

Советская Армия успешно наступала, и гитлеровцы спешили осуществить свои гнусные дела. Многих они бросили в шахту «Богдан», а Марусю Богатыреву отправили в Донецк и там умертвили в душегубке.

Николай Каплун:

Я переживал тяжелые минуты, зная, что командир, а он, кавказец, был очень строгим, выстроит снайперов и за нарушение приказа меня перед строем расстреляет.

На самом деле вышло не так. Он выстроил 99 человек, меня поставил перед строем, взял под козырек и за первого убитого нашей группой немца вынес мне благодарность. Все разошлись. Я заплакал. Плакал долго. Так, как когда-то в детстве.

Петр Трофимец:

К середине лета выпуск листовок на заводе Круппа мы уже наладили хорошо. Установили плотные контакты со многими лагерями. Листовки распространяли уже среди пленных других стран.

На заводе участились случаи производственного саботажа и небольших диверсий. То в одном, то в другом цехе на время выбывали из строя станки и агрегаты, увеличивалось количество брака. Во всем этом основная заслуга была наших военнопленных.

Чтобы мы не «пересолили кашу», руководство производственными делами взяли на себя товарищи из лагеря военнопленных. Они от многих из нас старше по возрасту, опытнее, организованней, дисциплинированы. Основная задача гражданских — поддержание бодрого духа среди товарищей, связи с другими лагерями. В это время я уже получал листовки непосредственно из рук военнопленного сибиряка Сергея Скромных.

Каждая листовка заканчивалась словами: «Смерть фашизму!» Эти два слова почему-то брались в кавычки. Оказалось, что военнопленные так именовали свою подпольную антифашистскую организацию.

Несмотря на то, что наша подпольная работа была связана с риском, в борьбу включались все больше людей. Это братья Григорий Стеценко и Петр Стеценко. Николай Волошин из Свердловского района, комсомолец Иван Якушин из Красного Луча. Старший рабочий кузнечного цеха Пауль снабжал меня чистой бумагой.

Иван Савенков:

В ночь на 11 июня батарея заняла позиции в районе населенного пункта Мелехово юго-восточнее Прохоровки Белгородской области. До рассвета еле успели окопаться. Бой начался ранним утром артиллерийским налетом противника. Вскоре подключилась авиация. Враг бомбил передний край полка. Пошли танки. Их так много, что от гула моторов и лязга гусениц, казалось, вот-вот расколется земля.

Наш орудийный расчет подбил два танка. Окрыленные успехом, ребята работали проворно. Но и противник не дремал. Пули беспрерывно барабанили по щиту орудия. Убит подносчик снарядов, смертельно ранен заряжающий. Фашисты, несмотря на большие потери, пытались уничтожить артиллерийский расчет. Неоднократно в этом бою приходилось браться за автоматы и пускать в ход гранаты, чтобы уничтожить просочившихся к позициям фашистских автоматчиков. Бой утих, когда солнце опускалось за горизонт. Перед позицией артрасчета догорали шесть танков. За этот бой наводчику сержанту Цезарю Селиверстовичу Расковинскому присвоено звание Героя Советского Союза (когда панораму орудия разбило, он осуществлял прицел по визирной трубке). Весь личный состав расчета наградили орденами Красной Звезды.

Николай Каплун:

100 снайперов начали действовать. Ежедневно совершали вылазки и уничтожали расчеты огневых точек, снайперов и безрассудных немцев, которые высывывали головы из траншей.

Это была наша боевая месячная стажировка. За время этой стажировки все снайперы открыли свои счета. Один только сержант Морозов уничтожил 52 фрица.

Василий Бойченко:

В июне нас сменила другая дивизия, а нас вывели в Успенку Лутугинского района на отдых и пополнение. Во всех частях шли занятия, чувствовалось, что наша дивизия готовится к предстоящим боям.

С. Шахов:

Подводная лодка Д-5 под командованием И. Я. Трофимова вышла 15 июня и за три рейса доставила в Севастополь 426,5 тонны боеп-

рипасов, 65 тонн бензина и вывезла 175 воинов, детей и женщин. Каждый из походов проходил в ожесточенном преследовании кораблей и авиации противника. На лодку сброшено несколько сот глубинных и авиационных бомб. Огненные рейсы требовали от подводников исключительной воли, выносливости и мужества.

Вячеслав Тюменев:

В здании треста «Краснолучуголь» расположилась жандармерия. У входа в нее свисал огромный флаг со свастикой. Когда часовой ушел с поста, я набросил на древко проволоку и сорвал флаг. Быстренько скрутил его, спрятал под одежду и убежал. Свастика на нем оказалась пришитой. Спороли, и огромный кусок красного репса пригодился нам, когда прогнали немцев.

Мария Козьмина:

Первый сеанс радиосвязи из тыла врага, после прибытия в район Припяти.

Горелый лес. Черные, обугленные стволы стоят и лежат на земле, все вокруг покрыто сажеей. Но мы на это не обращали внимание. Антенна 9 метров, грузик (противовес) забросили повыше.

Расположились мы с Наташей Мельниченко в этой самой горелой местности. Волнуемся. Сердца наши бьются учащенно, говорим шепотом. Громко разговаривать почему-то боимся, кажется, что за каждым деревом немецкий солдат стоит. Нигде ни пня, сесть не на что, даже плащ-палатки не было. Легли прямо на землю, другого выхода нет. Развернули рацию согласно инструкции, курсом на восток. Свяжемся или нет? Услышат нас на Большой земле или не услышат?

Включаем рацию. Надели наушники. Прослушали эфир на нужной волне. Минуты ожидания, когда нас вызовут. Готовность номер один. Мои часы, которые выдали перед вылетом, идут не очень точно, их надо часто сверять, смотрим на Наташины точные часы. Время! Слушаем очень внимательно. Среди помех улавливаем свои позывные. Связь есть! Теперь — все внимание на эту тонкую ниточку, сотканную из звуков, такую хрупкую, с трудом пробивающуюся сквозь большие расстояния. Слух и напряжение — на пределе. Мы отозвались, подтвердили с оператором центра друг друга.

Мы с Наташей должны работать поочередно. День она выходит в эфир, а день я. Сегодня ее день. Смотрю, у нее руки дрожат на ключе. Она не может. Слышим, что зовут, а ответить она не может,

волнуется. Тогда я взяла ключ, передала. Очень быстро. Такой приказ был, что больше 3-5 минут в эфире не находиться.

Послали небольшую радиограмму о благополучном прибытии в заданный район, указали наши координаты, доложили обстановку — все это в короткой шифровке. Первый сеанс радиосвязи прошел быстро, четко. Всегда помнили об экономии питания и о том, что нашу работу могут запеленговать.

Свернули рацию, все убрали, чтоб никаких следов не оставить. Идем к своим с чувством исполненного долга. Щеки горят, говорим громко, возбужденно. На душе радость: как же, связались с первого раза!

Идем с Наташей рядом. Вдруг глянули друг на друга — и ахнули. И она, и я перемазаны сажей черные, как черти. Лес-то горелый вокруг. Хохочем, не можем остановиться. И рады-рады, что связь удалась сразу, что так все хорошо.

Доложили командиру, что наша шифровка ушла в центр Украинского партизанского штаба, нам маленькая ответная радиограмма, где нас поздравляют с благополучным прибытием и желают успешной работы. Завтра — опять на связь.

Анна Гончаренко:

Когда Старобельск освободили, я решила пойти на фронт, чтобы отомстить фашистам. Но мне не было 16 лет, и военком отказал. 16 июня 1943 г. на фронт брали девушек, и мне наконец-то повезло.

Запасной полк, в который нас направили, стоял у села Прохоровки Курской области. Там и произошло мое боевое крещение.

Тишина необыкновенная. Нас знакомили с оружием. Учили стрелять по мишеням, делать перевязки. Готовили к вступлению в комсомол.

Иван Акименко:

После госпиталя — снова Южный фронт. Командую артиллерийским взводом в составе 221 дивизии. Дивизия преследовала врага. У Миуса, недалеко от Красного Луча, началось большое сражение. 17 июня советские войска перешли в наступление по всему Миус-фронту. Два часа подряд били наши орудия. Саур-Могила имела огромное тактическое значение. Противник просматривал с нее местность на 25 километров вокруг. Надо было ее взять. От артиллерийского огня и бомбежек стало темно, как ночью.

Надежда Карпова:

Появились полицейские и фашисты в черных костюмах с бляхами. Я успела предупредить маму. Подошли к нашему дому, зашли в нашу квартиру и начали делать обыск. Но мама к этому времени спустила раненого в подвал и крышку накрыла ковриком. Фашист говорит:

— Если найдем, сразу расстреляем.

— У меня дети, и я не могу держать раненых.

Угроза миновала, но тревога не покидала. Я приносила листовки и отдавала Милованову С.И. Там было написано, чтобы оказывали помощь раненым, вредили фашистам. Я прислушивалась, о чем говорят люди, и все рассказывала Милованову С. И.

С. Величко:

Наша 34 гвардейская стрелковая дивизия закрепились на берегу Миуса. Противник создал здесь глубоко эшелонированную оборону, состоявшую из трех полос, а каждая полоса имела хорошо оборудованные две-три позиции. На переднем крае и в глубине обороны было построено много железобетонных и земляных сооружений. Подступы к переднему краю прикрывались несколькими рядами проволочных заграждений и минными полями. Большую работу провели в этот период наши разведывательные подразделения, особенно разведчики 35 отдельной разведроты гвардии капитана Якова Сыромятникова.

Соседние части, стоявшие в обороне на Миусе, долгое время не могли захватить контрольного пленного. А такой «язык» был очень нужен. Командиру нашей дивизии гвардии полковнику Ф. В. Брайляну было приказано выделить отборную группу дивизионных разведчиков для организации поиска и захвата «языка». В июне разведчики вышли на передовые позиции и дней 10 изучали противника. Подготовкой разведчиков к захвату «языка» руководил начальник разведки штаба дивизии майор Н. А. Яковлев. Наконец все подготовительные работы закончены.

В 2 часа ночи 18 июня разведчики приступили к выполнению задачи. Операцию провели успешно. Вернулись без потерь, уничтожили 9 фашистов, захватили ручной пулемет новой системы и снаряжение. Они привели с собой обер-лейтенанта и ефрейтора. Пленные дали важные сведения о расположении немецких войск в обороне.

Командующий 5 ударной армией генерал-лейтенант В. Д. Цветаев высоко оценил действия дивизионных разведчиков, он лично при-

ехал в расположение разведроты и сердечно поблагодарил их за успешное выполнение боевой задачи. В этой разведывательно-поисковой операции показали мастерство и проявили мужество, сообразительность все участники операции, за что были награждены орденами и медалями. Особенно отличились командир роты Я. Сыромятников, старшина Довженко, сержанты Булатов, Демченко, Карепов, Титов, Шелест, Лазебник, Лобов, Нестеренко.

Василий Иванов:

Наша подпольная группа добывала оружие. Нашли пулемет. Дома у Шейко А.А. почистили и смазали, проверили пулемет. Мы собрались в балке на совещание. Решали, как помочь раненым бойцам перейти линию фронта. И тут увидели, как к нам подползает сосед Шейко А.А. Боярко Павел Петрович, чтобы подслушать, о чем мы говорим.

Организатором у нас был Шейко А.А. Мне с Бурмистровым он поручил нарисовать карту фашистской обороны.

Владимир Боженко:

В районе Кривого Рога, преследуя отступающих немцев, я со своей ротой в дождь взшел на поле, на котором стояли копны скошенной гречихи. Под этими копнами оказались немецкие танки. Принял вправо, обошел танки и оказался в немецком тылу. Настроение у всех было бодрое, хотя и вымокли с ног до головы.

Решил дать бой. По моей команде открыли огонь. Фрицы запаниковали и побежали из поселка. Изменив маршрут наступления, я дал возможность нашим артиллеристам открыть огонь по танкам на поражение. Часам к 8 подошли соседние роты и артиллерия.

Надежда Карпова:

Фашисты начали угонять молодежь в Германию. Мама сделала нам с Мишей царапины бритвой и приложила к ним чеснок. Утром у нас ноги были в ранах. Михаила вызвали на биржу, но не взяли, потому, что у него были страшные раны. Фашисты боялись нечисти и Михаила не забрали в Германию. Чтобы нас не эвакуировали, Сергей Иванович Милованов посоветовал мне и Мише пойти работать в совхоз. В это время управляющий совхозом Тимошенко Николай Иванович объявил, что тех, кто будет работать на них, не эвакуируют. Мы с Мишей не столько работали, сколько прислушивались к разговорам, а потом все рассказывали Милованову. Михаил знал, где в

совхозе растет табак, рвал и приносил домой. Мама сушила и передавала всем раненым.

Михаил Чиков.

18 июня, находясь в разведке, Чиков Михаил Михайлович смертельно ранен. Похоронили мы его юго-восточнее Малониколаевки.

Капитан Щетинин Николай Георгиевич.

А. Зайцев:

Мы с боями вышли к реке Миус, на которой фашистам удалось закрепиться. Мощную линию обороны они назвали Миус-фронтом и хвастливо объявили о ее неприступности.

Тут и развернулись бои за освобождение Донбасса. Летчики полка, в котором служил Глазов, вели воздушную разведку, сопровождали бомбардировщиков и штурмовиков, наносивших удары по аэродромам и узлам сопротивления врага, сражались с гитлеровской авиацией, которая производила налеты на железнодорожные станции.

...Для отражения налета бомбардировщиков противника на крупный железнодорожный узел Батайск с центрального аэродрома Ростова, где базировался наш полк, поднялись две шестерки ЯК-1. Однако поиск противника не увенчался успехом: вражеские самолеты ушли.

Едва наши сели, чтобы заправиться, над аэродромом снова вспыхнули ракеты, зовущие в воздух. Готовым к вылету оказался только самолет командира эскадрильи старшего лейтенанта Алексея Решетова. Западнее Батайска летчик встретил до тридцати бомбардировщиков. Дерзко врезавшись в боевой порядок врага, он открыл огонь. Гитлеровцы ответили сильным пулеметно-пушечным огнем со всех сторон. Положение Решетова казалось безвыходным. Удачным маневром ему удалось выйти из-под обстрела. Но на него навалились два «мессершмитта». Фашистские истребители решили добить поврежденный «ЯК». Алексей отбивался из последних сил.

Выше «мессершмиттов» он заметил «ЯК».

— Я — Глазов! — услышал Решетов в наушниках голос заместителя. — У меня шасси не убрано, воздуха мало. Но я тебе помогу.

Вынырнув из облаков, Николай Глазов с короткой дистанции меткими пулеметными очередями сбил обоих «мессеров» и спас командира.

Командир полка Еремин еще в феврале, представляя Глазова к высшей награде, писал: «Товарищ Глазов скромный, культурный ко-

мандир, обладает волевыми качествами, способен пожертвовать собой ради победы над врагом... За уничтоженные вражеские самолеты, и отличное ведение боевой разведки и сопровождение бомбардировщиков без потерь, за проявление героизма и отваги — достоин высшей государственной награды».

1 мая 1943 г. гвардии старшему лейтенанту Глазову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением второго ордена Ленина.

...Войска Южного фронта готовились к прорыву обороны противника на реке Миус. Воздушные бои приобретали все более ожесточенный характер.

Пелагея Токарева:

Фашисты начали эвакуировать жителей совхозного поселка. Я ушла из поселка и спряталась у Шейко. Там в это время спасались раненые из больницы, которые начали понемногу ходить. Когда гнали людей на станцию Петровеньки для отправки в Германию, увидела Глазунова, спросила:

— Это люди из совхоза? Воронова есть здесь?

Полицай Русаков ответил:

— Воронову днем с огнем не найдешь. А найдем, мы с ней считаемся.

После эвакуации меня полиция искала. Сорвали замок на квартире, обыскали. Забрали все из комнаты. Когда пришла домой, квартира оказалась пустой. Я перешла жить в другой поселок. Покоя не было и там. Гнали на работу. Посоветовалась с Шейко. Он сказал:

— Иди работай. Не так будут подозревать.

Мария Козьмина:

Настали партизанские будни: ночные переходы, рывки через шоссе и «железки» (железнодорожные переезды, всегда укрепленные немцами и пристрелянные), водные преграды, разведка и бои. Сколько их было, этих сеансов радиосвязи!

Яков Голубов:

Июнь. Передовая — рядом с Красной Поляной. Командование полка поставило перед ротой автоматчиков задачу — провести разведку боем и захватить «языка». Задача состояла в том, чтобы мы днем вступили в бой с фашистами, а в это время наше командование будет фиксировать и наносить на карту огневые точки противника.

Готовясь к разведке боем, несколько ночей ползали по нейтральной полосе: разминировали проходы, в нескольких местах прорезали колючую проволоку, намечали фашистские объекты, на которые днем мы будем нападать. Ночью мы подползли вплотную к немецкой линии обороны — слышна немецкая речь. А как только рассвело, бросив по несколько гранат, мы открыли огонь из автоматов. С нашей стороны некоторые артбатареи дали залпы. Фашисты открыли бесшумный огонь из всех видов оружия, считая, что мы пошли в наступление.

Надежда Карпова:

Второй раз начали эвакуировать. Мама спросила у Милованова С. И., что делать, как спасти жизнь. Он сказал, все, что угодно, только не эвакуироваться, тогда трудно будет вырваться. Через некоторое время пришел Шейко А.А. и помог нам перейти к ним. Ночью перевели туда и Милованова. Раны на ногах еще не зажили, и он еле передвигался. Поселок Красноармейский не эвакуировали, он находился в лесу. Мы поселились в пустом доме и стали там жить. На огороде у Шейко А.А., в кустах, было убежище, и там находились раненные. Однажды Шейко А.А. принес листовку и начал нам читать. Мама потом положила эту листовку в печь, но печь не топились, вдруг ворвался в комнату полицай Веровский и говорит маме:

— Ты почему не работаешь?

— Работают двое моих детей. А я должна им приготовить кушать.

В тот день я не пошла на работу, приболела.

Владимир Борсоев:

22 июня. Прошло два года кровопролитной войны. Обстановка коренным образом изменилась в пользу Красной Армии. За это время много раз бывал в больших переплетах и всегда выходил из них благополучно.

Вечер тихий. Фриц молчит, он потерял надежду на победу. Но Красная Армия не остановится до полного разгрома немецкой военной машины. По утрам липы шелестят от тихого, нежного ветра. Соловей всюду заливается над землянкой. Изредка тишина нарушается гулом моторов подъезжающих машин и пролетающих самолетов.

Василий Левицкий:

Ночные вылазки не всегда были успешными. Как только саперы, сопровождавшие разведгруппу, пытались разрезать колючую проволоку, так на заграждении начинали греметь пустые консервные банки. И по тому месту, где возникал шум, немцы открывали стрельбу. Остряки по этому поводу шутили:

— Ну что, заработали три «о»?

У разведчиков это означало: обнаружили, обстреляли, отошли.

Александр Бжелек:

В июне с маршевой ротой прибыл на фронт под Орел. То и дело слух ловил какую-то незнакомую речь. Недоумевал: какая это часть? Оказалось, литовская стрелковая. Чтоб лучше понимать друг друга, ребята стали обучать меня литовскому языку, а я их — украинскому. Правда, мало было времени: шла война. Меня, старшину, назначили на офицерскую должность — командиром стрелкового взвода. Кроме того, избрали парторгом роты.

Митрофан Биляченко:

Белоруссия. Предстояло прорвать фронт. Как всегда, это дело сложное. Я — командир минометного расчета, старший сержант. После прорыва мотострелки благодарили меня, а я ничего такого и не сделал. Просто проанализировав ситуацию, правильно расположил свой минометный расчет. Я его выдвинул как можно ближе к противнику. Используя прицельный огонь, подавил несколько огневых точек. Это способствовало успешному прорыву на нашем участке.

Зинаида Илюхина:

В бою у деревни Буровцы нас было 70, а врагов — более 500. Окружили они деревню подковой, а в единственном месте, что оставили нам для отхода, устроили засаду. По радиции мы запросили помощь.

— Ждите, придет, — ответили нам. Но, ох, как не скоро пришла помощь!

Лето было. Красиво кругом, гречка цвела, поле белое-белое. А после боя не узнали мы поля. Кровью пропитались цветы и земля-матушка.

Яков Голубов:

Комсорг Леня Золотарев делал вылазки за передний край. Укрывался в окопе или воронке и с помощью усилительной аппаратуры на немецком языке рассказывал немецким солдатам о положении на фронтах, предлагал сдаваться в плен, переходить на нашу сторону. Немцы открывали огонь, чтобы ликвидировать агитатора. Такая передача была им, конечно, не по нутру. Нашего комсомольского вожака Леню смертельно ранили.

Борис Юрьев:

Знойный июньский день. Курская дуга.

Грохот, лязг, свист металла слились в зловещую мелодию войны. Кусок шипящего свинца война метнула и в меня, но не остановила.

Анатолий Коробкин:

В северной части села Иллирия находится высота Эльбрус. Летом 1943 г. оборону здесь держала 162-я рота на стыке двух дивизий. Командир роты, капитан, командир взвода лейтенант Матусевич Евгений, командир отделения Миша-татарин. Я у него был заместителем. В роте четыре взвода до трехсот человек. Рота держала оборону от Иллирии до Камышевахи. Нейтральная полоса — семьсот метров. На ней рос высокий бурьян. Ведем перестрелку с немцами, углубляем боевые ячейки и хода сообщения, продвигаясь ближе к немецкой обороне. На нейтральной полосе оборудовали окопы для боевого охранения, которое выставляли на ночь, а иногда оставались и для дневного наблюдения. Часто через наш взвод, а мы стояли напротив высоты, ходили разведчики, с нашего боевого охранения наблюдали за немцами, намечая цели для взятия «языка».

Прасковья Петунова:

До войны муж работал и играл в оркестре на аккордеоне. Когда нас арестовали, дочери Жене не исполнилось еще и трех лет.

Это произошло летом 1943 года. Полиции удалось напасть на след подпольной организации железнодорожных мастерских. Начались аресты. Георгий тоже участвовал в этой организации. Когда угрожал арест руководителю группы Казимиру Лаздовскому, то Георгий спрятал его у нас на чердаке в сарае. Несколько дней Казимир скрывался у нас. Об этом стало известно полиции. И нас арестовали.

Жору в мастерских, а меня дома. В тюрьме пытали — требовали выдать других подпольщиков. Отвечала, что ничего не знаю.

Александра Шукина:

В конце июня, пропалывали с Машей наш огород. Увидели в небе немецкую «раму» и наш истребитель. Завязался воздушный бой. Наш истребитель обстреливал «раму». Немцы вышли из хат и тоже наблюдали за воздушным боем. Наш истребитель казался совсем маленьким. Немцы переживали за своего корректировщика. Вдруг наш «ястребок» взлетел вверх и застрочил из пулемета, и эта «рама» вспыхнула огнем, а потом завывала и полетела камнем вниз. А мы, две дуры, как сговорившись, вместе закричали:

— Ура!

А немцы как закричат на нас:

— Шайзе, век! — и еще что-то на своем языке... Мы мигом убежали в свой свинарник. И там рассказывали о воздушном бое. Люди вышли из свинарника посмотреть. С бугра было видно, как догорает самолет, и черная полоса дыма уходит в небо.

Анатолий Коробкин:

Разведчики зашли в землянку командира взвода лейтенанта Матусевича, покурили, сказали, что идут за «языком» и будут выходить через наш взвод. Перед утром часовой запросил пароль. Ответили. Это возвращались разведчики, шуму на нашем участке особого не было, как всегда периодически стрелял немецкий пулемет. Но радость разведчиков была преждевременной. «Языком» оказался солдат из нашей роты. Он заблудился в бурьяне, когда шел за завтраком. Разведчики его оглушили, засунули кляп в рот и притащили в штаб. Потом через день или два разведчики все же взяли немецкого сапера, который минировал подходы.

Иван Решетняк:

С большим трудом, медленно, метр за метром, наши части продвигаются вперед. Казалось, что победа уже близка, и верилось, что скоро уже наступит конец этому страшному бою. Когда этого меньше всего ждал, прилетел шальной снаряд. Несколько воинов упали замертво. Не помню, как меня доставили в госпиталь, не помню операций. Когда вернулось сознание, первое, что спросил, скоро ли можно вернуться на фронт? Не знал, что для меня фронт уже остался в стороне. Комиссия списала как инвалида второй группы.

Андрей Нежданов:

Своим спасением я обязан Полине Георгиевне Вороновой, ее сестре Вороновой Наталье Георгиевне, Подопригоре Сергею, Шейко Александру Андреевичу, его жене Шейко Полине Федотовне, Карповой Варваре Алексеевне, ее детям Наде и Мише, врачам Софье Степановне, Марии Емельяновне и многим другим.

Трудно нам, но еще трудней людям, которые нас скрывали, лечили, кормили, делились последним. Они ежедневно рисковали из-за нас своей жизнью и жизнями родных и близких.

Токарева Наталья Георгиевна и ее сестра Полина под видом монашек приходили и делали нам перевязки. Карпова Варвара Алексеевна укрывала нас в своей квартире, когда у Ворониной оставаться было небезопасно.

Анна Заверюха:

Три месяца боролась за жизнь молодого солдата. Нелегально добытые лекарства и гусиный жир не улучшали состояние больного. Полицаи следили за каждой квартирой. Чтобы не нарваться на фашистских прислужников, моя квартира целыми днями была на замке. Три долгих месяца для нас с дочкой дверью служила оконная форточка. Рискуя жизнью, главный врач местной больницы Грабарь Софья Степановна приказала привезти больного на операцию ночью. С помощью медработников Дегтяревой и Подберезной в нелегких условиях ей удалось поднять Мазеева с постели.

Анатолий Коробкин:

На нейтральной полосе в районе Иллирии раза два устанавливали громкоговорители и вели антифашистскую агитацию. Выступал пленный антифашист, и его сопровождал Лобов В. В., плотный солдат невысокого роста.

После таких выступлений немцы обрушивали шквал огня на наши позиции.

Александра Щукина:

Мы неделю не ходили полоть огород, боялись немцев. Старики построили убежище, где мы все могли разместиться. Оно находилось между двумя балками, среди кустарника, и совсем незаметно для посторонних.

Яков Голубов:

Бой разгорелся днем. Пулеметный взвод «максимов» выдвинулся из оврага и заставил замолчать многие огневые точки противника. Взвод автоматчиков лейтенанта Афанасьева и одна стрелковая рота пошли вниз по оврагу, чтобы с фланга ударить по немецким окопам. Ожидалось всеобщее наступление советских частей. Вскоре началась артподготовка, ударили «катюши», сея панику среди фашистов. По окончании артподготовки вместе с нашим полком пошли вперед и другие подразделения. Немцы не выдержали удара, и вскоре Малониколаевка оказалась в наших руках.

Александра Шукина:

Подъехала линейка. На ней — полицейские и мужчина с забинтованной головой.

Он поздоровался со всеми и спросил Марусю. Мама сразу узнала Милованова. Он подошел к ней и сказал:

— Маруся, поехали, покажешь, где спрятан наган.

Пошли к линейке. Пока шли, он инструктировал:

— Не говори, что ты прятала наган. Говори, что спрятал я сам, и тебя сразу отпустят.

Они все сели на линейку и уехали к хате, где мы жили раньше. Маму не отпустили. Увезли в Петровское.

Анатолий Коробкин:

На немецкой стороне заметили легковую машину. Через день на наши позиции в районе Иллирии через минное поле выползли мужчина и женщина. Женщина была ранена. Кто были эти двое — я не знаю, но прошел слух, что диверсанты. Их отправили в штаб.

Александр Ткаченко:

«2 июля. Мы фашистам даем духу такого, что после этой войны, если кто из них останется в живых, тот двадцатому поколению передаст, что русского лучше не трогай...»

Анатолий Коробкин:

Начинались бои на Курской дуге. Бои местного значения тоже усилились. Наш взвод принял участие в разведке боем села Камы-

шевах. Поставлена задача: захватить дот с левой стороны села, взять «языка» и провести разведку боем. Наше отделение в группе прикрытия. Саперы сделали проходы в минном поле. Скрытно пробираемся вперед. Приближается рассвет. Нужно еще сделать проходы в проволочном заграждении. Нас обнаруживают. Первоначально из дота стреляли редкими очередями, но потом на нас обрушился ураганный огонь из пулеметов и автоматов. Видно к немцам подошло подкрепление.

Группе захвата не удалось пробиться к доту, т. к. саперы не успели сделать проходы. Бой принимал затяжной характер. Стало развидняться. Приказали отходить. Ранило наших двоих. Я вскочил в окоп справа у моста. В окопе оказался станковый пулемет. Пулеметчик земляк Бондаренко П. Д.

— Ну, вы тут и нарикошетили, теперь нам целый день расхлебывать, — сказал он. Поступил приказ отходить канавами и ярами на шахту Ворошилова.

Взошло солнце, немецкие батареи обстреливали нас, сопровождая до самой шахты. На шахте нас встретил подполковник невысокого роста, плотный, голова бритая. Офицер оправдывался, что подвели саперы: не проделали проходы в заграждениях. Вечером мы возвратились на свои позиции.

Петр Букаев:

Летом 1943 г. мое подразделение получило приказ участвовать в уничтожении противника, скопившегося на плацдарме для броска. Мы накрыли гитлеровцев орудийным и минометным огнем. Более семисот мин выпустила только моя батарея. Враг понес большие потери.

Анна Гончаренко:

3 июля 1943 г. меня приняли в комсомол. 4 июля приняла присягу.

А показать свою преданность присяге пришлось на следующий день.

Немцы бросили танки и самолеты в район Прохоровки. Наши воины удерживали рубежи. Мы, молодые, еще не закаленные девушки, вытаскивали с поля боя раненых, делали перевязки и отправляли в санчасть.

Осколком снаряда меня ранило в ногу. Рана оказалась не тяжелой, и меня оставили в нашем полку.

Владимир Егоров:

5 июля начались бои на Курской дуге. Сосредоточив в районе Орла и Белгорода большое количество танковых и механизированных соединений, гитлеровское командование планировало мощным ударом срезать выступ, окружить и уничтожить советские войска и, захватив стратегическую инициативу, добиться перелома в войне в свою пользу.

Александра Щукина:

Председатель колхоза Вероховский сказал мне:

— Пошли со мной в кабинет.

Это был маленький домик от ветра, хорошо просматривался с трех сторон. Сел на свое рабочее место, спросил:

— Чем занималась твоя мать?

— Не знаю.

Тогда он строго спросил за раненых солдат.

— Я ничего не знаю.

Он начал на меня кричать.

— Вот отправлю тебя в комендатуру, станут пытаться, там все расскажешь.

— Я ничего не знаю.

Он стучал по столу кулаком и говорил, что все знает, чем занималась мать.

— Вы скрывали советских бойцов, лечили и кормили их. Иди домой, хорошо подумай, а потом приходишь и все расскажешь!

И я ушла. Собрала свою детвору, обняла, рассказала все.

— Вдруг нас вызовут в комендатуру, будут иголки в ногти загонять, бить плетками, тыкать в лицо раскаленным железом, и тогда говорите, что ничего не знаем, ничего не видели.

Василий Копыто:

Воевал на Курской дуге. Там меня ранило. Лежал на поле боя, пока не подобрал.

Александр Борисов:

Лето 1943 г. Наши войска наступают. Местечко Лагери — это близ Балаклеи, прифронтовая полоса. Я и трое моих товарищей-офицеров засиделись в штабе далеко за полночь, вышли подышать свежим воздухом. Слышим, летит в нашем направлении «Юнкерс-87»,

опытный слух различил «пение» бомбы. Падаем на землю. Взрыв! Земля всколыхнулась, вздыбилась, грохот, осколки дождем, но мы — «везунчики» — оказались в мертвой зоне, как под зонтиком из осколков и комьев земли. Бомба разорвалась рядом — оглушены, но ни царапинки. Домик штаба в руинах, завалена документация и все, что было внутри. Как вовремя мы вышли...

Александр Вахлаев:

В июле, когда шли бои на Курской дуге, летчики истребительно-го авиаполка 256-й авиационной дивизии получили приказ прикрыть наши войска от ударов вражеской авиации в районе Обояни. Четыре истребителя под моим командованием (я в то время был старшим лейтенантом, заместителем командира эскадрильи) по тревоге поднялись в воздух. Вскоре мы завязали бой с шестеркой истребителей противника. В этом бою я открыл свой счет сбитых самолетов.

Алексей Кедов:

В боевые порядки нашей дивизии с вражеского берега перешли 40 истощенных советских военнопленных. Некоторые были с оружием. Наши разведчики привели их в штаб дивизии. И вот что рассказывал тогда один из них:

— Концлагерь находится в Красном Луче на шахте 17/17-бис. Фашисты большую часть заключенных угнали в свой тыл, а остальных, человек 300, ежедневно заставляют рыть окопы.

В районе с. Дмитриевки мы работали рядом с гражданскими. Недалеко от меня копала землю женщина Ольга Васильевна Косенко, приглядывая в то же время за своим сынишкой лет шести. Разговорился я с нею, взял на руки мальчика, спрашиваю:

— Зовут-то тебя как?

— Вова... Косенко, — отвечает, — а папку Павло.

Я возьми да и спроси еще:

— Где же он, твой папка?

А мальчонка так это смело и гордо говорит:

— На фронте немцев бьет!

Как закричит полицаи, подслушавший наш разговор:

— А ну бросай сюда этого советского выродка, я его пристрелю! — и снимает с плеча карабин.

Я же еще крепче прижал к себе малыша. Полицай прицелился и хотел уже на руках у меня застрелить ребенка, однако я увернулся. Прогремел выстрел — и пуля, миновав меня и мальчика, убила ста-

рика. Стоявший позади полица другой военнопленный не выдержал, ударил его по голове лопатой, и тот свалился в окоп. Нам всем после этого грозила смерть. Мы забрали у убитого полицая карабин, обезоружили еще двух немцев и перешли линию фронта.

Александра Щукина:

На следующий день утром я снова пошла на наряд. Когда все ушли на работу, ко мне подошел Верховский и тихо сказал:

— Пойдем, я посмотрю как вы живете.

Пришли, посмотрел.

— Что у тебя есть из круп?

— Ячмень в зернах не обрубленный, из которого я варю кашу.

— С сегодняшнего дня на работу не ходи. Все, что нужно для питания, бери на колхозном огороде, корми свою детвору.

Голос его был мягким и ласковым.

— Я боюсь воровать. Заметят сторожа, убьют.

— Я предупрежу их. Они будут помогать вам, пока не вернется ваша мама. А сейчас пойдем со мной.

Привел в кладовую, сказал кладовщику, чтобы мне отпустил без денег мешок муки, подсолнечное масло 3 литра, крупы перловой.

— Только корми всех так, чтобы они остались живы. Тебе работать не надо, сиди дома и смотри за детворой.

Успокоившись, я пошла домой. Муку кладовщик принес сам. Маму увезли в Селезневку, а потом отправили в концлагерь в г. Алчевск.

Иван Савенков:

И опять в боях. 5 июля началось одно из крупнейших сражений второй мировой войны, которое имело решающее значение и для освобождения Украины — Курская битва. Сокрушительное поражение немецко-фашистских войск на Курской дуге обусловило крах всех замыслов гитлеровского командования в летней кампании 1943 г. После ее завершения создались условия для широкого наступления на всем южном крыле боевых действий.

Смерть обходит меня. Раз только был контужен, однако остался в строю. Но боль переполняла сердце — гибли товарищи.

Александра Щукина:

Когда просыпалась, видела на столе вареники с творогом, или блинчики, или оладьи и обязательно молоко. Дверь никогда не за-

крывали, запоров не было. Нас подкармливали семьи Вероховского и Яценко.

Ходила на колхозный огород и рвала все, что нужно. Мне все помогали. Знакомые сообщали, что советские войска пошли в наступление и немцев гонят назад. Значит, скоро маму освободят.

Николай Каплун:

5 июля. Последний день нашей снайперской стажировки. Мы спали в блиндаже. Нас разбудил необычный гул, задрожала земля, и началась битва, какие немногим приходилось видеть. Все гудело и содрогалось. В небе сражались одновременно сотни самолетов, и горящие падали на землю десятками. Над вчера еще ровным полем поднялся вдруг целый лес орудийных и минометных стволов. Когда же в страшный, гремящий хор вступали «катюши», слышимость прекращалась вообще...

В это ранее утро началась большая битва на Орловско-Курской дуге. Только после разгрома здесь противника и успешного нашего контрнаступления мы, снайперы, возвратились в свои части. Но... в не полном составе...

Григорий Аникеев:

5 июля 1943 г. наша минометная рота занимала огневые позиции в балке у Малониколаевки. Весь день шел жаркий бой. Мы пытались прорвать оборону немцев. Вначале нам удалось ворваться в первую траншею. Но к исходу дня нас вынудили отойти на исходные позиции. В этих боях погибли мои восемнадцатилетние одноклассники из села Красная Поляна Зайцев Петр, Веребукин Владимир, Субботин Петр.

Лидия Васильченко:

Курская дуга. На подводе нас трое. Везли боеприпасы. Попали под артобстрел. Рядом взорвался снаряд. Взрывной волной в мгновение ока нас разбросало в разные стороны. Лошади от испуга унеслись неизвестно куда. Слышу стон, подползла ближе, возник ранен. Он понял, что ранен смертельно. Попросил не перевязывать его, а взять в нагрудном кармане документы. Когда я просунула руку под шинель, она попала не в карман гимнастерки, а в огромную рану на груди. Возница умер. Обстрел продолжался, и я поползла в ближайший окоп. Только в окопе поняла, что ранена в ногу. В медсанбат не пошла, сама себя перевязала. Позже еще дважды была ранена, но, к

счастью, все ранения оказались легкими. И контужена была, теряла речь и слух.

Яков Голубов:

Ночью пошли в разведку — нужен «язык». По минному полю провели нас саперы, миновали два ряда колючей проволоки, противотанковый ров. Слышим немецкую речь. Лежим, прижавшись к земле, без единого шороха. Группа захвата из числа разведчиков сумела схватить немца, который вышел из посадки, направляясь, видимо, на пост передового боевого охранения. Но он успел закричать, его услышали, и началось. Они палили наугад. Ракеты одна за другой взмывали в небо и повисали, освещая все вокруг. Пленного поволокли в нашу сторону, а мы стали прикрывать. «Языка» доставили, но автоматчики А. Сельдинов и В. Пономарев ранены.

После этого нам дали отдохнуть трое суток, а потом снова — на передний край.

Сколько пришлось исползать по-пластунски, сказать трудно, но наше обмундирование на локтях, животе и коленях всегда было в заплатках.

Анатолий Коробкин:

Под Малониколаевкой рота укрепляла оборону. Бревна привезли из Успенки. Разобрали там сарай, который стоял на пустыре. В балке строили землянку с перекрытием.

Иногда нас отводили в балку километра полтора от передовой для просмотра кинофильма.

Между Елизаветовкой и Успенкой смотрели кинокартину о том, как Гитлер захватывал страны. Роли исполняли собаки.

Приезжали к нам и артисты. Нам показывали пьесу «Подвиг разведчика».

Немецкая артиллерия методично обстреливала вершины балок, била по тылам. Однажды я неподалеку от блиндажа чистил автомат. Снаряды рвались в тылу за нашими позициями. Один снаряд попал в дуб, разорвался. В землянке ранило несколько человек. И. К. Нелюбов умер в госпитале.

Николай Корягин:

На Орловско-Курской дуге самым большим желанием было выспаться, отключиться от несмолкаемого несколько суток подряд сплошного гула боя.

Дмитрий Станкевский:

Наиболее опасная и сложная работа выпала на долю дивизионных саперов, возглавляемых майором И. В. Шарыгиным. Они установили перед передним краем и в глубине обороны, на наиболее танкоопасных направлениях, множество противопехотных и противотанковых мин и густую сеть проволочных заграждений. Почти каждую ночь саперы уходили за передний край. При разведке боем они резали колючую проволоку и обезвреживали мины, прокладывая дорогу наступающим. Эта работа требовала от них большой сноровки, исключительной точности.

Петр Трофимец:

В июле меня арестовала полиция. Обвинили в саботаже. Мне повезло, что не попал в руки гестапо и отделался, кроме пребывания в тюрьме, двумя месяцами заключения в штрафном лагере.

Иван Ермаков:

В боях по освобождению Ростовской области наш 1008 стрелковый полк сильно потрепан. Из 6 офицеров пулеметной роты после боя остался я один. Из 48 пулеметчиков в строю остались 12 человек. В роте осталось два пулемета. Меня назначили командиром. С этими двумя пулеметами и малочисленным стрелковым батальоном все лето мы простояли в обороне на Северском Донце.

Но это не значит, что мы сидели сложа руки или лежали в блиндажах. Все время шла интенсивная боевая дуэль с противником. Он обстреливал наши позиции, мы — их. В перестрелке действовала активно и артбатарея 70-миллиметровых пушек, которой командовал молодой лейтенант Роман Куперштейн. Главным ориентиром для наших артиллеристов была разрушенная почти до основания церковь, расположенная в Славяносербске. Хорошо действовали в тот период наши снайперы. По всем фронтам шло движение, кто больше уничтожит фрицев из снайперских винтовок. В полосе нашей дивизии работал снайпер Величко. Он уничтожил более 300 фашистов.

Евгений Хлебников:

На Курской дуге под Орлом взрывом отбросило из танка вместе с башней на 20 метров. Подобрали санитары в бессознательном состоянии. Так записано в документах тульского госпиталя, где я пролежал два месяца на излечении.

Петр Фильцов:

С боями прошли Гуково, Зверево, Лихую, Ровеньки, Дьяково. После освобождения Дьяково из нашей роты автоматчиков в живых осталось только 13 человек. Запоминалось каждое село, каждая станция, каждый город. Ведь там оставались могилы друзей, одноклассников. Большие потери были во всей дивизии. Ее отвели на переформирование. А затем — опять бои. В Славяногорске впервые форсировал реку. Северский Донец был первым.

Иван Комаров:

На Курской дуге 12 июля в 5.00 на аэродроме у гвардейского знамени собрались на митинг истребители. Начиналось наступление войск фронта. Наша задача: завоевать господство в воздухе.

Дмитрий Станкевский:

В разгар Курской битвы готовились к наступлению и войска Южного фронта, в состав которого входила наша дивизия. Нам поставили задачу: активными действиями сковать противника на правом фланге фронта. Вскоре поступил приказ: сдать полосу обороны 50 гвардейской стрелковой дивизии и к утру 12 июля сосредоточиться южнее, в районе села Волнухино. Здесь дивизия вошла в состав 54 стрелкового корпуса. Командир его, генерал Т. К. Коломиец, известил меня, что соединение ведет подготовку к наступлению. Его задача — прорвать оборону противника в районе села Малониколаевка и наступать на Юлино-2-е, Александровку. Нашей дивизии предстояло следовать во втором эшелоне и быть готовой к атаке для усиления наступательного порыва.

Иван Комаров:

Под Орлом летали, как в сорок первом году. Почти не вылезали из кабины. И дошло до того, что в первой, третьей эскадрильях нет командиров. Ведущих нет. Один Комаров. И Горобец еще был, мой заместитель. Я со своими летчиками слетаю, они отдыхают, а мне командир звонит:

— Иван Евдокимович, некому вести.

— Раз так, пусть Горобец со мной будет, — мой ведомый, а остальных цепляйте, сколько хотите.

Вот я этой молодежи и говорю:

— Ваша задача никуда не отрываться от нас. Нашу пару смот-

рите и поступайте, как мы. Это не значит, что если попадется немец, его не сбивать. Сбить можно, но потом все равно равняйся на нас. И слушайте команды по радио. Так мне приходилось делать по пять-шесть вылетов в день. Полегчало, когда вернулись после ранений командиры первой, третьей эскадрилий. Мы тогда с Горобцом начали меняться. Я один вылет веду, второй — он.

Иван Ермаков:

Одна наша рота занимала плацдарм — маленький пятачок земли — на противоположном берегу реки. В разгар лета мы отсюда проводили разведку боем. Правда, особых успехов она не принесла, но позволила засечь для нашей артиллерии несколько огневых точек противника.

Сергей Краснов:

В степях под Курском советские танкисты преградили путь механизированным полчищам врага. Многие мои боевые товарищи пали здесь смертью храбрых. Мне повезло.

Ф. Костенко:

В эфире русская речь перемешалась с немецкой. Слышны команды, ругань, угрозы, проклятья... Офицер, поддерживающий связь с летчиками, докладывает:

— Комаров подбит. Выходит из боя, просит прикрыть его...

Иван Комаров:

А дело было так: под Орлом на пути моей эскадрильи показалось 6 «мессершмиттов». Идут прямо в лоб. Расстояние бешено сокращается. Еще миг и — конец! Но враг не выдерживает и взмывает вверх. Нажимаю на гашетку и из пушки расстреливаю фашиста в упор. Но и я на волосок от гибели. Подстроившись мне в хвост, другой «мессер» уже хлестанул по моему самолету. Спасибо, старший лейтенант И. Я. Горобец таранил фашистского аса. Три стервятника, объятые пламенем, рухнули на землю и взорвались.

Таисия Боева-Богатырева:

Я окончила Краснолучскую школу медсестер. Шла война, и я не случайно оказалась в Томском военно-медицинском училище, от-

куда вышла в 1943 г. старшим сержантом медицинской службы. Вышла — и сразу в Курскую битву. Молодым санинструктором попала со своим истребительно-противотанковым артиллерийским полком в самое пекло — в танковое сражение под знаменитой Прохоровкой на Курской дуге. Человеку, не побывавшему на войне, никакое воображение не поможет представить себе ни моря огня, ни гигантской за-весы чада и дыма, окутавшей степь, ни количества раненых...

Иван Комаров:

В воздушном бою повредил враг систему водяного охлаждения. У меня закипел двигатель. Я вынужден выйти из боя. Приказал Горбцу:

— Примите команду.

Думал, дотяну до своего аэродрома. Но не хватило высоты. Если бы чуть больше высота была, я бы, может, с небольшим снижением и дошел бы до аэродрома. Нет. До аэродрома не долетел километров 20. Вынужден был сесть на живот в поле. Все нормально. Я жив, и самолет сохранен. Поехали, подняли его, привезли на аэродром, восстановили. Когда подбили самолет, мне опять досталось по руке. По той же самой, что и раньше был ранен. И по спине осколочек.

В госпиталь я не поехал. Договорились с полковым врачом, что на месте полечимся.

Владимир Егоров:

Измотав и обескровив в течение недели в оборонительных боях фашистские танковые части, советские войска 12 июля перешли в контрнаступление. Фашистское командование спешно перебрасывает на курский участок резервы. Чтобы сковать группировку противника в Донбассе и не допустить переброску резервов под Харьков и Белгород, ставка спланировала Миусскую операцию Южного фронта. Фашисты в течение двух лет создавали в Донбассе мощный оборонительный рубеж. Он проходил от Южного берега Северского Донца, по Лугани, восточнее Красного Луча и далее по реке Миус до Таганрогского лимана. Это был так называемый Миус-фронт, который немцы считали неприступным.

Таисия Боева-Богатырева:

Везем мы с шофером Бабиным двух раненых в санчасть. И вдруг видим, что оказались в тылу у немцев, даже слышим отчетли-

во их голоса. Бабин тут же разворачивает наш «Виллис». Я, санинструктор, сажусь за руль, а шофер вместе с ранеными хватаются за автоматы и строчат по фашистам, сея среди них панику.

Мария Козьмина:

Ночью мы в эфир не выходили. Ночью — на марше, на задании. А вот днем, если нет боя и обстановка спокойная, всем команда — отдыхать, кроме часовых и дозорных, конечно, а для радистов самое время работать. Наступает самая горячая пора. Всегда, бывало, ждешь с нетерпением того часа, который назначен для связи, даже если аппаратура в порядке, радиogramмы зашифрованы. Волнуешься каждый раз, потому что сейчас услышишь голос Большой земли, голос Родины. Ведь может так случиться, что будет плохая слышимость, атмосферные помехи.

Иван Комаров:

После Орла наши войска хорошо пошли. И мы уже не успевали за ними перебазироваться. Нас вывели с этого направления, ввели свежие части. Нас отвели в тыл.

Владимир Егоров:

Часть Миус-фронта — мощный укрепленный район между Штеровкой и Ивановкой, состоявший из трех оборонительных полос общей глубиной до 45 километров. Каждая полоса представляла сложную систему опорных пунктов, узлов сопротивления, прикрытых инженерными, взрывными заграждениями и плотной системой огневых средств. В сильные узлы сопротивления превращены Ивановка, Штеровка, Петровское.

Алексей Камышанов:

На Орловско-Курской дуге я снова ранен. Пуля попала в легкое. Так и осталась там как память о войне.

Дмитрий Станкевский:

Двадцать воинов во главе с лейтенантом Чаловым двое суток сражались во вражеском полукольце, но не отступили. Парторг роты Колыхалов из 1168 полка мужественно бился с врагами. Будучи раненным, он продолжал сражаться и с небольшой горсткой солдат удерживал рубеж до подхода подкрепления.

В один из напряженных моментов боя, когда враг подступил к нашим позициям, командир 1164 полка майор С. Закиров послал в бой последний резерв — взвод полковой разведки. Вражескую контратаку отбили.

Николай Гордиенко.

В боях на Курской дуге отдал жизнь краснолучанин старший сержант Николай Степанович Гордиенко. Он похоронен в братской могиле в Белгороде.

Владимир Егоров:

Задачу уничтожить Штеровско-Ивановскую группировку получила 51 армия. Она была усилена 6-й гвардейской танковой бригадой. Вечером 13 июля командир бригады полковник Жидков В. Ф. поставил командирам батальонов и рот задачу: во взаимодействии с частями 302 стрелковой дивизии прорвать оборону противника на участке высота 223,2 — балка Редькина и решительной атакой овладеть Штеровкой.

Три дня танкисты готовили материальную часть к бою, командиры уточняли боевые задачи, организовывали взаимодействие со стрелковыми подразделениями.

Дмитрий Станкевский:

Особенно сильному обстрелу подвергались село Малониколаевка и подступы к его восточной окраине. Сюда противник бросил 17 танков и 6 самоходных орудий. Прикрываясь их броней, в атаку шло до двух батальонов вражеской пехоты. Июльское солнце уже переваляло за полдень, но все еще сильно припекало. По лицам, серым от пыли и усталости, струился пот. Наводчики орудий замерли у прицелов, бронебойщики сжимали в руках горячий металл противотанковых ружей. Пулеметчики и стрелки заняли боевые места, готовые отсечь пехоту от танков. «Огонь открывать только по команде!» — приказали командиры подразделений своим бойцам. Старший лейтенант Михаил Долгополов не торопился открывать огонь. Он ждал, когда вражеские танки подойдут ближе, чтобы бить наверняка.

Медленно надвигалась фашистская броня на наши позиции. Командир батареи мысленно отсчитывал расстояние. И когда танки приблизились на дистанцию вероятного попадания, командовал:

— Огонь!

С оглушительным лязгом первый снаряд ударил по вражеской

броню. Остановился головной танк. Вскоре застыл на месте еще один с перебитой гусеницей, за ним и третий, объятый пламенем.

Умело вели огонь из орудия наводчик комсомолец ефрейтор Бузолин и заряжающий рядовой Варламов. Это они подбили первый «тигр», подав пример остальным воинам батареи. Экипажи подбитых танков пытались скрыться, но тут на помощь истребителям пришли наши стрелки, огнем которых многие вражеские танкисты были уничтожены.

Фашистские пехотинцы залегли. Только ползком и короткими перебежками они могли продолжать движение. Вскоре гитлеровцы прекратили контратаку, но продолжали вести стрельбу. Эта вылазка стоила им восьми танков и трех самоходных орудий.

Не успели еще осесть пыль и остыть стволы орудий, как бой разгорелся с новой силой. Фашисты начали новую контратаку. На этот раз они решили обойти высоты, где оборонялись стрелки 1164 и 1168 полков и истребители танков офицера Шамаева. Численность гитлеровцев возросла. Только на роту старшего лейтенанта Петра Зотова двигалось пять танков и до двух рот пехоты.

«Тигры» приближались к позициям роты. Густая пыль закрыла солнце — день померк, словно наступили сумерки.

По приказу командира роты Петра Зотова бойцы Томащук и Гуров, которым не раз приходилось встречаться с бронированной техникой врага, вооружились противотанковыми гранатами и ринулись навстречу танкам. Отважные воины подбили две машины. Стрелки и пулеметчики заставили залечь бегущую следом за танками пехоту. Особенно метко стреляли комсорг роты Павел Гришняков, пулеметчик Письмак, автоматчики Комов и Куртамин. Контратака врага захлебнулась.

Владимир Егоров:

К 3 часам утра 17 июля танки бригады заняли исходное положение на окраине Малониколаевки в боевых порядках пехоты. В 6 часов утра после артиллерийской подготовки танки с десантом на броню рванулись вперед, за ними устремилась пехота.

Черный дым и тучи пыли, поднятой взрывами, висели в неподвижном воздухе, закрывая солнце.

Развернувшись в линию, танковые роты, которыми командовали старшие лейтенанты Г. Б. Бурцев и П. В. Бушуев, смяли боевое охранение немцев на высотах восточнее балки Редькина и устремились к переднему краю. При подходе к первой траншее машины попали на минное поле. Остановились несколько танков с разбитой хо-

довой частью, остальные замедлили движение, пытаясь обойти препятствие, и попали под плотный огонь противотанковых средств. Рота легких танков лейтенанта Т. П. Осадчука, маневрируя на поле боя, прикрывала огнем стоявшие на минном поле машины.

Почти четыре часа вели огонь по врагу экипажи подбитых и подорвавшихся танков. Несколько машин были объаты пламенем, но из пылающих танков раздавались выстрелы пушек и пулеметные очереди.

Анатолий Коробкин:

Задача наших боев «местного значения» задержать немцев как можно дольше, дабы они не смогли перебросить силы с этого участка фронта на Курскую дугу.

В середине июля 1943 г. приказали штурмовать высоту Эльбрус. Мы давно рвались в бой.

Ночью саперы сделали проходы в минных полях, разрежали проволочные заграждения. Мы скрытно сосредоточились в ложине у подножия высоты для рывка. Перед рассветом прилетел кукурузник и сбросил бомбу на вершину горы.

Начинался рассвет. Тишина. В ложине, где мы заняли исходные позиции, стелился туман. Только изредка немецкий пулеметчик пустит очередь в сторону наших окопов. Нас еще не обнаружили. Охота курить, но был строгий приказ «Ни звука».

Справа и слева ударили батареи, загудели танки. Это соседи начали наступление. После артналета по сигналу ракеты мы должны были штурмовать высоту.

Батарея, которая стояла за тригонометрической вышкой, выпустила по высоте около сотни снарядов. Сигнал к штурму. Немцы открыли пулеметный огонь с трех сторон. Заговорили ротные минометы. Мины стали рваться в расположении противника. Перед высотой раскинута проволочная спираль. Внезапность сорвалась. Немцы уничтожили батарею. Атакующие вынуждены окопаться. Появились раненые. Впереди меня, чуть правее, окапывался старшина. Ротные минометы продолжали вести огонь по позициям немцев.

Справа от меня ранило солдата. К нему подбежала санинструктор, чтобы перевязать. Взрыв снаряда. Прямое попадание. На месте взрыва ни солдата, ни санинструктора. Только воронка да разбросанные бинты и вата.

Трескотня пулеметов и вой снарядов. Между мной и старшиной в землю врезался снаряд, но не разорвался.

Время, кажется, длится бесконечно. Ведем огонь из автома-

тов. Из-за гула не слышали, когда замолчали ротные минометы. Минометчики убиты. Солдаты, оставшиеся в живых, перебежками отходили к проволочным заграждениям, но к тому месту устремились пулеметные трассирующие очереди. Создалась безвыходная ситуация. Надо было что-то делать. Кинжальный огонь немцев мог положить всю роту. Я крикнул старшине:

— Наши отходят. В это время немцы предприняли контратаку. На ходу строчат из автоматов и орут:

— Русс, сдавайся!

Мы ударили по ним длинными очередями. Старшина выругался и приказал мне следовать за ним перебежками. Вокруг нас засвистели пули. Рванулись к проходу. Как проскочили этот участок, что ни одна пуля не задела нас, не знаем. Отдышались, когда вскочили в окопы боевого охранения. По немцам ударил станковый пулемет. Фашисты залегли. Им не удалось проскочить в проход в проволочном заграждении. Ударили огнемёты. У некоторых солдат загорелась одежда и вещмешки.

К вечеру доползли к своим траншеям восемнадцать человек. Остальные погибли. Те же, кто остались в живых, окровавленные, заняли оборону.

С. Величко:

17 июля в 4 часа 45 минут началась артподготовка. В 6 часов наши полки 34 гвардейской стрелковой дивизии пошли в наступление и сломали сопротивление противника.

Вот около батальона вражеской пехоты с шестью танками обходит левый фланг, где укрепился батальон старшего лейтенанта Богадюна. Три танка приближались к окопу, в котором находились боевые друзья Михаил Лобов и Николай Лазебник. Пять гранат одна за другой полетели под гусеницы. Два танка закружились на месте и замерли. Бросают гранаты из соседнего окопа Сергей Акопян и Степан Кравченко. Подбит и третий танк.

Виктор Алисов:

На Курской дуге был командиром орудия истребительного противотанкового дивизиона. Орудие расположилось на холме. Здесь проходил передний край обороны. Ожидали атаки гитлеровцев. И вот впереди показались «тигры».

— Подпускайте ближе, — сказал я ребятам.

Первый выстрел — и остановился первый танк. А потом еще

несколько машин закружились на месте. Фашисты выскакивают из танков, но их пришивают к земле наши автоматчики. Завязался бой. Появились раненые. Половина бойцов вышла из строя. Стал к орудию сам. Был и заряжающим, и наводчиком. Бой выиграл.

Николай Чепурной:

На рассвете 17 июля сильно поредевшие в предыдущих тяжелых боях на Миус-фронте цепи 827 стрелкового полка 302 стрелковой дивизии завязали бой за населенный пункт Штеровка. Пригибаясь под тяжестью длинноствольных противотанковых ружей, короткими перебежками в цепях атакующих шло и мое отделение. Фашисты открыли по наступающим огонь из всех видов оружия. Но, несмотря на это, наши бойцы шаг за шагом продвигались вперед. И когда до ближайших домов осталось несколько сот метров, на фланге атакующих появились танки с крестами на броне. Огонь их пушек и пулеметов прижал наших бойцов к земле.

В это время раздался голос командира полка:

— Пэтээрловцы, вперед!

Так было всегда, в самые критические моменты боя пэтээрловцы выходили один на один с бронированными чудовищами. Так было и в этот раз. Сблизившись с вражескими танками на предельно короткую дистанцию, все шесть моих бойцов открыли по ним огонь. Вот, встретившись с фашистской броней, молнией сверкнула броневая бойка. «Скрикошетил, надо целиться в гусеницу или борт», — пронеслось в голове. А бой кипит. Гулко хлопают выстрелы противотанковых ружей, переключаясь с ними, дробью стучат наши и немецкие автоматы, воздух пронизывают трассы крупнокалиберных пуль.

Фронтвики хорошо знают это состояние, когда щемящее чувство неизвестности и внутренней тревоги перемешивается с чувством страха и любопытства, когда от тягостного ожидания сосет под ложечкой.

В самый разгар боя по цепи прокатилось:

— Взводного убило!

Пришлось мне, сержанту, брать команду на себя.

А броневые бьют... И вот уже задымил, а потом факелом вспыхнул фашистский танк. Словно натолкнувшись на невидимое препятствие, юлой закружился с перебитой гусеницей другой. Умолкли и несколько огневых точек врага.

Ободрилась наша пехота, с громким «Ура» устремились солдаты к Штеровке. Вот уже взяты первая, вторая траншеи, вдали мелькают зеленые мундиры удирающих фашистов.

Рядом что-то сверкнуло, тугая волна ударила в уши и свалила меня на землю. А когда пришел в себя и попытался встать, от резкой боли в ноге снова потерял сознание. Санитары вытащили с поля боя на плащ-палатке.

Восемь осколков немецкой мины почти на полгода приковали к госпитальной койке.

Владимир Егоров:

Во второй половине дня 17 июля по проделанным саперами ходам через балку прорвались танки старшего лейтенанта Алексея Коннова. На переднем крае танки раздавили два орудия, расстреляли взвод пехоты. Заметив замаскированный дзот, откуда вел огонь крупнокалиберный пулемет, командир взвода указал цель механику-водителю.

Накат рухнул. С огромным трудом вывел машину из ямы механик-водитель.

Танк младшего лейтенанта А. И. Поцхерашвили, преодолевая траншею, раздавил немецкий блиндаж и засел в его развалинах. Механик водитель сержант А. Н. Мекадзе не успел вывести машину. На неподвижный танк «КВ» обрушился огонь фашистских орудий. На оставшиеся два танка шли шесть вражеских самоходок и два танка. Командир батальона приказал экипажам отойти за балку и оттуда вести огонь.

Гитлеровцы бросили против прорвавшихся танков шесть самоходных орудий и три танка. Командир батальона капитан М. К. Середа приказал экипажам отойти на исходные позиции.

Анатолий Коробкин:

Ночью шесть бойцов послали в нейтральную зону подобрать раненых. Несколько раненых удалось вынести. Остальные остались лежать перед высотой.

Всю ночь дежурили в траншеях. Утром нас сменили. Мы влились в 150 стрелковый полк, во второй батальон. Соседи слева и справа, участвовавшие в наступлении, тоже успеха не имели, но задачу мы выполнили — немцы не смогли снять с участков ни одной дивизии для переброски на Курско-белгородское направление.

Александр Барышников:

Орловско-Курская дуга. На рассвете наше подразделение завязало бой за деревню. Подступы к ней сильно укреплены. Крайние

дома неприятель превратил в маленькие крепости, из которых гитлеровцы непрерывно вели по нам огонь.

В критический момент снаряд моего орудия попал в передовую фашистскую «крепость». Все — и дом, и фашисты, и пулеметы взлетели в воздух. Через несколько минут взлетели также и другие «крепости».

Наши поднялись и пошли вперед. Стратегический пункт — деревня Быки Орловской области — взят. Незнакомые бойцы и офицеры подбежали ко мне. Обнимали, целовали...

Но радостное настроение длилось недолго. Послышался лязг гусениц немецких «тигров». Их шестнадцать, и все они спешили подавить мой орудийный расчет.

Мы выкатили орудие на открытую позицию и прямой наводкой стали уничтожать фашистские танки. Первый снаряд остановил немецкого зверя. Танк задымил. За ним разворачивается второй. Выстрел — и нет второго зверя.

— По третьему — огонь! — приказываю ребятам.

Горит третий. И так, один за другим, в шахматном порядке становились фашистские «тигры». Остальные повернули обратно.

Во время боя мне отбило указательный палец и повредило два других. Но для того, чтобы перевязать, времени не было.

Владимир Егоров:

Медицинская сестра Клава Бахунова в период танковых боев находилась на переднем крае, оказывая помощь раненым. После взрыва снаряда она приползла к раненому сержанту Баткаеву. Еще снаряд... Она ранена сама. Но, истекая кровью, девушка дотащила танкиста до медицинского пункта и здесь потеряла сознание. Умирая на руках подруг, она сказала:

— Отправьте маме мои награды.

Александр Данилов:

17 июля воин 338 сп 48 сд, полевая почта 16198 ВПТР, Данилов Александр Васильевич проявил мужество и героизм при защите Родины. Во время боя подбил два вражеских танка. Горела на нем одежда, был ранен. В карманах начали рваться патроны, но он продолжал бой с танками. Похоронили Александра Васильевича по-солдатски. Друзья завернули в плащ-палатку и закопали под грушами в балке Чепилкино, по которой протекает ручей (в районе Малониколаевки). В одной могиле вместе с ним еще пять воинов.

Дмитрий Станкевский:

Во второй половине дня 17 июля командующий армией генерал Г. Ф. Захаров приказал 54-му корпусу с утра 18 июля перейти в наступление. Солдаты, сержанты и офицеры с высоким подъемом встретили этот приказ. Всем изрядно надоело сидеть в обороне. Каждый мечтал об активных действиях. На состоявшихся в частях и подразделениях коротких митингах и собраниях воины дивизии клялись с честью выполнить приказ, беспощадно громить гитлеровцев. Многие тут же писали заявления о приеме в ряды ленинской партии и в комсомол.

Василий Бойченко:

18 июля после артподготовки, прорвав оборону противника, мы начали продвигаться в сторону села Штеровки и Петровского, но, понеся большие потери, отошли на старые позиции. После этого дивизию снова вернули в Успенку, где после пополнения вывели в село Дьяково, а затем на реку Миус в районе Саур-Могилы.

Дмитрий Станкевский:

Утро 18 июля. В небе ни облачка. День обещал быть сухим и знойным. С наблюдательного пункта дивизии местность просматривалась на многие километры. Отчетливо выделялись высоты и овраги на стороне противника, его траншеи, отдельные огневые точки. Внизу по балке протекал небольшой ручей, на западном берегу которого расположилось село Малониколаевка, занятое противником и превращенное им в сильный опорный пункт. Западнее села местность постепенно возвышалась и на горизонте переходила в цепь холмов. Наступать предстояло вверх по склону, а это очень усложняло задачу.

В назначенный час началась артподготовка. Рухнула зыбкая тишина летней фронтовой ночи. От разрывов снарядов и мин вздыбилась земля в стане врага. Огонь нарастал с каждой минутой. Отдельные залпы орудий и минометов слились в общий гул.

Вскоре артиллерия перенесла огонь в глубь обороны противника, и по установленному сигналу пехота устремилась вперед. В первые же часы передний край гитлеровцев был прорван, и на восточной окраине Малониколаевки завязался жестокий бой. Наши пехотинцы сражались на западном берегу ручья к северу от села и заняли здесь ряд важных высот. К полудню бой передовых подразделений пере-

двинулся уже на запад. А во второй половине дня для развития успеха первого эшелона корпуса — 301 стрелковой дивизии — в бой вступила и наша дивизия в направлении Юлино-2, Александровка.

Опомнившись от первых ударов и стремясь задержать наше наступление, фашисты начали подбрасывать резервы к участку прорыва. Контратаки гитлеровской пехоты и танков стали следовать одна за другой. В первый день наступления 1166 и 1168 полки подполковников Л. П. Чистякова и И. П. Павлюченкова (1164 полк майора С. З. Закирова в это время находился в резерве командира корпуса), развивая общий успех и следуя в направлении высоты 278,5 и далее на Юлино-2, встретили упорное сопротивление противника.

Три яростных контратаки гитлеровцев полки дивизии отразили. Врагу не удалось отбросить нас с занимаемых рубежей.

Потеряв убитыми и ранеными до 450 солдат и офицеров, фашисты отошли на исходные позиции.

Владимир Егоров:

В течение трех дней танки и стрелковые подразделения атаковали передний край обороны врага и везде встречали сплошные минные поля и организованную систему огня. Местность, прилегающая к Штеровке, была «крепким орехом». Гитлеровцы упорно сопротивлялись. На наши атаки они отвечали яростными контратаками, бросая по 50 танков и самоходных орудий под прикрытием авиации. Только за один день наша бригада на этом небольшом участке фронта потеряла 28 танков.

С. Величко:

Взрывом снаряда перебита связь. Пока связист находил и устранял порыв, его ранило. Евдокия Яковлевна Шульженко, помогая ему, увидела, как упал майор Голубев. Половина артиллерийской прислуги погибла. Остальные ранены или контужены. Но орудия стреляют. На батарею прорвались два «тигра». Одному пробили снарядом бак, и он вспыхнул, второй подорвали гранатами. Нам удалось остановить продвижение врага, удержать плацдарм в районе Дмитриевки.

Дмитрий Станкевский:

Утром 19 июля вражеские контратаки возобновились. Теперь в бой вступил и 1164 полк, возвращенный из резерва командира корпуса. Семь контратак предприняли фашисты, но все они успеха не имели. Потеряв до 600 человек, враг отошел. За два дня наступательных

боев мы овладели высотой 223,2 и северными скатами высоты 278,5 западнее Малониколаевки. В течение ночи на 20 июля прочно их закрепили и были готовы ринуться в наступление.

Владимир Егоров:

Вечером 19 июля командир взвода тяжелых танков КВ старший лейтенант В. Д. Шилов получил приказ — выдвинуться в боевые порядки пехоты и огнем поддержать атаку. В предрассветных сумерках три машины по проходам прошли минное поле и укрылись в лесопосадке. Впереди хорошо просматривались окраины Штеровки. Немцы отбили атаку и сами перешли в контратаку, поддержанную сильным артиллерийским огнем и ударами авиации. Стрелковые подразделения отошли назад, танки остались без прикрытия. На укывшиеся в посадке КВ двигались девять немецких танков. Два из них остановились, окутавшись черным дымом, остальные замедлили движение, пытаясь определить местонахождение нашего танка.

Шилов доложил обстановку. Командир батальона капитан Новиков В. С. приказал экипажам отойти в боевые порядки пехоты. Командирский танк прикрывал отход, сдерживая огнем фашистские танки. Механик — водитель старшина М. А. Белов маневрировал на поле, стараясь не подставить борт под удар немецкого снаряда. Танк прошел проволочное заграждение, когда под гусеницами раздался взрыв. Танк развернулся на 90 градусов и замер, завалившись на левую сторону. И почти одновременно по неподвижному танку ударили два снаряда. У подбитого танка остались Белов и Лукьянов. Днем они вели огонь из пушки, расходуя оставшиеся боеприпасы, ночью пулеметным огнем не подпускали к танку фашистских автоматчиков. Не сумев захватить танк, гитлеровцы стали расстреливать его с близкого расстояния. На третьи сутки ночью к танкистам приполз связной командира батальона старший сержант Алексей Ковтун, он принес воду, продукты и остался с экипажем. На пятые сутки ночью к танкистам приполз помпотех бригады майор Ф. Ф. Вовк. Убедившись, что танк не может быть восстановлен, он снял охрану...

Дмитрий Станкевский:

В половине пятого 20 июля 138 горнострелковый полк, поддержанный танками и штурмовыми орудиями, снова перешел в контратаку с целью занять высоту 223,2 и северные скаты высоты 278,5. До позднего вечера 20 июля продолжались бои с контратакующим противником. Наконец враг оставил попытки взять реванш. Дивизия

получила приказ прекратить наступление и закрепиться на высотах западнее Малониколаевки. Благодаря храбрости и стойкости наших воинов дивизия справилась с задачей — нанесла мощный отвлекающий удар по врагу. Стремясь удержать свои рубежи, противник не посмел снять отсюда и перебросить под Курск ни одного солдата. Там в эти дни осуществлялось успешное контрнаступление советских войск.

Бойцы восхищались отвагой наших девушек-связисток, особенно Екатерины Гуковой. Ратный подвиг бывшей учительницы из Москвы отмечен орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Мария Игнатьева:

22 июля я ходила к командиру подпольной группы Ивану Хробу-сту на инструктаж. После встречи с ним возвращаюсь в Штеровку. Навстречу идет немец и полицей Кукуяшный. Он говорит немцу:

— Вот она!

И меня взяли. Нас, арестованных, через Красный Луч повели в Чистяково. В группу Хробуста входили два парня (казаки). Одного звали Тимка. Они нас и предали. Когда нас вели в Чистяково, Тимка увидел нас в Ивановке.

— Что, попались, сталинские проститутки? — сказал он.

Владимир Егоров:

Командующий армией перебросил бригаду севернее, в район Успенки, и поставил задачу — вместе со стрелковыми частями прорвать оборону противника в районе хутора Орлов и к исходу дня выйти на реку Ольховка.

26 июля во второй половине дня танковые батальоны атаковали передний край. Батальон капитана Середы — в направлении высоты, батальон капитана Новикова — хутора Орлов. Танкистам и десантникам решительной атакой удалось выбить немцев с высоты, но дальше продвинуться не удалось — танки попали на минное поле.

В батальоне Новикова три тяжелых танка прорвались в глубину обороны противника, вышли на огневые позиции и попали под обстрел. Погиб экипаж старшего лейтенанта В. Ф. Пантелеева, несколько прямых попаданий получил танк старшего лейтенанта Понгильского. Экипажу лейтенанта Б. В. Немова удалось под обстрелом соединить разбитую гусеницу. Два танка своим ходом вернулись на исходные позиции.

Яков Голубов:

Наш полк в середине июля вел бои в районе станции Колпаково. В конце месяца немцам удалось вклиниться в наши позиции. Большие потери понес третий стрелковый батальон, которым командовал капитан Т. А. Кустов. Командир полка В. И. Панов принял решение бросить на этот опасный участок свой резерв — два взвода из роты автоматчиков. С наступлением темноты мы двинулись на передний край. Все лишнее оставили, в том числе и документы. Зато боеприпасов брали как можно больше: по три-четыре автоматных диска, по несколько гранат, дымовые шашки, прихватили даже два ручных пулемета и бутылки с зажигательной смесью. Несмотря на темноту, бой продолжался. Немцы хотели расширить фланги клина, чтобы избежать перекрестного огня с нашей стороны, а потом закрепиться.

Наш взвод влился в ряды первого стрелкового взвода, которым командовал младший лейтенант Василий Алексеевич Карпов. Мы подоспели вовремя. Немцы наседали, а во взводе Карпова осталось лишь несколько бойцов. Он сам вел огонь из автомата. Мы сразу вступили в бой и стали теснить немцев. С противоположного фланга действовали автоматчики второго нашего взвода. Теперь перевес сил был на нашей стороне. Фашисты стали отходить. К утру мы выправили положение и закрепились на основной линии нашей обороны. В этом бою и погиб младший лейтенант В. А. Карпов. Похоронили мы его вместе с другими товарищами в братской могиле 26 июля.

Дмитрий Станкевский:

Контрнаступление наших войск, начавшееся в районе Курска, переросло в общее наступление. Войскам ставилась задача сковать противостоящие силы противника, не дать ему возможности маневрировать резервами. С этой целью с рубежа юго-восточнее Ворошиловграда в направлении Дебальцево мы пошли в наступление.

К этому времени войска левого крыла Южного фронта взломали оборону врага на реке Миус, разгромили его таганрогскую группировку, а наш северный сосед — Юго-Западный фронт — форсировал Северский Донец северо-западнее Ворошиловграда и теперь нависал с севера над вражеской группировкой. Своими фланговыми ударами эти фронты поставили под угрозу полного уничтожения фашистскую группировку в Донбассе.

Мария Козьмина:

Что нужно, чтобы заработала радиостанция? Куда, в какую сторону воткнуть штепсель? Конечно, нужна электрическая энергия! А где ее взять в лесу? В деревне? В горах и в степи? Для этого был рюкзак на спине, тяжелый, весом в 12 кг. Но не личные вещи в нем, а комплект сухих батарей для радиоприемника и передатчика. При ударах проволоочки рвались, каждый сеанс — это проверка этих самых батарей, залитых для прочности смолой. Был и запасной рюкзак, его нес кто-то из бойцов, или был он на повозке, или прикреплен ремнями к лошади. Всякое было — трудности, волнения. И была высшая ответственность перед товарищами, перед Родиной.

В бою я прикрывала рацию своим телом, чтобы не ударила пуля или осколок, укрывала от дождя и снега.

П. Кириллов:

Не счесть те жизни, что спас хирург Петр Иванович Погорелов в военное лихолетье. Среди спасенных оказался и я, тоже врач. Свела нас с Погореловым судьба на миусских рубежах. Меня направили сюда после Сталинградской битвы. Здесь я был тяжело ранен. Лечил, а вернее штопал меня, как выражаемся мы, медики, Петр Иванович. Надежды на то, что я выживу, не было почти никакой. Но хирург Погорелов сделал все возможное, да, наверное, и невозможное. Я выжил.

Владимир Егоров:

Весь день 27 июля шел упорный бой за занятую высоту.

Утром после мощного артиллерийского налета два батальона пехоты и десять танков контратаковали наши подразделения и заставили их отойти. Днем танкисты и десантники выбили гитлеровцев, истребив более 150 солдат противника, но дальше продвинуться не могли — слишком плотной была система огня. Середа приказал занять оборону.

Хотя не удалось прорвать немецкую оборону, цель операции в значительной степени была достигнута. Своими активными действиями войска Южного фронта сковали сильную группировку врага в Донбассе. Гитлер не смог снять ни одной дивизии с Миус-фронта для отправки под Харьков, а наоборот, был вынужден в разгар Курского сражения отправить на юг танковый корпус и танковую дивизию СС, чтобы не допустить прорыва обороны в Донбассе.

Д. Чалый:

Старшина Гаврилов Михаил Степанович из Красного Луча бесстрашен и предельно скромн. Многие однополчане считали его погибшим.

32 танковой бригаде приказали освободить Донбасс. Нам предстояли тяжелые бои на реке Миус.

Смотрит на противоположный берег комбриг Гринкевич и тихо говорит начальнику политотдела Макаренко:

— Кого послать в это пекло? Кто не дрогнет? Может, в самом деле, доверить начало сероглазому танкисту? — и, повернувшись к командиру танкового батальона Каймакову, распорядился: — Гаврилова ко мне!

— Миша, голубчик! — говорил он старшине через минуту. — До рассвета нам надо быть на том берегу. Бери на свой танк десантников майора Каймакова, и, как говорится, с богом...

И танк пошел.

С боем взята первая, самая мощная линия укреплений. У десантников не хватает боеприпасов. Чувствуя это, немцы пошли в атаку, но просчитались. Встречный свинцовый ливень и мощное «ура» заставили их залечь. Это длилось недолго. Немцы подтянули резервы. Их танки и самоходки двинулись на нас. Наши бронейщики вступили в схватку. Горят уже три немецких танка, недвижимо стоит одна самоходка, но фашисты вводят новые резервы.

Бой длится уже более пяти часов. Померкло в дыму солнце. Враг пытался несколько раз идти в рукопашную, но каждый раз его отбрасывали.

Несколько человек уже убиты. Есть раненые.

Вот из-за большого камня к танку Гаврилова ползет группа фашистов. Но танкист не растерялся, рванул рычаг на себя и пошел гусеницами давить фашистов. Дрогнули уцелевшие немцы и бросились назад. А у Гаврилова нет уже ни одного снаряда. Фашисты, заметив, что Т-34 молчит, пустили против него свой танк. Михаил срывает с места свою машину и идет на таран. Немец пытается развернуться, но не успевает: его танк от удара в бок переворачивается и вспыхивает. А к десанникам уже идет помощь, слышится «ура». Подходят резервы во главе с полковником Макаренко. И враг отступает. Все мы считали, что при таране Миша погиб, но неожиданно он выскочил из танка, обхватил руками майора Каймакова и пошел с ним в пляс под собственные лихие частушки. Таков он был, Михаил Гаврилов, и каждый из нас хотел в эту минуту обнять его.

Михаил Лукьянчук.

Помощник начальника штаба по разведке 1382 сп капитан Лукьянчук Михаил Федосеевич погиб 27 июля под Красной Поляной.

Мария Игнатьева:

Пригнали в Чистяково. Бараки, окутанные колючей проволокой, и вокруг — широкая канава, заполненная водой.

Однажды вышла из барака, и все смотрю на канаву, на эту проволоку. У входа в барак сидит мужчина. Не знаю, старый он или молодой, но обросший бородой. Говорит мне:

— Что, дочка, смотришь, рискни через проволоку. Все равно смерть, так или иначе!

Я махнула рукой:

— Да что вы! А проволока, а ров!?

— Канава — ерунда, а к проволоке подползешь, сними одежду и голая перелезай, а потом рукой достанешь одежду и пойдешь. Только не забудь подстелить фуфайку, а то поколешь живот!

Зашла в барак, предлагаю друзьям бежать. Они ведь все местные. Никто не согласился. На что-то еще надеялись. Предложила Пете Плужнику. Он согласился, только сказал, чтобы я ползла первой (он был мальчиком лет 16-17).

Александр Борисов:

Пройдя 200-280 км по глубине фронта, армия встретила отчаянное сопротивление врага, в результате пришлось даже временно оставить Павлоград, Лозовую, Барвенково. В июле, одновременно с битвой на Курской дуге, 1-я гвардейская наступала южнее, в направлении на Киев.

Ю. Гаврилова:

Полевые цветы на холмик у леса я носила каждый день. Девять бесстрашных героев — партизан захоронены в этой братской могиле после боя в 1943 году. Мне было всего 10 лет. И может, потому остро врезались в память годы оккупации. Мы, украинцы, жили в панской Польше, когда началась война. Пришли немцы, и стало совсем невыносимо. Гитлеровцы издевались над нами, как хотели.

Где-то неподалеку был концлагерь. Десяти советским воинам удалось бежать оттуда. Они поселились в лесу и совершали налеты на фашистов. Появлялись в разных местах, и оккупанты думали, что

действует большой партизанский отряд. Наш дом стоял возле самого леса, и партизаны часто бывали у нас. Одного звали Александр Томилов. Его чаще называли просто «капитан».

Немцы устраивали облавы, но народные мстители были неуловимы. После одной удачной операции партизан разъяренные гитлеровцы выгнали всех жителей села на поле и объявили нас заложниками — хотели расстрелять. Не знаю, что помешало, только отпустили нас в тот раз живыми. А отца забрали в гестапо...

Страшную, мучительную смерть от рук врага приняли мой брат, мать и сестра.

Кто-то предал партизан. Они погибли как герои...

Л. Григоров:

В июле при прорыве Миус-фронта к нашим артиллеристам прибилась собачка, очевидно, с соседней Мариновки. Собачка оказалась забавной, ласковой и, естественно, солдаты ее приютили, все было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство. После стрельбы пушки смазывали салом. И если не успевали зачехлить ствол, Жучка забиралась в него и все сало вылизывала. И однажды случилось ЧП. Только смазали орудия после боя, как последовала вновь команда:

— По немецким танкам — огонь!

На беду, Жучка оказалась в стволе и, конечно, погибла. Конец ствола был разворочен. Солдаты зубилом обрубili поврежденную часть и продолжали бой.

Николай Захаров:

Из госпиталя возвратился в свою часть. Она в то время сражалась на Курской дуге. Лето в разгаре. Здесь мне доверили командовать взводом ПТР. Мы уничтожили восемь танков и несколько огневых точек противника. Враг отступил.

С. Шахов:

Иван Трофимов командовал подводной лодкой «Д-4». Под ее ударами многие вражеские суда нашли себе могилы на дне Черного моря.

...Подводная лодка обнаружила гитлеровские танкеры, шедшие в сопровождении двух эскадренных миноносцев и двух катеров-тральщиков. Началась торпедная атака — высшее испытание мужества, стойкости и боевого мастерства. Лодка выходила в одну из вершин мысленно воображаемого командиром торпедного треугольника. Сей-

час малейшая ошибка, незначительный просчет могли свести на нет усилия всего экипажа. Сблизившись с конвоем, капитан-лейтенант Трофимов дал четыре торпедных залпа. Один за другим раздались два взрыва. Танкер стал погружаться в воду. Но после выпуска торпед подводную лодку не удалось удержать на перископной глубине, ее рубка показалась над поверхностью моря. Вражеский миноносец открыл огонь, сбросил глубинные бомбы. Лодка стала погружаться и легла на грунт на глубине 84 метра. На поверхности воды показались большие масляные пятна. Повреждена топливная система. Противник решил, что лодка уничтожена, и прекратил бомбежку. Трофимов воспользовался этим и увел лодку в безопасное место.

И она продолжала бить врага.

И. Нестеров:

Наступал вечер, багряное солнце клонилось к горизонту. В воздухе была сильная дымка от пыли и дыма, поднятых над линией фронта в результате встречной артиллерийской канонады. Наши войска прогрызали оборону ожесточенно сопротивлявшегося противника.

Затрещал полевой телефон, и с КП полка приказали выслать четверку истребителей на разведку и прикрытие наших войск в районе Красного Луча. Там непрерывно над боевыми порядками наших войск крутился самолет противника «фокке-вульф», или — «рама», как называли его за двухблочный фюзеляж. Он вел корректировку артиллерийского огня по районам сосредоточения наших войск и огневым позициям артиллерии.

Герой Советского Союза гвардии лейтенант Глазов, незадолго до этого назначенный командиром нашей эскадрильи, сказал, что поведет группу сам. Воздушная обстановка над линией фронта была сложная, а видимость очень плохая, особенно на тех высотах, где обычно ходила «рама».

Я попросил разрешения повести группу, но он сказал:

— Ты, Игорь, сделал уже пять вылетов, а я сегодня еще не летал, так что отдохни, пойду я.

Он оставил мне свою синюю пилотку с голубыми кантами и маленькой красной звездочкой. Николай вел группу к линии фронта. Впереди почти касается горизонта багровое солнце и сильная желто-грязная дымка. Вот Николай заметил «раму», подал команду:

— Прикройте, атакую, — и пошел со снижением на сближение с ней.

Фашисты замечались, пытаясь уйти из-под атакующего истребителя. Николай понимал, что если он с первой атаки не собьет «раму»,

то она уйдет, скрывшись в сторону солнца и в дымке. Он дал полный газ мотору и на большой скорости сближался с «рамой». Вот засверкали огоньки на носу у его истребителя, это он нажал на гашетки пушки и пулемета. Чтобы уничтожить противника наверняка, рубанул винтом своего самолета по хвосту со свастикой. Самолет противника развалился на куски, а ястребок Глазова вспыхнул ярким пламенем, пролетел немного, ударился о землю и сгорел.

Как клятва гвардейцев звучали на траурном митинге слова: «За твою гибель мы беспощадно и неумолимо будем мстить врагу, громить его до полного уничтожения. Когда враг будет разбит, в цветущем украинском городке мы поставим тебе памятник — памятник героизму, величию, славе, бессмертию. Твоим именем назовем своих сынов, на подвигах твоих будем воспитывать бесстрашных летчиков, твои дела, твой образ будут для нас знаменем мужества и отваги, славы и героизма, память о тебе мы принесем в веках».

А. Зайцев:

За два года боевых действий Николай Глазов совершил 537 боевых вылетов, провел более 70 воздушных боев, в которых лично сбил 17 и в группе — 7 самолетов противника.

Виктор Алейников:

Летом снова ранен в бою на Курской дуге.

Яков Дербенцев:

30 июля под Курском танки неслись на бешеной скорости. Наши — на вражеские. Мы на танках — десант. Среди бойцов и я. Он пустил 200 танков против нас, а наши — 300. Снарядов рвалось множество... Было видно, как на соседних танках то один, то другой десантник вскидывал руки... Утешали себя: «Пронесет». Но и в нашу танку попал снаряд. Рвануло неожиданно. Снаряд угодил в орудие. Орудие нашу разбило, чуть башню даже поколол. Повезло лишь нескольким десантникам. 11 человек до смерти убито было, и много было поранено. Хоть и получили тяжелые ранения, но остались живы. Остальные погибли. Я без памяти лежал. Ничего даже не поняв. Четыре осколка досталось на мою долю. Танка наша повернула и в расположение приехала, начали битых снимать. Санитары рассказывали, что и не дышал, когда снимали с танка, а доктор уловил пульс и приказал оперировать. Три осколка вынул, а четвертый не решился.

— Если выживет, тогда и достанем. Сейчас не выдержит.

Выжил. На второй день очнулся. Осколок не беспокоил. Хотелось снова на фронт, и неудобно совсем здоровому находиться в госпитале, ведь видел же, что коек не хватает, что не успевают врачи оперировать доставленных с поля боя.

Р. Чмелева:

На Брянском фронте работала санинструктором у разведчиков. Разведчики кадровые. Их 23. Мы стояли в обороне где-то между Калужской и Смоленской областями.

Поздно вечером, покинув свои боевые порядки, мы пробирались в сторону шоссе. К дороге пробрались быстро и залегли в кустарнике. Пять разведчиков во главе с командиром поползли к кювету. Как раз в это время усилилось движение фашистов. Проехали мотоциклисты, артиллерийские батареи, пошли тяжелые танки, а пехота шла по обочинам шоссе. Нам нельзя было пошевелиться, и если бы кто из нас обратил на себя внимание хоть малейшим движением, мы, конечно, все тогда пропали бы. Но... погибли пять товарищей, которые лежали в кювете. По ним топтались, били их прикладами, отбрасывали в сторону, чтобы не мешали вражескому шествию. Пока шло это отступление главных сил противника, я вообще перестала ощущать свое тело. Все закаменело. От шума немецкой техники голова казалась каким-то бочонком, и мысль о том, что нет в живых тех пятерых, вообще затемняла сознание. К рассвету движение становилось все меньше и меньше. И мы, оставшиеся в живых, вернулись в расположение части. Мы передали командованию все, что видели. Наши отомстили за пятерых замученных товарищей.

Нина Янчин:

Во время Курской битвы партизаны вели рельсовую войну. Все отряды взрывали все. И громили гарнизоны. Допустим, идет состав «тигров», а его уничтожили. Сколько техники не дошло до фронта! Разве это не помощь?

Мария Козьмина:

А для населения какая это поддержка! Ведь население верит, что Москва держится, что вот она, Советская власть. Верили в победу и ждали Красную Армию. Газеты у нас всегда были.

Яков Голубов:

В конце июля наш полк вел бои за родной город в направлении с. Христофоровка. Казалось, еще несколько дней, и мы освободим Крас-

ный Луч от оккупантов. Но в последний день этого месяца с наступлением темноты нашу 87 стрелковую дивизию перебросили в район Дмитриевки, в район боевых действий за высоту 277,9 — это величественная Саур-Могила.

За одну ночь пешим ходом со всеми предосторожностями мы совершили марш-бросок.

Утром 1 августа на западной стороне Дмитриевки мы сходу вступили в бой. Дивизия вошла в состав 5-й ударной армии. Основные же части и соединения 51 армии продолжали вести бои за Красный Луч с северной стороны: от Малониколаевки до с. Боково-Платово.

Е. Голикова:

Жили мы на окраине Свердловска Ворошиловградской области. Лиля у нас квартировала. Утром я уходила на работу в амбулаторию, а она — на аэродром.

Вечерами, по счастливому совпадению, а это было не так часто, мы оставались вдвоем, Лиля рассказывала о своих родителях, которых оставила в Москве, мечтала о будущем, о мирной жизни. Мы подружились. В минуты откровения она меня называла сестричкой.

— Кончится война, — говорила Лиля, — обязательно приедешь к нам в Москву.

Однажды мы не дождались ее вечером. А на другой день подполковник Я. В. Зубков (он тоже квартировал у нас) принес страшную весть: летчица Лилия Литвяк не возвратилась на аэродром. Мы были потрясены. Горевали о ней, как о родной.

И. Борисенко:

Бой уже подходил к концу, Лиле Литвяк удалось сбить еще один «Ме-109». Из белой пелены облаков выскочил «мессер» и ударил по самолету Лили. Я видел, как самолет Лили взмыл в облака. Подумал, что ей удалось уйти от врага. Но когда возвратился на аэродром, самолета Лили не было. Командир несколько раз посылал летчиков в район Мариновки, где вела бой Лиля, но нигде ее самолета обнаружено не было.

Р. Чмелева:

Летом наш стрелковый полк в районе деревни Старое Хотмирово форсировал реку Десну. Первый стрелковый батальон на рассвете

занял исходные позиции. Берег Десны не везде одинаков — где отлогий, где с высоким обрывом. Командный пункт батальона, санвзвод и взвод связи разместились между высокими обрывами, в расщелине. После непродолжительной артподготовки стрелковые роты пошли в наступление, но немцы предприняли танковую контратаку, и нашим пришлось ближе прижаться к берегу. Временную переправу бомбили, что затрудняло переброску боевой техники и боеприпасов.

Раненых у меня в санвзводе собралось порядком. Среди них ординарец комбата Ванюшка — веселый, смелый и всеми любимый паренек. У него пулевое ранение в голову, он лежал в полушокковом состоянии. Я всецело занята перевязкой раненых. Вдруг слышу:

— Немцы! — крикнул Ванюшка. По мне пробежал холодок страха, но тут же я подумала, что в бессознательном состоянии раненые остаются воинами: они продолжают командовать, размахивать руками, вскакивают, бывает, ругаются. Но второй крик «немцы» меня заставил обратить внимание на Ванюшку. Я подбежала к нему и вижу, что он пришел в сознание. Он показывает мне рукой на вершину обрыва. Там правда были немцы. Я продолжаю перевязывать вновь прибывших раненых, но теперь уже слежу за обрывом. Вижу, наш комбат с горсткой оставшихся людей полез по крутому обрыву к немцам. Гитлеровцы их замечают, и немецкий офицер хочет лично застрелить нашего комбата. Вот уже целится в красный околыш командирской фуражки. Вдруг Ванюшка вскакивает и как одержимый бежит к комбату и закрывает его своим могучим молодым телом. Вместе с выстрелом немецкого офицера раздалась мощные взрывы снарядов нашей артиллерии, и на месте, где стояли немцы, поднялся столб земли вместе с немецкими телами. Это наши артиллеристы и минометчики отомстили за смерть ординарца Ванюшки, спасшего жизнь командиру. Немцы оставляли деревню за деревней. Мы гнали их на запад, освобождая нашу землю от фашистской нечисти. Но нам так недоставало всегда веселого, шутиwego, умного парня, и наши пулеметчики потом всегда начинали стрелять со словами: «За нашего Ваню!».

Иван Мещеряков:

В 1943 г. во время боев за Остер надо было переправиться через Десну. Мы сделали плот. Погрузили на него лошадей, продукты, походную кухню. Поплыли. Налетели самолеты, сбросили бомбы. Плот разбили. Лошади выплыли на берег. Несмотря на обстрел, мы спасли боеприпасы и продукты. Это позволило продолжить наступление и освободить город.

Историческая справка:

В третий раз ожесточенные сражения возобновились в Донбассе в августе, когда войска Юго-Западного и Южного фронтов перешли в решительное наступление по окончательному освобождению угольного края. Юго-Западным фронтом командовал Малиновский Родион Яковлевич, Южным — Толбухин Федор Иванович. Главный удар войск Южного фронта на Миусе наносили из района Куйбышево — Дмитриевка в центральный район Донбасса — Донецк, охватив его с юга и юго-запада. В осуществлении Донбасской операции в составе двух фронтов — Южного и Юго-Западного принимало участие 1 миллион 27 тысяч человек.

Лилия Литвяк.

Как выяснилось, самолет ЯК-1 приземлился в ложине рядом с хутором Кожевня. Летчица скончалась в кабине самолета. Наступавшие на село Мариновку бойцы похоронили ее в окопе неподалеку от самолета. Имя летчицы оставалось неизвестным.

Инна Паспортникова:

Случилось то, чего так боялась Лиля Литвяк. Мне, своему механику она как-то сказала:

— Больше всего я боюсь пропасть без вести. Все, что угодно, только не это. Судьба сыграла с ней злую шутку, приготовив именно эту участь. «Пропала без вести» — такая запись была сделана во всех ее документах.

Надежда Карпова:

Вечером, когда еще было видно, пришел к нам командир подпольной группы Шейко А. А. и говорит, что надо уходить, нас обнаружили. Только стемнело, С. И. Милованов пошел на квартиру к Шейко А. А., как и договорились. Наш Михаил был уже там. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Мама пошла к Шейко, хотела предупредить об опасности, но ее ударили по голове, схватили за волосы и потащили к квартире Шейко А. А. Мы с Полей Пугачевой слышали крики и стоны. Утром пошла к квартире Шейко А. А. и увидела, что трава в крови, лежит жакет Милованова, порванный, в крови. Я осталась совсем одна, мне было тогда 13 лет.

Сергей Милованов:

Пришел Шейко и забрал меня и семью Карповых к себе на поселок Красноармейский. В это время там уже находились раненые бойцы из нашего корпуса. Я уже начинал понемногу ходить. Вместе с Шейко назначили день отправки с целью пройти фронт. И вот однажды поздним вечером, мы вместе с Михаилом Карповым пришли на квартиру к Шейко А. Он сидел на ступеньках крыльца.

— Ну как, готов отправляться в путешествие?

— Да, — ответил он.

Что-то хотел ещё сказать, но не успел, раздались выстрелы. На нас напали полицейские, выскочившие из засады. Посыпались удары, слышались стоны и крики женщин. Меня полицейай ударил прикладом по голове, сбил с ног. Когда я протер глаза, увидел потрясающую картину: Карпова В.А., Карпов М. сильно избитые, окровавленные лежали на земле. Жена Шейко, боец Мазиев Г., Завируха А. тоже побиты до полусмерти. Нас погнали в полицию. Здесь опять стали всех избивать. Начальник полиции с усмешкой спросил:

— Ну что, перешли фронт?

Потом приказал полицейским принести скамейку. Скамейка появилась быстро. Указывая на меня, начальник сказал:

— Кладите на скамейку и бейте до тех пор, пока не скажет, где спрятано оружие.

Усердно взялся за дело Русаков Сергей. Били долго, но я сказал, что никакого оружия нет. Начальник полиции Иванов открыл стол, достал какую-то бумагу, прочитал и стал угрожать мне наганом.

— Кладите его снова на скамейку. Он у меня заговорит.

Он взял у полицейского Русакова черный телефонный провод, и сам стал яростно бить меня. Сцепив зубы, я молчал. Видя, что из меня ничего не выбить, перестали издеваться.

На другой день меня отправили в комендатуру. Комендант сразу задал вопрос:

— Кто ты?

— Пришел к сестре из Красного Луча.

Тогда он вытащил из стола фотографию, где на снимке был генерал Якунин, генерал Чаленко и я.

— Узнаешь? Это вы сфотографированы в Чернухино.

Дальнейшее отпирательство было бесполезно. Но как попала в руки врага фотография, я до сих пор не могу додуматься.

На следующий день нас всех отправили в Селезневку.

Н. Конюхова:

Артем Анфиногенов сбит в районе Дмитриевки в Донбассе, обгоревший, выбросился с парашютом и чудом остался жив. В районе Миусского оборонительного рубежа 2 августа 1943 г. отдал свою жизнь пермяк Аркадий Нестерович Попов, повторив подвиг Н. Гастелло, направив горящий самолет в скопление вражеских танков.

Анна Заверюха:

Когда Мазеев уже крепко держался на костылях, затянулись раны и у других советских солдат и офицеров, подкралась новая беда. 3 августа некоторые патриоты и несколько солдат и офицеров готовились к переходу линии фронта, но были преданы и схвачены врагом.

Полина Шейко:

3 августа гитлеровцы схватили некоторых из нас и нескольких спасенных воинов. Многие погибли от рук палачей.

Целагея Токарева:

Утром 4 августа я пошла на работу, на греблю. Работа тяжелая. Кругом стояли полицейские и фашисты. Подгоняли нас. Пришел Русаков арестовать меня. В это время приехал управляющий Тимошенко и половину людей погнал работать в совхоз. Добровольно в совхозе работать никто не хотел.

Ляшенко С. сопротивлялась. Тогда Русаков взял палку и бил ее что было силы. Он сказал:

— Теперь примусь за Воронову-Токареву, — скрутил мне руки назад и погнал в полицию. — Теперь из наших рук не уйдешь. Отомстим за все.

Кинули меня в бункер, а сами пошли и обыскали квартиру. Но ничего не нашли.

В полиции уже находились арестованные Шейко А. А., Милованов, Мазеев, Федоров А., Карпов Миша, Карпова В. А., Заверюха А. А., Бурмистров, Ермоленко Саша, Пизин Ф. И., Яровая В. Д. Немного погодя привезли Щукину, Карасеву и Редьку. Редька одет в немецкую форму.

Потом привезли Боярко, посадили его к нам в бункер. Шейко и Ермоленко Сашу сильно избили. Их бросили в подвал. Милованов сильно избит. Голова у него забинтована.

По одному вызывали на допрос. Били. У Шейко нашли пулемет.

С. Величко:

На митинге нашего батальона слушали обращение шахтеров Донбасса, к воинам Южного фронта. Сержант Дириухин тогда сказал:

— Донбасс — моя Родина. Фашисты разрушили мой город Горловку. Клянемся, мы освободим тебя, наш Донбасс! Отомстим врагу за все!

Василий Иванов:

4 августа, утром рано, пришли ко мне полицей. Брехов Владимир схватил меня и кричит:

— Иди, партизан!

Привели в полицию. Я увидел там своих друзей. Они копали яму. Полицай толкнул и меня туда.

— Комай и ты для себя.

Я спросил, где остальные товарищи. Мне сказали, что Милованова С. И. и Шейко А.А. сильно избили и закрыли в погребке. Потом к нам в яму бросили соседа Шейко А.А. — Боярко. Он прислушивался к тому, что мы говорили.

Нас вызывали на допрос, били, спрашивали, где оружие, но мы ничего не говорили, дома у Шейко А.А. все перевернули и нашли пулемет.

Надежда Карпова:

Пришел к нам комендант с переводчицей, устроили обыск. Все перевернули, начали срывать полы. Наставляли на меня оружие и требовали, чтобы я сказала, что делали мама и брат и тот мужчина, что жил у нас.

— Я ничего не знаю, хоть убейте, — говорила я одно и то же.

П. Волков:

Наша дивизия находилась западнее Луганска, когда пришел приказ: погрузиться на автотранспорт и к вечеру следующего дня занять оборону под Красным Лучом.

Нестерпимая жара. За автомашинами вздымалась такая пыль, что бойцы буквально задыхались. Но командование торопило, и мы до самого места назначения не сделали ни одной остановки.

Помнится, к утру прибыли в какой-то полуразрушенный поселок, находившийся от передовой в двух-трех километрах. С позиций доносилась орудийная стрельба. Иногда снаряды залетали и в посе-

лок. Один угодил в крайний дом. Взрывом снесло черепичную крышу, разворотило угол. Как подкошенные, упали яблони и сливы, росшие рядом.

— Вот гады! — зло выругался солдат Вахрин. — Какую красоту загубили.

Солдату этому было лет под пятьдесят. Призванный в армию из небольшого села на Владимирщине, где он всю жизнь крестьянствовал и своими руками украшал землю, Вахрин никак не мог привыкнуть к разрушительной стороне войны.

— К чему выходить из себя, — подзадоривал его взводный весельчак сержант Симаков. — Вот придем на передовую, там можешь отыгаться на фрицах.

Вахрин так и вскинулся:

— И отыграемся! Еще как отыграемся-то, чай, не впервой...

До этого мы участвовали в боях южнее Волгограда, под Новочеркасском, у Луганска. И везде Вахрин, как и все бойцы моего взвода, вел себя храбро и мужественно. Я был уверен, что и здесь, под Красным Лучом, он не подведет.

Василий Иванов:

Приехали из жандармерии. Посадили в машину Милованова С. И., Федорова А., Мазеева Г. С., Шейко А. А., Бурмистрова С. Н., Токареву П. Г., Заверюху А. А., Карпова В. А., Карпова Мишу, Ермоленко Сашу, Яровую В. Д., Пизина Ф. И., Щукину М. Е., Карасеву, Редьку из поселка Юлино и меня. Боярко с нами не было. Повезли в село Селезневку.

Пелагея Токарева:

Нас посадили в закрытую машину и отправили в Селезневку. А Боярко повысили в должности. Назначили завхозом больницы. По дороге Шейко сказал нам:

— Крепитесь, друзья, ни в чем не признавайтесь. Я все возьму на себя. Погибну один. Вас не выдам.

Анна Заверюха:

Утром повезли в гестапо.

— Дорогие мои, мужайтесь, — услышала хриплый, но бодрый голос. Глазами отыскивала говорившего и ужаснулась. Это же А. А. Шейко. Избитый до неузнаваемости, с черными кровоподте-

ками, волосы склеила засохшая кровь. Он верил в торжество победы. И его вера передалась всем.

Иван Комаров:

5 августа мы были отмечены в приказе главнокомандующего за освобождение Орла.

Надежда Карпова:

Через два дня на квартире у Боярко собралась вся полиция. Они устроили там гулянку. А меня выгнали из квартиры. Я пошла в совхоз, где мы жили раньше. Взяла с собой пятилетнюю дочь Заверюхи. Анну Андреевну тоже арестовали.

Люди боялись пустить нас к себе, боялись дать кусок хлеба, потому что мы на подозрении.

Пелагея Токарева:

В Селезневке нас заставили носить кирпичи, камни, закладывать дыры в разбитом сарае.

Анна Заверюха:

Августовское солнце палило сильно, а его лучи, пробиваясь сквозь облако пыли, щекотали лицо. Под ударами плети и приклада мы, пленники, таскали камни, чинили сарай, в который собирались нас запереть.

Пелагея Токарева:

На ночь всех арестованных женщин загнали в сарай.

Шейко посадили в отдельную камеру. Он хотел бежать, но его выдал старик, который сидел вместе с ним. Шейко сильно избили и надели наручники.

Екатерина Романовская:

Наш полк участвовал в боях на Орловско-Курской дуге, в разгроме окруженной немецкой группировки под Бобруйском. В лесах оставались еще не плененные немецкие подразделения и группы.

Одни из них пытались с оружием в руках вырваться из окружения, а другие искали случай, время и место сдаться в плен.

Два полка нашей дивизии посадили на танки, которые и погнали отступающих фрицев, а перед нашим полком поставлена задача: прочесать леса, добить не сдающихся и пленить тех, кто сдается. Мы, связистки, я и боевая подруга Зоя Кряжева, вслед за вторым батальоном снимали линию связи, подвешенную в лесу на деревьях. У нас по 2 немецкие катушки для проводов — одна на спине, другая на груди. Я шла впереди и шестом сбрасывала провод, а Зоя наматывала. Зная о том, что здесь уже прошли наши батальоны, и что врагов нет, мы забросили свои карабины за спину и сматывали последние десятки метров провода. Скоро должна появиться опушка леса — и тут же село, в котором расположился наш батальон. В десяти метрах от меня роскошная, в два обхвата сосна. В очередной раз я замахнулась шестом, чтобы смахнуть с ветвей провод, как вдруг из-за сосны показываются двое. Кричу:

— Зоя, немцы!

Дрожащими руками снимаем карабины, а немцы в это время вышли из-за дерева с поднятыми руками и закричали:

— Плэн, плэн!

Страх у нас пропал. Разобравшись в ситуации, мы вручили немцам катушки и приказали двигаться в направлении нашего батальона. При виде такой картины бойцы весело нас приветствовали и смеялись, а пленных повели в сарай, в котором таких, как они, была уже сотня. Рассказывая подругам об этом случае, мы потом не раз думали о своей беспечности, о том, что немцы могли быть вооружены, и о том, чем могла бы кончиться наша «смешная» история.

Пелагея Токарева:

Куда делся Редька, никто из нас не знает.

В гестапо поместили в общую камеру, а Шейко и Ермоленко — в отдельную. Потом женщин перевели в строгую камеру, из которой брали на расстрел. Начались пытки. На столе лежали плети. Толстые, тонкие, с нагайками, шомпола. В конце комнаты сидела собака. Ее натравливали на нас. Но пытками фашисты от нас ничего не добились. Морили голодом, не давали воды.

Надежда Карпова:

Я пошла работать в совхоз, чтобы хоть как-то прокормиться. Но управляющий совхоза за работу ничего мне не давал. Он говорил:

— Тебе не только жмыха давать нельзя, тебе надо быть там, где твоя мать.

Но люди отламывали по кусочку и все-таки давали. Так мы с дочкой Заверюхи А.А. и кормились.

Н. Спицын:

8 августа наш 835 полк перешел в наступление на Краснополье. На своем участке наш батальон с боем, но без особых потерь, занял две линии обороны противника. Когда вышли на более ровное место, а населенный пункт оказался на возвышенности, то мы встретили ожесточенное сопротивление врага. К концу дня Краснополье было освобождено. В тот день меня дважды ранило. Один осколок в груди остался навсегда.

Василий Иванов:

В гестапо мы пережили тяжелые пытки. Нас морили голодом. На допросах нас травили собаками. Всех били и пытали, но ничего не добились. После допроса мы с Бурмистровым С.Н. положили изби-того до полусмерти Шейко А.А. на нары. Он был в очень тяжелом состоянии. Пыткам мы подвергались месяц.

Борис Стремиллов:

В августе в воздушном бою подбили наш самолет. Он призем-лился на окраине Княгиневки. Летчики скрылись в балке Широкой.

Анна Заверюха:

В гестапо день начинался допросом.

— Где? Кто? Когда?

И новые, более жестокие побои.

— Я никого не знаю, — твердила я.

Очередной удар прикладом между затылком и правым ухом сва-лил с ног. Порция холодной воды — и снова допрос.

— Ты, партизанка, говори. Кто руководитель?

В голове шумело, язык ощущал приторно-сладковатый вкус кро-ви, с затылка на спину текли теплые липкие струйки.

Иосиф Кучер:

Бой за Бобруйск. Мостом через речку Березину, а затем запад-ным берегом овладели штурмом. Вдоль берега рассыпались, залег-

ли. Не давал поднять головы крупнокалиберный немецкий пулемет, установленный на втором этаже школы. Солнце только что начало всходить. Получаю задание уничтожить точку. Группой из шести человек устремились к школе. Пока проникли в фойе первого этажа, в живых осталось трое. Смотрю, со второго этажа навстречу нам спускаются с поднятыми руками три фрица. Увидев на моих плечах погоны советского офицера, один из фрицев успел выхватить пистолет и выстрелить в меня. Промазал. Зато я короткой очередью из автомата уложил всех. Но на этом дело не кончилось. Эти трое, видать, шли прикрыть пулеметчиков, которые продолжали сеять среди наших товарищей смертельный град. Вдвоем поднялись на второй этаж. Третьего оставили внизу для прикрытия, вычислили класс, откуда стреляли немцы, и запустили туда гранату. После взрыва пулемет заглох. В классе оказались не только пулеметчики, а и группа автоматчиков. Часть их была убита, а большинство мы пленили.

А. Федоров:

5 военнослужащих и 11 жителей около месяца продержали в тюрьме, подвергая пыткам и издевательствам. Затем военных отправили в лагерь, а Александра Шейко за хранение оружия и попытку к бегству из тюрьмы немцы, вероятно, расстреляли.

Пелагея Токарева:

В лагере нас встретила русская девушка переводчица. Спросила, кто мы, откуда и сказала:

— Постараюсь отправить вас в лагерь поближе к дому. Из того лагеря легче убежать.

Ночью Иванов, Бурмистров, Карпов, Ермоленко, Пизин подлезли под убойной, перерезали проволоку и ушли.

Надежда Карпова:

Я потеряла надежду увидеть свою маму и брата. В конце августа, дней за пять до прихода нашей армии, увидела брата Михаила. Но не узнала бы его, если бы встретила где-нибудь в другом месте. Он очень худой и побитый. Миша мне сказал, что мама жива, находится в лагере. А мне начальник полиции говорил, что сам расстрелял мать и брата. Как только увезли маму и брата, полицей Иванова приходил в совхоз и спрашивал меня:

— Как живешь, партизанская дочь?

Миша рассказывал, что они перерезали проволоку и бежали.

П. Волков:

С наступлением темноты мы выдвинулись на передовую, где сменили уставшие в июльских боях части. Наша артиллерийско-пулеметная рота заняла участок километра в полтора шириной. Линия окопов проходила по небольшому склону, круто обрывавшемуся к безымянному ручью. Под обрывом надежно укрылись артиллеристы и минометчики, которыми командовали капитан Корпулев и лейтенант Селькин. В одном месте, как раз там, где находился мой взвод, немцы занимали высоту, откуда хорошо проглядывались наши позиции. Гребень высоты густо порос травой, весь опутан колючей проволокой, что помогало маскироваться фашистам. К тому же они имели глубокие окопы, по которым свободно передвигались. Над высотой стояла тишина. По ночам при свете ракет вспыхивала иногда короткая пулеметная перестрелка. Но днем слишком открытая местность ограничивала действия сторон.

Полина Белоконь:

Наш 1575 зенитно-артиллерийский полк из-под Сталинграда перебросили под Харьков. Эшелон остановился на станции Чугуев. Стоянка 30 минут. Командир приказал варить суп. За минуту установили котел. Нас, нескольких девушек-зенитчиц, послали в посадку (рядом с эшелоном) за хворостом. Подняли валежник и увидели трупы советских солдат.

Так мне довелось увидеть первых пропавших без вести, пережить непередаваемое чувство горя и беспомощности. Это чувство во мне укрепились, когда из дому получила письмо, в котором сообщалось, что мой брат пропал без вести в боях под Москвой.

И. Лукьяненко:

К нашему батальону была прикомандирована группа медработников, которую возглавляла военный врач Мария Захаровна Лаптева. Коренастая, небольшого роста, в звании капитана медицинской службы, она всегда весела, разговорчива. Дома, в оккупированной Ивановке, оставались больной отец, мать, младшие брат и сестра. И Мария Захаровна с нетерпением ждала освобождения родных мест.

Утром получили приказ о наступлении. Началась артиллерийская подготовка. В воздухе появились в сопровождении истребителей наши бомбардировщики. Они летели бомбить вражеские войска. Противник в панике. Наше танковое соединение подавляло огневые

точки противника, расстреливало с ходу скопления вражеской пехоты. В бой вступили наши пехотные подразделения. Военврач Мария Лаптева, пренебрегая опасностью, оказывала помощь раненым. Она сама лично выносила с поля боя солдат и офицеров. Где только и сила бралась у этой женщины. Трижды была ранена и наотрез отказывалась идти в госпиталь. Своим бесстрашием зажигала солдат и офицеров.

Евгений Колесников:

Впереди Харьков. Мы с нетерпением ждали команды: «Вперед!». Нервы натянуты. Скорей бы в бой. То, что враг создал мощную линию обороны, мы знали, но знали также и то, что Харьков нужно взять.

И вот долгожданная ракета. Сигнал к наступлению продублировали по радио. Оставляя за собой шлейфы дыма и пыли, танки устремились к окраине. Впереди ХТЗ — гордость довоенной индустрии. Теперь назвать его заводом трудно — остались одни развалины.

Противотанковыми залпами ошестинились оборона противника. Из-за угла сохранившейся коробки небольшого здания ударила пушка, рядом танк вспыхнул факелом. Мысль работала лихорадочно: снарядом их не достать. Значит, ствол назад и таранить стену. Смотреть, что там получилось после тарана, нет времени, надо двигаться вперед, только вперед. Следом шел второй танк из их взвода, значит, сзади все нормально, с пушкой покончено. Теперь надо браться за пулеметы, уж больно много их натыкано, пехоте трудновато будет. Как из-под земли, появился немец с гранатой. Выручил водитель. Резко остановил машину, граната разорвалась, не долетев до цели. И снова вперед.

За территорией завода стало немного тише. Видимо, основная линия обороны осталась позади.

Михаил Зайчук:

При освобождении Харькова тяжело ранен. После госпиталя — снова на фронт. И опять разведка, опасные задания. Но об опасности не думал. Помнил, что Отечество в опасности, что нужно освободить родную землю от лютого врага.

Мария Игнатьева:

Петя дал мне фуфайку, и ночью я поползла. Не помню, как перескочила канаву (ров), разделась около проволоки, проскочила, как рыба, даже нигде не зацепилась. А немцы стоят на вышках и ходят вокруг.

Ночь темная. Взяла одежду, голая поползла до подсолнечного поля, там оделась и стала ждать Петю Плужника. Вскоре налетели наши «кукурузники» и начали бомбить округу. В меня не попали. Понимаю, Плужника мне не дожждаться. Пошла.

Куда? Не знаю! Начался дождь. Светает. Слышу лай собак. Значит, вблизи деревня. Дождь перестал. Залезла на яблоню (дичку). Вижу: женщины гонят коров. Переждала. Опустилась на землю, подобрала палку, перешла на ту сторону, куда они гнали коров, и иду. Так начались мои мытарства на оккупированной земле.

Василий Харченко:

Участие в освобождении Украины началось для меня, командира пулеметного взвода, а потом роты, от села Дмитриевки Донецкой области. Именно здесь в июле получили мы приказ о наступлении с тем, чтобы отвлечь на себя часть резервов, которые фашисты подбрасывали в район Курской битвы. Взять Саур-Могилу нам не удалось. Зато в селе Степановка освободили около 600 советских военнопленных. Да и главная наша задача выполнена: значительные силы гитлеровцев брошены на юг, против нас.

Евгений Колесников:

За поворотом на небольшой улочке Харькова навстречу танкам, размахивая руками, бежал юноша. Остановились. Он показал в сторону центра:

— Там, через два квартала, на перекрестке немцы с пушками.

Что делать? Расспросили парня подробней, получалось, что можно зайти с тыла. Надо пробовать. Миновали тихую улочку, пустырь, небольшие дворики и выехали на проспект, оказались в тылу у немцев. До батареи метров 200. Немцы, увидев русские танки, заметались вокруг орудий, но поздно. Засады больше не существовало.

И. Лукьяненко:

На Миусе полк понес большие потери. Погиб командир, бывший шахтер, полковник Николай Гончаренко. Врач Мария Лаптева, несмотря на то, что сама ранена, все время находилась с ранеными.

Враг бросил против наших войск остатки своей авиации. Фашисты бомбили даже санитарные батальоны. В одном из таких налетов ранило и меня. Когда ко мне вернулось сознание, увидел Марию Захаровну Лаптеву. Я навсегда запомнил это простое прекрасное лицо.

Для каждого у нее находилось ласковое слово. Страдания ста-

новились легче, когда к больному приближалась Мария Захаровна. Вскоре меня отравили в тыловой госпиталь. Через некоторое время получил письмо однополчан. Они сообщали, что капитан медицинской службы Мария Захаровна Лаптева погибла на поле боя и похоронена с воинскими почестями. Дочь потомственного шахтера любила Донбасс. Такие не умирают, они вечно живут в сердце народа.

Евгений Колесников:

Миновали несколько улиц, и я стал узнавать местность. В Харькове бывал в сорок первом. Где-то рядом парк Шевченко. Но тут ударило по броне, словно кувалдой. Звон в ушах пошел. Хорошо, что снаряд срикошетил. Рядом опять разорвался снаряд. Противник вел стрельбу, замаскировавшись за кустами и деревьями. Сзади подошло еще несколько машин. Медлить больше нельзя. Ведя беглый огонь на ходу, танки стремительно продвигались вперед. С пушками разделались быстро. Но две машины остались стоять неподвижно перед парком. Из всего взвода уцелела только моя машина. Дорогой ценой давалась каждая улица. В северной части парка показались наши.

Василий Смыков:

Перед началом боев на Саур-Могиле меня приняли в комсомол. У села Дмитриевка получил от войны второй «подарок» — тяжелое ранение, после которого на фронт уже вернуться не смог. Сквозное пулевое ранение искалечило тело, но не истребило жажду жизни.

С. Шахов:

10 августа подводная лодка Трофимова в 20 милях южнее мыса Тарханкур нанесла удар по вражескому транспорту водоизмещением более 6 тысяч тонн.

Евгений Алексеенко:

В августе в боях за Донбасс под Саур-Могилой ранило. Перехватив ремнем ногу чуть выше колена, продолжал командовать. Били прямой наводкой по пехоте и танкам. И только убедившись, что отбита последняя атака фашистов, а наши войска пошли в контрнаступление, позволил себе расслабиться и тут же потерял сознание.

Девять месяцев колдовали надо мной врачи, пока не поставили на ноги.

Александр Эдигорьян:

Воевала вся страна. А женщинам, старикам, детям разве легче приходилось в тылу? Ведь все, абсолютно все, отдавали они фронту...

На реке Миус в сорок третьем стрелковая бригада сражалась в районе Матвеева Кургана. В том бою я отличился. Был награжден, и около двух месяцев провел в ростовском госпитале. И вновь — на фронт.

Мария Игнатьева:

И вот я иду в сторону фронта. У Селезневки (село около Алчевска) попала в руки полицейского.

— Документы?

А какие у меня документы!

— Откуда и куда идешь?..

Начинаю врать:

— Иду в Антрацит (он уже освобожден нашими войсками). Там у меня дети, мама...

Сажают в какой-то сарай.

Петр Соколов:

После того, как 11 августа 1943 г. командир партизанского отряда Кулик пропал без вести, меня избрали командиром. При подходе советских воинских частей, отряд оказал значительную помощь 968 полку в прорыве обороны на подступах к городу Новогеоргиевск, предварительно уничтожив линию связи и посты охранения.

Вместе с другими партизанами влился в состав полка, участвовал в боях за освобождение Родины.

Николай Инякин:

А в августе Лысогорский райвоенкомат Тамбовской области призвал меня в армию. Родина вверяла свою судьбу, свое будущее юношам 1926 года 16-17-летним мальчишкам. Под плач матерей да меньших братишек и сестреноч, промокшие до нитки, мы грузились в эшелон. Мы мечтали попасть на фронт, но оказались в далекой от фронта Уфе. Здесь шло формирование 1871 зенитно-артиллерийского полка 9-й отдельной бригады ПВО. Полк формировал майор Карпушин. Полк получил 750 юношей 1926 года рождения, уроженцев

Харьковской, Ворошиловградской и Ростовской областей и 790 девушек 1924-20 годов рождения из Башкирской АССР. Костяк офицерского состава — выпускники Чкаловского и Горьковского училищ. Мы изучали материальную часть орудия и проводили учебные стрельбы. После месячной подготовки, обучения ведению боя, чувствовали себя хуже, чем на войне.

Не всем под силу оказалась такая подготовка, особенно тем, кто ростом мал (в том числе и мне). У таких приклад трехлинейки по земле волочился. Некоторые не выдерживали нагрузок, падали без сознания, больно видеть это. Но нужно научиться переносить трудности. Это понимали все. Понимал и я. И я выдержал.

Яков Голубов:

Ожесточенные бои развернулись за Саур-Могилу. На окраине деревень Степановка и Мариновка на нашу долю выпало тяжелое испытание. Налетели немецкие самолеты, пошли танки и пехота, кругом все гремело, всюду взрывы, дым и тучи пыли. Фашисты, пьяно горлана, лезли напролом и тут же падали под нашим огнем.

Эти села дважды переходили из рук в руки.

П. Волков:

Мы находились здесь уже более трех недель, и если не считать редкой ночной перестрелки, то противник ничем себя не обнаруживал. Можно было подумать, что немцев там и нет. Но мои бойцы так не думали и не давали обмануть себя.

— Товарищ лейтенант, — обратился ко мне Вахрин. — Я вот все наблюдаю за высотой и убедился: там есть пулеметное гнездо. Фашисты ждут, когда мы пойдем в наступление...

Эта догадка подтвердилась неожиданным образом. К нам во взвод пришел повар Лебедев. Он интересовался у бойцов насчет «харча», спрашивал, чего бы они хотели. Как водится, посидел, покурил с солдатами, а потом, уже собравшись уходить, неосторожно высунулся из окопа, чтобы взглянуть на немецкую оборону, до которой было не более трехсот метров. И не успел он этого сделать, как тут же был сражен пулеметной очередью...

— Я заметил, откуда стреляли! — крикнул стоявший в дозоре Вахрин. Он показал рукой на высоту. Я взглянул в отверстие, сделанное в бровке окопа для наблюдения. Высота молчала. Над ее вершиной переливалось горячее марево. Ни одной души там не было видно.

— Смотрите правее вон той рогатки, — указал мне глазами Вахрин. — Прямо перед теми двумя травинкам, которые выше всех. Видите, темное пятно? Это замаскированный пулемет.

Я немедленно доложил о случившемся и об открытии Вахрина командиру роты капитану Филину. Через несколько дней меня вызвали в штаб батальона.

— Вот что, Волков, — обратился ко мне командир батальона майор Махортов. — Ожидается приказ о наступлении. Бери людей и разведай огневую систему фрицев, особенно в районе высоты. Возможно, удастся захватить «языка». Только будь осторожен.

Махортов до мая сорок третьего года командовал нашей ротой, и я, и Селькин, и остальные командиры взводов — лейтенанты Демиденко, Васенин, Ведерников, Вандышев — его «крестники». Меня он особенно любил и, доверяя наиболее опасные дела, просил соблюдать осторожность.

Василий Бойченко:

На левом фланге нашей обороны 51 армии Юго-Западного фронта, который проходил по правому берегу Северского Донца вблизи Славяносербска, на опушке леса, в кустарнике, с ночи засели два снайпера. С наступлением рассвета они стали наблюдать за дорогой Ворошиловград — Лисичанск. Вот показался фашист. Он ехал на мотоцикле. На большой скорости пытался проскочить открытую местность и попал в оптический прицел моей винтовки. Наша команда состояла из 30 снайперов. Жили на окраине села Долгое. Ночью попарно выходили из подвала и по глубокому оврагу приходили к своим позициям. Услышав пароль, дозорные пропускали через линию фронта. На нейтральной полосе маскировались. И когда наступал день, нас нельзя было обнаружить. Выследив фашистов, уничтожали их. С наступлением темноты возвращались к своим. Командир взвода лейтенант Халиков выслушивал доклад об очередной «охоте».

Владимир Борсоев:

Тростянец. 13 августа при обходе боевых порядков ранен тремя осколками. Ничего серьезного. Правда, немного беспокоит, но на работу не влияет.

Украина, милая Украина! Как бы враги ни пытались ее опоганить, она остается собой. Здесь люди, как и всегда, гостеприимны: сколько мы тут поели помидоров, огурцов, цибули, яблок — уму непостижимо!

Наше наступление захлебнулось, сидим уже 9 дней на одном

месте. Севернее, в районе Сыроваток, идут бои, и наши продвигаются вперед.

13 августа, когда меня ранило, со мной ехало еще четверо. Мой адъютант Демин убит. Воевали вместе полтора года. Хороший малый. Троиш ранило тяжело — шофера, командира батареи Пузикова и ординарца.

Анатолий Коробкин:

Наша 346-я дивизия простояла под Малониколаевкой до 15 августа. Немецкий самолет «рама» каждый день зависал над нашими позициями, корректируя огонь батарей. Внезапно с немецкой стороны вынырнул наш истребитель и бросился на «фокке-вульф». Немецкий разведчик пытался уйти от истребителя, совершая виражи, но истребитель не стрелял. По-видимому, летчик израсходовал весь боезапас. Мы с волнением наблюдали за этим поединком. «Рама» пыталась уйти к своим, но юркий истребитель не давал фашисту улизнуть. В районе балки Гремучая истребитель настиг фашиста и винтом ударил его в хвост. Оба самолета начали падать. Только один летчик спустился на парашюте в районе балки Гремучая, на нейтральную полосу. Знать бы, чей это летчик.

Виктор Глазков:

Нас трое — матрос, танкист и санинструктор. Копаем яму. Точнее — копаем себе могилу. Такое на войне бывает. Два фашиста рядом. Рядовой смотрел на нас безразлично. Офицер нервничал, торопил. То, что раненые попали в лапы фашистов, — не их вина. Я санинструктор. Я думаю, как бы вырваться. Об атом думали и другие. Копали не спеша. Матрос огромного роста и такой же силы. Он посматривал то на лопату, то на офицера. Как будто примерялся, он ближе всех к фашисту и в лопате видел оружие спасения.

Офицер достал портсигар, щелкнул зажигалкой и стал прикуривать папиросу. Матрос со всего маху рубанул офицера лопатой. В тот же миг мы с танкистом оказались возле второго фашиста и сбили его с ног. Забрав оружие, скрылись в лесу. Затем перебрались через речушку и вскоре присоединились к своим.

Виктор Терещенков:

Нас взяли в августе, когда началось большое наступление на партизанский лес. Немцы повели в село Локоть. В тюрьму. Я вел корову. А мать двоих малых несла и двое еще за ней тащились. При-

вели в лагерь. А там раньше тюрьма была и скотный двор. Корову сразу забрали. Меня и еще двух парней послали на кухню дрова пилять. Двое пилят, один колет. Подходит к нам один человек, думаю, полицей. Говорит:

— Там есть дырка, тикайте отсюда. Через сутки вас тут не будет, в Германию всех увезут или расстреляют.

Анатолий Коробкин:

Из-под Малониколаевки нашу 50 гвардейскую дивизию 15 августа 1943 года перебросили на Миус в с. Дмитриевка. Полки двигались через Ореховку проходили в полдень. Минометы везли на двухколесных тачках. Жители села стояли около своих домов. Я поинтересовался, есть ли среди них эвакуированные из Красной Поляны?

— А чей ты?

Я ответил. Позднее узнал, что весточка о том, что меня видели, дошла до моей матери. Мать с братишкой эвакуированы в Красновку. После июльских боев кто-то сообщил матери, что я нахожусь в госпитале или медсанбате. Она искала. В одном медсанбате сказали, что я умер. Теперь ей сообщили, что я жив.

Юрий Рябущенко:

В середине августа немцы решили вывезти понтонное подразделение. Но машины не могли сдвинуть их с места. И только танки и гусеничные трактора тащили их на ободах к железной дороге, а там грузили на платформы и отправляли на Запад.

Все понтоны были не пригодны для использования на переправах. Из-за многочисленных дыр в корпусах после взрывов.

Анатолий Коробкин:

От Ореховки двигались ярами и лощинами мимо с. Ребриково через станцию Ровеньки. Станцию проходили, когда уже стемнело. К утру прибыли в с. Дьяково. Рассвет. Окраина села. Сделали привал. Замаскировались в балках. С заходом солнца двинулись на Дмитриевку. 16 августа 1943 года ночные бомбардировщики «кукурузники» женского авиаполка бомбили немецкую оборону. «Кукурузники» включали мотор, поодиночке, подлетали к цели, сбрасывали фосфорные бомбы. Отбомбившись, включали двигатели и удалялись. Фосфорная бомба оставляла огненный шлейф, стремительно несущийся к земле в виде гриба, все время увеличиваясь в диаметре, только

ножкой вверх. Женский авиаполк бомбил всю ночь. Иногда слышал женские голоса.

Е. Костюк:

Утром 17 августа при прорыве вражеской обороны в укрепленной зоне противника в районе сел Дмитриевка и Степановка потребовалось два с лишним часа поработать артиллерии, чтобы поднять в воздух все их укрепления. А потом наши славные танки и пехотинцы завершили свое дело. За несколько дней наступления мы оказались на подступах к городу Снежное. Здесь немцы попытались использовать выгодный для них холмистый рельеф местности в целях обороны. Они расставили на высотах артиллерию и перекрестным огнем стали мешать продвижению нашего подразделения, которое входило в состав 4-й гвардейской дивизии. Я связист. Задача постоянно поддерживать связь со штабом. Местность на подступах к городу трудна для маскировки и видна с высоток как на ладони. Но шахтера ничто не может остановить. Я тут же вызвался наладить связь. Нелегка эта задача, но я с ней справился. Помогло знание местности. Под самый конец выполнения задания, разорвавшийся вблизи снаряд задел меня осколком. Но связь я все же восстановил. И артиллерия вскоре ударила по высотам. Сопротивление сломлено, немцы начали отступать в направлении Енакиево.

С. Величко:

Большую работу по подготовке гвардейцев к предстоящему наступлению вели командиры и политработники всех рангов, каждый думал, что, видимо, скоро наступит и наш черед. Нам освобождать Донбасс. И он наступил, долгожданный день. 17 августа в 6.00 мощный залп гвардейских минометов «катюш» потряс воздух.

Сотни орудий и минометов разных калибров открыли ураганный огонь по позициям врага на противоположном берегу Миуса. В воздухе появились бомбардировщики, они обрабатывали глубину вражеской обороны, бомбили районы сосредоточения резервов.

В первых рядах наступающих шли коммунисты и комсомольцы, своими действиями они увлекали за собой всех гвардейцев. Агитаторы второй роты 107 стр. полка старший сержант Ребнев и сержант Карпов находились в цепи наступающих и сумели выпустить боевой листок о героях первых часов атаки. В боевом листке, который озаглавили: «Сегодня героически сражались», говорилось: «Орлы боевые! Вы все знаете коммуниста Ивана Гончарова, вот что он совершил

час назад. Гончаров подобрался к немецкому дзоту и уничтожил гранатами сидевших в нем 11 гитлеровцев. Вот так и нужно воевать!»

Анатолий Коробкин:

17 августа вошли в село Дмитриевку и заняли позицию в окопах на южной окраине. Замаскировались. Наблюдали за противником. Немецкие орудия периодически постреливали в нашу сторону. Наши отвечали им. Готовились к завтрашнему бою.

День прошел в томительном ожидании. Нервничали и немцы, то и дело пуская осветительные ракеты.

Николай Голофеев:

Я уже майор, командую стрелковым батальоном.

В августе семь вражеских дивизий приготовились к прорыву обороны города. Перед нашей дивизией поставлена задача: ввести врага в заблуждение. Наши подразделения выдвинулись к поселку Синявино. Завязался жаркий бой, который вошел в историю под названием Синявинской операции. На поселок враг обрушил всю мощь своего артиллерийского огня. Потом бомбила авиация.

Двигались танки. За ними — пехота. Казалось, под ногами горела земля, и нет никакой возможности вырваться живыми из этого ада. Но отступать некуда. Позади — Ленинград. И мы стояли...

Задачу выполнили. Мы оттянули на себя основные силы врага. Его план прорыва обороны Ленинграда провалился.

С. Величко:

На рассвете 18 августа тысячи орудий разных калибров, минометы, сотни самолетов вновь обрушились на огненные позиции врага. После шквального артиллерийского огня в прорыв ринулись «тридцатьчетверки», самоходные артиллерийские установки, а за этим броневым щитом шли мы, пехота. Гитлеровцы не устояли, начали отступать. В течение двух часов боя наш батальон прорвал первые две траншеи обороны противника и вышел к селу Мариновка. Все ближе подходили мы к Саур-Могиле.

Анатолий Коробкин:

В 6 часов утра 18 августа наши начали артиллерийско-минометный обстрел позиций немцев. Загудела, загремела, задрожала земля от разрывов. Ударили «катюши» и «андрюши». Летящий снаряд «андрюши» по шуму напоминал паровоз, грохочущий на подъеме. Затем штурмовики Ил-2 сбросили свой груз на головы врагов. Больше часа длился артналет.

Затем стало на несколько минут тихо, но потом снова загрохотала наша артиллерия, перенеся огонь в глубь обороны врага. Взрели танки, за танками на штурм двинулась пехота.

Наш 2-й батальон капитана Масловского переходил Миус по деревянному мостику и наступал по котловине между двух возвышенностей правого берега реки вслед за танками.

Уцелевшие пулеметные точки врага открыли огонь. Танки огнем и гусеницами подавляли их. Несколько десятков гитлеровцев взяли в плен и направили их в Дмитриевку. Из траншеи выскочили несколько фрицев. Танк подмял их под себя.

К обеду с боем вышли к саду, слева на подъеме из котловины. Оттуда ударила по нас немецкая батарея 75 мм орудий.

Танки повернули влево, а пехота, ударив во фланг, ворвалась в сад. Немцы, сняв замки с орудий, бежали, оставив нам в качестве трофеев 6 новеньких, но бесполезных орудий зеленого цвета.

Начало темнеть. Прибыла полевая кухня. Ужинаем. Попутно старшина выясняет, кто ранен, кто убит. Приводим себя в порядок, запасаемся боеприпасами. Короткий отдых. Утром двигаемся на Калиновку.

Петр Ткаченко:

Жестокие бои развернулись на фронте. Часто боевая техника на переднем крае выходила из строя. И тогда здесь появлялся я — техник-лейтенант Ткаченко со своими солдатами. Быстро приводили орудия в боевую готовность. Артиллерийский огонь снова накрывал фашистов.

Алексей Катушев:

«Родные! Был ранен в руку, а сейчас снова в строю. И хотя письмо я пишу коряво, но штурвал самолета держу крепко. Теперь я их буду бить еще беспощаднее».

Мария Козьмина:

Но что значит партизанский отряд или разведгруппа во вражеском тылу без радиосвязи? Какие бы ни добыла сведения разведка, какие бы боевые операции ни были проведены, — все имеет ценность лишь в том случае, когда об этом узнают в центре. «Радисты — глаза и уши наши!», — говорили нам бойцы в отряде. Нам помогали, нас берегли, особенно в походе.

А что значит сводка Совинформбюро на оккупированной врагом территории? Услышать голос Левитана — это голос Москвы. Радисты всегда старались записать сводку, которую затем распространяли среди населения. А в партизанском соединении С. А. Ковпака была походная типография. Надо было видеть, как светлели лица у людей, находившихся в оккупации, когда они читали или слушали сводку из самой Москвы.

Анатолий Коробкин:

19 августа 2-й батальон 150 полка наступал на Калиновку.

Утро. Выходит солнце. Мы движемся цепью по целине. Слышен гул немецких бомбардировщиков. Две армады шли на большой высоте. Четыре группы с промежутками. В каждой до сотни самолетов. Они направлялись к полосе прорыва.

Зенитчики открыли интенсивный огонь, но фашисты упрямо рвались к цели. Одна за другой две эскадрильи сбросили над Миусом смертоносный груз. В полосе прорыва стоял сплошной гул от взрывов бомб и завывания моторов. Над Миусом, все выше и выше поднимались пыль и дым. Они закрыли солнце.

Появились несколько наших истребителей и сходу врезались в боевые порядки немецких бомбардировщиков. Строй смешался. Фашисты в беспорядке сбросали бомбы и удалились на запад.

Семен Акименко:

Харьков в дыму. Кажется, каждое окно, каждый дом стреляют. Бригада ворвалась в город через Южный вокзал. Прижала врага к Холодной горе, обеспечивая свободу действий пехоте. И когда приказ уже был выполнен, снаряд угодил в машину. Я почувствовал, как меня поволокли из машины, и сознание померкло.

На этот раз хирургам пришлось больше повозиться со мной. Из тела извлекли десятки осколков. И лишь один навсегда остался в легких, как тяжелая отметина боевых сражений.

Илларион Ильин:

Не знаю, как погибли другие мои братья, но самый младший из павших братьев, Григорий, принял смерть мученическую...

В боях за Харьков в августе он, командуя расчетом орудия, потерял всех своих бойцов и один продолжал вести огонь, пока ему не оторвало ногу. Санитарам удалось вынести его с поля боя и доставить в госпиталь. Фашистам вновь удалось ворваться в город, и тогда здесь начался кровавый разгул. Гришин госпиталь, в котором скопилось до четырехсот раненых, гитлеровцы облили горючим и подожгли. Пытавшихся выпрыгивать в окна, пристреливали. Все, в том числе и наш Гриша, сгорели заживо. Спасся лишь один санитар. Он-то и рассказал потом о преступлении фашистов.

Анатолий Коробкин:

Стоял знойный жаркий безветренный день. Двигаемся по косо-
гору к Калиновке. С возвышенности видно село. Когда батальон спу-
скался с плоскогорья, из-за большого здания по нам открыли огонь из
крупнокалиберных пулеметов два «фердинанда». Поблизости оказа-
лась брошенная пушка. Рядом разбросанные на земле снаряды. Сде-
лали два выстрела по «фердинандам». Немцы начали контратаку из
Калиновки. Батальон залег под огнем вражеских самоходок. Появи-
лись немецкие бомбардировщики и, развернувшись у нас в тылу, по-
шли на Калиновку.

Комбат Масловский скомандовал:

— Батальон! За мной! Вперед на сближение с противником!

Ахнули взрывы. Солдаты упали на землю. Несколько минут про-
должалась бомбардировка того места, где мы только что находи-
лись. Так Масловский вывел батальон из-под удара. Жертв не было.
Завязался бой за Калиновку. Немецкая пехота отошла в село, само-
ходки продолжали обстреливать нас из пулеметов.

С. Шахов:

19 августа северо-западнее Евпаторийского мыса подводная лод-
ка Д-4 И. Я. Трофимова атаковала и потопила транспорт «Варна». В
1943 году подводная лодка под командованием капитан-лейтенанта
И. Я. Трофимова потопила несколько фашистских судов общим во-
доизмещением более 16 тысяч тонн. И это не было каким-то везени-
ем или стечением обстоятельств. За успехами корабля стоял само-
отверженный ратный труд опытного подводника. Пример собраннос-

ти, храбрости, отваги, выдержки и стойкости подводники видели в своем командире И. Я. Трофимове.

Василий Левицкий:

Под Харьковом мой расчет выкатил свою гаубицу на прямую наводку. Невидимая линия должна в такой момент соединить ствол пушки с танком врага или его огневой точкой. Прочертив в воздухе эту линию, промчится снаряд, неотвратимый и грозный. Прямая наводка — это значит впереди всех, порой даже впереди пехоты, счет на секунды, пот, заливающий глаза, жестокая огневая дуэль, проверка, кто крепче, чья техника лучше. Это удаль, помноженная на мастерство. Вот что такое прямая наводка.

Анатолий Коробкин:

К вечеру 19 августа батальон занял овраг. До домов огородами сотня метров. Самоходки расположились у большого здания. Мы находимся в «мертвой» зоне. Самоходки не дают нам продвинуться вперед. Начинает темнеть. Комбат приказал Хасанову занять оборону, окопаться. Соседей слева и справа нет. Нет связи и с полком. Выставили боевое охранение. Несколько солдат с противотанковыми гранатами поползли к самоходкам. Послышались взрывы. Самоходки уползли в глубь села.

Мария Игнатьева:

Допрос. Начинается пытка через повешение. Вешают прямо в доме. Когда я очнулась, лежу на полу. Крикнула:

— Опять немцы!

Один меня ударил так, что я залилась кровью и снова потеряла сознание.

Вешали несколько раз. Потом с другими пленными меня погнали на запад, очевидно, хотели отправить в Германию, но мне удалось сбежать с поезда.

В Артемовске встретила наши войска. И опять я в армии. Опять фронт! Теперь уже — освобождение Украины!

Т. Говоров:

В районе г. Мерефы, расположенного километрах в двадцати пяти к юго-западу от Харькова, перед дивизией стояла задача препятствовать отходу противника на запад. Но у фашистов было еще

столько сил, что сама наша дивизия оказалась окруженной. Потери у нас большие, артиллерии, в сущности, не осталось: потеряли в непрерывных боях с «тиграми» и «пантерами». А тут еще это окружение.

Трудно, ох как трудно! Мне самому пришлось лечь за станковый пулемет, а бойцов разослать за патронами для лент — собирать у раненых и на поле боя. Едва успели отразить наседавших немцев, как я получил приказ: с остатками батальона отправиться в разведку, во что бы то ни стало найти путь для выхода дивизии из окружения.

Мы выполнили задачу, отыскивали просвет между гитлеровскими частями и вели бой с немцами до тех пор, пока вся дивизия не вырвалась на свободу. В этот день ранен осколком снаряда. Ординарец вынес меня из-под огня на плечах.

Анатолий Коробкин:

20 августа 1943 г. Утром оказалось, что правее нас — кладбище разбитых немецких танков. Среди них есть и наши.

Снова бой. Выкуриваем немцев из домов и подвалов на северо-востоке села.

Александра Щукина:

Пошла в совхоз Петровского к Подопригоре С. Е. Он меня встретил ласково, по-отцовски, рассказал, как арестовали подполковника Милованова С. И. Когда после операции он начал ходить, ему даже достали паспорт. Он связался с партизанами, которые в то время действовали в поселке. Немцам стало известно, что в Петровском организован партизанский отряд. Напали на след, который привел к семье Карповой Варвары Алексеевны, где скрывался Милованов. В начале июля его арестовали, сильно избили.

Ему пришлось кое в чем признаться и назвать фамилии тех, кто ему помог. Так моя мама вместе с Карасевой, Заверюхой Анной, Токаревой Полиной, Карповой Варварой и другими оказались арестованными.

Дядя Сережа успокаивал меня, запретил плакать, говорил, что мама, хотя и находится в концлагере в г. Алчевске, ей все равно устроят побег, и она будет дома.

Вернувшись домой, ежедневно ждала маму, но она не приходила. Так прошло уже более месяца. И вот в 20-х числах августа нас разыскала тетя Поля Токарева, которой в концлагере организовали побег. Придя к нам, она посоветовала пойти к Вероховскому П. и попросить его дать пропуск мне и Наде Карасевой.

— Вы пойдете проведать своих мам в концлагерь, а им за это время должны подготовить документы, якобы направить их в Штеровский концлагерь, и вы вместе придете домой.

Только я вышла провожать тетю Полю, а навстречу идет сам Вероховский. Подошли к нему, попросили выписать пропуск. Он пообещал на следующее утро принести. Мы начали собираться в дорогу. Алчевск от нас находится в 25 км.

Анатолий Коробкин:

20 августа освободили Калиновку. Двинулись в сторону Саур-Могилы. Нас обстреляли из крупнокалиберного пулемета. Залегли в чистом поле. Прибыл связной с приказом повернуть на юг и взять полевой стан совхоза «Политотделец». Полевой стан взяли без боя и двинулись на Артемовку Амвросиевского района.

Егор Гончаров:

Чем быстрее продвигаемся мы на запад, тем больше упорствуют немцы. Ожесточенный бой шел за освобождение Харькова. Немцы здесь сосредоточили много сил. Они сопротивлялись в дикой, но бесполезной ярости. Разве можно остановить победоносное наступление советских войск!? Мы деремся за Родину, за братьев и сестер, отцов и матерей, томящихся под гнетом фашистов за линией фронта. Таких воинов, как мы, ничто не может остановить.

Анатолий Коробкин:

На с. Артемовку батальон наступал 20 августа с юго-востока. Стояла жаркая сухая погода. На гимнастерках выступила соль, губы потрескались, в горле сохнет, солнце в зените, ни ветерка. Полдень.

Спускаемся со склона. Между Рубашкино и Артемовкой — гора, разделяющая эти села. Тишина. Справа орудие на конской тяге. Перед лошадьми разорвался снаряд. Ранило лошадь. Стреляла самоходка немцев из сада, с юго-восточной стороны села. Батальон рванулся вперед и залег в «мертвой» зоне под защитой Панской горы.

Комбат вызвал меня и Женю (адыгейца или азербайджанца). Мы одногодки, нам по 18 лет. Приказал разведать, есть ли на горе немцы. Мы бросились к горе. До нее с полкилометра. Бежим, а по нам никто не стреляет. Поднимаемся на первый перевал с южной стороны. Молчит гора. Взбираемся выше. Сердце готово выскочить из груди. Вот и вершина. Немцев нет. Они только в селе, самоходка в саду. Подали сигнал своим. Батальон занимает Панскую гору. Нем-

цы открыли огонь по горе из орудий и минометов. Мы начали окапываться и устанавливать свои минометы. Минометная батарея Александра Беспалова заняла огневую позицию в яру между двух перевалов на западной части горы, пехота расположилась на вершине горы, гаубицу установили на гребне первого перевала. Минометы пристрелялись, а потом ударили по немцам беглым огнем.

Нина Янчин:

Из Москвы после школы послали в украинскую группу Онищука. Тогда как раз освободили Харьков.

Война войной, но в юности, наверное, у всех внутри дергается чертик проказника и авантюриста. Вот так и мы, познакомившись в спецгруппе с Люськой Михайловой (я знала во время войны Марию Козьмину только как Люсю Михайлову), сдружились. Время от времени с нами происходило что-либо экстравагантное.

В Конотопе мы почему-то долго задержались. Ходили на рынок. Всего хочется, а денег нет. Люська говорит:

— Нинка! У каждой бабки будем пробовать сметану.

Те дают нам по ложечке пробовать, а она говорит:

— Ой, кислая.

— Ой, редкая.

— Нехорошая.

Пока пройдем весть ряд, наедемся сметаны.

Поняли, что это хороший способ скрасить свою жизнь. На другой день опять пошли пробовать сметану. А девчата мы приметные были. В белых форменных полушубках, с пистолетами и финками на боку... с другими не путаешь. На третий день или на четвертый приходим. А женщины нам говорят:

— Вот вам по стакану сметаны. Не ходите, не пробуйте. И завтра приходите. Мы договорились, что по очереди будем вам выделять.

Анатолий Коробкин:

За горой Верблюдов по степной дороге к Саур-Могиле и обратно двигались одиночные вражеские грузовые машины. Гаубица открыла по ним огонь.

Ночью 20 августа батальон сосредоточился у реки Севастьяновка. Перед рассветом идти в наступление на Артемовку. Комбат приказал ординарцу Гусеву, мне и ординарцу Парфенова Петьке пробраться вперед и в определенное время просигналить ракетами к

наступлению. Дали сигнал. Батальон завязал бой, но продвинуться не смог. Немцы встретили нас плотным пулеметно-автоматным огнем. Закрепились у обрыва речки.

Принесли обед в термосах. Разлили еду по котелкам. Ординарец Гусев оставил котелки командирам Масловскому, Котеневу, Беспалову и Хасанову. Разлили наркомовские 100 грамм и собрались выпить, как вдруг на нас со стороны Саур-Могилы стали пикировать «костыли». Завыли бомбы.

— Успею выпить, — сказал комбат. Выпил. Рядом раздался взрыв. Все, защищая лица, уткнулись в песок. Взрыв пришелся правее русла реки. После взрыва поднялись. Жертв не было.

— Успел, — сказал комбат, — но закуска неважная. Все рассмеялись.

Иван Ермаков:

Все лето для меня прошло в больших волнениях и переживаниях. Как можно смириться с тем, что в каких-то нескольких десятках километров от линии фронта, по ту сторону, у врага, находился мой родной город, мать, сестра, брат. И что там господствуют фашисты.

Анатолий Коробкин:

Ночью заняли позицию на Панской горе. А утром 21 августа прилетела «рама» и кружила над Артемовкой до тех пор, пока по ней не ударили зенитки. «Рама» стала быстро снижаться, оставляя за собой шлейф дыма.

— Сбили, сбили, — закричали бойцы, но «рама» круто взмыла на юго-восточной окраине села и удалилась. Через некоторое время появилась десятка «юнкерсов» («костыли»), построились в боевой порядок и закружили над Панской горой, сбрасывая бомбы.

Над высотой беспрерывно гудели моторы, взрывались бомбы, жужжали осколки. Загорелась целина, поднялись пыль и дым. Смерд горелого тела. Дышать стало трудно, во рту привкус сладкого. Бомбежка, кажется, длится долго, и после каждого взрыва бомбы думаешь, что еще жив. Осколки летят с воем и вот-вот врежутся в голову.

Внезапно стало тихо. Мне показалось, что я остался на горе один. Все лежали не поднимаясь. Но вот один за другим стали подниматься бойцы, отряхивая с себя землю. Нам повезло. Бомбы рвались на крутом склоне со стороны Артемовки или уходили юзом в сторону Рубашкино, перелетая через вершину, где в основном и были сосредоточены бойцы. После бомбежки немецкие танки и пехота с

северо-восточной стороны пошли в атаку. На высотку поднялись командир полка Козюлин К. И., его ординарец и старшина... На высоте находились комбат Масловский, заместители комбата капитаны Парфенов и Котенев, капитан Беспалов, командир 4-й роты ст. лейтенант Хасанов, комвзвода связи лейтенант Михайлов Александр, радист Свиридов. Командир полка приказал Масловскому занять круговую оборону, заминировать подступы к горе, приготовиться к отражению атаки противника.

Завязался бой. Двадцать танков и пехота врага двинулись на Панскую гору. Артиллерия открыла огонь по танкам, пулеметчики и автоматчики — по пехоте, но враг упорно лез вперед. Полковник Козюлин открытым текстом связался по радио со штабом дивизии, попросил помощи штурмовой авиации.

Через несколько минут со стороны Рубашкино на бреющем полете появились два звена штурмовиков «Ил-2». Они обрушили бомбовый удар по танкам и пехоте врага. Немцы несколько раз бросались в атаку, но гвардейцы стояли стойко. Все контратаки отбили. Противник занял Кринички, вышел к Калиновке, стремясь закрыть коридор прорыва.

Виктор Шиков:

Части 40 армии Воронежского фронта с тяжелыми боями отвывали каждую пядь земли, за каждое село разгорался бой, каждый метр Сумской области оплачивался кровью. Было тяжело, но никто не роптал. Каждый воин, будь то рядовой или генерал, стремился только вперед. Каждому хотелось как можно скорее освободить родную землю. Освободить жен, матерей, сестер, попавших в рабство к фашистским вандалам.

Вместе со своим 831 полком шагал дорогами войны и я — сержант-артиллерист Шиков. В районе Белополья полк совершал ночной марш-бросок. Почти сутки без сна. Вот и село, такое долгожданное, сулившее отдых. Но оказалось, что оно занято не нашей частью, а немецкой. Немцы так были измотаны в боях и выбились из сил, что даже не выставили боевого охранения, спали, где придется. Несладко им приходилось в сорок третьем.

Пленных разоружили. В числе трофеев обнаружили исправную нашу родную полуторку — «ГАЗ-АА». Особого значения этому как-то никто и не придал. А утром на село начали наступать немцы, обнаружив, что оно находится в наших руках. Превосходящими силами навалились они на измотанный ночным маршем, не отдохнувший, с неподтянутыми тылами полк. Красноармейцы сопротивлялись ожес-

точно, да и обидно было отдавать село. Но вот закончились снаряды, положение обострилось.

Вспомнили: полуторка стоит, вот бы на ней за снарядами...

— Кто может водить машину? — спросил капитан Деревянко.

— Я могу.

— Заводи. От тебя сейчас зависит исход боя. Привезешь снаряды вовремя — спасешь положение и своих товарищей. Давай, жми. Я на тебя надеюсь, Витя.

Пока я ездил за снарядами, из села пришлось отступить. Машину со снарядами чуть ли не целовали. Хватали ящики и бегом, к орудиам. Через 2 часа село опять освободили. Мне пришлось делать еще 2 рейса за боеприпасами. После боя командир полка Грабовский решил закрепить меня за трофейной машиной.

Так я стал военным шофером.

Анатолий Коробкин:

22 августа осложнились доставка боеприпасов и продуктов. Мы не получали продукты несколько дней. Нам выдавали трофейные галеты, хлеб-кирпичик со штампом на буханке 1935 год выпечки. Галеты без воды не проглотить, а хлеб такой сухой, что его надо разрезать пилой или долго размачивать в воде.

Полк оказался в тылу врага. Политработники и агитаторы проводили беседы, чтобы мы были в курсе событий.

М. Филатов:

Корпус славился ночными маневрами, рейдами по тылам врага. Немцы нас не ожидали, а мы, как с неба, появлялись в его тылах, громя коммуникации, отрезая врагу пути отхода, огнем и гусеницами знаменитых Т-34 уничтожая живую силу и технику. Сломив упорное сопротивление врага, утром 23 августа освободили Амвросиевку. Мы, минометчики, совместно с артиллеристами своим губительным огнем поддерживали боевые действия танкистов и мотострелковых механизированных бригад. Приходилось вести беглый огонь, от которого нагревались стволы наших орудий, обжигало руки. Мучила жажда, а воды взять было негде.

Анатолий Коробкин:

23 августа капитан Беспалов, посоветовавшись с Масловским, решил сделать вылазку в с. Артемовка, взяв с собой 5 добровольцев (в этой группе были я и ординарец Беспалова старшина Николай).

Через огороды мы пробрались в первую хату с западной стороны села. Никого нет. Пробираемся ко второй. Там тоже никого. Только зашли во двор третьей хаты, как оттуда на мотоцикле выскочили немцы и открыли по нам огонь из пулемета и автоматов. Комбат Беспалов прыгнул в погреб и открыл огонь по немцам из пистолета. Мы упали на землю и тоже стали стрелять. Немцы на бешеной скорости свернули на другую улицу и скрылись.

Из подвала вышла женщина и двое ребят.

Мы стали пробираться из дома в дом. Вслед за нами двинулась 4-я рота. На северной окраине завязался бой. Село освободили и закрепились на его окраине. Ночью немцы обстреливали село из «скрипачей» реактивными снарядами, которые с сильным грохотом ложились в леваде.

Н. Спицын:

Из госпиталя вернулся в свою часть и уже 23 августа участвовал в бою за село Капустинцы, где получил еще два ранения: осколочное в голову и пулевое в бедро правой ноги. Снова — госпиталь.

Владимир Борсоев:

24 августа получили приказ занять оборону на фронте Морозовщина — Мартыновщина и здесь вели в единоборстве (без пехоты) бои в течение трех дней. Ни одного метра не уступили противнику. И это несмотря на то, что противник на наш участок подбрасывал крупные силы и бросал в контратаку эсэсовцев.

Егор Гончаров:

Наша минометная рота вместе со всеми продвигается на запад, освобождая село за селом, город за городом. Радостное, гордое чувство согревает душу. Жители освобожденных городов и сел при встрече с нами обнимают нас, желают нам большой победы, чтобы раздробить голову фашистской гадине.

— Так и будет! — отвечаем мы людям в каждом селении. — Наш путь туда, на запад. В Берлине подведем счет.

Алексей Катушев.

Ведя воздушный бой с численно превосходящим противником, самолет А. К. Катушева был подбит фашистским истребителем. Воздушный стрелок А. А. Егоров убит, а летчик А. К. Катушев, ранен-

ный в голову, продолжал бой. Очередное попадание снаряда в самолет, и тот загорелся. Алексей направил машину на позиции врага, поливая его огнем, и врезался в землю в пяти метрах от немецкого штаба в селе Мариновка. Алексею Катушеву исполнился 21 год, а Александру Егорову — 23.

Анатолий Коробкин:

Утром 24 августа 4-я рота ст. лейтенанта Хасанова пошла в атаку на гору Верблюд. Развернулись цепью, наступаем по саду. Немцы вели орудийный огонь. У домика с красной черепицей (от меня слева) разорвался снаряд рядом с командиром роты. Он упал. Командиру снарядом оторвало ногу. Лицо Хасанова стало желтым. Санитары наложили жгут, и понесли его в Артемовку.

А роту возглавил и повел в атаку Красильников. На мостике через речку подорвался и погиб Георгий (Женя), мой дружок, с которым бегали разведывать Панскую гору.

Рота вышла к подножию горы Верблюд. Здесь протекал ручей, и была небольшая дубовая роща.

Немцы ведут огонь из траншей и блиндажей, расположенных на вершине горы. Рядом ранило бойца в стопу. Его перевязали, и он с палочкой пошел в наш тыл.

Подоспели пушкари, развернулись и открыли огонь шрапнелью по траншеям и блиндажам.

Мы ворвались в ходы сообщения. Впереди меня бежал Николай (ординарец Беспалова). Пушка ударила по блиндажу бронебойными. Мы пробрались к блиндажу. Николай оглушил немца, который выскочил из блиндажа, немецкой гранатой с длинной ручкой, а саму гранату бросил в блиндаж. Немцы по ходам сообщения удирали на северную сторону горы.

Бой закончился с заходом солнца. Рота здесь и закрепилась. Несколько бойцов разместились в блиндаже, но прибыли комроты, радист (Смыслов), командир взвода связи Михайлов А., комбат Масловский и нас культурно попросили отсюда.

Бои на этой высоте шли несколько дней. Во взвод прибыл лейтенант Красиков, который вскоре погиб на этой высоте.

Дмитрий Деев:

Мне посчастливилось участвовать в освобождении родного города. Мы проходили южнее Новопавловки. На одном из высоких холмов я в бинокль опознал шахту № 16 им. «Известий», здание поли-

клиники, комбината, горного техникума. Красный Луч подернут сизой дымкой. Я видел синие терриконы шахт, у которых не оказалось копров. Шахты мертвы, думал я. Кто в городе, немцы или наши войска, я не знал. Штаб полка от нас далеко, а в батальоне мне этого не могли сказать. Сердце щемило болью. Там осталась моя семья. Где сейчас она, я не знал.

И. Лукьяненко:

В дни освобождения Донбасса наш танковый полк занимал исходные позиции в балке, которая называлась Ермаковой. Местные жители мне рассказывали, что здесь в гражданскую войну размещался партизанский отряд, которым командовал шахтер Ермаков. Этот отряд громил врагов революции и непрощеных гостей с Запада. Командир отряда героически погиб, и народ в память о нем назвал его именем балку.

На выходе из балки возвышался небольшой холм, который на наших картах назывался Безымянным, с отметкой 47,6. Когда мы выходили на эту высотку для рекогносцировки, видели разрушенные шахты Антрацита и Красного Луча. Сердце сжималось от боли, когда в биноклях мелькали шахты 7/8, 16 им. «Известий», 2 ВЛКСМ и другие. По краям балки росли кусты терна, боярышника.

Леонид Пивнык:

Есть такая деревня Антониновка. Она за Миусом, в 30 километрах от Матвеева Кургана. Наш полк обеспечивал наступление войск на Саур-Могилу. И вот сидим в этой деревне, а она длинная и состоит из одной улицы. Во дворах кое-где вырубili деревья, чтобы сделать стоянку для самолетов, чтобы их замаскировать в садах. Сидим под крылом, готовность номер 1, подвешены по две стокилограммовые бомбы у каждого. Все готово!

Сигнал — и мы вылетаем. Причем, вылетаем прямо со двора. В это время по улице проходит рота истребителей танков. Один из солдат остановился и стал смотреть на нас и на самолеты. Я ему:

— Ты что, парень?

— Да вот, хочу хоть посмотреть, — отвечает.

— А ты что, летчиком был?

— Да, приходилось!

А нам буквально накануне прочитали приказ Сталина вернуть всех летчиков из пехоты. Тем более, идет наступление, начали интенсивно поступать самолеты, и не хватало летного состава.

— Расскажи, где учился?

— В Ворошиловграде, в школе истребителей.

— Летать хочешь?

— Еще как!

— А как же зовут тебя?

— Гусаров Дмитрий.

— Как ты попал в ПТР?

— Как! Воевал на «И-16» на Халхин-Голе, а был приказ о том что «И-16» — секретный самолет, и в любом случае он не должен попасть в руки врагу. Его надо сжечь. Меня подбили японцы. Машины посадил, расстрелял всю обойму в бак, а он не загорелся. Оказалось, бак был пробит, и бензин весь вытек еще в воздухе. Попал в плен. Меня обменяли. Дома за то, что не уничтожил самолет, дали 10 лет и отправили на Север. Это в 1939 году. А в 1941 освободили и направили в пехоту, в роту истребителей танков.

Он пошел догонять свою роту. А я оформил в штабе документы, взял машину начальника штаба, набрал продуктов и поехал вырывать Димку. Догнал роту, забрал его в часть, он 3 месяца работал у нас на заправке, знакомился с новыми самолетами, а потом сел за штурвал «Яка» и до конца войны был у меня ведомым.

Юрий Рябущенко:

24 — 25 августа немцы приступили к насильственной эвакуации населения Красного Луча. Всех сгоняли на рынок. Там каждой семье выдавали по две буханки хлеба и гнали через Штергрэс в сторону Снежного. За Штергрэсом остановились на ночлег. Рано утром до рассвета пять семей незаметно отделились от колонны и скрылись в балке. Остальных погнали дальше.

Мы неделю жили в зарослях, рискуя напороться на немцев.

Анатолий Коробкин:

Между боями были минуты затишья, лишь иногда разорвется снаряд или прострочит автоматнo-пулеметная очередь. Радист Свиридов в траншее настроил рацию на какую-то волну, и мы слушали песню «Меж крутых бережков». Голос был красивый, нежный, как бархатный, почему-то у меня сложилось такое сравнение. Как потом мы узнали, песню пел командир роты связи ст. лейтенант Мерший Михаил Платонович. Я ее почти всю запомнил, так как бойцы попросили, чтобы он ее спел еще раз, и он спел.

Ф. Терентьев:

Меня вызвали в политуправление фронта. Им нужен местный человек.

— Вы краснолучский?

— Так точно.

Я хорошо знал местность. Мне поручили подобрать группу и отправиться в город. Линия фронта проходила у поселков Дмитриевки, Есауловка, Боково-Платово и выходила на Колпаково. Меня предупредили, что нужно спасти город от разрушения, поднять население на борьбу, ударить по фашистам из тыла, не дать угнать людей в рабство. 25 августа я прибыл в Боково-Антрацит. Там находились краснолучане Носко, Афанасьев, Макущенко П. Д., Литвинов А. И. и Кузнецова Мария А. Положение тяжелое. Все подходы к городу заминированы. Но я прошел боевую закалку в Сталинграде и знал, как себя вести в такой обстановке.

Екатерина Алисова:

В нашем селе незадолго до освобождения Донбасса немцы расстреляли одиннадцать парней. Трупы бросили в колодец, завалили камнями. Через двадцать восемь дней пришли освободители. Трупы извлекли, похоронили с почестями. В селе остались одни девчата. Нас стали обучать военному делу. В семи километрах от нашего села расположился прифронтовой госпиталь. Я стала работать там санитаркой. В первый же день произошло мое «крещение». Надо было сопровождать раненого. Но как только я глянула на его разбитое, окровавленное лицо, так и дала деру. Солдат шутливо крикнул вслед:

— Держи ее, держи!

Вечером рассказала дедушке о своем позоре. Он в царскую войну тоже vyhаживал раненых, знал, как это трудно с непривычки. Успокоил меня, что страх от вида крови пройдет, если я буду сочувствовать страданиям людей и относиться к раненым, как мать к больным детям.

Я рано приходила на работу, поздно уходила, и, видя мои старания, замполит посоветовал мне остаться при госпитале. Я была полной, цветущей, и очень стыдилась своих розовых щек. Потому и просила хирурга брать у меня кровь. Но так как крови моей группы хватало, то обходились без меня. Как-то привезли немолодого мужчину с обросшим щетиной лицом, закрытыми глазами, бледного, неподвижного, похожего на мертвеца. И тогда меня позвали на прямое переливание крови раненому. Ногу солдату ампутировали очень вы-

соко. К счастью, угроза гангрены миновала. Наутро меня пригласили на обход, хирург предвидела, как воспримет отсутствие ноги больной. Он действительно пришел в отчаяние:

— Дохтур, що ж ви наробили, у мене п'ятеро дітей, як же мені тепер без ноги? Хто їм допоможе?

— Я вам очень сочувствую, — сказала Клавдия Фоминична, — но если бы не кровь этой девушки, нашей Катюши, для вас бы сегодня солнце не взошло.

Филипп Братченко:

С высоты каменистого края, где расположен мой наблюдательный пункт, я вижу знакомые мне с детства места. Вон за тем холмом мое родное село. Рядом находилась крупная электростанция, в строительстве которой я участвовал. Дальше, за горизонтом, в руках врагов, мой Красный Луч. Город, депутатом городского Совета которого я состою....Смотрю вдаль и не могу представить себе, что стало с родными и близкими мне местами. Я видел товарищей, бежавших из фашистской неволи, слышал их горькие рассказы. Опустошен, разрушен Красный Луч. Взорваны и сожжены лучшие здания, истреблено или угнано в немецкое рабство население, затоплены шахты, уничтожены запруды, питавшие Штергрэс. Ствол шахты № 151 завален трупами мирных жителей — моих сограждан. Среди погибших — десятки моих друзей, соратников: коммунисты Кузин, Костин, Пацюк, Бобрицкий... Я знаю, что, возвратившись в свой город, не найду своего дома, своей семьи, своих близких. Но я за все отомщу: за смерть моей жены, сраженной фашистским снарядом, за смерть моей дочки, погибшей от вражеской бомбы, за слезы, муки и кровь, моих сограждан! Недолго осталось тебе стонать под сапогом гитлеровского оккупанта, донбасская земля! Мы скоро освободим тебя!

Александр Вахлаев:

В августе, прикрывая наши наземные войска, наша группа (шесть «яков»), встретила 35 «юнкеров» и шесть «мессеров». Мне удалось сбить ведущий «юнкерс». В результате непрерывных атак наших истребителей вражеские бомбардировщики сбросили бомбы в расположении своих войск и повернули обратно.

Александра Щукина:

К 14 часам 27 августа мы были около этого проклятого концлагеря... Концлагерь размещался в школе, обнесенной колючей проволо-

локой в несколько рядов. Вахтеры пояснили, что всех угнали копать окопы и приведут только к 16 часам, а как их будут гнать, будет много шума, и слышен лай собак.

Наконец из-за бугра появились точки арестованных, они приближались очень медленно, так нам казалось. Эти точки начали увеличиваться, и через час мы услышали лай овчарок. Нескончаемый поток арестованных закрыл всю дорогу от школы до того бугра, казалось, ему не будет конца.

Уставшие, грязные, изможденные работой, голодные люди шли в колонне по 6 человек. По обе стороны — немцы с автоматами и собаками. Мы всматривались в лица, старались узнать своих мам. 2,5 часа продолжалось это шествие, но своих мам мы не узнали. И когда закрыли ворота, мы с Надей обнялись и зарыдали. Где же теперь искать наших мам?!

Вдруг слышу голос мамы:

— Шурочка, Шурочка.

Я искала глазами, но не могла увидеть ее среди этой многочисленной толпы.

Наконец наши глаза встретились. Я крикнула:

— Мамочка, мамочка! Я здесь, с Надей Карасевой.

Мы подошли ближе к колючей проволоке.

Мама меня обрадовала, что завтра всех по делу Милованова выпустят, и мы пойдем вместе домой. Потом шепнула:

— Нас направляют в Штеровский концлагерь, а мы, — показала рукой, — убежим домой.

Подбежала Карасева, окликнула свою дочь Надю.

Анна Заверюха:

Месяц спустя после ареста мне удалось бежать из концлагеря. Побегу способствовала русская девушка-переводчица. Ночной степью и балками добралась домой.

Чувствуя свой скорый конец, фашисты убивали всех, кто попал на глаза. Поэтому устроилась на другую квартиру и не выходила из нее. Жила в темноте и голоде.

Анатолий Коробкин:

В конце августа в полдень выскочили три «катюши» к подножию горы, дали залп и переехали на другую позицию. Открыла огонь наша артиллерия, ударили минометы, батальон с боем занял второй «горб» высоты, выбил немцев с горы Верблюд. Справа от нас, если

смотреть на Саур-Могилу, через балку немцы стали драпать в рошу. Мы находились на плоскогорье, и нам оттуда было все хорошо видно. Появился комбат, протянули телефонную линию, установили связь с батареей прорыва. Масловский приказал мне передать координаты для обстрела на минометную батарею.

— «Иртыш», «Иртыш», я «Кузница». Правее 05.

— Молодцы, накрыли, — воскликнул комбат, — дайте беглым всей батареей.

Я передал команду капитану Беспалову. Мины ложатся в гуще бегущих немцев, мы наблюдаем и корректируем огонь батареи. Перед вечером батальон стал преследовать отступающего противника.

Пелагея Токарева:

Утром 28 августа нас повели до Глубокой балки. Когда нас вели, конвой отвернулся. В это время я сбежала. А за мной — Карпова. Забежали во двор, в разбитый сарай, подождали, пока прошла колонна, и сразу ушли. Шли вдоль балки. Встретили пастуха. Спросили, как лучше пройти в Петровское. Шли ночью. Добрались благополучно, и я сразу же пошла в больницу навестить лежащих там раненых.

Борис Стремилов:

28 августа, перед самым освобождением нашего города, немцы устроили облаву. Конвой окружил большую группу жителей 3-й колонны (шахта № 3), всех согнали во двор школы № 4. Утром следующего дня погнали нас через пос. Штергрэс, Андреевку, Ольховку. Ночью мы видели, как горел в Красном Луче Дворец культуры. По дороге кое-кто из нас пытался убежать, но не получилось. Нас догнали до села Н-Крынка. Здесь, воспользовавшись замешательством оккупантов, нам, трем семьям-соседям, удалось спрятаться в амбаре.

Александр Ткаченко:

«Интересно, как теперь в Красном Луче, изменилось ли положение на фронте, или он все так же близко. Есть сведения, что в Донбассе немец столько расстрелял мирных жителей, что все шахтные шурфы забросаны трупами.....Надеюсь на новый договор, он даст стимул к скорейшему разгрому гадов и тогда — домой, на восстановление Донбасса. Надеюсь, в этом году встретимся».

Надежда Карпова:

28 августа пришла мама. Сильно избитая, худая, еле на ногах держалась. Рассказала, что удалось убежать из лагеря. Но находиться дома нельзя, чтобы полиция опять не забрала. Попросились к знакомым и пожили у них, пока нас не освободила Советская Армия.

Александра Щукина:

Нас позвали в концлагерь, и мы, испуганно озираясь, вошли во двор. Мама нас успокаивала и повела в комнату на первом этаже, без окон. Все спали на голом полу, положив голову на соседку. Нас там было 14 человек. Если у кого заболел бок, то по команде все переворачивались. Старались уснуть, сохранить силы для дороги, но сон ни к кому не приходил, тихо шептались и с нетерпением ждали рассвета. В 4 часа утра слышали рожок. Поднялись. Мы не выходили никуда, пока все не ушли на работу. Пришла дежурная и спросила, все ли готовы, и послала всех подметать двор, в том числе и нас. У них был такой обычай: если кого-нибудь выпускали из концлагеря, значит, они должны утром подмести двор, чтобы всех освободили. Я и Надя тоже взялись подметать. Не прошло 5 минут, дежурная вручила маме пропуск на четырех человек: Карасеву, Заверюху А. А., Шейко Полину Федотовну и маму Щукину Марию Ефимовну. Перекрестились и вышли со двора концлагеря.

А. Деркач:

Трудно приходилось разведчикам, но всегда у них были верные друзья — советские люди. Накануне освобождения Красного Луча группа разведчиков получила задание отправиться в город для корректировки огневых точек противника. Много дней провели мы в тылу врага, но не чувствовали себя оторванными от товарищей и от народа. Нас укрыл в своем домике дед Егор. Фамилии его не помню, но знаю, что он — старожил Красного Луча. Он хорошо знал людей и местность. С его помощью наша артиллерия подавила батарею на шахте № 17/17-бис и многие другие огневые точки. Об огневых точках мы сообщали по рации или посылали условные сигналы.

Александра Щукина:

Собрал всех Вероховский П. и сказал, даже приказал, чтобы никто никуда не ходил. Находиться надо только в убежище и сидеть там до тех пор, пока придут советские войска.

— Не выходите никуда, а то при отступлении немцы могут перестрелять.

Нам надо пережить еще одну ночь. Мы улыбались от радости и с нетерпением ждали освобождения, но и охватывал страх. Боялись, чтобы немцы не устроили нам расстрел. Верховский вечером собрал всех мужчин, и они покинули нас, а нам приказал идти в убежище. Мы все поглядывали на колонию Фромандировка № 2. Она отсюда хорошо просматривалась. Звездной ночью вспыхнуло большое зарево и осветило нас. В толпе сказали:

— Кто-то поджог хату!

Я тут же сказала:

— Это горит наша хата.

И я не ошиблась. В ней сгорели все наши вещи, мебель и мой «классный журнал», в котором я записала адреса раненых бойцов и листовка, которую я сняла с дерева 11 июля 1941 года. Всю ночь мы не спали, тихо стояли около свинарника, прислушиваясь к каждому шороху, каждой треснувшей веточке в балке. В свинарник никто не решился заходить, боялись, а вдруг придут немцы, обольют горячим и подожгут. Но кругом стояла мертвая тишина, только взрослые перешептывались. На рассвете все ушли в убежище, где просидели до 16 часов. Из мужчин с нами был дьячок Яценко.

П. Волков:

Утром 29 августа мы получили долгожданный приказ к наступлению. Я передал на командный пункт роты уточненные ориентиры немецких огневых средств. Часов в десять заработали орудия и минометы. Первыми же снарядами накрыло пулемет на высоте. Вскоре замолчали и другие вражеские точки. По рву, который тянулся от ручья к немецким окопам, мой взвод выдвинулся вперед. Справа и слева наступали Васенин и Ведерников. Вместе с нами продвигались пэтээровцы лейтенанта Демиденко. В утреннем воздухе четко слышны пулеметные и автоматные очереди. Земля гудела от артиллерийской и минометной канонады.

Мои бойцы первыми ворвались во вражеские окопы. Бой короткий, но жестокий. Немцы отчаянно сопротивлялись. Один за другим падали бойцы, но оставшиеся в живых и даже раненые рвались вперед. У офицерского блиндажа фашистский генерал пытался организовать оборону. И тут снова отличился наш Вахрин. Он подобрался к немцам с тыла и забросал их гранатами. Фашисты не выдержали и побежали. Генерал остался лежать у развороченного блиндажа.

Много других фашистов нашло себе смерть в тот день на до-

нецкой земле. Мы захватили богатые трофеи. Больше двухсот фрицев сдались в плен.

Яков Голубов:

В последних числах августа до Саур-Могилы оставалось не более четырех километров. Но нашу 87-ю дивизию свернули в сторону г. Снежное, а потом мы с боями двинулись в направлении станции Рассыпная. Дело в том, что в это время войска 51 армии активизировали действия с северо-востока с целью окружения Красного Луча. Части 346 дивизии, прорвав оборону немцев, перерезали железнодорожную ветку Дебальцево — Алмазное. Другие части вплотную подошли к городу. Таким образом, немцы оказались в мешке и спешно уходили из Красного Луча к станции Рассыпная. Они надеялись успеть погрузить награбленное, отправить в тыл и вырваться из окружения по единственному железнодорожному пути. Наша задача заключалась в том, чтобы отбить станцию и, соединившись с 346 дивизией, замкнуть кольцо окружения, разгромить группу немцев.

Станцию отбили, кольцо окружения замкнулось. Потери наши большие, особенно досталось 1379 стрелковому полку, так как мы вели бой непосредственно на станции. Гитлеровцы облили бензином вагоны с зерном и стали поджигать. Пулеметчики 1 батальона, которым командовал младший лейтенант, первым бросились к вагонам, стали бить по факельщикам. На подмогу брошена полковая рота автоматчиков и разведрота. Вагоны мы отбили. Почти весь хлеб и другие грузы удалось спасти.

Василий Харченко:

Конец августа. Жарким зноем прощается с людьми лето, и обильный соленый пот струится по солдатским лицам. Но еще жарче бойцам и командирам от страды ратной, от горячих, кровопролитных боев на донецкой земле. То с севера, то с юга и запада наносит все более грозные удары по врагу наша 87 стрелковая дивизия. Наконец-то громим фашистов на железнодорожной станции Рассыпной, откуда они пытаются вывезти награбленное добро.

Отбиваем у них Грабово и устремляемся к Красному Лучу.

Вячеслав Тюменев:

Перед самым отступлением немцы согнали всех жителей северной части города, кто жил выше железной дороги, — на базар. Выдали по буханке хлеба. Сгоняли с тачками, имуществом. Затем с

базара погнали по ул. Чкаловской в сторону Донецка. Параллельно колонне краснолучан шли немецкие колонны. Жителей города немцы использовали как прикрытие.

Яков Голубов:

До Красного Луча оставалось несколько километров. Шли молча, усталые, измученные. Рядом со мною шел младший лейтенант. Тот самый, который командовал на станции Рассыпная. Разговорились. Так я познакомился с Василием Павловичем Харченко.

Дмитрий Капленков:

В конце августа пришла регулярная Красная Армия. А перед ее приходом наши самолеты разбросали листовки со следующим содержанием: «Не лепите пирогов, не месите тесто, 21 числа не найдете места».

Пелагея Токарева:

Полицаи узнали, что вернулись арестованные, собрали совещание и решили найти нас всех и уничтожить.

Мне приходилось спасаться в разных местах. Сидела на чердаке дома и видела, как отступали немцы. А через некоторое время появились наши разведчики. Я рассказала им, куда пошли немцы, сколько их.

Александра Щукина:

День радости, день освобождения. Просидев в убежище до полудня, кто смелее, решили выйти тихонько и посмотреть: что же там на улице. Первым вышел дедушка Яценко, а вслед за ним детвора, среди них и я. Вылезли осторожно, осмотрелись. Тихо. Жарко. Ярко светило солнце. Мы шепнули в убежище:

— Никого не видно...

И один за другим из убежища вылезли все. Далеко на южной стороне шли солдаты с автоматами в руках.

— Это ведь наши, наши!

— Пошли на улицу.

— Сейчас они здесь будут проходить!

Вышли все. Прижавшись к стене конторки, смотрели в балку, откуда вела дорога. Время было около 18 часов. Видим, идет красноармеец. Потом второй, через несколько метров — третий и чет-

вертый. Мама, а за ней и остальные женщины, побежали навстречу советским бойцам. Обнимают, целуют их, обливаются слезами и благодарят за освобождение. Женщины называли их своими сыночками, расспрашивали, где же немцы. Они отвечали:

— Немцы так бегут, что нам их не догнать!

Они успокаивали нас, и попросили не терять времени, браться за дело, а им надо догонять врага. Яценко Марина принесла кувшин молока. Бойцы, поблагодарив всех за встречу, сказали:

— Нам приказ вперед, вперед, задерживаться нельзя!

Они были с нами не более 10 минут.

Вячеслав Тюменев:

На следующий день должны были сгонять жителей восточной части города. Об этом нас предупредил мужчина, работавший в полиции. Его жена служила у наших, а ему приказано устроиться в полицию. Так вот, наша семья, его дочь и еще какая-то семья пробрались в районе горноспасательной по небольшому тоннелю за железную дорогу (на всем протяжении железной дороги немцы выставили часовых) и где-то в районе поликлиники мы переждали в подвале какого-то дома, пока уйдут немцы. Эта часть города была пустой. Ни одного человека мы не встретили.

Дмитрий Шпаник:

30 августа у хутора Западное вела наступление третья рота 1164 полка 346 дивизии. Продвижение роты остановил огонь из дота. Шесть добровольцев подползли к доту и забросали его гранатами. Пулемет замолчал, рота вклинилась в оборону противника. Во взводах осталось по 10-12 воинов вместе с раненым. Враг раз за разом атаковал, чтобы исправить положение, но мы отбили все атаки врага.

Константин Куриленко:

Мать рассказывала, у нас квартировали немцы. Тыловые части. Румыны и итальянцы. Четыре немца командовали строителями. Когда отступали, население выгоняли из города. Заскочили немцы:

— Уходите, уходите, — и убежали вперед. Наши собрали тачку, часов в пять поехали. Доехали от «Сталинского забоя» до ул. Кирова. Заехали в пустой двор, решили переночевать. Расположились. Ночью стоят мужики во дворе, курят. Услышали русскую речь, заглянули за угол сарая, а там два красноармейца. Перепугались.

— Не бойтесь, немцы убежали. Мы теперь их догонять будем.

Юрий Рябущенко:

31 августа слышали стрельбу. Утром узнали, что солдаты напоролись на немцев. Два солдата погибли. Их похоронили на опушке. Вечером 31 августа видели наступающие войска, а утром сообщили, что Красный Луч освобожден. Меня как самого бойкого послали вперед, в город. Прибыв на улицу Урицкого, 6, я увидел множество неразорвавшихся мин. К вечеру вернулись к родным очагам.

Александра Шукина:

Пойти в свои хаты люди побоялись, и решили все заночевать в свинарнике. Утром побежали в свои хаты. Когда пришли на место, увидели стены и пепел. В Малониколаевке жили наши земляки. Они передали нам письма папы. Одно было написано с фронта в 1942 году. В нем папа описывал, что началось активное наступление на всех фронтах, и воины полны энтузиазма и мужества, чтобы освободить свою территорию от немецких оккупантов. Второе письмо из столицы нашей Родины — Москвы, из госпиталя. Папа следил за последними событиями на фронтах и как только услышал по радио, что наша территория освобождена, сразу написал нам письмо, в котором описал жесточайшее сражение под Сталинградом. Там ранен в бедро и самолетом доставлен в московский госпиталь, где его лечили более девяти месяцев. После выздоровления снова направлен на фронт.

А. Задорожный:

31 августа близ села Михайловка Донецкой области немцы гнали жителей на запад. Группа краснолучан задержалась на короткий отдых в одном из колхозных строений. Немцы двигались в беспорядке, толпами, то и дело заглядывая в сарай. Молодая женщина с ребенком на руках все время стояла у окошка, наблюдая за тем, что творилось вокруг. Вдруг она закричала:

— Ай, ай, убьют, гады!

Вслед за тем послышались частые выстрелы, и через минуту в сарай вбежал человек в форме советского офицера, с погонями старшего лейтенанта. Видимо, он не знал, что здесь столько людей, и на мгновение растерялся, попятился назад.

— Куда?! — властно крикнула женщина, передав ребенка старшей своей дочери. — Немцы возле сарая!

Через минуту он уже лежал под грудой тряпья. Едва успела женщина посадить сверху детей, как вбежали разъяренные гитлеровцы.

— Рус, рус! Офицер! — тыкая дулами автоматов в лица людей, закричали немцы. Расталкивая прикладами женщин и детей, они бесцеремонно рылись в жалких пожитках угоняемых из родных мест.

Когда очередь стала приближаться к женщине с детьми, она тоже села на тряпье и вдруг закричала:

— Пан офицер, русский выбежал в ту дверь! — и она показала на противоположный выход.

Остальные краснолучане поняли ее маневр и дружно указывали руками в ту же сторону. Офицер что-то крикнул своим солдатам, и все они выбежали из сарая. Когда звук шагов затих, женщина сняла детей с кучи, разворошила пожитки и, наклонившись, спросила:

— Ты живой там?

— Спасибо вам, дорогие, — сказал старший лейтенант, став на ноги. — Ушли немцы? Пора и мне идти. Вон видите, возле балки хуторок, домиков тридцать? Это замаскированные немецкие танки. А наши об этом не знают. Еще раз большое спасибо!

Старший лейтенант ушел. О его благополучном возвращении к своим возвестили мощные разрывы снарядов.

Е. Петрюк:

В августе подполковник П. Т. Петрюк назначен командиром 116 укрепленного района. Я служил в части, которой командовал отец, принимал участие в одних с ним боях. Группа раненых бойцов попала в плен. Увидев на груди сержанта Рашида Ахметова 2 ордена Красной Звезды и медаль «За отвагу», гитлеровский офицер решил поиздеваться над ним. Долго бил, а потом сказал: «Ты же узбек, почему ты воюешь, за что? Мог бы спокойно жить в своей Азии, ведь и язык у тебя другой, чем у русских. Если скажешь хоть одно слово правильно по-русски, останешься жить». Пересилив боль, раненый поднялся с земли и твердо сказал: «Ленин». Фашист, не ожидавший такого ответа, выстрелил. В очередной атаке мы сумели отбить у гитлеровцев оставшихся в живых товарищей. На могиле павших установили обелиск с единым многозначительным словом — «Ленинцы».

П. Волков:

Мы вышли в разведку, как только смерклось. Вместе с другими бойцами взял я с собой и Вахрина. Незамеченными мы подобрались к вражеским окопам почти вплотную. До нас доносилась чужая речь.

— Товарищ лейтенант, — обратился Вахрин, — разрешите разведать высоту. Я мигом...

Прошло минут двадцать, которые показались нам вечностью. Я уже стал волноваться, как вдруг перед нами появляется Вахрин. И как же удивились, когда увидели, что он тащит на спине фрица. Оказалось, он захватил часового у того самого пулемета, который обнаружил накануне. Мы уже находились у своих окопов, когда немцы, заметив, по-видимому, исчезновение часового, открыли бешеный огонь... Результаты вылазки и показания «языка» оказались для командования неоценимыми.

Александра Щукина:

А война продолжалась... Все мужчины и многие женщины воевали. Остались женщины с детьми и дедушки больные и глухие. Работать некому, а восстанавливать колхозы и совхозы необходимо. И деды, женщины и дети от 10 лет заняли рабочие места, где раньше трудились их папы, мамы и деды. Все помогали своим трудом создавать условия для дальнейшей жизни. Трудились добросовестно. О нарушении рабочего дня никто не мыслил. Работали столько, сколько нужно. «Все для фронта, все для победы!», лишь бы скорее окончилась война. Мама и я с сестрой Машей работали в совхозе Петровского, одновременно занимались и ремонтом своей хаты, и после наведения порядка семейную фотографию подполковника Милованова Сергея Ивановича я завела в рамочку под стекло и повесила на стену, на самое видное место.

Василий Харченко:

В конце августа началось широкое наступление всего нашего Южного фронта. Дивизия, в которой я служил, начала из района станции Штеровки — через Дмитриевку и Снежное — обходный маневр с целью окружения Красного Луча.

Страшная жара... Несем потери... В Снежном мы услышали о трагедии, связанной с Краснолучской шахтой «Богдан», и потому с удвоенными усилиями рвемся вперед. И вот, наконец, после трехдневных боев — долгожданный горняцкий город...

Михаил Жуков:

31 августа на Саур-Могиле мы, 17 смельчаков из 96 стрелковой дивизии, водрузили Красное знамя. Лишь одно дерево уцелело в том страшном военном аду.

Михаил Давыдов:

После кровопролитных боев Саур-Могила взята. Для многих то был первый и последний бой.

Василий Бойченко:

31 августа Саур-Могила взята. 5 Ударная Армия нацелила свои полки на освобождение городов и сел Донецкой области. Пройдя с боями от Саур-Могилы до Макеевки, мы потеряли почти весь состав. В батальоне осталось 20 бойцов. В боях за Донецк я получил пулевое ранение в левую руку.

П. Козицкий:

Артиллерийская часть, которой командовал майор Гусеница — горняк краснолучской шахты № 151, уже несколько дней с боями продвигалась вперед. Вечером 31 августа мы получили приказ обеспечить пехоте взятие Красного Луча. Установив орудия неподалеку от Дьяково, начали артобстрел позиций немцев под Красным Лучом.

Александр Мезеря:

Старый донецкий шахтер Трофим Игнатов, дымя самокруткой, пристально смотрел туда, где в боях решалась судьба Донбасса. Вдали, на гребне высоты, господствующей над холмистой степью, побуревшей от палящего солнца, тянулись траншеи — запасная линия вражеской обороны. Кое-где между траншеями возвышались тщательно замаскированные, вкопанные в землю бронеколпаки — надежные огневые точки врага. Похоже, немцы и не думают уходить из этих мест. Выгонять их придется силой.

— Дедушка, зачем ты так долго глядишь вдаль? — полюбопытствовал внук Вася.

— Гляжу, Васятка, как сила одолевает силу.

— Какая сила?

— Известно, какая — наша, советская сила побеждает фашистскую. Там, на Миусе.

Дмитрий Деев:

Вечером из расположения командования Третьего Украинского фронта возвратились офицеры штаба нашего полка. Там разрабатывался план предстоящего наступления по всему фронту Миуса с уча-

ствием представителя ставки Верховного командования генерал-лейтенанта Н. С. Хрущева. Как рассказывали штабисты, он заявил:

— Миус — ключ от Донбасса!

Тяжелое дыхание спящих и непрерывные разговоры дежурного телефониста то со «Звездочкой», то с «Карабином» или «Галочкой» не дают мне уснуть, и я выхожу и ложусь рядом с дежурным НП полка.

— Горячку твою понимаю, — сочувствует капитан. — Говоришь, семью в Красном Луче оставил? Ничего, скоро ключ от Донбасса будет у нас.

Остаток темной ночи я провел у блиндажа наблюдательного пункта, лежа на жесткой, опаленной зноем траве. Можно бы часок-другой вздремнуть, как спокойно дремлют мои товарищи, но не до сна. И не потому, что беспокоила раненная в боях за Саур-Могилу правая рука. Мной овладело необоримое волнение. Ведь там, за Миусом, мой родной город. В Красном Луче остались жена и двое маленьких детей... На небе начали таять звезды, стало светлей. Взыли ввысь жаворонки и оттуда, как росой, забросали холмистую степь серебристой трелью. Но в их звонкое пенье вмешался быстро усиливающийся гул мотора. Сквозь предрассветный туман я вижу, как у подножья высоты остановился командирский «газик», и из него вышли знакомый мне полковник, подполковник из штаба дивизии, адъютант — красивый и стройный капитан, и мой комбат — старший лейтенант Степанов. Негромкий, но четкий рапорт дежурного, и ожил командный пункт... Командиры принялись в бинокли изучать передний край противника. Их спокойствие явно относительно: одну за другой скуривали папиросы, разговаривали так, будто противник совсем рядом, то и дело поглядывали на часы.

— Через две минуты начинаем, — объявляет полковник, выйдя из блиндажа.

Когда из-за соседнего холма показалось багряное солнце, сзади нас донесся такой силы шум, как будто сотни паровозов выпускают неудержимый пар. И в этот момент над головами, шурша и вздыхая, понеслось множество огненных стрел. Это заговорили «катюши». Вспыхнул, загорелся пламенем берег Миуса. Содрогнулась земля и затряслась мелкой дрожью. А термитные снаряды все летят и летят, сокрушая укрепления и живую силу врага. И никакие блиндажи и окопы не смогли укрыть тех, кто посягнул на наши рубежи: там все было в огне, и даже земля горела.

— Хватит, довольно? Нет, подожди, уж бить так до конца, — говорил командир полка, не отрываясь от бинокля.

Как только перестал действовать артиллерийский полк резерва главного командования, послышался нарастающий гул, а через несколько секунд он достиг такой мощи, что крикни на ухо соседу, и тот не услышит. Бомбардировщики закрыли небо. Трудно дышать — так сильно колебался воздух, под ногами вибрировала земля. А самолеты все летели и летели... Они заходили на цель, отбомбившись, взмывали ввысь и уходили на базу. Наша высотка наблюдательного пункта тряслась, как в лихорадке. Наконец, стихли оглушительные взрывы. Командир полка опустил руку с биноклем. Ничего не видно, противник исчез, как в сумерках. Черные вихри дыма и пыли, клубами подымаясь ввысь, закрыли собой не только вражеские позиции, но и горизонт. Широким фронтом на бреющем полете промчались наши самолеты. Они быстро набирали высоту. Бомбардировщики уходили в глубь Донбасса, а штурмовики то падали вниз, то вздымались вверх, добывая врага и его технику. Командир отдал распоряжение по радио и телефону, махнул рукой:

— Ориентир — Снежное!

Степанов ловко выпрыгнул из траншеи, и мы пошли за ним вперед. Атака! Нас с грохотом перегнали растянувшиеся по фронту танки. Теперь нас уже ничем нельзя остановить... Опускаясь к укрытому зарослями Миусу, мы стали встречать конвоируемых солдатами сдавшихся в плен немцев. Они еле плелись. Ключ от Донбасса в наших руках, и мы шли вперед. Мы заняли Снежное, потом пошли на Чистяково, Харцызск, Макеевку, сталкиваясь лицом к лицу с арьергардом бегущих в панике остатков вражеских войск. Повсюду нас радушно встречали женщины и старики. Их улыбки служили лучшей наградой.

В. Сметанин:

В ту ночь было как раз затмение луны. И мне невольно вспомнилась школа, и урок литературы, и солнечное затмение в день злополучного похода Князя Игоря — предзнаменование поражения и плена. У нас же в эту ночь на подходе к Миусу лишь твердая уверенность в победе. Да, конечно, мы знали, на что идем. Знали, что многие из нас погибнут. Но молодость не мирилась с этим. Молодость говорила каждому: «Побеждай и живи»...

Мне как раз пришлось доставлять раненого в санроту. Возвращаясь оттуда, отчетливо осознал главную причину нашего оптимизма: все левобережье Миуса занято огневыми средствами. На каждом шагу — орудия, минометы, «катюши», штабеля боеприпасов...

И везде, куда ни глянь, — наши люди, наши бойцы и командиры, готовые обрушить на врага в намеченный срок смертоносную силу огня.

Василий Харченко:

Ночью проходим поселки шахт № 12 и № 7/8, с. Хрустальное.

Яков Голубов:

В полковой роте автоматчиков осталось несколько человек, в моем отделении вместе со мною — трое. В Красный Луч мы шли через шахты № 12, № 7/8, село Хрустальное. Со всех сторон к нам бежали люди, со слезами на глазах, обнимали. Только и слышно было: «...Родные, наши, наконец, мы вас дождались».

Вячеслав Тюменев:

Ночью часа в три немцы взорвали Дворец культуры и хлебозавод. На заводе, наверное, у них находился склад боеприпасов, потому что взрыв был очень сильный.

Александр Мезеря:

1 сентября 1943 г. в наш хутор Ивановский вошли советские бойцы. Запомнились сорок автоматчиков в гимнастерках, белых от пота. Немцы еще с вечера стали собираться и ночью сбежали. Они пристреливали своих раненых, которые не могли быстро передвигаться вместе со всеми.

В двух домах были раненые немцы. Зная это, они еще с вечера ушли на костылях в бурьяны за поселок. А утром, когда ушли немцы, вышли и были вместе с нами. Когда вошли наши, немцы оказались в толпе встречающих. Они правильно рассчитали, что по толпе стрелять не станут, значит, есть шанс остаться в живых. Они боялись, что сгоряча могут пристрелить.

Наши бойцы заметили немцев и приказали толпе расступиться, чтобы можно было расстрелять фашистов. В это время подъехал «виллис». Майор, сидевший в нем, крикнул:

— Отставить!

Немцы были спасены. Они улыбались. Их посадили в машину и отправили в Красный Луч. Вместе со всеми был и полицай Алешка Мезеря. Он посмотрел на наших солдат и сказал:

— И это освободители! Даже одеться им не во что. Не то, что немцы!

Ф. Терентиев:

Утром 1 сентября мы с группой товарищей пошли на Красный Луч. С шахты № 15 перешли через большое минное поле в сторону Боково-Платово. Я шел первым, остальные — по моим следам. Стоило кому-нибудь оступиться, и он бы погиб. Это шествие по полю смерти продолжалось два часа. У Боково-Платово нас заметили немцы и обстреляли. Они начали продвигаться из этого села по балке. Вид у них не воинский: они убегали с узлами. Мы их преследовали до Красного Луча. В поле возле балки Рогозиной немцы бросили пушки.

В. Сметанин:

Минула ночь... 6 часов утра... Содрогнулась земля. Все звуки вдруг слились в единый, все повергающий грохот. Немецкая сторона вздыбилась и потонула в дыму разрывов.

Наш 148 гвардейский стрелковый полк 50 дивизии должен прорвать вражескую оборону в районе Дмитриевки. Вскоре после начала артподготовки нас вызвали на КП полка. Заместитель комполка по политчасти гвардии майор Шабанский сказал:

— Ну, ребята, идите прямо в их окопы и гоните до самого Берлина.

Мы выбили немцев из первой и второй линий обороны, заняли Калиновку, а затем — Кринички и Артемовку. А это дало возможность нашим подвижным частям и технике войти в прорыв и устремиться вперед.

Дмитрий Станкевский:

1 сентября мы начали разведку боем северо-западнее Красной Поляны. На задание отправился усиленный батальон 1164 полка. Противник оказал слабое сопротивление и, стремясь выйти из-под удара, начал отходить на запад.

Задача дивизии состояла в том, чтобы не дать врагу оторваться от боевых порядков наших войск и уничтожить его еще до подхода к Дебальцево.

Геннадий Семенов:

Утром солнце осветило освобожденный город, а радоваться некому, — улицы были пусты.

Александр Мезеря:

Наступало утро первого осеннего дня. Над городом стоял столб едкого дыма. Город горел.

Даже неопытный глаз мог заметить следы неорганизованности отступивших гитлеровцев: всюду по улице валялись каски и солдатские мундиры, противогазы и ботинки, мины, гранаты, оружие.

А когда на востоке, в степи, за линией горизонта от земли поднялось сероватое облачко, и вскоре на пыльном проселке замаячили всадники, мальчишки первыми безошибочно определили:

— Наша разведка! Наши! Наши едут! — прокатилось по улице, потом по всей окраине города. То были долгожданные минуты освобождения от фашистского порабощения.

— Батюшки, наши!

— Соколики...

— Родненькие...

— Сыночки...

— Кончилось фашистское рабство...

— Спасители наши красноезвездные...

— Как вас долго не было! — несло навстречу всадникам.

Трофим Петрович со старухой и внуком стояли впереди собравшихся. Улыбаясь в прокуренные буденовские усы, торжественно смотрел на всадников.

Освободителям положено преподносить хлеб-соль, но его нет, фашисты ограбили народ, приучили жить без хлеба. Горькая это участь — жить без хлеба.

Егор Слесарев:

Мы наступали на Красный Луч со стороны Боково-Платово и Антрацита. В этих боях погиб мой друг политрук Николай Тотиев. Он родом из города Алагира.

Ф. Терентиев:

Мы знали, что у шахты 17/17-бис стояла немецкая батарея. Она обстреливала Боково-Антрацит. К моменту нашего прихода батареи там уже не было. А вот снарядов, разного воинского снаряжения в сараях осталось много. От семнадцатой шахты через балку вышли к кладбищу. Здесь прятались женщины. Я был тогда в форме советского офицера. Заметив меня, они бросились мне навстречу. Обнимали и целовали нас, плакали. Но время было не для радостной встре-

чи. Надо спешить. Наша группа росла, как снежный ком. К нам присоединялись краснолучане.

— Дайте нам оружие! — говорили они.

Мужчин я посылал на шахту № 17 к немецкому складу. Они вооружались и присоединялись к моей группе. Нас уже было человек 30. Вскоре мы выскочили на площадь Кирова. Это было, конечно, рискованно. Нас сразу же обстреляли из здания милиции.

Василий Харченко:

1 сентября вступаем в город.

Страшная картина предстает перед нашими глазами. Повержены шахтные копры. Горит школа им. Горького, пылают другие здания.

Ф. Терентьев:

Мы с товарищами Бондаренко (погиб) и Приходько осмотрели здания школ в центре. Все приготовили захватчики для того, чтобы сжечь их или взорвать. Мы приняли меры, чтобы этого не случилось.

Вячеслав Тюменев:

Утром в 11 или в 12 заступили наши.

Ф. Терентьев:

Тем временем немцы оставили здание милиции и дали деру в сторону шахты № 160.

Николай Гайнулин:

1 сентября, когда мы вошли в Красный Луч, с разрешения командира я пошел к своему дому. Кругом тихо, никого нет. Думал, что вообще никого не осталось. Оказалось, все живы и от фашистов спрятались в погребе. Сначала меня зачислили сыном 109 Краснознаменного Чонгарского стрелкового полка, а в октябре 1942 г. попал в 87-ю дивизию, которая сражалась под Сталинградом. В роте автоматчиков охранял штаб дивизии. В начале 1943 г., когда мне исполнилось 18 лет, принял присягу и зачислен в дивизионную разведку. В период боев за родной город (в Красном Луче жили мать, брат, сестра) много раз приходилось ходить в разведку, добывать нужные сведения о противнике, брать «языка», вести разведку боем. И вот теперь я дома. Рядом вся семья.

Ф. Терентиев:

Моя группа бегом направилась ко Дворцу культуры. Но мы опоздали. Фашистам удалось поджечь Дворец изнутри. Когда мы подбежали к нему, он уже пылал. Во Дворце культуры, где находилась группа войск СС, мы увидели лужи крови, стены, исписанные узниками, следы расстрелов. Над стволом шахты 151 лежали дощатые трапы с накипью крови. Здесь фашисты расстреливали советских людей.

Василий Харченко:

Ненависть к фашистским извергам охватывает нас, когда узнаем подробности трагедии шахты № 151 «Богдан», отголоски которой доходили до нас задолго до освобождения города.

Ф. Терентиев:

На ст. Криндачевка стоял состав с мукой. Машинист выглянул в окно. Мы ему подали знак. Он выскочил из паровоза и убежал. Мука была спасена. Кроме того, мы отбили несколько вагонов с продуктами и награбленным добром.

Геннадий Семенов:

В полдень 1 сентября на площади им. Кирова показался всадник. Погоны на плечах насторожили людей, но улыбка на его лице сразу же показала, что это наш, советский воин. Вокруг него вскоре собрались краснолучане. Какая-то бабуся припала к сапогам солдата и омыла их счастливыми материнскими слезами.

— Не плачте, матусю, німці вже не повернуться.

— На, сынок, перекури, а то до Берлина еще далеко, — сказал старик и протянул солдату кисет.

Александр Мезеря:

Когда конники, осадив коней, остановились у собравшихся, люди метнулись к освободителям. Они плакали от радости. Это была незабываемая минута освобождения от фашизма. Испытав на себе все «прелести» гитлеровского «нового порядка», люди ощутили, как дорога им свобода, Родина-мать. И хотя уже был первый день осени (наступил сентябрь), казалось, пришла весна — начало жизни новой, советской. Радостно резвились дети, и думали о жизни старики. Не о смерти — о жизни стал думать шахтер Трофим Игнатов.

Ф. Терентиев:

Тов. Макущенко с группой людей захватил краснолучский хлебозавод. Здесь он и остался налаживать выпечку хлеба.

Дмитрий Станкевский:

В первой половине дня 1 сентября мы прорвали оборону фашистов. Полки нашей дивизии, продолжая наступление, освободили Штеровку, Петрово-Красноселье, Петровеньки, Юлино-1 и 2, Владимировку и Александровку, Ивановку, Софиевку и Красный Кут.

Геннадий Семенов:

На улице Карла Маркса показались наши передовые части. Кто-то догадался снять с женщин две красные косынки, которые привязали, как флаги, к палкам и с пением «Интернационала» пошли на встречу солдатам. Так Красный Луч снова стал советским!

Ф. Терентиев:

К четырем часам город освободили. Еще одна задача стояла перед нами. Надо было спасти турбину Штергрэса, которую немцам удалось запустить. Нужно было помешать взорвать ее. Я оставил капитана Носко распоряжаться в городе, а сам с людьми отправился в Штергрэс. На шахте № 160 к нам присоединилась большая группа шахтеров. Сообщили: немцы погнали людей в сторону Штергрэса.

— Где нам взять оружие? — спрашивали они.

У тех, кто пришел со мной, было уже по несколько автоматов, много гранат. Мы распределили оружие и отправились в Штергрэс. Догнали немцев, отбили людей. Народ вернулся на шахту. Во дворе электростанции немцы охраняли склады. Они сдались нам.

Василий Харченко:

В состав комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Красного Луча включили и представителя нашей дивизии — артиллериста майора Дынина.

Ф. Терентиев:

Пошли в Новопавловку. Поймали старосту Бондаренко и других пособников фашистов. Всего человек 20. В балке Глухой отбили две сотни человек, два трактора, много скота и лошадей.

Валентин Гречишкин:

После освобождения Фашевки я прибыл в Дебальцево. Меня зачислили в 665 стрелковый полк автоматчиком. Через несколько дней мы уже наступали на Мелитополь. Я был счастлив, что защищаю свою Родину, изгоняю захватчиков с ее земли.

С. Величко:

Миус-фронт прорван. Нашему полку предстоял бой за город Снежное. Двое суток фашисты упорно сопротивлялись. Два полка дивизия пошли в обход. К рассвету батальон вышел на исходные позиции. Начался бой. Боясь окружения, гитлеровцы отошли.

От советского информбюро

Из оперативной сводки за 1 сентября 1943 г.

Войска Южного фронта к утру 1 сентября закончили ликвидацию окруженных частей Таганрогской группы немцев. В результате наступления наших войск и ликвидации Таганрогской группы противника разгромлены 17, 111, 294 пехотные и 15 авиационная немецкие дивизии. Нанесено тяжелое поражение 304, 306, 336 пехотным и 13 танковой дивизиям противника.

В боях нашими войсками уничтожено:

самолетов противника — 212, танков — 537, орудий всех калибров — 494, пулеметов — 1500, автомашин — 3600, складов с горючим — 10, складов с боеприпасами — 29.

Противник потерял только убитыми свыше 35 тысяч солдат и офицеров.

По неполным данным, нашими войсками взяты следующие трофеи: танков — 95, орудий разного калибра — 198, минометов — 217, пулеметов — 409, автомашин — 594, складов с боеприпасами — 22. Взято в плен 5100 немецких солдат и офицеров.

Продолжая наступление, войска Южного фронта в течение 1 сентября продвинулись вперед от 6 до 10 километров, заняли свыше 30 населенных пунктов, в том числе заняли в Донбассе город КРАСНЫЙ ЛУЧ, город СНЕЖНОЕ, а также станцию ШТЕРОВКА.

Шомахов

Большей частью Укрепрайоны выполняли оборонительные функции, но в некоторых случаях наносили удары наступательного ха-

рактера. Со 116 УРом, которым командовал подполковник Петрюк, вошел 1 сентября в освобожденный Красный Луч.

Алексей Богатырев:

1 сентября советские войска принесли свободу, а 9 сентября я был уже на фронте. Зачислили меня в 471 стрелковый полк.

М. Головин:

В нашем городе разрушены 23 шахты, которые ежесуточно давали более 11 тыс. тонн угля. Уничтожены крупнейшая в Союзе Штеровская электростанция им. Дзержинского, завод горного машиностроения, все энергохозяйство города, 13 школ, горный техникум, гордость города — Дворец культуры, 13 клубов, 19 детских яслей, 17 медицинских учреждений. Разрушено 816 жилых домов с жилплощадью в 98 тыс. кв. метров. Ущерб, нанесенный немцами городу Красный Луч, исчисляется в 24623900 рублей.

Владимир Шувькин:

1 сентября в Ивановку вошла 346 дивизия, и через два дня всех мужчин до 50-летнего возраста полевой военкомат 51 армии мобилизовал на службу.

Пелагея Токарева:

2 сентября наш поселок полностью освободила Красная Армия. Пришел Нежданов. Поднял руку, кричит:

— Наша победа!

Всех раненых, оставшихся в живых, отправили в госпиталь.

Александр Мезеря:

Арестовали полиция Алешку Мезерю только на второй день. Он и не пытался прятаться. Знал, что от своего народа никуда не деться и надо держать перед Родиной ответ. Потом его судили и приговорили к двадцати годам лишения свободы.

Анна Заверюха:

Бежали немцы, бежали полицаи. Некоторое время поселок дремал под действием тишины и безвластия. А в три часа ночи второго сентября услышала перестрелку, а потом и родную русскую речь.

Владимир Борсоев:

2 сентября после продолжительной артподготовки противник пустил около 30 танков и около полка пехоты на узком участке фронта и потеснил нашу пехоту. Наш полк дрался отлично, уничтожил 9 танков, до батальона пехоты и заставил противника откатиться вояси. Ранен замечательный комбат, но остался в строю.

Дмитрий Станкевский:

Успешно продолжалось наступление и 2 сентября. После освобождения населенного пункта Шевченко 1166 полк сломил сопротивление двух отходивших потрепанных батальонов противника, к исходу дня овладел крупным населенным пунктом Городище, 1168 полк во взаимодействии с подразделениями 1164 полка окружил и уничтожил в районе станции Фащевки до батальона фашистов и к вечеру занял Поповку, Фащевку, Веселый и Греко-Тимошевский. Отступая, фашисты все сжигали на своем пути. Они с педантичностью выполняли преступные директивы гитлеровского командования.

Дмитрий Деев:

Наш полк освобождал город Енакиево. Там был лагерь для военнопленных и гражданских. В нем и находилась моя жена с детьми. Но с семьей я там не встретился. Я не знал, что мои родные — узники концлагеря.

М. Головин:

Гитлеровские душегубы уничтожили в Красном Луче 2120 человек. Из них около двух тысяч человек брошены в шахту «Богдан».

В гитлеровское рабство угнано около 8 тысяч краснолучан. Но Донбасс не покорился. Он боролся и ждал. Красная Армия спасла Донбасс и вернула его нашему народу.

Дмитрий Станкевский:

Комсомолец Прокопец, отражая контратаку врага, уничтожил из пулемета более 40 фашистов. Своим примером он увлек на подвиг товарищей по оружию.

Александра Щукина:

В Петровском установили репродуктор, и нам на колонию были слышны все передачи. А когда ходили на базар, обязательно оставались и слушали голос нашего Левитана, который ежедневно радовал всех сводками Советского Информбюро. Наши войска все гнали и гнали фашистских захватчиков с территории СССР. В поселковом Совете Петровского организовали женский совет. И женщины ходили по домам, призывали петровчан оказывать помощь фронтовикам. Мы готовили посылки с продуктами питания, вязали по две пары перчаток, носков, портянок, шили и вышивали кисеты для табака, обвязывали носовые платочки и высылали на фронт.

Мама посадила и вырастила табак, хорошо его подсушила, порезали и послали две посылки с табаком.

Михаил Гаврилов:

Я чуть южнее прошел свой город. С нагольчанского бугра и Саур-Могилы был виден мой родной Красный Луч. Вспомнил я тогда и шахту «Верочку», и умницу лошадку Фроську, на которой перевез в шахте тысячи вагонеток угля. Горько было сознавать, что там еще лютуют фашисты. И, может быть, нет уже в живых тех, с кем пришлось трудиться. Много повидал людского горя. Горел в танке, подрывался на минах, дважды ранен. Много раз смотрел смерти в глаза, но выжил. Когда началось всеобщее наступление войск Южного фронта, наша танковая бригада двинулась на прорыв вражеских позиций у Саур-Могилы. Очень тяжелый этот бой. В нем снова ранен. Но недолго оставался в полевом госпитале. Пришли за мной боевые товарищи, и снова сел в свой «Т-34». Совершали обходный маневр с четвертым кавалерийским корпусом. Задача — выбить врага из Сталино. Несколько часов кипел танковый бой. Кругом горели «фердинанды» и «пантеры». Несли потери и мы. Но наша гвардейская краснознаменная бригада действительно проявила чудеса храбрости и стойкости. Мы разбили вражескую танковую дивизию. И в этот день с нашим комбригом случилось непоправимое... Могила его теперь на той же площади, где стоит и мой танк в Донецке.

Дмитрий Станковский:

Особенно удачно действовали бойцы офицера Еремеева, который при выполнении боевой задачи был ранен, но с поля боя не ушел. И лишь выполнив приказ, Еремеев отправился в медсанбат.

Мария Козьмина:

На минутку включишь аппаратуру, проверишь. О радость! Замигала зеленая лампочка индикатора, все в порядке! Можно передавать и принимать текст. Зрение и слух напряжены до предела. Наконец часы показывают время начала сеанса. Включаешь приемник для прослушивания эфира. И сразу в наушниках шумы, потрескивание, музыка, дробь морзянки, обрывки голосов и звуков. Среди их множества надо поймать, отыскать тот единственный позывной, предназначенный только тебе.

Радиокодом, обусловленным и выверенным заранее, оператор из центра сообщает, что у него есть для меня, а я отвечаю тем же. И пошла работа! Маленький изящный ключик в руке — и стучишь шифровку, буквенным или чаще цифровым текстом. Передавать надо четко, быстро, ровно, без ошибок и срывов, чтобы оператор не дал в ответ — «повторите». Бывало так, что уже по почерку узнаешь оператора, с кем работаешь, они нас тоже знают. Обменявшись радиogramмами, если все ясно, нормально, благодарим друг друга.

Василий Харченко:

В день освобождения города влились в нашу 87 дивизию и сражались потом в ее рядах под Мелитополем, Перекопом, Севастополем, на других фронтах Великой Отечественной войны Федор Яковлевич Зарубин, Петр Алексеевич Кукуяшный, Николай Иванович Любченко.

Мария Стрекица:

Почти каждый год бог посылал нам по ребеночку. Мы с мужем Ваней свою шахту 7/8 считали вторым домом. Мой Иван Федорович, навалотбойщик, заслуженно ходил в стахановцах. Я не отставала от мужа. На сортировке работала выборщицей породы.

Страшной была временная оккупация гитлеровцами. На глазах у меня фашисты расстреляли троих моих детей. Забрали все, что было во дворе и в доме. От голода и холода затем умерло еще пять детей. А когда наши освободили Красный Луч, получила похоронку на мужа.

Дмитрий Станкевский:

К вечеру 2 сентября мы подвели итоги двухдневного наступления. Они оказались отрадными: были освобождены 20 населенных

пунктов, противник понес значительный урон в живой силе и технике. Дивизия вышла на подступы к Дебальцево. Его фашисты превратили в сильный опорный узел с большим количеством различных инженерных сооружений и сплошными минными полями. Не заминированной осталась только дорога на Чернухино. Разведчики, которых послал в тыл отходящего противника начальник разведки дивизии майор Джабраил Кортеев, установили, что опорный узел Дебальцево войсками гитлеровцев пока не занят. Скопление вражеской пехоты и танков замечено только в районе Чернухино.

Изучив обстановку, мы решили силами передовых отрядов уничтожить прикрытие фашистов и подойти к городу, затем на рассвете ударом в обход с севера и юга окружить и уничтожить противника.

Мария Монсеева:

На фронт пошла добровольцем в 1943 году, сразу же после освобождения нашими войсками села от немцев. Может быть, и не взяли бы, но в селе в старых конюшнях расположился госпиталь, раненым постоянно требовалась кровь, ее брали у девочек прямым переливанием. Когда госпиталь стали сворачивать, уговорили начальника эвакуогоспиталя № 3659 Полянского взять с собой, согласны были выполнять любую работу. Определили меня нянечкой.

На полустанке Сухой, в Украине, эшелон разбомбили. Своими руками переоборудовали мы товарные вагоны под санитарные — и опять вперед, ближе к фронту. В эшелоне никто не оставался без дела.

При бомбежке на полустанке Сухой погибли врачи — родители девочки лет 6-7. Так уж получилось, что от прямого попадания в вагон бомбы в живых, кроме этой девочки, никого не осталось, а у нее ни единой царапины. Так вот, и она помогала ухаживать за ранеными.

Спали по 3-4 часа в сутки среди раненых. Эшелон наш следовал за фронтом.

Иван Ермаков:

Мучительно долго шло время. Но раскаты артиллерийских канонад доходили до нас, и это вселяло надежду, что скоро весь Донбасс станет свободным.

И вот пришел этот день. Опасаясь нового Сталинграда, враг вынужден был оставить свои позиции по Северскому Донцу и несколько отступить.

Без боя в ночь на 2 сентября мы форсировали Донец и уже 3 сентября освободили Кадиевку.

Ф. Терентиев:

3 сентября в Красный Луч приехали первый секретарь горкома партии Гуц и зам. председателя Луганского облисполкома Кабанов. Я им доложил о том, что сделано. Моя миссия окончена.

П. Козицкий:

Наша часть прикрывала наступление пехоты и танков на Снежное. Там вступили в бой с артиллерией. Два дня продолжался артиллерийский поединок. К утру 3 сентября немцы не выдержали и бежали. Мы понесли потери. Нас отвели на отдых в Красный Луч.

С. Величко:

3 сентября гвардейцы 103 полка достигли восточной окраины Енакиево. Завязался бой за городские кварталы. Немцы упорно сопротивлялись. Каждый дом, каждая улица оборудованы для обороны. Противник оказывал особенно яростное сопротивление в районе металлургического завода. Бесстрашие и находчивость проявили гвардейцы отделения сержанта В. Тюрина, которые захватили горящий дом, откуда хорошо просматривался перекресток в центре города. Меткими выстрелами подбили две противотанковые пушки противника, находившегося за углом дома, уничтожили несколько десятков гитлеровцев. Немцы открыли минометный огонь по дому, но гвардейцы дрались смело, и перекресток очистили от врага. Стремительность и мужество гвардейцев принесли нам победу в сложном уличном бою. Гитлеровцы бежали, оставив много техники и около двухсот убитых. Нелегко и нам доставалась эта победа. Части неподалеку от боевого рубежа хоронили своих товарищей. Невосполнимы утраты и скупы слезы солдат. В Енакиево, к сожалению, в 29 лет закончил жизненный путь наш командир полка гвардии майор Ткунов Александр Борисович.

Николай Лесик:

После освобождения Красного Луча железнодорожники буквально на второй день принялись налаживать станционное хозяйство. В первую очередь из-под обломков и груды камня извлекли сейф. Ключ потеряли, но нашелся слесарь, который помог открыть сейф.

Федор Баранов:

Поправившись после ранения, как опытный боец зачислен в пехотное военное училище. Успешно окончив его и получив звание младшего лейтенанта, направлен на фронт командиром взвода.

Мой взвод воевал бесстрашно и умело. При небольших потерях уничтожил много фашистов. 3 сентября при взятии станции Жиздра я вторично ранен. Пролежал в госпитале около пяти месяцев. Получив ограничение первой степени, направлен в Среднеазиатский военный округ. Через пятнадцать дней, не выдержав тишины и покоя, удрал с пересыльного пункта на фронт. Назначили командиром стрелковой роты.

П. Козицкий:

Незабываема встреча с краснолучанами. Они встречали нас, артиллеристов, кто чем мог. Особенно меня тронуло отношение к нам матери трех воинов Ксении Ивановны Мищенко. С материнской любовью она ухаживала за ранеными.

Дмитрий Станкевский:

Ночь и день вели бой на подступах к Дебальцево. Гитлеровцы пытались использовать любую возможность, чтобы задержать наше наступление. Но ни контратаки пехоты, ни «тигры» и «фердинанды» не могли уже остановить порыва наших частей.

В ночь на 3 сентября передовые отряды отбросили силы прикрытия противника. Однако при подходе к Чернухино и к высотам, что прикрывают город с востока, мы снова встретили сильное противодействие врага.

Медлить нельзя. На рассвете 3 сентября после короткого артналета мы перешли в наступление. Командир 1168 полка И. П. Павлюченков принял решение: двигаясь по незаминированной дороге Чернухино — Дебальцево, как говорится, на плечах отходящего противника ворваться в город. Для этого он приказал взводу автоматчиков младшего лейтенанта Ф. Шабанова уничтожить гитлеровцев на одной из высот перед Дебальцево. Ударом с фланга и тыла врага опрокинули. Бросая оружие, гитлеровцы устремились к городу, но меткие автоматные очереди бойцов-шабановцев валили их наповал.

В это время 1166 полк Л. П. Чистякова, двигаясь в обход с севера и северо-запада, к исходу дня занял Марков Яр, а утром следующего дня завязал бой за Калининск. 1164 полк Закирова, наступая с

юга, овладел селами Никитино и Ильинка и поселком Хацапетовка. Вечером 3 сентября город Дебальцево освобожден.

Анатолий Коробкин:

Батальон капитана Масловского преследовал противника всю ночь. Только перед рассветом остановились в лошине, в дубовой балке. Появилась кухня, привезла завтрак.

Полковые 120 мм минометы, стоящие в балке, дали два залпа в сторону Зугрэса, и батальон двинулся в эту сторону. Пехота высыпала в чистое поле. На кургане стояла тригонометрическая вышка. Мимо нее тянулась грунтовая дорога. Появилась «рама». По ней открыли ружейный огонь. «Рама» развернулась и сбросила на нас мелкие бомбы. Послышались крики раненых. Кого-то убило.

Перед восточной окраиной города появились около двух десятков одномоторных бомбардировщиков, построились в круг и закружили, сбрасывая бомбы.

В Зугрэс ворвались с восточной стороны. Мы с Репяховым перескочили через мостик, перекинутый через канал. Немцы, отстреливаясь, отходили на запад. Взвод выскочил на площадку. Рядом были магазин и уцелевшие здания. Наступило временное затишье. Нас встретили жители города. Было много молодежи. Я еще удивился, как это их не угнали в Германию. Встречали нас со слезами на глазах. Обнимали, целовали, угощали яблоками, арбузами и дынями. Ко мне подбежала девушка лет 17, обнимает, целует, сует в руки яблоки, а у меня и так руки заняты, брать некуда. А она плачет и просит принять. Пришлось взять и затем передать Репяхову. Он положил яблоки в противогазную сумку.

Иван Бирюков:

В 1943 г. на Полтавско-Сумском направлении шли горячие бои. Я был пэтээровцем. Порой какую-то маленькую деревушку брали по несколько раз. То мы немцев выбиваем, то они нас. Но все равно каждый день мы продвигались вперед. 3 сентября ранен и отправлен в госпиталь.

Петр Дикий:

346 стрелковая дивизия устремилась через Петровское на Петровеньки, а потом на ст. Дебальцево. Здесь немцы оказали особое сопротивление, т. к. этот железнодорожный узел имел важное стратегическое значение. Бой разгорелся непосредственно на станции.

Командир взвода младший лейтенант Теличко приказал бить прямо по вокзалу. Наш расчет выдвинулся в боевые порядки пехоты и под огнем противника посылал мину за миной, старшина роты Кудрявцев доставлял боеприпасы на позицию. Погиб второй номер, и я стал и наводчиком, и заряжающим.

Анатолий Коробкин:

Снова бой. Появились вражеские самолеты. Жители скрылись в домах и подвалах. Наша рота захватила электростанцию и удерживала ее до подхода основных сил. К утру город был наш полностью.

После завтрака нам зачитали сводку Совинформбюро и благодарность 50 гвардейской дивизии от Верховного главнокомандующего И. В. Сталина за освобождение Зугрэса.

Борис Стремиллов:

4 сентября в селе Н. Крынка появились передовые советские воины и освободили нас. Нашей радости не было предела, и на другой день мы уже заспешили домой.

Иван Ермаков:

На следующий день наша дивизия подошла к Артемовску. Здесь завязался тяжелый бой. В течение 4 сентября и в ночь на 5 сентября враг был разбит.

Анатолий Коробкин:

Наш батальон перешел по мосту через Миус. Жители Зугрэса провожали нас вдоль дороги, угощая, кто водой, кто молоком, кто фруктами. Желали нам удачи и быстреешего изгнания фашистов. Из Зугрэса выходили колонной по шоссе на дороге, но за мостом на подъеме нас встретил с вышки немецкий пулемет. Появились танки со стороны Харцызска.

Немцы заняли западную окраину Зугрэса. Батальон вынужден был с боем отойти за мост. Танки, изрыгая огонь, двинулись к мосту. Вот одному удалось проскочить мост, за ним двинулся второй. Батальон занял позицию за мостом, за домами-казармами.

Командир противотанковой пушки старшина Рябуха установил пушку за казармами. Едва первый танк оказался за мостом на нашей стороне, как по нему ударила пушка. С первого выстрела танк подбит. Затем несколькими выстрелами подбили и второй. Танки оста-

новились перед мостом, не решаясь двигаться дальше. Немцы бомбили Зугрэс. День стоял пасмурный, небо затянуто дождевыми тучами. Бой шел на окраине города. Фашистские стервятники все время сбрасывали бомбы.

Штаб батальона разместился в штольне старой шахты. Батальон бросили против немцев на юго-запад. По садам пробирались к одноэтажным домам, выбивая немцев, затем повернули к шоссе, наступая с юга.

Наша рота наступала вдоль шоссе, слева по кювету. С кургана бил немецкий пулемет. Рота несла большие потери. Попластунски преодолевали расстояние до кургана. Два дня шел бой за курган. И только утром на третий день к 10 часам курган стал наш. А 5 сентября в полдень мы заняли железнодорожную станцию Харцызск. Немцы отошли к Макеевке.

С. Величко:

6 сентября дивизионная газета опубликовала письмо гвардии рядового Н. Кирюхина под заголовком «Я не нашел своего дома». Многие не находили своих домов, родных и близких. Нам предстоял нелегкий путь на Донецк. Противник продолжал оказывать упорное сопротивление.

Б. Корнилов:

Крылатые танки идут над Миусом по точно заданному «маршруту». Остается позади блестящая лента реки. Внизу жалкие остатки некогда грозной оборонительной линии фашистов, которую они еще совсем недавно считали неприступной. Сначала здесь как следует «поработала» наша артиллерия. Затем, когда рвались уже последние снаряды, в небе над Миусом засверкали серебристые «илы». То, что недоделали наземные пушки, довершили они — прославленные «крылатые танки». Когда рассеялся дым, хорошо стали видны результаты штурмовки с воздуха — воронки от авиабомб на вражеских артиллерийских позициях, пронзенные реактивными снарядами остовы фашистских танков.

Слева по курсу возникает еще один ориентир — также недавно обработанный «илами» аэродром противника — изрытая бомбами взлетно-посадочная полоса, обгорелые корпуса самолетов, искореженные взрывами и огнем цистерны.

И вот шестерка штурмовиков снова летит на запад. Немцев в небе не видно. Однако один вдруг налетает на «илы», и будто сума-

шедший, выделявая среди них немыслимые воздушные трюки, повреждает одну нашу машину. Опыренный успехом, фашист бросается на самолет, который был ведущим у лейтенанта Воробьева. Все ближе и ближе он к цели. Но резко взревел «ил» лейтенанта, и, спустя секунду, вражеский «мессер» — в сетке прицела. Разом сработали пушки и пулеметы — и «мессершмитт» клюнул носом. Вращаясь, как сорванный лист, он устремился к земле.

Внизу — вражеская колонна.

— Подготовиться к бомбометанию! — звучит в наушниках голос капитана Анисова. И вскоре все на земле тонет в грохоте и дыму разрывов. Построившись полукругом, штурмовики вновь заходили на цель.

Машина Воробьева вздрогнула. Мотор чихнул, скорость упала, и самолет отвалил от строя.

«Что делать? Домой? — мелькнуло в сознании лейтенанта — А бомбы? Ладно, буду воевать сам!» Но мотор барахлил. Он успокаивался лишь на минимальном режиме работы. Штурмовик тащился, словно черепаха, с трудом набирая высоту.

«Мессеры», обойдя группу «илов», набросились на одинокий поврежденный самолет.

— Врешь, не возьмешь! — кричит Воробьев, а его воздушный стрелок Степин бьет и бьет по врагам длинными очередями. Но фашистов слишком много. И кто знает, чем бы кончилось дело, если бы не встали на пути спасительные облака. Воробьев повел окутанный мглой самолет медленно восходящей спиралью, кое-как набирая высоту. Мотор то чихал, то вновь успокаивался.

Но как только «ил» вышел из облака, на него набросились два фашиста, позабывшие об осторожности. Лейтенант нажал на гашетку, и тотчас же огненные «РС» прошли черно-желтое брюхо зазевавшегося «мессера». Распустив дымный шлейф, стервятник камнем рухнул вниз, а его ведомый предпочел расстаться со «строгим» штурмовиком.

«Ил» терял высоту. Перегретый мотор трудился из последних сил. И все же летчику удалось посадить израненную машину на вспаханное поле.

Анатолий Коробкин:

Вдоль высоковольтной линии через карьеры батальон наступал на Макеевку. Одиночные бомбардировщики сбрасывали бомбы в кассетах, некоторые из них не раскрывались, застревали в земле и торчали вверх стабилизаторами. Кроме этого, немцы сбрасывали на нас

рельсы, пустые бочки, при пикировании включали сирены. Вечером 6 сентября ворвались в горящий город. На железнодорожной станции захватили несколько цистерн со спиртом. Солдаты наполнили флаги, а некоторые «приложились» основательно.

На станции появились партизаны. Наш комвзвода, хватив лишнего, устроил спор с одним из них, тоже не совсем трезвым. Партизан, стуча себя в грудь, доказывал, что он действительно партизан, а наш лейтенант кричал:

— Ты под немцем был!

Могла начаться драка, но появились старшие офицеры, и все закончилось мирно.

Ночью немцев выбили из города, затем появилась полевая кухня. Завтрак, короткий отдых.

Василий Харченко:

После переформирования в Успенке снова пошли на запад, участвовали в жестоких боях на реке Молочной за Мелитополь, а затем двинулись на Крым. На пути — Аскания Нова. И еще одно сильное впечатление: здесь, в замечательном, известном, пожалуй, всему миру заповеднике, фашисты показали себя еще раз — перебили редких животных.

Мария Коньшина:

Наш полк освобождал станцию Очеретино. Мы видели замученных детей.

Освобождали Мелитополь. Форсировали реку Молочную. Много погибло наших воинов. Многие были ранены. Я перевязывала их. В нашем третьем батальоне была мужественная девушка из Осетии снайпер Нина Слонова. Она уничтожила много фашистов.

Мария Козьмина:

Сентябрь. Мне дали три дня выходных, чтобы провести маму. Поезда не ходили. Три дня я ехала в товарняках. Как только узнаю, что какой-то поезд идет в сторону Дебальцево или Донецка, стараюсь на него попасть. Залезла ночью в вагон поезда, который шел в моем направлении. А там лежат раненые. Вдруг один из них лезет ко мне, пристает. На какой-то станции выпрыгнула из того вагона.

В Ясиноватой жду поезда. Сажу в зале ожидания, склонилась, а из-под кителя пистолет виден. Ошибка разведчика. Не надо было мне склоняться. Подходят ко мне:

— Документы.
Там все в порядке.
— Пистолет?
— Вот документ.

К коменданту привели. Он такого из себя представляет разухабистого.

— Клади на стол пистолет!
— Не положу. Он указан в моих документах. И номер, и все что положено.

— Клади, я сказал!
— Не положу.

И направилась выходить. Он моргнул своим, руки мне заломили за спину и сняли пистолет. Это был красивый браунинг дамский. И плохо бил. А в Донецке генерал должен быть. Пойду пожалуюсь. Но не сейчас, сначала к маме поеду, жива или нет. Как я мчалась в этот Красный Луч. Никто же не знает. И она обо мне ничего. Иду, Чкаловская разрушена... страшно. Добралась. Дома побыла три дня.

Мама такая худая, старенькая (а ей всего-то 43 года!). Плакала сильно.

Сказала ей, чтоб ни о чем меня не расспрашивала и не искала, если не будет долго писем. Я буду так далеко, не смогу писать. А ты не волнуйся. Зарплату мою учительскую 240 рублей мама получала. Какой-то месяц запоздала зарплата. Мама заволновалась и пошла в горисполком и еще куда-то, спрашивает:

— От моей дочки нема письма, може вона вже не жива?

Ее там успокоили. Дочь жива, здорова. Зарплату будем высылать, как и раньше.

Яков Голубов:

Прибыло к нам в роту пополнение с Урала. Хорошие ребята, все комсомольцы, добровольно пошли на фронт, хотели быть автоматчиками и разведчиками. В нашем взводе оказался один из них, Саша Лукошкин. Веселый. Была у него гармонь. Играл и пел он — заслушаешься. Идем на задание, Саша сдает гармонь старшине и наказывает, чтобы берег ее как зеницу ока.

— А если не сохранишь, — говорит, — то пойдешь один в тыл к немцам за баяном.

Сашу мы в шутку называли «Гармошкин» и говорили ему, чтобы после войны обязательно учился музыке и стал настоящим артистом.

Мария Козьмина:

Один раз готовились к сеансу связи. Надо забросить грузик с антенной на хату. Забросили, Нина полезла по лестнице поправить антенну. А я держу лестницу. Нина на соломенной крыше. Вдруг раздается пулеметная очередь. По Нине стреляют из леса, из-за реки стреляют. Скатилась она с крыши, и ушли мы с того места.

Михаил Мячин:

В первых числах сентября я получил телеграмму из отдела кадров НКВД. Мне предлагали отправиться на работу в освобожденный от немецко-фашистских захватчиков город Красный Луч. Обстановка в городе в оперативном отношении сложная. Воры и грабители действовали группами, состоявшими из ранее судимых, дезертиров, предателей и других лиц, продолжавших вести преступный образ жизни.

Нина Янчин:

Каждый день позывные другие. Мы шифровали их. Вот у меня было: они, шесть, сражались, девять, за, семь, родину, восемь. Потом ставишь 31 день, потом эти буквы, потом месяц, цифру с конца, потом... словом, получается трехзначная цифра, допустим: «1И9». Это уже твой позывной. И вот стучишь на большую землю «ти-ти-ти-ти».

Мария Козьмина:

— А у мой позывной — «Семь раз отмерь, один раз отрежь». Сейчас, когда эту пословицу слышу, я невольно вздрагиваю.

Владимир Шувькин:

В Селидово Донецкой области мне и моим сверстникам выдали боевые автоматы, но никто не показал, как ими пользоваться.

Необученных отправили на штурм восточного вала, который располагался от Днепра по речке Молочная до Мелитополя. На этом валу мы две недели захлебывались в собственной крови. Многие «бойцы» были в гражданской одежде, без оружия. Гнали нас, как стадо, на укрепленные немецкие позиции под шквальным пулеметным огнем. Яблоневые сады и посадки в округе сплошь были забиты трупами. Люди не знали, куда их посылают, зачем, во имя чего. Слышали только приказ: «Вперед!»

Василий Коленский:

Первый мой фронтовой опыт оказался неудачным: в первом же бою на берегу Терека в районе Грозного я, восемнадцатилетний автоматчик, ранен и эвакуирован в госпиталь, расположенный в глубоком Закавказье.

Потом лет около двух прослужил в тыловых частях, хотя снова рвался в действующую армию, засыпая своих начальников рапортами об отправке на фронт, за что мне иногда крепко попадало.

И вдруг — о, чудо! Вызывает командир батальона нашей запасной инженерно-саперной бригады и сердито говорит:

— На, читай, дождался-таки своего!

Оказывается, он получил следующее предписание: военным служащим сержантского состава, имеющих среднее образование и фронтовой опыт и изъявивших желание учиться на краткосрочных курсах младших лейтенантов инженерных войск при Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева, немедленно откомандировать в распоряжение названных курсов.

С. Величко:

В ночь на 7 сентября части 34 дивизии завязали бой за железнодорожную станцию Ясиноватая и к рассвету овладели ею. В ночном бою особенно отличился начальник разведки дивизии старший лейтенант Г. И. Имас, который со своими разведчиками первым ворвался в Ясиноватую с восточной стороны. В этом сражении старший лейтенант Г. И. Имас тяжело ранен. Воспользовавшись паникой, наши подразделения овладели станцией. Нас поддерживали артиллеристы 84 полка, усиленно работали разведчики.

Яков Голубов:

Наш весельчак, комсомолец Саша Лукошкин, не дожидаясь конца войны, погиб под Мелитополем.

Попали мы в тот день под бомбежку. Немецкие штурмовики сделали несколько заходов, и когда были сброшены все бомбы, они на бреющем полете поливали нас из крупнокалиберных пулеметов. Саша, как всегда, был с гармошкой, носил он ее в вещевом мешке. Поблизости разорвалась бомба. Саша сначала поднялся, но потом упал, и уже навсегда умолк его голос.

Гармонь тоже пробита в нескольких местах, мы потом ее под-

ремонтировали, заклеили меха, и она была всегда с нами как память о нашем боевом друге и товарище, отдавшем жизнь за Родину.

Анатолий Коробкин:

7 сентября 1943 г. Подъем. Построились повзводно. Идем по шоссе колоннами, пехота, минометчики, обозы, артиллерия. Когда стали спускаться под уклон, начало рассветать. Слева от дороги я увидел гондолу, раскачивающуюся на ветру. Такие гондолы бывают на аэродромах.

Солнце взошло. Батальон вытянулся вдоль дороги. На подъеме нас атаковали гитлеровцы танками и мотопехотой. Масловский отдал приказ рассредоточиться. Рассыпались по обе стороны дороги, стали спешно окапываться в кукурузе. Завязался бой. На нас по кукурузе двинулись немецкие автоматчики, на ходу строча из автоматов. Справа от меня окопался Репяхов. Открыла огонь сзади нас батарея минометов Беспалова. Треск автоматов, твяканье минометов, стебли кукурузы падают подкошенные пулями и осколками. Бьем очередями по наступающим немцам. Фашисты, не выдержав, повернули влево. Слышен гул танков. В разгар боя перестали стрелять минометы. Оглянулся, увидел: миномет лежит, а минометчики убиты. Я окликнул Репяхова. Тот отозвался. Немцы стали обходить нас справа. Вместе с Репяховым отползаем к крайним домам через минометную позицию.

Кончилось кукурузное поле. В сотне метров — дома-казармы. Около одного дома устанавливали 76 мм орудие. Позвали нас помочь им. Выкатили пушку за угол дома и открыли огонь по танкам,двигающимся по кукурузе. Батальон, а точнее, какая-то рота отходила справа по ложине к электростанции. Около старого террикона увидел комбата Масловского. Он с пистолетом в руке пытался остановить отступавших солдат, тащивших станковый пулемет.

Вместе с Репяховым бросились на помощь комбату. В это время из кукурузы выполз танк, открыл огонь. Снаряд разорвался рядом с терриконом. Масловский ранен в ногу. Возглавил батальон Котенев. В кукурузе догорают фашистские танки. Мы закрепились в здании электростанции. Бой продолжался до вечера. Всю ночь трескали пулеметы. Утром немцев выбили из домов-казарм. В одном из домов находились наши раненные, которых немцы почему-то не тронули, и они остались живы. У некоторых были на гимнастерках награды. Фашисты спешно отходили в сторону Сталино. Наш батальон наступал справа от дороги по бахче, преследуя отступающих фрицев. Справа от шоссе дороги с возвышенности застрочил немец-

кий пулемет. Рота несла большие потери. Отделению приказали обойти пулеметчика с тыла. Пулеметчика взяли живым. Волосы у него рыжие. Наш лейтенант, тоже рыжий, что-то спросил по-немецки. Тот ответил. Лейтенант врезал немца кулаком в морду. Фашист упал. Лейтенант стащил с него сапог и стал этим сапогом избивать немца. Уж сильно этот гад «насолил» своим пулеметом. Многих бойцов потеряла рота, кого ранеными, а кого и убитыми.

Снова наступаем по бахче. Наш комвзвода, пока нас обстреливал пулемет, не раз успел приложиться к фляге со спиртом, и теперь лежал пьяный. Командир роты пытался привести его в чувство, чуть даже не пристрелил, но сдержался и махнул рукой:

— Пусть лежит, никуда он не денется, все равно ему не миновать штрафной.

Спирт был у всех солдат, которые брали станцию в Макеевке.

Владимир Борсоев:

7 сентября выехал через Лебедин на Александровку, где держал фронт два дня. За 9 сентября сделали 50 километров. Десятого попали под бомбежку. Я ранен в голову. Полтора часа, пока немецкие самолеты кружились над нами, я истекал кровью. Шофер ранен тяжело. Это третье ранение. При первом ранении под Фастовом в 1941 г. со мной было 11 человек, из них остались на ногах трое. При втором ранении из 5 остался в строю я один. При третьем ранении из 6 в строю остались двое. В общем, везет. Движемся без особого сопротивления противника, делаем по 30-40 километров в сутки.

Семен Бороденко:

У железнодорожной станции Мушкетово я командовал взводом. Перед утром в начале сентября меня вызвал комбат Онищенко.

— Ну, Семен, впереди город Сталино, промышленный центр твоего Донбасса. Любой ценой проделай проходы в минных полях.

К утру приказ выполнили. Наши части прорвали укрепления врага и штурмом овладели станцией.

Анатолий Коробкин:

7 сентября перед заходом солнца 150 стрелковый полк и наш батальон под командованием капитана Котенева подошли к северо-восточной окраине г. Сталино (кажется, это была Калиновка). Батальон шел развернутым фронтом. Выйдя из кукурузного поля, мы увидели перед собой вспаханное поле — пар. По полю в направлении

Сталино тянулась высоковольтная электролиния на деревянных опорах. Впереди виднелась лесопосадка, а справа — дома. По нам ударила немецкая батарея. Снаряды поднимали фонтаны земли. Некоторые солдаты кинулись назад в кукурузу, а остальные упали на землю, залегли.

Батарея перенесла огонь по краю кукурузного поля. Взяли в «вилку». Сначала недолет, потом — перелет. А когда мы вскочили, чтобы бежать, в нескольких метрах от меня разорвался снаряд. Меня осколком ударило в левую ногу. Я упал. Снаряды стали рваться вокруг. Я вскочил и бросился что было сил к столбам высоковольтной линии. Что-то горячее текло по левой ноге. Рядом в том же направлении бежал комроты. Упали возле столбов. Я сказал, что ранен и нужно сделать перевязку. Лежа стащил брюки. На бедре вздулась «гуля» величиной с кулак, а по ноге не кровь, а спирт растекался из разбитой фляги. Фляга, обтянутая ореховым деревом, находилась в противогазной сумке. Там была еще и дыня. Осколок плашмя ударил в сумку, пробил флягу со спиртом и застрял. Вот так фляга со спиртом и дыня спасли меня от ранения. Лишь большая «гуля» на бедре долго напоминала об этом событии.

Обстрел прекратился. Темнело. Батальон продвинулся в лесопосадку. Первая улица, протянувшаяся с востока на запад, находилась в нескольких сотнях метров. Капитан Котенев послал пятнадцать человек в разведку. Подобрались к крайним домам с фасадами на юг. Постучались в один дом. Нам долго не открывали, но потом открыли и не могли поверить, что видят перед собой русских солдат. Вероятно, их смутили погоны.

На параллельной улице были немцы. Вернулись и доложили обстановку Котеневу. Батальон пробирался вдоль улицы, проверяя каждый дом. В одном из домов с чердака сняли обросшего мужчину и отправили в штаб.

Д. Чалый:

Вскоре наша 32 танковая бригада с боями продвигается по Донбассу. В районе Куйбышево снова разгорается танковый бой. Гаврилова ранило в руку. Комбриг приказал ему покинуть машину, но Миша отказался.

Анатолий Коробкин:

Горит город Сталино. Идет ночной бой. Отступая, немцы поджигали здания. Двигаемся вдоль улицы Артема, выбивая и выкуривая

вая факельщиков. Вся улица в огне. На перекрестке, на конце подъема, к нам с криками «ура» навстречу выбежала группа вооруженных парней, которые принялись нас обнимать и целовать. Мы сначала не поняли, что это были местные партизаны. Как потом выяснилось, они за нами наблюдали, пока мы пробирались вдоль зданий и выкуривали фрицев. Они помогли нам разобраться в хитросплетении улиц. В городе должен был расположиться и закрепиться наш полк. К утру 8 сентября город был освобожден полностью. Наш полк остановился у моста, рядом с левым притоком речки. Прибыла полевая кухня. Солдаты отдыхали, приводили себя в порядок, пополняли боезапас. Кто-то решил даже вздремнуть.

Мы остановились в доме с лестницей, ведущей на балкон. Хозяин, мужичок лет 55, чисто одетый, все время крутился возле офицеров व्यюном. В доме с ним проживала его дочь с сыном. Как потом выяснилось, она жила с немецким офицером, который этой ночью удрал из города, оставив ее с наследством на руках.

Рая Солодянкина:

В Донецк наша часть вошла без боя. В девять вечера мы входили в город, люди с чердаков выглядывали, кричали: «Русские, русские!». Горела центральная улица... Мы так устали, что попадали прямо на асфальте и заснули. А утром снова приказ — вперед.

Николай Инякин:

В сентябре полк убывает в распоряжение командира Курского района ПВО. Задача: прикрыть железнодорожную станцию от вражеской авиации. Фронт откатился, но фашисты не оставляли надежд снова захватить Курск. Их стервятники часто появлялись над городом.

Ф. Николаев:

Мы освобождали Донбасс. Немцы, отступая, сжигали на своем пути все. В совхозе, который нам довелось освобождать, они загнали в сарай местных жителей и подожгли его. Как только мы въехали в село, к нам бросились жители, которым удалось спрятаться от захватчиков. Ко мне обратилась женщина: ее дочь тоже в горящем сарае. Бросился в огонь и я. Пламя уже охватило все верхние перекрытия. В дыму мне попался человек, я схватил его и вынес через горящие двери. Это оказалась пожилая женщина. Меня облили водой, и я опять вбежал в сарай. Дым резал глаза, ничего не видно.

Снова наткнулся на человека. Он оказался легким... Только выбежал на улицу, обвалилась крыша. На сей раз моей спасенной оказалась девушка лет семнадцати. Она была без сознания.

Дали команду:

— По машинам!

К моему танку подбежала женщина и спросила, как меня звать. Я ответил. Она сказала, что из Красного Луча.

Из приказа Верховного Главнокомандующего

Войска Южного и Юго-Западного фронтов в результате умелого маневра и стремительного наступления одержали крупную победу в Донецком бассейне над немецкими захватчиками. Сломив сопротивление врага, наши войска в течение шести дней с боями овладели городами Дебальцево, Иловайск, Лисичанск, Енакиево, Горловка, Чистяково, Славянск, Артемовск, Макеевка, Красноармейское, Ясиноватая и областным центром Донбасса — городом Сталино.

В знак торжества по случаю крупной победы в Донбассе сегодня, 8 сентября, в 20 часов столица нашей Родина Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим Донбасс от немецких захватчиков, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

Анатолий Коробкин:

Со станции Рутченково прибежала женщина и сообщила, что немцы грабят население. Полк подняли по тревоге. Двинулись на станцию. Наш батальон завязал бой за поселок перед станцией. Наш взвод наступал в направлении здания, которое возвышалось посередине площади. Улица слева от него упиралась в железнодорожное полотно. Когда взводу удалось выбить немцев из поликлиники, они драпанули к этим домам. Мы вели по ним автоматный огонь из здания. За железнодорожным полотном возвышался террикон, с которого вели корректировку огня немецких минометов. Немецкие танки вели по нам пулеметный огонь из-за железнодорожной насыпи. Бой длился двое суток. В первую ночь после боя мы зашли в один из домов на ночлег. Комнаты хорошо убраны, обстановка хорошая, встретила нас вежливая и симпатичная женщина. Поставили часовых. Комвзвода, не раздеваясь, лег на мягкую постель и уснул. Мы свернулись калачиком на полу.

Наутро позавтракали на веранде соседнего дома. Едва покинули это место, там стали рваться мины. Одна разорвалась как раз в том месте, где несколько минут назад находись мы. Кого-то убило, нам повезло. В полдень на вершину террикона поднялся какой-то фриц. Я сделал по нему несколько выстрелов, но не попал, так как было слишком далеко. Прошла еще одна ночь. Утром мы овладели станцией Рутченково. На путях стояли вагоны. Появились местные жители.

Петр Запорожец:

9 сентября Черноморскому флоту дан приказ вступить в бои за Новороссийск. Корабли в составе 150 морских единиц и 148 самолетов взяли курс на Новороссийск.

В ночь с 10 на 11 сентября в порт начали входить корабли с десантниками. На берег высадились 6 тысяч десантников. Десанту удалось отразить ожесточенные атаки противника. Вода Цемесской бухты, где шли тяжелые бои, была покрыта желто-красной пеной. От сотен и тысяч разрывов бомб, снарядов, мин над городом стояло огненное зарево, от которого плавился металл. Матросы, солдаты и командиры проявляли невиданный героизм.

Матрос Иван Прохоров, увидев, что продвижению десантников мешает минное поле, сказал товарищам:

— Я иду вперед, а вы дожидаетесь, когда взорвутся мины. Передайте командиру базы, что Прохоров выполнил свой долг до конца и просит считать его коммунистом.

Виктор Малкин:

«9.09.43 г. Вышли из боя. Сегодня у меня первый день свободный, я сел писать тебе письмо. Очень долго не получал от тебя писем, весь изнервничался. Но сегодня у меня самый счастливый день в жизни — передо мной лежат твои письма, твоя фотография и самое главное — фотография дочурки с мамой. Золотко, если б ты видела, как я рад этой фотографии. Я даже не знаю, чем тебя отблагодарить за такую дочурку, ведь это карапузик, про которую я всю жизнь мечтал. Знаешь, Золотко, я эту фотографию показал всем друзьям. С какой гордостью я буду драться за такую доченьку и такую мамулечку. Ну, ничего, скоро мы закончим с этим проклятым фрицем, и тогда я буду по-настоящему первый помощник у тебя по воспитанию дочечки. Золотко, а все же дочурка больше похожа на меня, а вот носик у нее курносенький, ну это и по закону, ведь ты у меня тоже такая...»

И. Озеров:

Самоходно-артиллерийский полк № 1813, входивший в состав 6 гвардейского кавалерийского корпуса, сходу вступил в бой на станции Волостно-Пятница на Смоленщине. Затем — рейды на Гомельщине и Могилевщине. Корпус искал место, где бы можно прорвать оборону противника и уйти в его тылы. В это время в наш полк прибыл новый начальник разведки капитан Перепелица Александр Павлович. Разведчики стали разносить, кто такой, откуда прибыл, был ли на фронте? Говорил он ясно, чисто, с украинским акцентом. Разведчики определили: «Этот — парень наш». Много из того, что он говорил, запомнилось на всю жизнь. Он говорил: мы должны опережать врага.

Мы стали замечать, что Александр Павлович исчезал на несколько дней. Задавали ему разные, подчас каверзные вопросы. Хотелось узнать, где он пропадает, но безуспешно. А он ходил в немецкий тыл для связи с партизанами.

Перепелица учил нас тихо уйти в тыл противника и тихо возвратиться. Разведчики так и делали, но однажды приказ о тишине нарушили. Вот как это произошло.

Группа разведчиков ушла заминировать мост в тылу врага и подходы к нему с двух сторон. Все хорошо. Идем назад. Начинается рассвет. Натыкаемся на немецкую пушку, стоящую в засаде. План созрел мгновенно: захватить. Две лимонки и очередь автомата сделали свое дело. Этот шум услышали их соседи, которых мы ранее не заметили. И они стали разворачивать свою пушку в нашу сторону. Прозвучали команды:

— К орудию! Разворачивай!

И сразу же:

— Заряжай!

Мы с этим делом управились скорее. Первый же снаряд опрокинул пушку, затем еще и еще по второй, третьей и четвертой. Так была уничтожена батарея фашистов. Подорвав пушку, мы ушли. И вовремя. По этой батарее стали бить другие пушки. Но мы были уже далеко. Как докладывать, что мы ушли с большим шумом? Выручил Перепелица. Он сказал, мешая украинскую речь с русской:

— Я вас, бисовых сынов, накажу так, шо вы мэнэ вик помнить будытэ.

И наказал. Мы все получили медали «За отвагу». Надевая награды, глядя на эту медаль, говорим: «Это капитана Перепелицы».

Виктор Терещенков:

Картошку всю выкопали. Идем, подбираем гнилую. Разотрем, водичкой намочим — и оладьи на железную печку. Прихлопнули, поджарилось, отпало. Второй стороной прихлопываем. Едим. А оно воющее... гнилое же. Ели почки березы и липы.

В. Ягольницкий:

За Новороссийск наши войска дрались упорно и долго. 10 сентября ночью в порту высадился десант. Мне довелось участвовать в десанте на Малую Землю. Его высадили сразу в трех местах. Это были воины морских бригад. С криками «Полундра!» мы ходили в атаки на врага по несколько раз в день. Уничтожали фашистов ножами, штыками, гранатами. Врагу так и не удалось сбросить нас в море.

Анатолий Коробкин:

10 сентября 1943 г. поступил приказ наступать на «Блюменталь 19». Что означает это название, я так и не узнал. Когда поднимались цепью на перевал, я встретил ст. лейтенанта Рожкова из 346 сд 1166 стрелкового полка. Он был зам комроты по политчасти. Часто бывал у нас в минометном взводе, а я в то время был командиром расчета и агитатором. Мы друг друга хорошо знали. Перебросились несколькими словами. Когда стали спускаться к речке, застрочили несколько пулеметов, полк вынужден залечь. Послышались стоны раненых. Лежим на открытом месте, огонь фашистов не давал нам возможности поднять головы. И в этот момент с пистолетом в руке поднялся командир 150 полка Козюлин Кирилл Иванович (он находился во втором батальоне капитана Котенева) с криком «За Родину! За Сталина! Вперед! Ура!» и тут же упал сраженный пулеметной очередью. По цепи пронеслось: «Убит Козюлин». Загремело «ура», и все, не пригибаясь под пулеметным огнем, устремились на врага. Фашисты не выдержали такого напора гвардейцев и стали драть.

Николай Бороненко.

«Краснолучскому городскому военному комиссару.

Известите Бороненко Надежду Ивановну, проживающую по улице Свердлова, дом 8, что ее муж красноармеец Бороненко Николай Его-

рович, уроженец Снежнянского района, села Дубровка Сталинской области, рождения 1912 г. в бою за социалистическую Родину погиб 10 сентября 1942 г. Подполковник Дудка».

Анатолий Коробкин:

Вечером 10 сентября остановились у подножия террикона какой-то шахты. Провели митинг, отсалиutowали погибшим товарищам и командиру полка. Провели партийно-комсомольское собрание, выбрали делегатов в Сталино на похороны Козюлина К. И. Обсудили речь, которую собирались произнести над могилой командира полка. И звучать она должна была примерно так:

«Товарищи! Смертью героя пал в бою за честь и независимость Родины наш любимый командир полка полковник Козюлин Кирилл Иванович.

Клянемся, что будем беспощадно бить врага и гнать немецких оккупантов с нашей земли. За пролитую кровь наших боевых товарищей; за смерть командира полка прольются реки арийской крови. Смерть за смерть, кровь за кровь. Смерть немецким оккупантам!!!

Иван Серов:

Родная земля лежала израненная, истерзанная. На пути встречались села, совершенно стертые с лица земли. От них оставалось одно название на полевой карте.

Сердце обливалось кровью. Разве можно было это простить?

Ион Кобяков:

Мой разведвзвод 703 полка 233 дивизии получил задание разведать силы противника в селе Крюково на Днепре. Во время этой разведки мы взяли 11 солдат противника, в том числе был и один русский.

Анатолий Коробкин:

На шахту, где мы остановились, прибыл штаб, и мы были вынуждены выдвинуться вперед в степь. Ночью окопались в степи. Здесь же на партийном собрании меня приняли кандидатом в члены ВКП (б). После собрания нас, пять человек, послали в боевое охранение. Ночь, степь кругом, немецкие одиночные самолеты гудят в небе, их моторы воют «везу, везу», идут в наш тыл. Бьют наша и немецкая артиллерии. Перед рассветом немецкой артиллерии уда-

лось накрыть наше боевое охранение. Нас присыпало землей. Из пятерых в живых осталось только двое. А когда пришли в свою роту, старшина сказал, что на всех пятерых уже заготовлены похоронки.

Иван Серов:

После форсирования Северского Донца и взятия Чугуева меня вызвали к командиру полка.

— Поздравляю, Серов, поздравляю, — крепко жал руку командир и приколот на грудь орден Славы.

— Спасибо.

Оказывается, я первым ступил на берег.

Анатолий Коробкин:

Наступаем в направлении Павловки, затем по грунтовой дороге на Великую Новоселовку. Вместе с нами двигался корпус Кириченко. За станцией Рутченково в каком-то совхозе отбили у немцев лошадей, и многие пехотинцы стали кавалеристами, усевшись без седла на лошадей. Они носились по дороге галопом, обгоняя друг друга, или ехали шагом. Колонна, состоящая из пехоты, артиллерии, конницы, повозок и тягачей, растянулась на несколько километров.

Д. Звягин:

Моим последним боем была жестокая схватка у деревни Юрасовка. На наш кавалерийский эскадрон двинулись 32 танка. Они в упор расстреливали нас. Из полутораста человек после боя осталось 42 бойца. Многих фашисты давили гусеницами, потому что наши воины не отступали ни на шаг. Мы, оставшиеся, спаслись только чудом: нас выручили танки КВ.

Из этого боя я вышел целым и невредимым, но через несколько дней был тяжело ранен — это уже пятое ранение, — и меня отправили в госпиталь. Вернуться в строй я не мог. Но в тылу продолжал трудиться и делать все, чтобы ускорить Победу над врагом.

Анатолий Коробкин:

Перед заходом солнца появились немецкие истребители и с хода атаковали нашу колонну из пулеметов и пушек. Затем они развернулись на второй заход. Они летели так низко, что по ним открыли ружейно-пулеметный огонь. После этого самолеты удалились.

Петр Лазаренко:

В сентябре в лесу, недалеко от города Золингена, лежали, растянувшись на траве, усталые и голодные три русских парня. Уже две недели мы пробираемся на восток. Все трое сбежали из лагеря Ладенунг, который располагался под Голландией. В тот день устроили себе длительный привал. Нам надо выйти из леса и дальше пробираться оврагами и балками, стороной от населённых пунктов. Ожидали ночи. В лесу стояла тишина. Ее разорвал протяжный стон человека. Мы с Семикиным молниеносно очутились на ногах, а Бондаренко продолжал спать. Стон повторился. Через минуту мы уже стояли над человеком, метавшимся в бреду. Мы осмотрели его. Он ранен в голову и плечо. Раны на плече гноились. Пришлось временно отложить дальнейшее движение на восток и заняться лечением незнакомца. Он назвался Козулей Владимиром Дмитриевичем, родом из Ярославля. Бежал из лагеря Дахау. Рискаю, раздобыли в деревушке лекарства, продукты. Прошел день, другой, больной чувствовал себя плохо. Как-то, увидев у Семикина пистолет, попросил:

— Братцы, пристрелите меня. Я все равно не выживу. А вам надо спешить пробираться к своим.

Но он выжил. Минуло девять дней. Козуля уже мог передвигаться, и мы вместе тронулись в путь. Через два дня напоролись на патрулей. Козуле удалось сбежать в лес. Но, видимо, его тоже поймали. Два года спустя мы снова встретились в лагере Нойнгамма.

Д. Чалый:

Мы вышли на границу Запорожской области. Смертельно ранен полковник Ф. А. Гринкевич. Умирал любимец танкистов, человек, командир, с которым защитили Сталинград, освободили Донецк и вышли к Днепру. Гаврилову же он был словно отец.

— Миша... Похороните меня в Донецке. Я хочу остаться с шахтерами. Вы честные, смелые и добрые люди. Я... люблю вас... — сказал и умер на руках своего преданного механика-водителя.

Миша и его друзья выполнили просьбу комбрига, похоронили его в центре Донецка.

Иван Мещеряков:

11 сентября 1943 г. фашисты предприняли попытку вернуть потерянные позиции, отбросить нашу часть к Днепру. Мы держали оборону в районе села Стархому. Я находился рядом с командиром роты

на передовой позиции. Мы попали под пулеметный обстрел. Командира ранило в плечо, а меня в обе руки. С позиции мы не ушли. Командир продолжал отдавать команды, а я его прикрывал, стрелял из автомата. Ночью меня отправили в полевой санитарный батальон.

Анатолий Коробкин:

Перед входом в Великую Новоселовку немецкие позиции обрабатывали наши штурмовики «Ил-2» из эрсов. Поступила команда привал сделать южнее В. Новоселовки под косогором. Все изрядно устали и еле двигались. Наша рота шла впереди. Я поспешил добратся до места привала, чтобы было больше времени отдохнуть. Пятки пылали. Едва добрались, попадали на землю. Отдыхали минут сорок. А когда стали подходить последние солдаты батальона, объявили подъем. Им не пришлось отдыхать. Я эту тактику хорошо усвоил.

Анастасия Конько:

В сентябре Красный Кут освободили. Воины, которых мы спасли — лейтенант отдельного дивизиона связи штаба кавалерийского корпуса Григорий Вьюхин и рядовой Туров Виктор — продолжили службу в армии. А меня и внучку Марию Алексеевну Проценко командование 51 армии наградило медалями «За боевые заслуги». Потом Григорий Вьюхин и Мария Проценко стали мужем и женой.

Николай Черноморов:

Новороссийск. Цемесская бухта. Между заводами «Октябрь» и «Пролетарий» образовалась линия фронта. На самом узком месте между горами и гаванью разыгралось сражение, которое 15 сентября закончилось освобождением Новороссийска.

В сражении участвовали и инженерные войска. В том числе инженерный батальон, в котором я был начальником штаба.

До этого наш батальон под Туапсе в горах строил дороги, блиндажи, доты, минировал поля фронтовой полосы. А под Новороссийском его задача была иная — охранять нейтральную полосу током высокого напряжения. Батальон передан в подчинение стрелковому полку и разместился по всей линии его обороны. Каждый взвод инженерного батальона имел на автомашине передвижную электростанцию и металлические сети. Автомашин с электростанциями стояли в развалинах завода «Пролетарий», а сети развернуты в горизонтальном положении вдоль нейтральной полосы. К сетям от электростанций проложены кабели. Всем этим хозяйством поручили руководить

мне. В стрелковом полку так и называли «хозяйство Черноморова». Когда я по телефону подавал команду «вскипятить чай» — запускались электростанции, и металлические сети оказывались под высоким напряжением. Враг не мог преодолеть нейтральную полосу. Передовая линия была на замке. Кроме того, создавались сильные помехи, и фашисты не могли разговаривать по телефону. Немцы обстреливали нейтральную полосу из минометов, стремились разрушить сети, повредить кабель. Но бойцы ночью устраняли повреждения, и к утру электрозаграждение действовало вновь.

Николай Федоров:

Наш аэродром располагался в Геленджике. Он теснился на высоком берегу, выступающем в бухту. Личный состав поселился в больших землянках, но отдыхать некогда. Днем готовились к ночным полетам. Летный состав работал на взлетно-посадочной полосе: засыпали воронки, убрали камни. Техники готовили материальную часть самолета. Погода стояла хорошая, настроение у всех приподнятое. Чувствовали, что скоро победа. Только угасла заря, потихоньку выползла луна, нарисовала на море дорожку, осветила аэродром. Ну зачем же! Сегодня нужна темнота. Приготовив самолеты к полету, снарядив их осколочными бомбами, реактивными снарядами, я, ожидая свой экипаж, смотрел на море. Через лунную дорожку проплывали наши катера. На Малую землю шло подкрепление. За спиной что-то ухнуло. Сбоку трахнуло еще сильнее, а потом еще и еще. И тут я увидел большие длинные языки пламени. Это заработала наша мощная дальнобойная артиллерия. Я испытывал чувство искренней радости. Ведь с каждым выстрелом приближалась победа.

Анатолий Коробкин:

12 сентября 1943 года утром после дождя мы перешли границу Донецкой области и вступили на Запорожскую землю.

Наступаем степью, воды нет, пьем дождевую воду из выбоин от лошадиных копыт, сдувая мошкарку и черпая воду ложками, а если и попадались источники, то вода в них была с горьким привкусом и пахла болотом.

Аграфена Снежко:

Когда немцев прогнали, мы получили с фронта радостную весточку — письмо Нины, свернутое в треугольничек:

«Милая мамочка! Как нам ни трудно, но радуемся тому, что

фашизм отступает. Придет время нашей победы. Под Ростовом была легко ранена. Все же дошла до Кавказа».

Сообщала Нина в этом письме, как участвовала в освобождении Краснодара, Ростова, Антрацита... Надеялась, что доведется освободить Красный Луч и удастся хоть на минутку забежать домой. Но не вышло. Ее подразделение прошло через Ивановку.

Таисия Боева-Богатырева:

Идем на запад по земле Полтавщины. Фашисты отходят, сжигая все на своем пути, а тут вдруг — две целых, чудом сохранившихся деревни на пути — Большая и Малая Михайловки. На всю жизнь запомнила я, как нас тут встречали: забрасывали цветами, несли со всех сторон кринки с молоком, гречаные пышки, а на мою долю даже махотка с варениками досталась.

Николай Федоров:

Нас собрал командир полка К. Д. Бочаров:

— Перед нами стоит задача измотать противника. Не дать ему отдохнуть перед штурмом. Через каждые десять минут в рас포ложении противника должна рваться бомба. Дальнобойная артиллерия прекращает работу в 24 часа. В это время мы и начинаем полеты.

Кипела работа. Одни самолеты взлетали, другие садились, чтобы заправиться, снарядиться бомбами и снова взлететь. Мы действовали четко и быстро. Сколько нужно смелости, отваги, выносливости летчикам, чтобы совершать эти ночные полеты.

Анатолий Коробкин:

Первое село в Запорожской области, которое освободил наш батальон, было Коробкино. На восточной окраине заметили немецких факельщиков, обливавших дома бензином из канистр. На улице остались две хаты, которые немцы не успели поджечь из-за нашего стремительного появления. Бросив канистры, фашисты бежали. Некоторые канистры оказались с бензином. Еще одна хата уцелела на западной окраине, остальные сожжены дотла и только обгоревшие печные трубы напоминали о том, что здесь когда-то было жилье.

Село Коробково тянулось с востока на запад двумя рядами хат по обе стороны небольшой балки. С восточной стороны балка только начиналась, а к западу она становилась более глубокой.

Жителей не видно, а по всей балке валялись убитые лошади —

тяжеловозы и верблюды. В конце села возле уцелевшей хаты стояла пасака, не тронутая немцами.

Едва батальон вышел на западную окраину села, немцы открыли пулеметный огонь. Появились бомбардировщики и стали сбрасывать на нас бомбы. Их атаковало звено наших истребителей. Сотни бомб обрушились на наши головы. Мы как были, попадали на землю лицом вниз. Иногда поднимали голову и видели, как от самолетов отделяются бомбы и едва те приближались к земле, мы прижимались к земле, пряча глаза и голову. Мысль работает быстро. Одно прямое попадание, миг — и нет тебя. А если ранит в ногу? Как я буду играть в футбол? Вспомнились школа, игра в футбол. Мать, провожая меня на фронт, поцеловала, а я постеснялся ее целовать. Вот убьют меня сейчас, и все это исчезнет навсегда. Все это промелькнуло в моей голове. Взрывы продолжались несколько минут, земля содрогалась, стоял звон в ушах, слышался визг проносящихся осколков. Затем взрывы бомб прекратились, самолеты, отбомбившись, уходили. Им вдогонку бросилось звено наших истребителей. Но появилась еще одна эскадрилья бомбардировщиков и нанесла бомбовой удар правее нас. По ним открыли огонь зенитки.

Получив временную передышку, пехота стала окапываться, занимать оборону. Наш взвод разместился в крайней хате с западной стороны села в подвале, который врезался в косогор.

Петр Запорожец:

Войска Северо-Кавказского фронта во взаимодействии с кораблями и частями Черноморского флота после пятидневных боев 16 сентября штурмом овладели Новороссийском.

Николай Федоров:

Когда по утреннему небу расплзлась заря, пошли наши «илы». Вот так, без передышки для противника велись упорные боевые действия. Со слезами радости на глазах мы встречали прославленных штурмовиков и радовались за наших конструкторов, создавших летающие крепости.

В. Ягольницкий:

Мы узнали о приказе — начинается штурм Новороссийска. Начинали мы с Малой земли и со стороны цементного завода. Перед началом наступления наш комиссар обратился к нам с такими словами:

— Мы идем на прорыв обороны врага. Добровольцы, вперед!
Добровольцами оказались все. В результате трехдневных боев оборону противника восточнее Новороссийска прорвали.

Николай Федоров:

Снова вступила дальнобойная артиллерия. Заработала полевая артиллерия, запели гвардейские минометы, прославленные «катюши», задрожала новороссийская земля. Началось генеральное наступление. Ревели моторы, грохотали, лязгали гусеницами танки, свистели и взрывались снаряды и бомбы. Кромешный ад. Слышалось: «Полундра, вперед!». С другой стороны несло: «Ура!» И с этими возгласами пришла победа. Враг низвергнут. Новороссийск — освобожден.

В конце дня нашему авиаполку присвоено наименование «Новороссийский».

Николай Кулик:

Неописуема наша радость 16 сентября, когда Новороссийск освободили от фашистов. Москва салютовала победителям.

На Малой земле меня трижды ранило, контузило. Но отказывался от эвакуации в тыл. Получив первую медицинскую помощь, оставался в строю. Каждый зенитчик на счету.

Иван Корнеев:

На пути освобождения Барвенково, на Харьковщине, на промежуточном рубеже противник предпринял мощную контратаку. Наш комбриг С. К. Карпенко с ходу развернул полки, не дал противнику возможности смять наши стрелковые части, вырвавшиеся далеко вперед. И гитлеровцы вынуждены снова отступить. Тогда-то и произошел случай, о котором потом долго говорили в дивизии. Вскоре после отражения атаки артиллеристы батареи старшего лейтенанта В. С. Алексеева, стоявшей на прямой наводке, увидели, как ожил недавно подбитый немецкий танк. Заурчав, он развернулся и начал уходить.

— Огневика! К пушкам!

Ахнула пушка, и снаряд взорвался невдалеке от танка, осыпав его осколками и землей.

— Отставить огонь! — у самого орудия воскликнул комбриг. Солдаты с недоумением смотрели на полковника. А сержант — командир орудия — взволнованно убеждал:

— Фриц уже уползает, товарищ полковник!

Танк скрылся в ложине.

— Ладно, пусть идет, — загадочно сказал полковник. — Твои артиллеристы молодцы, старший лейтенант. Так и надо действовать: ожил враг — бей по нему. Но здесь случай особенный... Не успели предупредить: в немецком танке наши люди — капитан Бобров с разведчиком. Вот данные для связи, — Карпенко подал Алексееву бумажку. — Будете вести огонь по его вызову.

Александр Борисовский:

Форсировали Донец в районе Светлогорска. На станции Барвенково — Лозовая вступили в бой. Станция обстреливалась из-за холма. Я наводчик минометной роты. Получил приказ командира Новикова разведать, откуда бьют.

Вскоре выяснил, что обстреливает нас самоходная установка «фердинанд». Приказано уничтожить огневую точку противника и взять высоту. Цель поразили с третьего выстрела 82-миллиметрового миномета. Пехота пошла в атаку, а к утру станция Лозовая оказалась в наших руках.

Анатолий Коробкин:

Вторая половина сентября 1943 года. Бои идут несколько дней. Каждая высотка представляет собой огневые опорные точки немцев. Эти точки мы между собой прозвали «желтыми пятнами». Территория между этими опорными точками простреливалась пулеметным огнем.

Меня перевели из 4-й роты во взвод связи к лейтенанту Михайлову Александру. Линия связи часто выходила из строя, порывы от артиллерийского огня. Приходилось по несколько раз в день под пулями восстанавливать порванную связь. Немецкий снайпер не давал покоя нам несколько дней. Много бойцов убил или ранил. Обычно снайпер охотился до обеда. В тот день, когда была ранена медсестра Аня, мы с Михайловым пробирались по линии связи, слышал, как раздался выстрел, и видел, как во дворе крайней хаты упала раненная медсестра. Я попросил лейтенанта разрешить мне поохотиться на снайпера. Он разрешил. Я подполз к стене, а затем вдоль стены — к воротам. Фашист стрелял всегда с юго-запада. Пролежал у ворот около часа. Его выдала каска, сверкнувшая на солнце. Снайпера я снял первым же выстрелом. Об этом писали во фронтовой газете и полковом боевом листке.

Иван Корнеев:

Капитан П. С. Бобров возглавлял разведку бригады. И только сказать, что он человеком смелым, значит, почти ничего не сообщить об этом тридцатилетнем офицере. Павел Степанович мастерски управлял мотоциклом, любым автомобилем. Пушкари считали его настоящим артиллеристом, танкисты признавали опытным водителем «тридцатьчетверки». Разведчики охотно шли с ним и в огонь и в воду. Кроме того, капитан Бобров владел ещё специальностью радиста, назубок знал почти все виды стрелкового оружия. Обладал веселой натурой, отличался общительностью. В этот раз Бобров взял с собой разведчика сержанта М. Аллабергенова — человека отчаянной смелости, ранее уже совершившего с Бобровым «прогулку» по тылам врага. Подбитый танк прикрывала дымовая завеса, тянувшаяся от второй горевшей машины. Вот почему артиллеристы не заметили, как Бобров и Аллабергенов осмотрели его, надели слетевшую гусеницу. Танк имел почти полный запас горючего, боеприпасы.

Историческая справка:

Только 5 ударная армия потеряла в боях 23238 солдат и офицеров.

Анатолий Коробкин:

В селе Коробкино нас несколько человек сфотографировали для кандидатских карточек в члены ВКП (б). Фотограф долго искал подходящий фон. Нашли уцелевшую побеленную стену. Через несколько дней нам вручили кандидатские карточки.

Бои в селе Коробкино и его окрестностях длились около десяти дней. Здесь впервые против нас немцы применили подпрыгивающие мины, вели огонь из танков и самоходок.

Батальон наступал, пробираясь яром и ложиной. Вслед за нами двигался танк Т-34. Появились четыре самоходки «фердинанд» и открыли огонь по танку. Я успел прыгнуть в противотанковый ров. За мной в ров прыгнул комбат Котенев. Батальон залег. Танк был в 30 — 60 шагах позади нас. Началась оружейная дуэль. Снаряды рвались позади танка. Мы с напряжением следили за этой дуэлью, поднимая головы после разрывов снарядов. Только поднялись из окопа, как раздался взрыв впереди нашего окопа. Меня оглушило и волной сбросило назад в окоп. Падая, я крикнул: «Товарищ капитан, я готов». Почувствовал, как что-то потекло по лицу. Нас обоих контузило, но

шок прошел быстро. Взрывной волной ударило о землю головой, череп вогнут выше виска, но ни один осколок не зацепил. Поднялся на колени. Шею не повернуть. Волосы на голове в крови, вымазаны землей. Комбат что-то мне кричит, а я его не слышу. Он показывает рукой, что надо перебежать влево. Выбираем момент и перебегаем в воронку, пробежав 100 — 150 метров. В воронке нам оказали помощь, перевязали и обмыли лицо. В медсанбат идти не стали. Вечером возвратились к тому месту, где нас контузило. В соседнем окопе продолжали сидеть пять солдат с автоматами, зажатými между колен. Все они были убиты осколками снаряда.

Ночью немного поспали. Шум в голове и звон в ушах прекратились, вернулся слух. Комбат взял меня своим порученцем.

Федор Панченко:

Ослепительная радость — освобождение. Нет, чтобы понять, надо почувствовать, что значило это.

Разносились из конца в конец небольшого села весть, что свободны, и люди, не стесняясь, плакали от счастья. Но вокруг, в лесах, притаились враги. И все, кто мог держать в руках оружие, вступили в истребительный отряд. Вместе со всеми я добивал в лесах фашистов и их приспешников. В эти дни в село дошла похоронка: в сорок втором, говорилось в ней, Петро Панченко пал смертью храбрых в битве за столицу нашу — Москву... Погибшего отца в боевом строю заменил я, старший сын.

Анатолий Коробкин:

Утром возобновили наступление, перебегая от воронки к воронке. Немцы открыли пулеметный огонь, из-за бугра снова появились «фердинанды», стреляя на ходу. Ударили немецкие минометы. Вскопили в воронку, в которой уже были 6 человек. Среди них радист Свиридов (мы его прозвали «Смысловым»), а я его знал по боям за Артемовку). Воронка была большая, метра четыре в диаметре, и глубокая. В ней мы могли укрыться от разрывов мин. Радист связался со штабом. Поступило сообщение прекратить наступление и ждать особых указаний. Предполагался артналет.

А. Чубинец:

В сентябре после освобождения Красного Луча молодежь призывали в армию. Большая группа попала (по добровольному желанию) в роту автоматчиков 550 стрелкового полка 126 стрелковой дивизии.

Ее отвели на формирование под Токмак. Здесь мы прошли курс военной подготовки.

Наших же младших товарищей, оставленных в запасном полку, бросили в бой без всякой подготовки. Об этом мы узнали по письмам из дома, куда стали приходить похоронки.

Мы вступили в бой в октябре. Нашу роту автоматчиков использовали для помощи стрелковым батальонам полка.

Мало наших ребят осталось в строю. В первом же бою в Мелитополе погиб Вахлаев С., на Перекопе смертельно ранен Новиков С. Через неделю после этого «Правда» опубликовала указ о присвоении ему звания Героя.

Помню нелепую потерю отважнейшего из храбрецов Комова, плач его друга Терентьева Л., просившего помочь ему вынести тело убитого с поля боя.

Историческая справка:

В братских могилах одного лишь Куйбышевского района Ростовской области покоятся более 23 тысяч погибших советских воинов.

Яков Голубов:

Под Малым Токмаком попали под бомбежку. Возле нескольких раненых, укрытых в воронке, сидела медсестра Аня вся в крови, измученная. Она плакала. Чтобы потом можно было найти раненых, она возле каждого воина привязывала на кукурузный стебель кусочек бинта.

Анатолий Коробкин:

После разговора по рации по нам стали бить из минометов, периодически беглым огнем всей батареи. Вероятно, фашисты засекли нас или рацию. Решили оставить наблюдателя за противником, а остальным отдыхать. Под разрывы мин уснули, поскольку полк вторые сутки подряд вел бой. Сколько времени прошло, не знаю, может, несколько минут, как вдруг прогремел взрыв. Я подхватился. Радиста засыпало землей до пояса. Я помог ему выбраться. У младшего лейтенанта, командира расчета 45-мм пушки, оторвало осколком палец, и он зажал другой рукой пальцы, пытаясь остановить кровь. Осколком вскользь ранило в висок командира взвода. Это просто чудо, что от мины, разорвавшейся в середине воронки, ранено только два человека. Фашисты забрасывали нас минами до самого вечера. Решили

остаться в этой же воронке, так как кто-то сказал, что мина два раза в одну воронку не попадает и двум смертям не бывать. Лейтенантам оказали помощь, и когда минометный огонь приутих, отправили в медсанбат.

Мария Подлипаева:

На освобожденных территориях видели, как фашисты расправлялись с нашими людьми. Страшно смотреть на расстрелянных женщин, детей, стариков. В основном все разрушено и сожжено.

Погиб весь мой род.

Владимир Донченко:

Когда освободили Красный Луч, наша семья вернулась домой из эвакуации. У людей истосковались по работе руки. Нужно восстанавливать все разрушенное, пахать и сеять. Но повсюду мины, неразорвавшиеся бомбы и снаряды. Меня приняли в батальон, который обезвреживал взрывоопасные предметы на территории Ивановского района и по линии Миус-фронта. Состоял батальон из таких же, как я подростков. Мы уничтожили более 10 тысяч мин и снарядов. Случались и жертвы. Меня тоже не миновала беда. Взорвалась противопехотная мина, контузило. Временно потерял слух и зрение. Долго пролежал в госпитале.

Роза Ворошилова:

Утром на улице небольшого села под Мелитополем, куда мы ушли из оккупированного Красного Луча, появились наши артиллеристы. Солдаты подарили нам жеребеночка. Они благодарили маму за то, что сберегла нас, троих детей.

Тринадцатилетний брат сделал тачку, и пошли мы в Красный Луч. По всей дороге встречали освободителей — солдат, которые шли на запад. Ведь война продолжалась. Нашей семье она принесла большое горе — два брата остались на поле брани.

Анатолий Коробкин:

К утру фашистов выбили. Мы преследовали противника по степи. Стояло жаркое солнечное утро. В полдень батальон капитана Котенева наступал на позиции противника, расположенные за противотанковым рвом. Перед наступлением пехота запаслась лестницами и щитами, а саперы должны были сделать во рву проходы для

танков. Пока 2-й батальон спускался с косогора ко рву (расстояние до него с километр), немцы вели по наступающим артиллерийский огонь. Немецкие автоматчики засели за противотанковым рвом и били очередями. Комбат Котенев шел в центре наступающих, рядом старшина-ординарец, я — чуть правее их. Из-за извилины рва ударил пулемет. Смертельно раненый комбат стал оседать на землю. Откуда родом комбат, я не знаю. Но погиб он на запорожской земле перед противотанковым рвом у небольшого села Поповка, что в 5 — 6 километрах от села Коробково.

Иван Корнеев:

Разведчик капитан П. С. Бобров с сержантом в немецком танке направились в тыл врага. Они настигли небольшую немецкую автоколонну, пристроились ей в хвост и добрались до главной дороги, на Барвенково. Движение по ней оживленное. Шли машины с пехотой, танковые колонны, артиллерия. Гитлеровцы спешно укрепляли новый район. И вряд ли кто из них мог подумать, что в немецком танке, стоявшем на обочине, находятся советские разведчики. Затем одинокий танк направился к лесопосадке, скрылся в ней. И тут на дороге начали рваться тяжелые снаряды. Вел огонь батареи старшего лейтенанта В. С. Алексеева. В колонне раз за разом загорались автомашины и танки, и они вынужденно расплзались по полю. Фашисты никак не могли понять, по чьему сигналу в этот район, далекий от передовой, точно бьет советская артиллерия.

Историческая справка:

После боев в поселке Дмитриевка Донецкой области, которое было стерто с лица земли, подобрали около 7 тысяч павших освободителей Донбасса.

Дий Шмидт:

18 сентября в разгар боя за переправу через Десну на наблюдательном пункте командира полка вышла из строя радиостанция. Вследствие этого прекратилась связь с батареями, штабами полка и бригады. Обстановка боя осложнялась. Требовалось немедленно восстановить связь. Я простой делопроизводитель, даже не радист, не то, что радиомастер, и в обязанности мои не входило организация радиосвязи. Но поскольку положение было безвыходное, и все равно никто в радио ничего не понимал, разрешили попытать счастья мне. Помогла моя природная изобретательность. Рация заработала. Связь

восстановлена. Батареи полка вовремя вступили в бой и отразили контратаки противника.

Екатерина Нужненко:

Полицаи повели в лес немцев. Они пришли с собаками. Партизаны ушли на переправу. Там их разбомбили. А нас выгнали из леса, построили возле кладбища в шеренгу, и немец с автоматом, и полицай рядом, пальцем тыкали:

— Родственник этого в партизанах, этого — на фронте.

Их в расход пустили. А наш почти весь род по материнской линии — в тюрьму, а меня — в телятник, и — за колючую проволоку. На вышке часовой. Собаки.

Анатолий Коробкин:

Я остался в 4-й роте. Бои продолжались до вечера. Заняли противотанковый ров, и в одной из землянок у изгиба рва нашел Михайлова. Снова поступил в его распоряжение. Всю ночь вели перестрелку с противником. Утром противник стал отступать. Наш батальон занял небольшое село из 10 — 15 домов. Едва ворвались в село, в пасмурно-облачном небе появились два бомбардировщика врага и с небольшой высоты стали сбрасывать на нас бомбы. Прыгаем в окоп. У крайней хаты стоял стог сена. Один из солдат метался от нашего окопа к стогу, выбирая, где лучше. В это время самолет сделал разворот и снова сбросил бомбы. Осколок сразил солдата насмерть.

Иван Корнеев:

Капитан Бобров считал бы задачу выполненной не полностью, если бы не принял личного участия в уничтожении вражеской техники. Пройдя на «своем» немецком танке вдоль пылающих костров, он расстрелял несколько одиночных автомашин, в том числе штабную.

Появление Боброва в тылу не могло остаться незамеченным. Пришлось побыстрее уходить, тем более что на исходе и горячее, и снаряды. К утру Бобров возвратился в расположение бригады.

Мария Пчелинцева:

1 сентября 1943 года советские войска освободили поселок шахты № 5/7. Брат Вася ушел с нашими войсками. Через две недели получили коротенькое письмо: «Родные мои, за меня не переживайте, я уже взрослый, нигде не пропаду. Вася. Берегите себя».

А еще через две недели в нашу семью пришла горькая весточка. «Беликов Василий Дмитриевич 1924 года рождения, рядовой, погиб в бою 20 сентября 1943 года. Похоронен в Запорожской области, Вольнянском районе в с. Яковлево».

Маме тогда не сказали, чтобы не расстраивать, а сами плакали, ох, как жалко было, ему-то всего 19 исполнилось. В поселок приходили похоронки. Мы все вместе делили горести и радости от хорошей весточки с фронта. А получившие извещения «пропал без вести», думать о смерти не хотели. Не погиб же! А вдруг жив, авось вернется, и ждали, ждали, ждали. И до сих пор ждут.

Историческая справка:

21 – 22 сентября советские воины вышли к Днепру.

Под непрерывным огнем артиллерии и ударами авиации противника наши воины вынуждены вести переправу через Днепр — это самое большое за всю войну на их пути водное препятствие.

Ставка Верховного Главнокомандования постановила: «на плечах» отступающего врага захватить плацдарм на Днепре и с ходу начать его форсирование. Это объяснялось необходимостью опередить противника, готовившего оборону правого берега.

Наступающие части оказались перед необходимостью решать эту задачу без надлежащей подготовки, даже при отсутствии переправочных средств. Под шквальным огнем люди плыли на правый берег, кто как мог: держась за бревна, доски, пустые бочки, ящики, плащ-палатки, набитые соломой. На вырубку действующей армии пришлось население приднепровских сел.

Немецкая армия еще сохраняла силу и цеплялась за каждый населенный пункт, каждую высотку. Нет, не была битва за Украину «богатырским маршем». Каждый клочок ее земли был полит кровью советских воинов, усеян их костями. Но никакие преграды и трудности уже не могли остановить Красную Армию.

За форсирование Днепра 2569 человек удостоены звания Героя Советского Союза.

Иван Корнеев:

Ревут моторы тягачей, подминая под себя километры. Новые города и села республики освобождает Советская Армия. Почти все левобережье очищено от фашистской погани. Впереди — Запорожье!

Перед тем, как начать операцию по взятию города, меня вызвал к себе начальник штаба дивизии, полковник Финкин, и сказал:

— Капитан Корнеев, не считаете ли вы, что крещение наша дивизия приняла у Волги, а имени у нас еще нет.

— Как нет? — удивляюсь и называю армейский номер части. Финкин поясняет:

— Понимаете, имени, живого имени. Как вы смотрите, например, если дивизии присвоят имя Запорожской?

Я хорошо на это смотрел. Я смотрел на это положительно. Я просто не мог смотреть иначе — и ответил как и следует, по уставу:

— Задание ясно. Разрешите выполнять!

Через час я был на позициях.

Но перед тем как начнется артподготовка, я должен рассказать один примечательный эпизод, случившийся за два дня до этого.

Забрел к нам пехотинец, связной.

— Послушай, капитан. Немец сидит в нашем советском городе и спокойно сейчас пьет эрзац-кофе. А недурно бы фрицу эрзац-жизнь устроить. Пальните по нему!

Я согласился, что мысль недурна. Запросил начальство. Разрешили: «Короткий налет, сто снарядов».

Мы и пальнули. Как уже потом выяснилось, артобстрелом накрыли офицерский клуб, было много убитых и раненых. С этого дня немецкое командование приступило к постепенной эвакуации на остров Хортицу. Фашисты почувствовали — города не удержать.

Орудия готовы к бою.

Ночью началась артиллерийская подготовка. Огонь велся непрерывно около двух часов. Потом дивизион снялся с позиций и передислоцировался в предместье города. В четыре часа утра я радировал начальнику штаба полковнику Финкину, что дивизион старшего лейтенанта Панова вошел в Запорожье.

Сверху чёрным крестом грозили «мессеры». Расчеты не раз присыпало землёй от взметнувшихся взрывов авиабомб. Но мы шли вперед. Шли навстречу своим братьям и сестрам, отцам и матерям. Свобода была с нами — на лафетах орудий, согретых тяжелыми солдатскими ладонями.

Сергей Романчук:

Мой отец — участник двух войн. В 1917 г. он штурмовал Зимний. Пришлось ему защищать Родину от немецко-фашистских захватчиков и в годы Великой Отечественной.

Я раньше его ушел на войну, в партизанский отряд. Когда мы громили врага в его тылу, я даже не знал, что отец сражался на фронте. Мы, партизаны, связи с родными не имели.

Лишь после я узнал, что отец был тяжело ранен. Он писал письма домой (может быть, не сам, а его товарищи по госпиталю). Однако не писал, что ранен, видимо, знал, что в живых ему не остаться. Поэтому не хотел прибавлять горя семье, которой и так много досталось. Отец мой, Павел Степанович Романчук, похоронен в Красном Луче.

Петр Фильцов:

Дивизия с боями прошла Харьковскую область и, освобождая Запорожские земли, вышла к Днепру. Поступил приказ форсировать Днепр. Несмотря на ожесточенный обстрел, роте удалось переплыть, закрепиться на берегу и даже начать принимать меры для расширения плацдарма. Нужна связь. Чтобы доставить донесение командиру роты, мне пришлось форсировать Днепр обратно. Сделать это оказалось трудно. Как только немцы обнаружили лодку, на ней сосредоточили огонь артиллерии. А тут еще и самолеты. Взрывом разорвавшегося рядом снаряда меня выбросило из лодки, следующий снаряд попал в лодку. Спасло то, что хорошо плавал. Рядом то и дело шлепали пули. Когда выбрался на берег, даже удивился: «Никак живой и даже не ранен». Доложил командиру полка, обсушился, получил пакет с заданием для роты — и опять — лодка. Вместе со связистами и боеприпасами возвращался в свою роту. В этот день я форсировал Днепр трижды. Три человека в лодке были тяжело ранены, а у меня — ни единой царапины. Очень повезло. Отдал донесение — и сразу в бой. А через несколько дней перед строем зачитали приказ, в котором говорилось, что рядовой Фильцов Петр Александрович награждается орденом Славы.

Историческая справка:

К концу сентября 1943 г. советские войска на 750-километровом фронте вышли к Днепру. Центр боевых действий переместился в район среднего течения реки. Наступил кульминационный момент битвы за Украину.

В. Ермаков:

3 гвардейская танковая армия под командованием генерала М. С. Рыбалко вышла к Днепру. Еще за две недели до этого нам стали известны приказ Ставки о том, что воины, которые первыми форсируют Днепр, будут удостоены звания Герой Советского Союза.

В ночь с 22 на 23 сентября состоялись митинги, на которых

смысл этих документов довели до личного состава. Мне довелось быть представителем политотдела 6 корпуса в 106 гвардейской танковой бригаде, к бойцам которой обратился с вдохновляющим словом их командир — гвардии подполковник тов. Новохатько. Вопросы ему не задавали. Задача ясна: форсировать могучую водную преграду, захватить плацдарм на правом берегу, освободить Киев, а затем и вообще изгнать фашистов из пределов советской земли.

Иван Васильченко:

Я служу старшим сержантом в 9 отдельной разведроты 7 воздушно-десантной дивизии. Наша дивизия готовилась к форсированию Днепра. Получено задание — занять плацдарм, откуда будет совершаться бросок на Черкассы. В числе добровольцев и я. Табельных переправочных средств не хватает. И в ход идет все: бочки, доски, бревна.

Когда лодки коснулись берега, в небо взлетели осветительные ракеты, а из дзота по нашим застрочил пулемет.

Против нас — целая линия дотов и дзотов, а наша артиллерия с левого берега не достает их. Бойцы залегли. Кто-то должен уничтожить огневую точку врага. Нам, разведчикам, приказано взорвать находящийся где-то впереди, прямо перед нами, вражеский дот. Отбираем семь человек и темной ночью отправляемся в опасный путь.

Всходит луна... Вот они, немцы. Стоят кучкой, приглушенно переговариваются. А почти рядом — вспышки пламени: это стреляет вражеский пулемет. И я решаюсь: швыряю ручные гранаты в фашистов, а противотанковую — точно в амбразуру дота. И пулемет умолкает. Путь пехоте открыт.

В. Ермаков:

Энергично, однако без шума и суеты, были спущены на воду самые различные переправочные средства, и историческое по своему значению форсирование Днепра началось. Фашисты вскоре почувствовали что-то неладное. Но поздно! Воины наши, еще даже не ступив на твердую землю, открыли губительный огонь по ожившим точкам врага. Могучее русское «ура» прорезало ночь, вдохновляя тех, кто еще только плыл к правому берегу или готовился к переправе. И вот начало положено — плацдарм взят! Пусть он не так велик поначалу, пусть насквозь простреливается противником, однако с восточного берега уже скатываются на плоты артиллерия малого калибра и другие виды вооружения.

С. Лебедь:

Рассвет. Наша часть форсирует Днепр. Мы лежим в окопах на левом берегу. Лежим, ждем сигнала к атаке. Тишина. Солдаты переговариваются. И будто бы не война, будто на том берегу нет противника — занимается обычное мирное утро.

— Вот домой приду, будем завод восстанавливать, — слышится приглушенный голос.

— Да и у нас, в Донбассе, дел хватит. Получил вчера от хлопцев письмо — зовут.

А на том берегу — ощерившиеся стволы пулеметов, на том берегу — смерть... Но жизнь сильнее, и она победила — это я как никогда почувствовал сердцем в то незабываемое утро.

Петр Минасенко:

Утром в окопе уселись завтракать, но завтрак пришлось прервать. Вызвал полковник. Я в это время командовал артиллерийской батареей.

— Получен приказ начать переправу на правый берег, — сказал полковник. — Ударите по огневым точкам врага уже оттуда.

Укрепили на плоту орудие, и под сильным огнем противника с девятью солдатами благополучно переправились. Установили свое 122-миллиметровое орудие и открыли огонь. Другие орудия нашей батареи вели огонь через реку. Двое из моей команды убиты. Еще двое — ранены. Отнесли раненых в заросли бузины, оказали им первую помощь. Вернулись к орудию и продолжали бой.

Это был ад. Не верится, что мы остались живы. И все-таки наши жертвы не напрасны. Своим орудием мы уничтожили три танка, две пулеметные точки.

Петр Трофимец:

Следующие одна за другой крупные победы Советской Армии убедили даже самых закоренелых пессимистов в неизбежности краха фашистского режима. Люди воспрянули духом. На истощенных лицах узников концлагеря все чаще стали появляться улыбки.

Яков Антонов:

Днепр. Казалось, что земля — не земля, а вода — не вода. Всё смешалось в одну сплошную кровавую массу. Гул орудий и самолетов не умолкал. Не верилось в отдельные минуты, что выживем, ос-

танемся целы в этом смертельном сражении. Но надо было выдержать, оказаться сильнее и победить. И мы победили. Я говорю «мы» и думаю не только о тех, кто пошел дальше. Тысячи наших бойцов сложили на Днестре свои головы.

Т. Богатырева:

От Броваров остались только пепелища да печные трубы. Мы стояли под Дарницей. Отсюда танки и двинулись на город. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись: сильно бомбили жилые дома, железнодорожную станцию, войска. Фашисты никого не щадили. Трудно понять, что делается вокруг. Горели составы, здания. В Дарнице горело на путях после бомбежки сразу восемнадцать составов. Люди сидели в земляных норах, дожидаясь освобождения. Раздавались крики о помощи и стоны. Медсестры, в том числе и я, вытаскивали из пламени и развалин людей, подбирали раненых. В Киеве нас встречали измученные люди. Жители рассказали о трагедии Бабьего Яра, где оккупанты расстреляли и заживо погребли тысячи киевлян.

Дмитрий Деев:

Я узнал, что моя жена с двумя маленькими детьми в период оккупации Красного Луча отправлена немцами в концлагерь в Енакиево. Голод, сквозняки и грязь вызывали тяжелые заболевания. Каждый день уносил десятки жизней. Заболела воспалением легких и моя жена. А потом у нее открылся скоротечный туберкулез. Когда после ранения мои дела пошли на поправку, меня отпустили из госпиталя, чтобы устроить семью. Но о ней уже позаботился городской Совет. Больной выделили дополнительное питание, а детей изолировали от контакта с больной. Прощаться с близким человеком, сознавая, что видишь его в последний раз, это слишком тяжело. В подавленном состоянии духа возвратился в госпиталь. Меня встретила сестра, которую все называли Оля, Олечка.

— Время залечит вашу душевную рану, — сказала она.

Константин Крютченко:

Днепр... Мы на левом фланге войск, приготовившихся форсировать Днепр в районе Кривого Рога. Ждали приказа. Ночью часть снялась с занимаемых позиций, прошла немного выше вдоль реки, форсировала ее. Задача, поставленная командованием, такова: ударить с тыла по врагу и во взаимодействии с главными силами уничтожить группировку фашистов. Наступило утро. Солнце медленно поднима-

лось из-за днепровских круч. Ему радовались все, хотя вокруг шла война... А о ней не хотелось думать солдату. Я не спал. Прислонившись к стенке окопа, вспоминал мирное время.

Дома, бывало, выйдешь утром, сердце радуется: воздух чистый вдохнешь, кажется, родниковой воды напьешься. Петух прокричит, мол, поднимайтесь, люди, день рабочий начался. А сейчас будят нас взрывы снарядов, посвисты пуль... Мысли прервал командир роты.

— Почему не спишь, солдат?

— Не спится. Думаю, скоро ли немца разобьем.

— Ну и как, скоро?

— Конечно. Жизнь свою не пощажу во имя этого дня. Да что я, любой из нас.

В это время просвистел снаряд и ухнул рядом с окопом, не причинив вреда бойцам. За ним разразилась сильная канонада. Снаряды как будто прошупывали каждый метр, вверх летели комья земли, металла. Люди прятались в недавно сделанных блиндажах, окопах, но осколки находили их и здесь.

Е. Спивак:

Наша часть дислоцировалась в районе Днепродзержинска. И вот одна из шлюпок прорвалась к противоположному берегу. Молодой боец с ручным пулеметом первым спрыгнул на влажный песок и отвлек на себя огонь врага. Это помогло остальным. Вот уже десятки лодок причалили к берегу. Раздалось многоголосое «ура». Бойцу, который первым ступил на берег, занятый противником, присвоено звание Героя Советского Союза. Перед глазами стоит его лицо: он невысок, молод, и, кажется, узбек. Стойкий, мужественный солдат. Освобождая Украину, он защищал и свой Узбекистан.

Павел Алякин:

Нашему третьему батальону выпала доля форсировать Днепр, взять Днепропетровск. Это сделать оказалось нелегко. Много потеряли солдаты.

В. Ермаков:

В течение 23-25 сентября плацдарм настолько углублен и расширен, что стала возможной переправа танков. Но еще до этого, как только стало известно, что бойцы надежно закрепились на плацдарме, штаб бригады потребовал сообщить по радио имена тех, кто первыми ступили на западный берег. И тотчас же в ответ полетело: ря-

довые Иванов, Петухов, Сысомятин... Конечно, их намного больше. И все-таки среди всех первых эти четверо первейшие. Последовал новый приказ: обеспечить явку храбрецов в штаб корпуса. Но речь, к сожалению, могла идти лишь о двоих, так как к этому времени Петухов погиб. Иванова же и Сысолятина доставили утром вновь на восточный берег и направили в штаб корпуса. Терпеливо ждем, но герои все не показываются. Проходит еще два-три часа — их все нет. Томимся, волнуемся... И не только мы, офицеры штаба. К нам понаехали корреспонденты, кинохроникеры из штаба Армии. Что делать? Начальник политотдела корпуса приказывает мне:

— Садись в мою машину, и чтоб ребята немедленно были здесь.

Я — опять к Днепру, в бригаду. А там говорят:

— Не знаем... Часа три-четыре уже, как ушли...

Мчусь опять к штабу корпуса. Боясь показаться на глаза начальству, тяну время, жалуюсь одному из офицеров:

— Вот беда какая: совершили ребята подвиг, а сами как сквозь землю...

— А не они ли это? Вон под деревом лежат.

Подбегаю, а они так это сладенько спят. Бужу, расспрашиваю:

— Иванов и Сысолятин?

— Да...

— Милые вы герои мои! — кричу не своим голосом. — Без ножа режете! Их ищут, а они... Давайте, ребятки, подтянитесь, и — пошли.

Покряхтели они, когда объяснил им, зачем вызваны, а Иванов даже проговорил:

— Вот еще морока-то...

Было этим ребятам всего по девятнадцать лет... Скромные, даже какие-то стеснительные. Бессмертный подвиг совершили — и ни тени бахвальства. Смотрел я на них и видел: они нисколько не считают себя исключительными. Они делали и сделали то, что было нужно, что делал и мог бы сделать на их месте любой. Всем этим бойцам (Петухову посмертно) присвоено звание Героев Советского Союза.

Рая Солодянкина:

Я дошла с этой дивизией до Запорожья. Бои, много раненых, я не успеваю перевязывать. Перевязу и тащу в укрытие. Ползу с очередным бойцом, а из противотанкового рва немец кричит:

— Рус, куда идешь, я сам уйду!

А я ползу. Он как стрельнет, и попал в плечо. Целил, наверное, в сердце, да раздробил плечевой сустав. Рука не поднимается.

Константин Крютченко:

Обстрел закончился, значит, скоро покажутся немцы.

— Приготовиться к отражению атаки! — сказал командир роты.

Немцы не заставили себя ждать. Шли по взрытой снарядами поляне, держа наготове автоматы. Я еще раз осмотрел автомат, вытащил из подсумка запасные диски, гранаты. С КП раздалась команда:

— Огонь!

Ударили пулеметы, автоматы, винтовки. Немцы, не считаясь с потерями, продвигались вперед.

— Ребята, командир убит, а фашисты все прут, наверное, лучше к реке отойти, разнесся ропот по цепи. Сначала одиночки, затем группы бойцов стали отходить к Днепру.

Ничего этого, увлеченный стрельбой, я не видел. Когда падал фашист, радовался: «Еще одним гадом меньше на свете стало». Пришел в себя лишь тогда, когда умолк рядом стоящий пулемет. Кончились патроны, решил я. Молодой боец с горячностью нажимал на гашетку, но пулемет молчал.

— Перекосило ленту! — кричал я ему. — Слышишь, перекосило ленту!

Но боец, увидев приближавшихся немцев, оставил пулемет, бросился бежать, вскоре упал, сраженный автоматной очередью. Я не имел времени для размышления, знал одно — нельзя отступать. Пригнувшись, подбежал к пулемету, поправил ленту и нажал на гашетку. Пулемет заработал. И так остался один с многочисленными врагами. Стреляя длинными очередями, заставил немцев залечь. Те в свою очередь сосредоточили огонь на мне, но не смогли убить.

Всякие попытки фашистов уничтожить огневую точку оставались безрезультатными. Тогда они решили обойти меня с флангов. Но и этот план рухнул — на помощь пришли товарищи. Десятки немцев остались лежать возле моего пулемета. Бой выигран.

Через время, когда окруженную немецкую группу уничтожили, пришел приказ командования. В нем говорилось, что за проявленное мужество и находчивость я награжден орденом Славы.

Семен Бороденко:

Когда заканчивали разминировать подходы к Днепру, от сильного удара потерял сознание, очнулся на руках сержанта Муравьева. Оказалось, мою каску прошил осколок. А голова цела. Ну, говорю, Сергей, значит, еще повоюем.

Михаил Бондаренко:

7 гвардейскому кавалерийскому корпусу приказано прорвать оборону противника, выйти западнее Гомеля, отрезать путь отхода гомельской группировке врага на запад.

25 сентября мы подошли к Днепру. При помощи местного населения организовали изготовление плотов. Командир корпуса генерал-майор М. Л. Малеев приказал 16 кавалерийской дивизии обеспечить переправу остальным частям корпуса. Осуществить ее намечено на рубеже Лымарка — Неданчици. Первыми должны форсировать Днепр воины 4-го эскадрона 58 кавалерийского полка, командиром которого был Анатолий Михайлович Рудой, когда гвардейцы Рудого узнали об этом, 17 человек подали заявления с просьбой принять их в партию.

Василий Каралкин:

На правом берегу Днепра наш дивизион в непрерывных боях далеко оторвался от своей базы. Конечно, нам пришлось туго с питанием. Кормились сами. Командир дивизиона вызвал одного из командиров батарей и поручил в каком-нибудь колхозе попросить провианта. Посланному офицеру председатель колхоза сказал:

— Хлеба мы вам напечем, дадим муки, гороху, луку, а вот относительно мяса, скота, то тут нужна круглая гербовая печать, ведь с меня спросят, куда я дел скот.

Штаб полка от нас тоже далеко, а время не ждало. Вот тогда командир дивизиона вызывает меня и говорит:

— А ну, Вась Васич (так часто меня называли в дивизионе), давай посмотрим на твою печать.

Дело в том, что у меня сохранилась печать, на которой было написано: «Краснолуцький міський відділ народної освіти». В 1942 году я эвакуировался как заведующий Краснолучским гороно и, естественно, со мной была эта печать. Добрался я до Барнаула Алтайского края, устроился на работу в Барнаульское педагогическое училище преподавателем географии. Но работать пришлось недолго, Барнаульский военкомат призвал меня в армию. Попал в отдельный минометный полк командиром расчета. В конце 1942 года я был уже на фронте, под Белгородом. По дороге на фронт хотел уничтожить печать, но мелькнула мысль: «Вдруг останусь жив, и она еще мне пригодится». Я оторвал печать от колодочки и спрятал в кошелек.

На фронте сложились хорошие отношения с командиром дивизиона майором Носовым, который тоже оказался учителем матема-

тики, только моложе меня. Однажды я рассказал ему о печати, и он ответил:

— Молодец, что не уничтожил, придет время, и она еще послужит.

И вот она пригодилась. Мы приложили ее к расписке, подписанной командиром дивизиона.

Председатель колхоза сказал:

— Все гаразд.

Дивизион получил от колхоза несколько голов скота и продержался три недели, пока старшина дивизиона с кухней догнал нас.

По предложению замполита начали писать историю полка. Записали в историю полка и случай с печатью. Только сделали приписку: «Да простит нам Родина. Это делалось во имя победы».

Вадим Резников:

Надо держать рубеж во что бы то ни стало — выиграть время для основных частей. Фашисты вновь полезли. И вдруг справа не ответил пулемет. Комиссар отпустил гашетки: да, справа молчит. Я лежал рядом, подавая ленты. Я ранен. Что делать? Положение безвыходное. Я прочел во взгляде комиссара просьбу. Пополз к замолкшему пулемету. До темноты удержали холм, прикрывая отход товарищей. И, между прочим, оказалось, как никогда, кстати то, что еще на школьном стрельбище я выбивал из ста возможных девяносто восемь очков...

Анатолий Коробкин:

Наша 50 стрелковая дивизия повернула на юг, левее с. Успеновка, с боями продвигалась по полям Гуляй Поля, Пологи, Конские Раздоры. Проходили какие-то украинские села, вдоль речки стояли хаты, похожие на хату Тараса Шевченко, ветер нес перекасти-поле.

Тяжелые бои завязались под Токмаком. Мы окопались в поле. Чувствовалось приближение осени. Немецкая авиация рыскала по небу. Появился немецкий истребитель. Из-за туч вынырнул наш «ястребок». Завязался воздушный бой, два аса, наш и немецкий, сходились в лоб, но немец первым отворачивал в сторону. На следующий день они снова сошлись в поединке, обстреливая друг друга. И снова немец, не выдержав, ушел. Во время одного из таких поединков шальная пуля попала в солдата, дремавшего в окопе. Спросонку он не понял, что произошло и, вскочив, заорал:

— В чем дело?

Солдаты рассмеялись. Ранение оказалось легким. Пуля, пробив фуражку, обожгла плечо. Вот он и заорал.

М. Сапрыкина:

В сентябре мой сын Николай Федотович Сапрыкин, 1926 года рождения, добровольно ушел на фронт. Первое и последнее письмо его датировано 26 сентября 1943 г. На конверте значилась полевая почта 0/5832 «Ш». В письме он сообщал, что находится в 80 километрах от Днепра, в Запорожской области, обучается военной науке, готовится к боям...

Много раз я посылала запросы, и каждый раз мне отвечали, что мой сын пропал без вести. Сын мечтал стать художником. Он хорошо рисовал... Может быть, кто из краснолучан служил с моим сыном, знал его, встречался с ним. Расскажите о судьбе моего сына-солдата Николая Федотовича Сапрыкина.

Г. Загоруев:

Вернувшись из госпиталя, я попал в жаркие бои на правом берегу Днепра. Наши войска успешно провели расширение Букринского плацдарма. Большое мужество проявил наводчик противотанковой батареи старший сержант Стефакин. Многие в расчете ранены и убиты, но орудие продолжало вести огонь. Три горящих танка, два подорванных транспортера противника — вот его вклад!

Анатолий Коробкин:

Конец сентября или начало октября. Немцы сильно укрепились на речке Молочная, каждая высота и курган пристреляны и местность простреливается пулеметным огнем. Мы долго не могли взять господствующую высоту. Наутро построили весь полк и зачитали приказ. После артподготовки полк пошел на штурм. Нас бомбила авиация, но высоту взяли.

Семен Бороденко:

Река Молочная. Здесь под градом снарядов и авиабомб всю степь исползали. Оборона врага состояла из двух позиций, а каждая позиция — из трех линий траншей полного профиля. Перед окопами — два противотанковых рва, минное поле. На стыках подразделений — доты и дзоты. В ночь на 27 сентября мои саперы сняли перед фронтом наступления 600 мин.

Михаил Бондаренко:

Переправившиеся через Днепр полки перешли в наступление. К исходу 28 сентября мы имели плацдарм в 14 км по фронту и 8 км в глубину.

Владимир Борсоев:

29 сентября. Яготин. Сегодня шестой день, как мы приехали сюда. Отдыхаем после упорных, непрерывных боев. Рана зажила, работаю. Вызывали в штаб фронта на выдвижение командующим артиллерией с. д. Но комбриг не отпустил, и я сам не пожелал. Привык здесь. Со вчерашнего дня идут бои. Все гудит. Три дня тому назад был на Днепре, западнее г. Переславля. Переправа тяжелая: песок, широкий Днепр, огонь с берега, бомбежка — все это затрудняет переправу. Но советские воины, преодолевая огонь и воду, рвутся вперед, на запад. Мы ехали к Днепру с замполитом майором Лысенко, наш «виллис» полетел на всем ходу в канаву, и мы здорово ушиблись. Ходим в синяках.

Вадим Резников:

Меня, восемнадцатилетнего, в промежутке между боями принимали в партию.

Федор Газин:

«Здравствуйте, родные. Воюю на Керченском направлении. Десантником. Очень тяжелая и страшная война».

Василий Войнилович:

В Тамань глубокой осенью сорок третьего мы въехали на танках. Получили задание, и целый день в холодной воде вязали проволокой металлические бочки — делали паромы. Они нужны для переправы солдат и техники через Керченский пролив. Шло общее наступление на Крымский полуостров. Самолеты противника бомбили пристань. К ночи мы основательно вымокли и устали. Комсорг роты старший сержант Камышанов обнаружил неподалеку немецкий блиндаж. Через несколько минут добротный блиндаж осматривал сам командир. Пахло сосной и свежей соломой. На скорую руку перекусили и попадали на нары.

Анатолий Коробкин:

В одном из боев под Токмаком, когда в воздухе господствовала немецкая авиация, ухали зенитки, гремела артиллерия, по небу плыли черные тучи дыма и пыли, меня послали исправить порыв в телефонной связи. Я нашел порыв, соединил провода и вернулся к своим. В окопе взял трубку у телефониста и стал вызывать свой позывной. В трубке отозвался кто-то и передал, что «Двадцатый» приказал прекратить наступление. Приказ телефонист передал по дистанции. Затем я снова взял трубку. В трубке слышалась немецкая речь.

— Ахтунг! Ахтунг!

Ревут моторы самолетов, ухают бомбы. Наступление прекратили, а бой слева продолжался. Немец продолжает орать:

— Ахтунг!

Наверное, служба наведения. Русские по прямому проводу ответили ему, чтоб заткнулся. Через некоторое время, когда стихло, я взял снова трубку и запел песню:

Орленок, орленок, взлети выше солнца,
Собою затми белый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

По телефону кто-то спросил:

— Кто поет?

Я сначала растерялся, а потом ответил:

— Гвардии рядовой Коробкин.

Трубка немного помолчала, а потом послышалось:

— Молодец, продолжай!

Это был старший лейтенант роты связи Мерщий Михаил Платонович. Затем я спел «Есть на Волге утес».

Екатерина Романовская:

Осень. Мы уже под Гомелем. Перед нами река Сож — приток Днепра. На правом ее крутом берегу — город Чечерск. На 7 км по левому берегу Сож перед городом тянется передний край наступления нашего 434 полка. Мы с подругой, помкомвзвода Зоей Кряжевой, обеспечиваем телефонную связь от штаба полка до передового наблюдательного пункта (НП). Зоя — самая мужественная среди девчат-связистов.

На левом фланге позиций полка, на высотке, выступающей за передовые окопы, разведчики оборудовали блиндаж под НП и установили в нем стереотрубу. Мы с Зоей подвели сюда телефонный ка-

бель для связи со штабом полка и дежурили на этом НП у телефона. Через несколько дней на НП явилась группа дивизионных разведчиков и стала наблюдать за передним краем немцев, проходившем по пойме реки. По ночам они ползали к реке, делали проходы в минных полях, подбирали объект, где брать «языка». К утру возвращались, и мы их угощали чаем. Ночами на НП оставались только мы с Зоей.

И вот... сегодня разведчики идут брать «языка». Скрывается луна, мы прощаемся, и они уходят в темноту. Через считанные минуты со стороны ушедших разведчиков раздаются автоматные очереди и разгорается бой. Наши артиллеристы открыли огонь по переднему краю немцев, а немецкие — по нашему. Наш телефон не умолкает. Звонят командир полка, командир дивизии. И вот в блиндаж наш разведчик заволакивает раненого немца и просит меня перевязать рану, как он сказал, нашему «золотому языку», т. е. взятому без потерь с нашей стороны. Пришлось перевязывать немцу ногу. Чувствовал он себя бодро и после перевязки даже шлепнул меня, приговаривая «Гут фрау!», за что получил от меня такую пощечину, что долгое время держался за щеку.

Возвратились все разведчики и доложили о выполнении задания. Из показаний пленного узнали, что немцы шли, чтобы взять языка в нашем блиндаже, а в нем только мы с Зоей. Таким образом, мы могли оказаться для немцев «языками», если бы они не столкнулись с нашими разведчиками. После этого случая на ночь мы уходили в блиндажи артиллеристов.

Василий Войнилович:

Не спалось, нам, наверное, передалось беспокойство командира батальона К. Ф. Лепеношева. А Константину Федоровичу действительно было не до сна. Не мог найти ответ на мучивший его вопрос: почему в блиндаже такой подкупающий порядок, зачем фашистам нужно было готовить для нас благоустроенное убежище? Как бы эта услуга не оказалась медвежьей. В таких случаях надо быть осторожным.

Простукивая пальцами обшивку блиндажа, Константин Федорович угадывал пустоту. Вот он обратил внимание на доски, прибитые недавно.

— Сержанты Петухов и Комендантов, ко мне! — приказал он и медленно пошел к выходу. Объявили тревогу, бойцы отошли километра на полтора, ждали. В блиндаже осталось пять человек.

— Вижу проволоку, — сказал сержант Камышанов.

Все затаили дыхание. Где-то в глубине ящиков с взрывчаткой

часовой механизм равномерно отбивал секунды. Сколько остается мгновений до взрыва, никто не знает. Каждую минуту рисковали: перерезая проволоку, вынося ящики со взрывчаткой. Часовой механизм оказался в самом последнем. Черный, величиной с домашний заварной чайник. Сержант Петухов, хорошо знавший устройство большинства мин противника, не спешил. Отключил ход часового механизма, вывернул взрыватель, еще раз проверил, нет ли еще одного «сюрприза», и лишь после этого извлек мину и передал ее Константину Федоровичу. При свете карманного фонаря мы увидели, что до взрыва оставалось 3 часа 15 минут. Послышались облегченные вздохи.

Через 20 минут все солдаты снова лежали на нарах. Укладывался отдыхать и наш командир батальона. Значит, теперь все в порядке. Можно спать спокойно.

Анатолий Коробкин:

К вечеру взяли высоту и стали преследовать противника. Вышли на плоскогорье. Стемнело. Начался мелкий дождик. Слева вдали пылали огни пожаров, озаряя ночь, слышались выстрелы самоходок и танков.

Небольшой привал на грейдерной дороге. Прибыла полевая кухня. После ужина собрались отдохнуть, подремать. Свернулись калачиком под плащ-палатками. Клонит ко сну. Но звучит команда:

— Подъем!

Здесь я встретил земляка Попова Ивана с шахты № 8/9, что недалеко от Антрацита. Мы с ним решили пристроиться к артиллеристам, на орудийных лафетах, прицепленных к машинам, можно было еще немного отдохнуть. Машины тронулись, таща за собой лафеты, а мы, сидя на них, ехали довольные, что не шагаем вместе с пехотой ногами, а едем. Обогнав полевую кухню, которая выехала раньше, машины с орудиями въехали в какое-то село.

Мы поинтересовались у кашевара, какая часть в селе. Оказалось 148 стрелковый полк нашей дивизии. А наш 150 полк пошел правее на Васильевку. До Васильевки по дороге 3 — 4 километра. Ночь. Идем по грейдерной дороге. Прошли с километр, выглянула луна. По обе стороны дороги росла кукуруза. Впереди замелькали тени. На дорогу с левой стороны кукурузы выскочили человек пять.

— Халт, — крикнули мы. В ответ — автоматные очереди. Тени скрылись в кукурузе на противоположной стороне дороги. Мы затаились и пролежали в кукурузе час, а может и больше. Луна то заходит за тучи, то выходит. Кругом тишина. Решили осторожно двигаться по дороге, держа автоматы на изготовку. Сколько шли, не знаю. Впе-

реди показалось строение. Подошли ближе, увидели хату под соломой, во дворе стог сена, слева — сад. Заходим во двор. Постучались в окно. Тишина. Снова стучим. Без ответа. Стучим в дверь. Автоматы на изготовке. У каждого по два диска. У меня три лимонки, у Попова — две немецкие с длинными ручками. Стучим еще раз. В сенях кто-то завозился. Слышим голос старика:

— Кто там?

— Свои.

— Кто свои?

Наконец дверь отворилась. На пороге стоял старик.

— Немцы есть в доме?

— Нет.

Заходим в хату. Старик зажег каганец. Никого.

— В селе немцы есть?

— Вечера вечером в саду стояли 2 пулемета, а дальше — пушки.

Наконец старик убедился, что мы свои, увидев красноармейские звездочки. Он вышел в коридор, постучал по крышке подвала. Из подвала вылезли старуха с внучкой. Нас угостили картошкой с капустой, налили по кружке молока. В саду застрочил пулемет. Несколько раз ухнули пушки. Мы погасили каганец, а старикам с внучкой посоветовали спуститься в подвал. Старуха с внучкой спустились в подвал, а старик остался с нами. Отодвинули занавеску. Ничего не видно. Ложимся на лавку, чтобы легче было наблюдать за садом. Беседуем. Слышим стук в ставню с западной стороны. Подхватились. Стали за дверью в коридоре. Старик пошел открывать.

— Кто там? — спросил он.

Договорились, что если немцы, то стреляем из автоматов и сразу выскакиваем во двор.

— Свой, — отозвался по-русски голос из-за двери и спросил, есть ли в селе красноармейцы. Старик приоткрыл дверь. На пороге стоял солдат в красноармейской форме. Мы вышли из укрытия. Оказалось, что это наш повар, который вместе со своей лошадкой попал в расположение чужого полка и, так же как и мы, добирался в Васильевку. Он доехал до первой хаты, никого по дороге не встретил, никто его не задержал. Лошадь с кухней привязали у стога сена во дворе. Начал падать снежок. Дежурили по одному во дворе. На заре застрочил пулемет, разорвался снаряд. Все выскочили из хаты. Справа от дороги по кукурузе наступали цепью наши солдаты. Это были бойцы 148 и 152 полков. Наш 150 полк наступал правее на Подгоровку. Эти два села были рядом. Начался бой. Мы присоединились к наступающим. В ста метрах впереди по ходу наступления начинался вто-

рой ряд домов этой улицы. В одном из домов, четвертом или пятом, захватили в плен спящих немцев, забрали их оружие. Пришли женщины села и сказали, что один из этих фрицев был вредный. Все отбирал, издевался над жителями. Стали его бить. Немец был средних лет, мордастый, плотный. Позднее, когда женщины ушли, он попытался спрятать нож, но мы вовремя заметили и отобрали нож. Надавали по «хомуту» и отправили в штаб.

Николай Ширков:

«С радостью узнал, что освобожден Красный Луч. Сейчас я нахожусь на фронте. Бьем фашистов так, как требует Родина. Я был разведчиком, а сейчас перевели в артиллерию. Нахожусь в гвардейской части. Награжден медалью «За отвагу».

Вадим Резников:

На косе Чушке вызвали огонь на себя. Уцелевшие долго не могли опомниться. Я бродил между воронок, брал землю в ладони. Горсть тяжела. Земля — видимость, порошок. На ладони металл. «Как же, — пришла не связанная с обстановкой мысль, — как же тут хлебу расти? Кто приберет эту перемешанную с железом, изувеченную землю?»

Неисповедимы обстоятельства, неисповедимо состояние человеческого духа, предшествующие священным обетам. Здесь, на косе, поклялся: жив буду — хлеб растить стану, навеки с ним не расстанусь.

Евгения Богущ:

Огромный зал, превращенный в операционную, никогда не пустовал. Операции не прекращались. Их делали сразу на нескольких столах. Работали мы слаженно. Даже в самые трудные дни.

Несмотря на то, что порой по несколько дней кряду не удавалось прилечь, никто ни разу не оставил своего поста. В окружающей нас тяжелой обстановке мы, медики, не научились оставаться равнодушными к чужому горю, чужой боли, просто не сдерживали свои чувства.

А в первые месяцы не обходилось без слез. Да и как сдержаться, когда перед тобой постоянно тяжелораненые, многим из которых мы уже не могли помочь. Берешь на перевязку бойца с ранением в грудную клетку, и он во время перевязки в одно мгновение умирает... Каждая смерть как рана на моем сердце.

Николай Чепурной:

После госпиталя попал в разведчики, в 36 гвардейскую танковую бригаду, и прошел с ней от Днепра до Дуная.

К. Московенко:

Советская Армия вела успешное наступление, и фашисты чувствовали себя неуверенно. Вот почему нам удалось бежать из концлагеря домой. Трудно узнать родной дом, он зарос высокой травой. Но это нас не страшило. Ведь нашим мукам пришел конец. Со слезами радости встречали мы наших освободителей — советских воинов. Низкий им поклон от простых людей. Никогда мы не забудем их подвига, никогда не простим ни одному изменнику Родины. Предателя Белоусова задержали наши войска. Он понес суровую кару.

Николай Павлов:

За станцию Змеевка (Гомельская область) противник 7 раз переходил в контратаку, и каждой из них предшествовала артподготовка. Связь между КП полка и подразделениями постоянно обрывалась, но нужно ползти и восстанавливать ее. В середине дня противник на позиции полка обрушил армаду стервятников. Через каждые 10-15 минут заходили они в атаку. Казалось, ничего живого не осталось. Но оживала земля, и голос командира вновь требовал связи, вновь приходилось ползти, соединять иссеченную линию.

Владимир Старостенко:

Когда на Днепре партизанский отряд соединился с частями Красной Армии, меня зачислили в 102 Новгород-Северскую стрелковую дивизию, в часть особого назначения.

Мария Норка:

Красная Армия изгнала гитлеровцев и из нашего села. Мы — свободны! По-прежнему забила ключом жизнь колхоза.

Тамара Бакаич:

Мы форсировали Днепр в районе острова Хортица и, взломав оборонительные рубежи противника, вышли к Кишиневу. В этих боях я получила ранение.

Николай Голофеев:

На Волховском фронте перед боем комсорг предоставил мне слово на собрании.

— Длинную речь говорить некогда. Получен приказ на наступление. Ближайшая задача — освободить деревню Смердыню. В последующем — наступать на станцию Любань. Долг коммунистов и комсомольцев — первыми подняться в атаку.

Равнодушных не было. Попросил слово и Туйчи. Выступление его больше походило на клятву: «Победить или умереть!»...Наступлению мешал дот. Из его амбразуры безудержно лился свинец. Атака захлебывалась кровью бойцов. Не сговариваясь, Эрджигитов, Снопко и Меликулов поползли к доту. Вот уже видно вздрагивающее дуло пулемета. Пророкотала автоматная очередь — ничего.

Б. Буриханов:

К дзоту, находившемуся на возвышении, пополз смуглолицый широкоплечий автоматчик. Приблизившись к амбразуре на 10-12 метров, Туйчи метнул гранату. Пулемет замолк. Бойцы поднялись в атаку, но дзот вновь ожил. Видя, как гибнут товарищи, солдат одним рывком достиг амбразуры и грудью закрыл ее. Пулемет захлебнулся. А через несколько минут фашисты были смяты и уничтожены.

Василий Пивоваров.

«Денису Сергеевичу Пивоварову.

Уважаемый Денис Сергеевич! Я старшина той части, где служил ваш сын и сын нашей великой Родины. Я знаю, что для вас это письмо будет тяжелым, но не написать его нельзя. Таков долг наш, воинов Красной Армии.

Дорогой Денис Сергеевич! Ваш сын Василий Пивоваров был смелым разведчиком. Он честно сражался за нашу Родину, за счастье нашего великого народа. Он до конца был предан делу Ленина.

Враг наседали на высоту Безымянную. Шесть раз фашисты переходили в контратаку. Но разведчики крепко держали рубеж.

Ночью 11 октября враг обрушил на разведчиков артиллерийский огонь. Но и это не поколебало воинов. Они продолжали отражать натиск врага. В эту ночь и пал смертью храбрых ваш сын Василий Пивоваров.

Товарищи вынесли его с поля боя и отдали ему последний долг. Похоронили Василия в селе Поляны недалеко от чешской границы.

Утром фашисты дорого заплатили за смерть Василия. Дерзкой атакой разведчики смяли гитлеровцев и уничтожили более полусотни фашистов.

До свидания. Я выполнил просьбу Василия, написал вам. Ваш сын представлен к ордену Отечественной войны второй степени.

С глубоким почтением к вам старшина К. Ежов.

23 октября 1943 г. Фронт».

Анатолий Коробкин:

В 20 числа октября 1943 года Южный фронт переименовали в Украинский фронт. Нашу 50 Сталинскую дивизию из Васильевки развернули на Мелитополь. Несколько дней шли сильные бои за станцию Пришиб. Немцы вели огонь с самоходок, пушек и танков. Им удалось задержать наступление 40 гв. стрелковой дивизии. Ее-то и сменила наша 50 дивизия. На время смены саперы установили дымовую завесу. Наша дивизия наступала на Пришиб, а 40-я повернула на Мелитополь.

Ночью заняли станцию Пришиб и сразу же село Михайловку. Наступая на Большую и Малую Белозерку, вырвались к Днепру у Великой Лепетихи к переправе. Здесь немцы предприняли попытку окружить 50 дивизию. Мы вырвались из окружения. При этом прорыве ранен командир полка.

Василий Гетьман:

В октябре мы подошли к Днепру. Немцы сконцентрировали здесь большое количество живой силы и техники, всячески пытались задержать продвижение наших войск, сорвать форсирование реки, нанести ответный удар. Наш батальон участвовал в сражении вблизи Днепродзержинска. Наш натиск был неотразим.

Николай Захаров:

Шли бои за станцию Апостолово в районе Кривого Рога. Немцы бросались в контратаку несколько раз, но все их попытки сломить боевой дух танкистов-гвардейцев, нашу волю к победе оканчивались для них провалом.

В этой схватке я уже запалил второй немецкий танк.

— Товарищ лейтенант, — крикнул командиру лейтенанту Карниту, — пылают!

— Да. Горячий денек, — отозвался командир.

В этот момент танк вздрогнул — рядом разорвался вражеский снаряд.

Но ни бешеная контратака немцев, ни смертельный гул артиллерийской канонады не смогли остановить нас. Танки шли вперед. И немцы не выстояли. Большую часть вражеского танкового соединения мы разгромили. Остальные бежали. Гвардейцы овладели станцией. Советские танки в этот же день появились на улицах Кривого Рога.

— А теперь куда? — спросил я командира.

— Наш путь известный, — сказал Карнут, — бить и гнать фашистского зверя до его логова и там уничтожить.

Алексей Кедов:

Я воевал в полковой разведке. Нужно добыть «языка», причем обязательно офицера. Отправились мы вчетвером. Один из нас — Петя Проворченко, — паренек лет 19, из последнего пополнения. Такой скромный, что даже медаль носил не на груди, а в кармане. Я и брать-то его не хотел на такое дело. Но, узнав, что он награжден медалью «За отвагу», решил взять.

Под покровом ночи мы приблизились к проволочным заграждениям немцев. Петя лег на спину и ножницами делает проход, потихоньку продвигаясь вперед. Мы ползем за ним, точно по его следу, чтобы не загреметь проволокой или не напороться на мину. Прошли первую линию обороны врага, вскоре удалились от нее километра на два, а то и больше, и вдруг наткнулись на немецкую полевую кухню. Солдат возился около нее.

Петя (кстати, все мы четверо в форме гитлеровских солдат), изучавший в школе немецкий язык, негромко крикнул немцу:

— Хенде хох! — и направил на него оружие. Тот обернулся и едва успел испуганно сказать:

— Шо-о? — как мы поняли, что это украинец.

— Так ты, значит, запроданец фашистский, врагу кашу варишь?! — ефрейтор Зыкин приставил автомат к животу солдата.

— Братцы, дороги, та я ж полоненный, — трясаясь и заикаясь, пролепетал повар.

— Ну, так вот, — сказал я ему. — Мы разведчики. Нам нужен «язык», и тебе придется помочь нам, если хочешь остаться живым.

— Я... я... все сделаю. Через час придут два немца дрова рубать. От и забирайте их, а я вам допомогу...

Послышался шум.

— А-а... Та це ж гауптман перевіря біля штабу. Мабуть, лупить вартового, який заснув на посту. Зараз він і сюди... От і візьмемо.

Когда немецкий офицер открыл калитку и вошел во двор, где стояла кухня, повар из-за угла ударил его по голове поленом. Фашист повалился на землю.

— Кладіть його в гарбу, сюди, за бочку... Я зараз піду за водою і підвезу вас всіх до річки, а там уже і наші рядом.

Что ж, так почти все и было. Мы приехали на рассвете чуть ли не прямо в расположение нашей части. Жаль только, что не захватили вместо порожней бочки кухню с завтраком. А «повара» после проверки зачислили в нашу часть для дальнейшего прохождения службы. Нам, разведчикам, дали отдых до вечера.

Николай Инякин:

11 или 15 октября в 20 часов прозвучала команда «Воздух!» Это значит, что в небе — самолеты противника. Мы заняли места на орудии. Я наводчик по вертикали 37-миллиметрового зенитного орудия.

3 самолета шли с запада на большой высоте. В ожидании команды «Огонь» я дрожал от злости к фашистам, дрожал от нетерпения и огромного желания сбить самолет.

— Огонь!

Я нажал на гашетку, раздался залп, второй, я даже зажмурился, но гашетки не отпустил. Когда открыл глаза, увидел: красивые черно-красные букеты разрывов от наших шести орудий неслись в сторону уходящих самолетов. Стреляли и другие батареи полка. Но вот стрельба стихла. Включились прожекторы. Поздно. Вот мелькнул один прожектор, осветил самолет, и луч ушел в сторону. Другой немного подержал, но самолет уже далеко. Ох, как хотелось плакать от бессилия. Сколько выпустили снарядов впустую, а, сколько труда нужно затратить на их изготовление! Командир орудия сержант Кушелев злился, а мы боялись взглянуть друг другу в глаза. Нам стыдно. 18 орудий било по одному самолету и все — мимо.

Владимир Шувыкин:

Вступил в комсомол на передовой под Мелитополем. На комсомольском собрании полка, посвященном 25-летию ВЛКСМ, инструктор политотдела дивизии под стук фашистских пулеметов вручил мне комсомольский билет.

Василий Левицкий:

12 октября во время боя за плацдарм на правом берегу северо-западнее Кременчуга ранен: в наблюдательный пункт, откуда вел корректировку артиллерийского огня, попал снаряд. Потянулись долгие месяцы лечения в госпиталях.

Петр Долгих.

13 октября во время прорыва мощной вражеской обороны в южной части Мелитополя выбыли из строя командир орудия и наводчик из расчета, в котором Долгих служил заряжающим. Случилось это как раз во время вражеской контратаки. На пушку шли несколько танков. За ними густыми цепями двигались автоматчики, поливая артиллеристов свинцом. Медлить нельзя. Все решали секунды. И в этот критический миг Петр Долгих взял на себя и командование расчетом, и обязанность заряжающего. Припав к панораме, он поймал в перекрестье танк. Выстрел, второй — и танк остановился. Над ним поднялся черный дым. Долгих перенес огонь на второй танк. Несколько выстрелов — и тот тоже загорелся. Остальные поспешили укрыться за домами. Теперь артиллеристы ударили по пулеметным точкам, по пехоте, которая, лишившись броневого прикрытия, растерялась и залегла. Снаряды накрывали цель точно. Четыре пулемета и около взвода автоматчиков перестали существовать.

Алексей Кедов:

Краснолучанин Петя Проворченко пришел к нам с последним пополнением. После выполнения очередного задания мы отдыхали, и ефрейтор Миша Зыкин попросил Проворченко:

— Расскажи, как жили в оккупации и за что тебя, такого молодого, еще не служившего в армии, наградили медалью «За отвагу»?

— Отец мой — шахтер, и мама работала на откатке вагонов на шахте «Сталинский забой» в Красном Луче. Отец с первых дней войны ушел на фронт. Ночью фашисты ворвались в наш дом и через минуту меня швырнули в толпу юношей и девушек, собранных для отправки в Германию. В соседнем доме, где жил мой ровесник, тоже Петро, почему-то долго не открывали. Тогда фельдфебель дал команду поджечь дом. Вдруг из горевшего дома резанула автоматная очередь, и гитлеровцы повалились на землю замертво. Из горящего дома с автоматом в руках выпрыгнул Петя Злобин.

Мы взяли оружие убитых фашистов. Решили освободить юно-

шей и девушек, согнанных в школу для отправки в Германию. К нам присоединился Гена Яворский.

Дворами, огородами пробрались к школе.

Понаблюдали за часовым, который ходил вокруг школы. Гена взял охапку дров, пошел в школу.

— Хальт! — крикнул часовой.

В это время мы с Петром перебежали в вестибюль. Дежурный фашист спал.

Оставив дрова, Гена пошел во двор. Часовой — за ним. До двери только и дошел — упал, оглушенный ударом автомата по голове. Второго фашиста тихо снять не удалось. Услышав шум, он проснулся и увидел вооруженных парней. Он бросился на второй этаж в караульное помещение. Мы — за ними. В короткой схватке уничтожили охранников и освободили товарищей. Услышал выстрелы фельдфебель. Выскочил в окно и побежал к карателям. Через полчаса школу окружили. Но поздно, освобожденные и освободители скрылись.

Когда в город вступили наши, командование части наградило Злобина, Яворского и меня медалями «За отвагу». Мы попросились на фронт.

Александра Щукина:

В октябре я пошла учиться в 5 класс в школу № 22. Стояли одни стены. Нас разместили в двухэтажном жилом доме с печным отоплением.

Выпал первый снег. Директор объявил, что завтра все ученики должны придти в школу с саночками: будем возить для школы уголь от шахты пос. Федоровка. Мы понимали, что все папы на фронте, транспорта нет и эту работу надо выполнять нам самим. Пошли на шахту. Ученики 9-10 классов насыпали уголь в сумки, мешки, укладывали на саночки, завязывали веревками, чтобы не свалился с саночек, а мы тащили в школу. А ведь были дни, когда и чернила замерзали. Чаще занимались в классах одетыми. Ни формы, ни хорошей одежды нет. Надевали старые пиджаки, фуфайки, бушлаты взрослых, обувь тоже не по размеру, изношенная и много раз починенная.

Учебников и тетрадей нет. Уроки конспектировали. Если кто-то доставал оберточную бумагу, то делился со всеми. Чаще писали на старых газетах, на упаковочной бумаге и даже на картоне. На класс приходилось по три учебника. Помогали один другому, делились учебниками. Один выучит, другому передаст учебник. Мы учились сознательно, старались наверстать упущенное.

И. Колечко:

В октябре наш полк участвовал в освобождении Мелитополя. Наш разведвзвод во главе с командиром Фатуевым послали в село Троицкое разведать расположение противника. Разведка получилась с боем. Мне пришлось схватиться с фашистским унтер-офицером врукопашную. Я бросился на него, выбил пистолет из руки, подмял под себя фашиста.

Петр Долгих.

В Мелитополе, ближе к центру города пришлось отбивать вражеские контратаки. И снова пехота шла под прикрытием танков. На этот раз — «тигров». Подпустив их ближе, Долгих открыл меткий огонь. Первым же снарядом поджег самоходную артиллерийскую установку. Нервы у фашистских танкистов не выдержали. «Тигры» спрятались за угол. Охладел пыл врагов, но не надолго. Они пытались окружить огневую позицию расчета. Немецкие автоматчики, пробираясь через дворы, стали окружать артиллеристов.

Долгих организовал круговую оборону так мастерски, что гитлеровцы не нашли в ней лазейки. Куда они ни тыкались, их встречали пули и гранаты. Долгих уничтожил в этом бою 16 врагов. Позицию удержали. Стреляя осколочными снарядами, уничтожил пять вражеских пулеметов. Все же немцы подкрались к огневой вплотную. Артиллеристы взялись за автоматы, пустили в ход гранаты. Победа осталась за ними.

Варвара Гузенкова:

Находясь в составе 18 армии, принимала участие в обороне Кавказа. Присвоили звание младшего сержанта. Вскоре серьезно заболела и меня отправили в госпиталь.

Владимир Шувькин:

Когда я слушаю музыку, всегда вспоминаю своего односельчанина и однополчанина Федора Ивановича Шувькина, талантливого скрипача-самоучку, виртуоза игры на многих народных инструментах. Вместе со своим батальоном (до последнего человека) погиб под гусеницами немецких танков в первом же бою под Мелитополем в октябре. А из далекого далека печальные отзвуки его скрипки звучат в глубинах сердца. Сколько таких замечательных людей положили жизни на алтарь Победы. Почти все они остались молодыми.

Дмитрий Деев:

Медсестра из нашего госпиталя Оленька самая приветливая, заботливая, улыбчивая. Казалось, что жизнь ее никогда не омрачало горе. Но, оказывается, и Оля коснулась черная тень войны. Когда узнал о ее горе, содрогнулся.

И Михаил, и Оля не чаяли души в своем сыне. Никто не мог и предположить, что счастье так безжалостно разрушат фашисты.

С первых дней войны Михаил ушел на фронт. Сразу опустела квартира, хотя в ней все осталось на своих местах. Из Большого Токмака пришло письмо. Михаил сообщал, что отправляется на боевое крещение. Просил о нем не беспокоиться и беречь сына. Это было его первое и последнее письмо. Жизнь становилась с каждым днем труднее и дороже. Все упорнее ходили слухи о том, что враг приближается. А скоро Оля и сама услышала за городом канонаду. Город наполнился военными. Совсем близко взрывались бомбы и снаряды, дрожали оклеенные белыми лентами окна, звенела в буфете посуда. Затем наступило затишье, и Оля увидела в окно, как по улице, громыхая, мчатся бронемашины и танки с черно-белыми крестами на бортах. Захватчики рыскали по улицам и домам. Бесцеремонно ворвались они и в квартиру Оли. Незванным гостем был фашистский офицер со своим денщиком, который внес чемоданы. От страха Оля забилась в угол дивана, прижимая к себе ребенка. Юрик улыбался незнакомцу, тянул к нему руки. Офицер поманил к себе ребенка и тот доверчиво пошел к нему. Оля сжалась от ужаса, ноги и руки онемели, она лишилась дара речи.

«Схватить ребенка и уйти, уйти», — мелькала у нее мысль.

— Киндер... Корош мальчик! — говорил офицер. А сам впивался наглыми глазами в Ольгу. — Как тебя зовут? А мутер... Мама, как зовут?.. А папа? Где твоя папа?

Ничего не подозревая, смелый и бойкий трехлетний мальчик, не задумываясь ответил:

— На войне. Фашистов бьет.

Офицер побагровел и в ту же секунду схватил за ножку ребенка и бросил его на пол. Глухой удар о паркет... Мать бросилась к сыну, но увидела тускнеющий взгляд ребенка. Зрачки закатились под лоб, а из носика потекла кровь.

...Оля пришла в себя, когда в квартире уже не было ни немцев, ни их чемоданов. Лежала на полу рядом с мертвым ребенком. Потом в ужас схватила сына и, поддерживая безжизненно свисающие ножки и ручки, с криком выбежала на лестницу. В дверях соседних

квартир появились перепуганные женщины. И снова несчастная мать лишилась чувств. Очнулась на диване в своей квартире в окружении женщин. У них было одно огромное горе.

Владимир Борсоев:

14 октября у меня снова началась малярия, было два приступа, температура поднялась до 40 градусов. Уже давно нет писем и центральных газет. Наша 32 ПТАБр (Противотанковая артиллерийская бригада) действует вместе с двумя стрелковыми дивизиями. В этом составе и удерживали плацдарм.

Киев горит уже восьмой день. Немцы оттуда увозят все ценное, а здания поджигают. Культурные ценности уничтожаются. Города Пирятин, Переславль и другие разбиты, разорены, сожжены. Население угнано в Германию либо перебито.

Прасковья Александрина:

Сразу после освобождения Красного Луча, я пришла на шахту № 22 для того, чтобы устроиться на работу. Стране нужен уголь. Рабочих не хватало. Наши мужья, братья, отцы на фронте, не щадя себя, били гитлеровцев. Потому на шахты шли женщины. Мы начали добывать уголь тогда, когда в Украине еще шли бои.

На шахте меня оформили плитовой. В первый день пришлось вручную крутить барабан лебедки: вытаскивали из ствола вагонетки с углем.

Так прошло три дня. На четвертый десятник повел меня в лаву, знакомиться с шахтой. После этого я стала навалыщицей. Условия труда тяжелые. Всюду плескалась вода, она лилась сверху, по колени ей приходилось работать. Крепление тоже никуда не годилось. Вместе со мной навалыщицами работали Катя Степаненко, Анна Плотичина и Чайкина.

Григорий Леонов:

Раннее утро. Тихо на нашем и противоположном берегу. Темно. По реке стелется густой туман. Тихая команда:

— Лодки на воду!

Солдаты втягивают лодки из укрытий. Каждый знает свое место в ней. Немцы не ожидали появления здесь советских войск и, тем не менее, эшелонировано укрепили берег, а первая цепь окопов шла непосредственно по кромке берега.

В 6 утра с залпом «катюш» началось движение лодок. Мой взвод плыл на первой лодке. Противник ведет беспорядочный обстрел, нервничает, но нас не обнаружил.

Слышны только всплески весел. На середине реки туман рассеялся, и нас накрывает дымовая завеса. Уже слышны кое-где взрывы мин на воде. А вот и правый берег. Лодка ткнулась в прибрежный песок — и все на берегу. Вначале продвигались осторожно и так вышли к траншее. Нас увидели. Я бросил гранаты, уничтожил трех пулеметчиков. У меня есть автомат и гранаты. Но тут подвернулся немецкий ручной пулемет, и я подумал, что грешно не воспользоваться трофеем. Перепрыгиваем через окопы, и вперед — ко второй траншее. Немцы бросают оружие, убегают, а некоторые сдаются в плен.

В темноте наскочили на немецкую минометную батарею и развернули ее против врага. Ворвавшись во вторую траншею, смяли фашистов и отбили у них несколько пулеметов, которые тоже повернули против них. Так мы продвинулись в глубину на 200 метров берега. Противник усиливает огонь из пулеметов и минометов, бьют пушки.

Солдаты используют отбитые у немцев пулеметы.

Огнем своего миномета мы подавили противотанковые орудия, три станковых пулемета, уничтожили много фашистов. А меня ранило. Наскоро перевязав рану, снова подал команду:

— Вперед!

И повел расчет туда, где были две вражеские пулеметные точки.

Рядом со мной разорвалась мина. Упал. Поднялся. Сделал два шага, но жгучая боль в ногах заставила сесть. Так, сидя, и продолжал командовать. Потом командование ротой передал старшему сержанту Тарасову.

Пришла команда — дальше не двигаться, ждать подкрепления, ибо отвоеванный кусок трудно удержать имеющимися силами. Солдаты унесли меня с поля боя в блиндаж.

Мы получили приказ выбить противника с высоты. Небольшая она, но в тот момент имела большое значение. Заняли высоту — там противника не оказалось. И с этой высоты прикрыли переправу всей десантной группы. С наступлением рассвета противник предпринял попытку уничтожить плацдарм. Взвод отразил три контратаки, и потом в составе десантной группы сам перешел в наступление.

Подкрепление — штрафная рота. Она заняла оборону и стояла насмерть! Выдержала 8 атак противника. Нас все время активно при-

крывала артиллерия с левого берега, а штурмовики ИЛ-2 утюжили противника бомбовым и пулеметным огнем.

Ночью меня переправили на левый берег, в госпиталь. В госпитале пролежал два месяца, а когда прибыл в часть, узнал, что за успешное проведение операции по форсированию Днепра и удержание плацдарма я и Тарасов награждены орденом Ленина.

Леонид Вислогузов:

После изгнания немецких оккупантов из Донбасса, территория шахты 10/10-бис представляла собой сплошные развалины, заросшие густым высоким бурьяном. Еще шла кровопролитная война. Уголь нужен, как воздух, — паровозам, пароходам, заводам, городам, фронту.

«Все для фронта, все для победы!» — эти призывные слова определяли жизнь в тылу и старых, и малых. Жители п. Софиевки приступили к восстановлению шахты. Пятнадцатилетним пареньком пришел сюда и я. Приняли учеником в механический цех. Вместе со всеми откачивал воду, освобождал из завалов затопленное оборудование, очищал механизмы от грязи, ржавчины и только потом ремонтировали их. Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» отмечены мои первые шаги.

Владимир Борсоев:

17 октября, с. Балыка. Правый берег Днепра.

Под сильным огнем противника 30 сентября переправились на правый берег Днепра. С тех пор прошло больше полумесяца. Все это время противник по четыре — пять раз в день яростно контратаковал наши позиции.

Правее нас на день позже переправилась 297 стрелковая дивизия, но через несколько дней немцы отбросили ее назад. Левее нас тоже переправились... Плацдарм заняли хороший. Авиация противника бомбит весь передний край и железнодорожные станции и разъезды. Налеты делают по 60 — 70 самолетов, в несколько партий. Деревни Щучьино и Балыку немцы снесли с лица земли. А жертвы у нас не так велики. Много жертв было на переправе, а сейчас незначительные.

11 октября, когда немец сильно контратаковал, в одном месте нашей обороны получился прорыв. Я предупредил офицеров, что на левом берегу для нас земли нет. Мы отстояли свои позиции, отогнали противника с большими потерями для него. Он бомбил непрерывно и в то же время обстреливал метательными аппаратами весь плац-

дарм. Разрывы этих аппаратов такой силы, что земля будто ходит под тобой, и ты сидишь как на лодке в ветреный осенний день.

Алексей Куличев:

Во время наступательных боев в октябре был ранен четвертый раз. После лечения в госпитале зачислен в Нижнетагильское танковое училище. Окончил его с отличием.

Иван Безбородов:

Легче немного стало, когда демобилизовали по ранению отца. Он мастеровой человек, печки клал, столярничал. Граблей наделает и выменяет их в колхозе на картошку.

Александр Малов:

18 октября. Запорожская область. Окрестности села Альбери. Сменив на пулемете опустевший диск, я огляделся. Дно окопа устлано стреляными гильзами, патронный ящик опорожнен еще полчаса назад, в нише, где хранился запас боеприпасов, тоже пусто, только единственная граната лежит с краю. Последний диск и граната. В таком бою хватит минут на пять, не больше.

А может, удастся задержать атакующих гитлеровцев дольше, опять огнем прижать к земле и, используя складки местности, уйти вслед за своими? Неужели не найдется спасительный овражек или ложбинка?

В ходе наступательной операции батальон 312 стрелкового полка далеко опередил боевые порядки дивизии и попал под удар гитлеровцев, контратаковавших большими силами. Возникла угроза окружения. Командование распорядилось оттянуть подразделение на основные линии полка.

Когда батальон соединился с другими подразделениями полка, наша рота получила приказание прорываться к своим. Собрав поредевшие взводы, ротный подозвал меня:

— Прикрой отход, сержант. Половина бойцов — раненые. Если противник рванется следом, нам не уйти. Вся рота ляжет в степи. Продержись, Саша, сколько сможешь.

Я давно потерял счет времени и атакам. «Дегтябрь» раскалился от непрестанной стрельбы, но работал безотказно, словно знал, что от него зависит судьба роты, жизнь десятков израненных бойцов, под

его прикрытием уходивших на соединение с основными силами полка.

Сколько, еще удастся продержать гитлеровцев?

Сквозь чавканье минных разрывов донесся отдаленный тяжелый гул. Прислушался, выглянул за бруствер окопа. Сердце похолодело — танки! Конец. Теперь сомнут. Пулей танк не остановишь и «лимонкой» не возьмешь. Ой, как не хочется умирать восемнадцать лет от роду. А жизни осталось несколько минут, пока танки доползут до окопа.

В голове вертелся калейдоскоп мыслей, а руки делали свое дело. Ствол пулемета развернулся в сторону ближайшей группы гитлеровцев, бросившихся в атаку.

Взрыв, взметнувшийся на бровке окопа. Тяжелый удар по ноге. Боль...

Павел Шкейров:

Брянский фронт. Я — командир взвода связи. Несмотря на тяжесть потерь, лица солдат и офицеров радостные, потому что, наконец, началось долгожданное наступление. Освобождены Брянск, Орел. Первая благодарность Верховного Главнокомандующего... Мы шли по освобожденной земле и ужасались: вместо городов — руины. Там, где были деревни и поселки, — лишь остатки печных труб. Теперь, когда мы видели следы немецких злодеяний, росла наша ненависть и стремление как можно быстрее разгромить врага.

Иван Лещенко:

Под Брянском после очередной бомбежки скоплений живой силы и техники противника над линией фронта мой самолет попал в сильный заградительный огонь зенитной артиллерии противника. От каждого попадания, осколка машина содрогалась, как живое существо. А когда отбили один стабилизатор, просто чудом удалось удержать самолет от падения, и на «честном слове», как говорили товарищи, довести его до своего аэродрома. В тот день в плоскостях механики насчитали 50 осколочных пробойн.

Иван Буков:

В октябре с Брянского фронта нас передали во второй Белорусский. В районе Красной горки и Перелазы в ночь с 23 на 24 октября при подготовке к прорыву фашистской обороны мне дали в помощники солдата — второй номер расчета станкового пулемета «максим».

Познакомились. Он осетин, я русский. Обоим по 18 лет. Мы нашли общий язык. Молодой, крепкий, боевой парень хорошо ориентировался на местности. Ночью на переднем крае мы выгодно установили «максим» напротив фашистских пулемета и миномета. Нужно уничтожить вражеские точки. В туманном осеннем утре трудно разобрать, откуда поливает сквозь колючую проволоку пулемет и бьет миномет по нашему переднему краю. Напрягаем глаза изо всех сил. И вдруг мой помощник докладывает:

— Вижу амбразуру дзота. К большому моему удивлению, он тут же разыскал оптический прицел от разбитой снайперской винтовки и подал мне. С помощью этого прицела я точно навел «максим» на узкую щель амбразуры, а мой друг наблюдал за появлением замаскированных касок. Момент, жму на гашетку. И фашисты уничтожены! Пулемет заглох. Докладываем по цепи, что фашистский пулемет уничтожен. После чего раздалась команда:

— Приготовиться к атаке! За Родину, вперед! Ура! Коммунисты, вперед!

— Комсомольцы, вперед!

Кричали, что было сил «ура» и мы с другом. Понимая, что в успешном продвижении пехоты есть и наша доля. Так наш батальон с криком «Ура!» занял важный стратегический рубеж.

Я заскочил в дот. Там увидел двух убитых немцев, постельные принадлежности. На стенах висели ощипанные гуси. Видно, немцы собирались держать оборону долго.

Николай Кузьминский:

Горняки приступили к восстановлению шахт и организации добычи угля. По призыву партийных и советских органов на восстановлении поверхностных комплексов работали все жители города. Государство выделило более 32 миллионов рублей для восстановления предприятий Красного Луча.

Михаил Сидоренко:

В концлагере начали набирать рабочих в шахту Герцунгена. Я тоже стал в очередь. Мастер заставил перетаскивать шпалы... По болезни перевели в лагерь-команду, посылали копать картошку, убирать, чистить... Вернули опять в Эрлих, а тут рука заболела, да так, что в больнице сделали операцию. Без замораживания. Кому нужен «русиш-блинден» номер 45814? Никому. Разве что смерти.

Иван Буков:

Отдыхать некогда. На вторые сутки с 24 на 25 октября нас с другом в сопровождении местного жителя бросают через минное поле в тыл к немцам — в белорусское село, в котором фашисты сосредоточили склады с боеприпасами. Прошли незаметно, заняли выгодную позицию среди улицы, во взорванном колодце. Выбрав удобный момент, я открыл огонь по дверям и окнам дома, где ночевали немцы. В панике они выскочили на улицу, но тут их настигал огонь нашего пулемета. Офицеры пытались строить солдат недалеко от нашего укрытия. Подождав пока построятся, мы открыли огонь по фашистам и многих из них уничтожили. Потеряв надежду на спасение склада, фашисты, отходя, расстреляли его из пушки прямой наводкой. Оглушительный взрыв раздался рядом с нами. Мы оказались на дне колодца в грязи. Надо менять позицию. Когда мы перебежали в укрытие, фашистский пулеметчик ранил нас, но наш связной убил его, забрал его пулемет и передал нам. Слышим, подходят наши.

К концу дня нас с другом на плащ-палатках доставили на командный пункт. Я доложил командиру о выполнении приказа. Подошел к нам и связной, что отомстил за нас. Политрук как-то по отцовски, тепло говорит:

— Скажите, ребята, друг другу спасибо за выручку в бою.

И мы сказали эти слова друг другу.

Командир приказал не разлучать нас, вместе доставить в госпиталь. Но в дороге ситуация изменилась. Друга направили в глубокий тыл, потому что в санитарном поезде ему ампутировали ногу.

Виктор Малкин:

«25.10.43 г. Получил письмо от мамы Маратика, которая сообщила мне, что ее Маратик убит. Правда, весть очень плохая, ну, ничего, на то война, без этого проклятого фрица не прогонишь. Мама Маратика передает тебе крепкий поцелуй и просит, чтобы мы с тобой ее не забывали. Леканька, прошу тебя, напиши ей хоть одно письмо. Катенька, если пишет тебе Майорчик, сообщи ему об этом и пришли его адрес мне, я его поругаю за молчание.

Недавно я пробыл на передовой четверо суток. Возвращался ночью, зашел в одну избенку к старику переночевать. За время, что мне ординарец готовил кушать, старик сыграл мне на струнных цимбалах, которые он уберег от немцев. Леканька, милая, как этот старик прекрасно играл, а когда он играл, я вспомнил, как мы жили в Лубнах, и вспомнил наш квартет...»

В. Ушаков:

Воинская часть расположилась в селе Григорьевке Запорожской области. 26 октября 1943 года, на второй день пребывания в этом селе, один из бойцов нашел на берегу Днепра израненного юношу. Его перенесли в дом, где жила Надежда Федоровна Чепурненко.

Врач разрезал гимнастерку, и все увидели посиневшее до черноты тело. Руки, сведенные в локтях, не разгибались. Можно было подумать, что солдат мертв. Но он еще жил. Сделали подкожное вливание, и раненый стал чуть заметно дышать. Из кармана гимнастерки достали размокшие документы. Среди них оказался комсомольский билет. Строки расплзлись по бумаге.

— Ахун Бабаев, — произнес, ни к кому не обращаясь, врач. — По-русски: Алексей Бабаев. Из Узбекистана, — добавил он.

Незнакомый доселе человек был дорог всем. Это он два дня назад защищал переправу через Днепр, прикрывая продвижение наших войск вперед.

— Алеша, Алексей... Дорогой наш, — говорили люди и потихоньку, чтобы не потревожить раненого, покидали хату.

Последним ушел врач, он уже ничем не мог помочь. Возле раненого осталась Чепурненко. Она укрыла бойца вторым одеялом, переменила воду в грелках и села возле него.

Был тихий, ясный день. Вдали гремели залпы, взрывы бомб сотрясали воздух. Наши войска гнали фашистов на запад.

Валентина Колесникова:

Красный Луч освободили, и Кузнецов ушел воевать. С фронта он нам писал: как вернусь жив, сам расстреляю всех предателей и полицаяв, которые нас обижали. И корову с телкой забрали. И мать в подвал сажали. Мстили, что мы приняли тогда Михаила. Все нас пугали:

— Первый раз не расстреляли, а вы не каетесь. Он наделает делов, и всю семью расстреляют.

Михаил Кузнецов жил у нас с июля 42 по февраль 43 года. Погиб в Румынии. Нам извещение было из части, где он воевал.

Тараканов:

26 октября городской комсомольский актив поставил неотложную задачу — быстрее возродить Всесоюзную кочегарку — Донецкий бассейн.

Комсомол района решил своими силами восстановить одну шахту, организовать на шахтах комсомольско-молодежные бригады, смены, к 21 декабря добыть и отправить эшелон угля столице Украины — Киеву, пошить несколько тысяч теплых рукавиц, подготовить из молодежи сотню квалифицированных шахтеров.

Большевицкий стиль работы: взял обязательство — выполняя его, сказал — сделал.

Дружно за работу, товарищи комсомольцы!

В. Ушаков:

Надежде Федоровне Чепурненко казалось иногда, что Алексей уже не дышит. Тогда она, затаив дыхание, прислушивалась. И вдруг увидела, как приподнялись веки, и на нее устремились черные глаза, полные затаенной боли. От радости она чуть не вскрикнула. Сердце матери дрогнуло и застучало быстро.

— Алеша... Сыночек мой... Мальчик... Ты будешь жить! Будешь! — без конца повторяла она, волнуясь, и слезы катились по впалым щекам.

Надежда Федоровна вдруг представила своего сына. Он тоже где-то воевал. Все бы она отдала, только бы остался жив этот чем-то напоминающий ее сына такой молодой солдат. Всю кровь по капле отдала бы, только бы согреть его остывающее тело, чтобы вдохнуть в него жизнь...

Но не все подвластно человеку, не все подвластно любящим матерям. Не воскресить им своей горячей любовью тысяч сыновней и дочерей, погибших от рук фашистов.

Владимир Скрипников:

Несколько суток не утихали бои. Не щадя жизни, воины отбивали натиск противника и удержали высоту. Октябрьской ночью рота вышла к железнодорожной магистрали. В нескольких десятках метров впереди, у опушки леса, проходила первая траншея гитлеровцев. Выбить противника с рубежа обороны, оседлать железную дорогу — такую задачу поставил комбат роте.

На рассвете фашистские автоматчики обнаружили нас, открыли огонь. Рота держалась стойко. Отбила попытку врага совершить обход с фланга. Я уничтожил немецкого офицера. К исходу боя ранен в ногу. Своего места не покинул. Вместе с товарищами по оружию удостоился почетного знака «Гвардия». Не знал, не ведал тогда, что этот нагрудный знак выручит в минуту смертельной опасности.

Леонид Петрыкин:

«Жив, здоров, все в порядке, бьем фашистов. 27 октября 1943 г.»

Е. Пархачев:

Осенью сорок третьего года 20-летний гвардии старший лейтенант Владимир Терентьевич Косенков во главе роты 243 гвардейской стрелковой дивизии шагал по пятам отступающего противника. Разрывы мин, снарядов и бомб... Смерть крутилась рядом, но пока щадила молодого офицера.

Александр Ткаченко:

«29 октября. Врачи совсем меня собрались хоронить, а я выжил. Нахожусь уже в своем полку после госпиталя... Дочке скажи, чтобы вела себя хорошо и слушалась во всем, плохое поведение не к лицу комсомолке».

Владимир Косенков:

«Здравствуй, мамочка! Здравствуйте, все наши! Как вы тамживаете? А я вот, слава Богу, жив и здоров, того и вам желаю. Теперь уж ясно, что и победа наша не за горами. Ведь мы гоним фашистов с украинской земли. Обнимаю и целую. Ваш Володя».

Александр Перепелица:

Конец октября. Вечером части третьей гвардейской танковой армии вышли к Днепру. И мы, разведчики, были впереди.

Часов около 11 вечера мы слышали осторожный плеск воды. Присмотрелись. С того берега Днепра к нам плыла лодка. Если это перебежчик — примем. Если это диверсия — мы ее обнаружим.

Но вот лодка приблизилась. В ней — немолодая женщина. Вышла из лодки и обратилась ко мне:

— Товарищ командир, я живу недалеко, на той стороне. Увидела наши войска и решила помочь. Могу перевезти бойцов на тот берег. Зовут меня Мария Николаевна.

Фамилию тоже назвала, но я ее, к сожалению, позабыл.

О ее предложении по радиации сообщил командиру полка и получит согласие.

— Пять-шесть человек моя лодка выдержит. А немцев на той

стороне нет. Они километров двенадцать-пятнадцать отсюда. Окапываются.

И началась переправа. Весла она не доверяла никому, гребла сама.

Первая пятерка там. К лодке привязали канат. Еще 5 человек село. Мария Николаевна дернула за канат, и лодку потянули к другому берегу. А назад плыла сама, отказалась, чтобы лодку и сюда тянули. Так продолжалось до рассвета. Подоспела армейская кухня. Переправили и ее. Набрав еды в свой армейский котелок и ополоснув ложку в Днепре, я угостил Марию Николаевну.

Утром доложил командиру полка, сколько человек переправила бесстрашная женщина.

И появился приказ: «За мужество и отвагу наградить орденом Отечественной войны Марию Николаевну». Ей вручили орден. А она низко поклонилась нашему войску, стольному Киеву и пожелала нам скорейшей победы.

Е. Пархачев:

Писать некогда. Времени в обрез. Бои, бои, бои...

От частых дождей дороги и поля расквасило так, что грязь по колено. Сапоги, словно пудовые гири, Шинель промокла от дождя и пота. Обсушиться негде — вокруг безлюдная степь.

На рассвете 29 октября дивизия вышла на подступы к селу Великая Белозерка, приготовилась к бою. Прошло часа четыре. Густая серая пелена закрыла солнце, тучи дыма окутали окружающее пространство. Все гремит, грохочет...

Во время коротких передышек Касимов Кенжа из Таджикистана рассказывал об обычаях, обрядах. Весельчак Белявцев Иван из Ставропольского края — анекдоты. Весело смеялись бойцы, слушая его.

В такие мгновения казалось, будто и войны-то вообще нет. Но это был только миг. Потом вновь взрывался грохотом воздух — лупит артиллерия, бомбят самолеты, рокочут танки, бьют «катюши». И еще не утих этот огненный смерч, как рота В. Т. Косенкова и весь батальон капитана Слободенюка рванулись в атаку. Вместе со всеми и Александр Якунин. Ему исполнился 31 год. Из уцелевших траншей противника, из окон хат и с чердаков — шквал автоматного и пулеметного огня врага, но бойцы роты во главе со своим командиром упорно пробивались через село, где пробежками, а где ползком. Шатает от усталости, лица почернели. Много убитых и раненых.

К вечеру село очистили от врага.

В бою за Великую Белозерку погибли Абдуллазаде Магомед-оглы из Азербайджана, сержант Михальков Василий из Московской, Синицын Федор из Волгоградской, сержант Коренков Алексей из Челябинской областей, Разиев Калидин из Узбекистана, Салихов Рхулбаян из Башкирии, Фатихов Мухамеддьян из Татарстана... Великую Белозерку освободили. Но война продолжалась. До Днепра оставалось около 30 км.

Иван Подольский:

Флотилия выстроилась у косы Чушка, что напротив Керчи. Нужно под ураганным огнем противника, укрепившегося на берегу полуострова, одолеть пролив, высадить на крымской земле десант, выбить фашистов из их гнезда и гнать, гнать их, освобождая Крым, украинскую землю...

Хотя эхо Сталинградской битвы разнеслось по всему миру, хотя я, вместе со всеми отпраздновал освобождение Северного Кавказа, — но враг еще силен, и фронт — длинен: от Черного моря до Ледовитого океана.

И вот предстоит выбить противника из Керчи.

В эти короткие минуты до выброски десанта вспомнил трудный путь войны. Начал его в Измаиле, в дунайской флотилии. Затем — оборона Севастополя, освобождение Кавказа... И снова — флот. Теперь — не отступление. Я командир торпедного катера. Теперь только вперед!

Ну, что ж, пора.

— За мной, ребята! — крикнул одиннадцати пехотинцам, готовившимся к погрузке. — Очистим Керчь от нечисти!

Зарокотал катер, винт взбурлил за кормой узкую полоску моря и помчался, пересекая пролив. А рядом еще катера. Еще, еще... Вот и берег скоро.

Заговорила артиллерия неприятеля, затрещали пулеметы.

— Сейчас вам, гады, жарко станет, — сказал сам себе. А громко подал команду:

— Подавить вражеские огневые точки.

И тут заиграла «катюша», установленная на катере. Ракетные снаряды полетели с других судов. Было видно, как заметались на берегу немцы. Огневой шквал обрушился на них. Под прикрытием нашего огня бойцы спрыгивали в воду с катера, не доплывшего до берега 20-25 метров. Им не терпелось. Они рвалось в бой. Как только воины, которых я привез на катере, вступали в бой, мы отправлялись в обратный путь за новым подразделением.

Петр Ткаченко:

В составе зенитного полка участвовал в расширении плацдарма на Днестре в районе города Лоева.

В тяжелейших погодных условиях, в распутицу, под мелким морозящим дождем продвигаться вперед трудно. А в небе кружили фашистские стервятники. Гул немецких самолетов и наших истребителей, прикрывавших переправу советских войск, наполнял пасмурное осеннее небо. Точная наводка зенитчиков — и вот еще один вражеский самолет падал в глубоком пике. Но техника часто выходила из строя. И мне вместе со своими подчиненными приходилось работать практически круглосуточно. Ночью при свете копилки ремонтировали пулеметы. Собирали их из нескольких разбитых. И все это — под огнем противника.

Мы понимали свой долг. Знали, что правда на нашей стороне, а значит, победа — за нами. Однажды расположились в лесу, чтобы отремонтировать боевую технику. Но поблизости стали рваться бомбы. Немецкий самолет сбрасывал их на лес вслепую. Одна из бомб разорвалась неподалеку. Меня контузило, но я не покинул часть, а продолжал выполнять задание.

В. Попов:

В последних числах октября наша часть подошла к пригороду Киева. Бои вспыхнули с новой силой. Враг, не жалея людей и техники, пытался приостановить мощный вал нашего наступления. Следовала контратака за контратакой, но они разбивались о мужество и стойкость бойцов нашей армии.

Николай Колесниченко:

После освобождения Новороссийска и Тамани фашисты бежали в Крым. Наши войска вышли к Керченскому проливу, который разделяет Таманский и Крымский полуострова.

Южнее Тамани на берегу пролива сосредоточилась группа дальнобойной артиллерии береговой обороны Черноморского флота в составе 4 дивизионов и полк артиллерии армии. Здесь ширина пролива 18 километров. Напротив — Эльтиген.

1 ноября в 4 часа 30 минут мы открыли ураганный огонь, по 30 минут обрабатывали место будущего плацдарма. А потом подошли наши корабли и высадили десант.

Ольга Минасенко:

Петр Григорьевич часто присылал «треугольнички». В них по несколько слов. Дескать, жив, идем на Запад! А перед форсированием Днепра он прислал такое письмо, что и сейчас мороз по коже пробегает. Я его навсегда запомнила:

«Милая Оленька! Я не знаю, дойдет ли эта весточка до тебя. Сейчас идет жестокий бой. Днепр кипит. Я не знаю своей судьбы. Но в победу верю. Помни обо мне. Я твой навеки!»

Ох, как я тогда рыдала. Как я ждала его «треугольнички», трудно представить. И когда потом получила, ликовала. Потом было такое письмо:

«Олечка! Наша взяла! Меня чуть задело, но это пустяк, отлежусь. Целую, родная. Жди новых вестей. Слушай радио!».

Т. Говоров:

Ночь. Только-только через боевые порядки моего батальона к вражеским позициям прошли полковые разведчики, как началась перестрелка на нейтральной полосе.

Ясно одно: наши ребята столкнулись с противником, возможно, им нужна помощь. Беру взвод и веду его туда, где гремят выстрелы. Приближаемся.

Что такое? Идет бой, кое-где уже начались рукопашные схватки, а врага не видим — всюду лишь наши шинели, наши гимнастерки и бушлаты. Хорошо, что в этой суматохе мне удалось наткнуться на старшину — разведчика Николая Чернуху. Он-то и помог разобраться и обстановке. Оказывается, к нашим позициям направлялись немецкие разведчики, переодетые в советское обмундирование. С ними-то и столкнулись на нейтральной Николай Чернуха и его товарищи. Мы вовремя подоспели на помощь. В результате один фашист был убит, трое ранены и вместе с десятью другими взяты в плен.

Г. Полеводин:

Военная судьба вновь привела меня к Крыму. Он лежал перед нами, отделенный пятикилометровым Сивашем и укреплениями фашистов на линии Перекоп — Чонгар. Начался переход наших войск к месту сосредоточения для штурма ворот Крыма. А в назначенный момент советские части ударили по фашистам с двух направлений: одни из-под Керчи, а мы — армия В. И. Чуйкова — из-под Перекопа и Чонгара. На Севастополь.

Петр Дикий:

346 дивизии путь преградило озеро Сиваш. К деревне Соленое Озеро и дальше на Джанкой, по пояс в соленой воде шли более двух километров. Над головой осветительные ракеты, кружили «юнкеры». Они сбрасывали бомбы и поливали свинцовым дождем. На руках тащили минометы, боеприпасы, снаряжение. У каждого на плечах до 40 кг. Хотелось пить, соль разъедала ноги, и никакой передышки. Наконец автоматчики и разведчики вырвались на сушу, следом — пехота, завязался бой. Отыскал небольшой бугорок, установил миномет — и давай палить по немцам. Это помогло нашим стрелкам, которые сразу же ворвались в немецкие траншеи.

Леонид Моргунов:

Седой от соли и мороза Сиваш. Ноги увязают по колена в соли. Бьет вражеская артиллерия, бомбят самолеты. Лица бойцов покрылись соленой коркой. Одежда стоит колом от соли. Но мы идем и идем вперед, спешим на помощь Севастополю. Вот он, такой далекий и желанный берег. Многие падают и тут же коченеют от мороза.

В этот самый трудный в моей жизни день я стал коммунистом. Вручая партбилет, комиссар полка только и сказал:

— Ты заслужил это, сержант, — и крепко пожал руку.

Яков Голубов:

Перекоп представлял собой грозный заслон. Он настолько укреплен гитлеровцами, что подойти к нему трудно. Ряды колючей проволоки, зарытые в землю металлические балки, мины, противотанковые рвы... На рассвете после мощной артподготовки мы пошли на штурм. Дымовая завеса мешала немцам вести прицельный огонь, а наши самолеты-штурмовики не давали им поднять головы. Немцы бешено сопротивлялись. Однако удержаться долго они не смогли.

С криком «ура!», бросая в противника гранаты, поливая его автоматными очередями, мы шли вперед, ибо помнили слова старшего лейтенанта Кононенко: «Кто любит Родину — идите вперед».

Григорий Мучной:

На обочине фронтовой дороги вырос свежий земляной холмик, над ним — деревянная пирамида. Здесь похоронен мой старший товарищ и наставник коммунист Никитянский. Он погиб при выполнении боевого задания.

Л. Хлобустина-Моисеева:

Почтальона стали бояться. Вот и к нам постучалась: «Хлобустин Яков Власович ваш? Возьмите»...

А там только и прочитала бабушка с мамой: «... героически погиб в боях за честь и независимость Родины». Вторая похоронка... Третья... Не стало и четвертого сына у бабушки...

Петр Долгих.

Через неделю после освобождения Мелитополя, 1 ноября 1943 г., Петру Николаевичу Долгих присвоено звание Героя Советского Союза. Когда ему сообщили об этом, он удивился:

- За что такая честь? Ведь мы вели самый обыкновенный бой.

Бой был обыкновенным для воина в том смысле, что он выполнял долг солдата. Но командование видело, что артиллерийский взвод под управлением Долгих дрался героически, смело вламывался в оборону врага, рушил ее, давая дорогу пехоте.

Иван Лупандин.

Прибыл в Мелитополь в учебку и сразу после окончания курсов попал в Крым — форсировали Сиваш. В Крыму получил первое ранение.

Екатерина Мордовина:

В 1943 году стала военным шофером. Подвозила на передовую боеприпасы, военное снаряжение, продовольствие и все необходимое, чего требовала боевая обстановка.

Яков Голубов:

Командир взвода лейтенант Стрелков — исключительно смелый и находчивый человек. Он находился в самых опасных местах, умел быстро ориентироваться и находить выход из любого положения. Сам лично с автоматом в руках косил немцев меткими очередями, постоянно поддерживал бодрое настроение,

Георгий Малидовский:

В начале ноября высадили десант южнее Керчи, в районе Эльтиген и северо-восточнее Керчи.

Почти полмесяца противник, предпринимая многочисленные атаки, пытался сбросить десант в море. Однако нам удалось удерживать плацдарм и расширить его до 10 километров. Наша артиллерия уничтожала вражеские танки.

Мария Норка:

Председатель колхоза сказал:

— Надо помочь восстановить Донбасс. Да работайте так же хорошо, как в родном колхозе.

Не по себе как-то было. Восстанавливать... Донбасс... Уголь... Эти слова казались страшными. Сумею ли я работать там, как требуют Родина, фронт? Этот вопрос неотступно преследовал меня.

Разлука с родными... Новые люди, город. Вдруг стало грустно и тоскливо. Не представляла, на что я меняю свои родные, чудесные сады, широкие поля, родной колхоз. Выйду, бывало, утром, воздух чистый — так и хочется его весь вобрать в себя.

Владимир Шувыкин:

Из всех проведенных нашим полком военных операций, в которых мне пришлось принимать участие, особенно остались в памяти действия по освобождению Крыма. Здесь были большие потери с нашей стороны. 1 ноября наша дивизия первой форсировала вброд Сиваш и захватила небольшой плацдарм, свою «Малую Землю».

Николай Угланов:

Хорошо артиллерия провела артподготовку. Пока немцы опомнились, мы плацдарм захватили. В ночь на 1 ноября я на Таманской пристани посадил на мотоботы своих бойцов и за ночь пересек пролив. Но путь кораблям преградило подводное препятствие — «песчано-каменный бор». 50 метров вплавь добирались до берега в обмундировании, с автоматами и пулеметами, боезапасом. 40 дней и ночей мы удерживали плацдарм. Все чаще приходилось ходить в атаки. Все чаще на помощь вызывали огонь дальнбойной артиллерии с Таманского берега. Все чаще наша авиация бомбила боевые немецкие порядки. Но силы были не равны.

Мария Кузнецова:

Работала камеронщицей, откачивала из шахты воду. И вот однажды умолкли насосы, недвижимо повисла на канате бадья для спус-

ка-подъема людей. Уровень воды в стволе поднимался прямо на глазах. Погасили светильники, и наступила полная темнота. Уже затоплен нижний полук, вода все выше поднимается к насосам, уже начало топить насосы, ноги оказались в воде, а электроэнергии все нет и нет. Смалодушничай мы тогда, и наверняка трагедии не избежать. Раздумывать было нельзя. Слесарь Мартыненко и я решили подниматься в крошечной темноте по запасной лестнице, до этого ни разу не проверенной. Трудным и опасным был наш подъем на-гора. Вышли и попали в объятия друзей, не рассчитывавших увидеть нас живыми.

Анна Минаева:

Мы охраняли железнодорожный мост. Волнами накатывалась на него вражеская авиация. Бомбами порвана связь. Я ранена. Ползу через воронки. Соединяю. Связь действует.

Валентин Гречишкин:

Наша 216 дивизия вышла на берег Сиваша (Гнилое море), которое в ночь со 2 на 3 ноября нам пришлось форсировать. Это было страшное зрелище. Раздается команда:

— Раздеться догола!

— Автоматы на шею, вещи связать — и на голову!

— Взять в руки по «цинку» (ящику) патронов.

— Шагом марш!

Марш в страшную неизвестность, в гнилое холодное море.

Зоя Цацуро:

Потом был госпиталь... Немного окрепнув, сопровождала маршевые роты на фронт. Простудилась, серьезно болела. Врачи подняли на ноги. Демобилизовали... К счастью, в это время уже освободили Красный Луч. Возвращаюсь домой. Отец и сестра были в концлагере, брат погиб. Встретили меня больная мама и тетя. Отогрели, долечили, откормили. И я решила снова учиться.

Валентин Гречишкин:

Ледяная соленая вода обжигала тело, судорога сводила мышцы, люди проваливались в илистое дно — то по пояс, то по шею, а то и с головой... Но мы шли вперед, преодолевая четыре километра.

Раз за разом то там, то там слышны стоны, всплески, вопли, но лавина двигалась вперед, поддерживая и спасая друг друга. И все

же мы преодолели эту преграду. От переохлаждения некоторые бойцы скончались уже на берегу.

К счастью, на этом участке фронта нас не ждали, считая, что в данном месте Сиваш непроходим. А мы прошли его за 2 часа, расположились под обрывистым берегом, развели костры. Командир полка подполковник В. У. Воронов форсировал преграду вместе с нами.

Е. Пархачев:

До Днепра оставалось около 30 км, когда 3 гвардейская армия вынужденно остановилась. Рота В. Т. Косенкова начала окапываться в 2 км юго-восточнее села Новоднепровка. Чтобы пробиться к Днепру, гвардейцам предстояло еще освободить несколько сел и райцентр Каменка-Днепровская. Затем предстояло форсировать Днепр и освободить Никополь с марганцевыми рудниками. Из Никополя в Германию отправлялись эшелоны с марганцевой рудой. Вот почему фашистам надо любой ценой сохранить за собой город. А для этого нужно удержать левобережье.

Ольга Васильевна:

Село Ивановка на Днепропетровщине. Фашисты поспешно укрепляют позиции. Погнали нас рыть окопы. На ночлег загнали в темный сарай. Даже зарывшись с головой в солому, дрожали так, что зуб на зуб не попадал. Никто из подруг не спал. К утру стук шагов часового сменился храпом. Приоткрыли дверь, и все девятнадцать бежали. Дома задерживаться рискованно. Поэтому, прихватив наскоро еду, одежду, разбрелись в разные стороны.

Ночь, густой кустарник в ложбине за селом. Прижавшись одна к другой, мы сидели с подругой на земле, подстелив под себя пучки сухого бурьяна. Вздремнуть бы. Но слышали орудейные выстрелы, разрывы бомб.

На Днепропетровщину с Урала приехала семья из четырех человек совсем недавно. В Ивановке купили дом, жить бы только, да началась война. Проводив на фронт отца и брата, остались с матерью вдвоем. Теперь вот холодная степь кругом. Переждали с подругой, пока наступило затишье, окольным путем побрели следующей ночью домой, а в селе уже русские солдаты. Зашли к подруге в дом.

— Беда, Оля, беда, — обняв меня, запричитала мать подруги.

Я побежала к своему дому. На месте дома осталась огромная воронка.

Несколько дней прожила у соседей. Потом вспомнила о даль-

ней родственнице матери, которая жила в каком-то соседнем селе, но в каком, не знала. Решила искать.

День искала, другой, третий... Никаких следов. Заблудилась в незнакомой степи. Черные облака надвигались с севера. К вечеру зло зашуршала поземка. Как же обрадовалась, когда на исходе ночи различила в темноте стог соломы. В нем отдохнуть можно, отогреться. Чтобы теплее было, сделала поглубже нору, забралась в нее, закрыв вход соломой. Дремать уже начала, когда услышала шаги. Испугалась, насторожилась. У самых ног кто-то брал солому. От страха закричала, заплакала. И тут же услышала:

— Господи, что это еще? Вылезай сейчас же!

Я увидела женщину. Прасковья Артемовна Кузьменко привела меня в свою хату, стоявшую на окраине маленького села. Обмыла, накормила и уложила на теплой печи вместе с дочерью Дусей — тринадцатилетней девочкой.

Трудно было Прасковье Артемовне кормить двоих детей. Но кормила.

Валентин Гречишкин:

Только согрелись, подкрепились — наступил рассвет. И тут же накинулись на нас «юнкерсы» и «мессеры». Мы подхватились — и вперед, броском на Камышовку и Уржам. Здесь нас контратаковала кавалерия румын, пытаясь сбросить наши части в Сиваш. Но мы вцепились в плацдарм шириной 16 км и глубиной до 10.

Бражеские пули вырвали многих из нашей цепи. Пехотинцы вручную катили противотанковую сорока пятимиллиметровую пушку, выполняя приказ: «Артиллерия в рядах пехоты».

Пушку устанавливали, крепили, делали несколько выстрелов, и снова вперед. Прошел слух: комбату повезло — пуля пробила только фуражку. Ворвались в село быстро, в нем еще оставалось много немцев, не успевших удрать. Я заглянул в черный провал выбитого окна дома. Кто-то крикнул:

— В хате немцы!

Я дернулся от окна, но горло сдавила пятнистая накидка от непогоды с прорезью для головы. Оказывается, она зацепилась за колючую проволоку, натянутую вдоль окон. Я похолодел, мелькнула мысль: «Все!» Медленно повернулся к окну, отцепил накидку, и не спеша пошел за угол, к нашим бойцам. Запертую изнутри слабую дверь мы выбили и ворвались в хату. В доме была одна комната, посередине — большая печка. Слева, упираясь спиной в печь, сидел раненый фриц со спущенными до колен брюками и с окровавленными

бинтами на правом бедре. Справа за печкой и по углам сидели на корточках три немца в касках, с автоматами в руках. Мы забрали оружие и вывели их во двор.

Раненый немец плакал и повторял: «Пан, нихт шиссен!» (не стреляй), при этом показывал фотографию, на которой он был снят с женой и двумя девочками лет 8 и 10. Я не дал убить немца, оттолкнув в сторону направленную на него бойцом Кирепчевым из Кураховки Донецкой области винтовку, и сказал:

— Да куда он денется!

Вечером из сарая выскочили 4 тени и скрылись в темноте. Мы были уверены, что наш плотный автоматный огонь поразит их, но немцы обхитрили нас, убежав не прямо в поле, а вдоль села. Убитых не оказалось.

Утром немцы перешли в наступление, открыв сильный огонь. Перебили лошадей. Пули пронизывали стены саманных хаток насквозь. Они и добили оставшегося в живых раненого немца. Натиск отбили, но сами продвинуться вперед не смогли...

Яков Голубов:

Прорвав вражескую оборону на Перекопе шириною в три километра, мы двинулись к г. Армянску. Бой завязался на окраине города. Меня ранило, и я потерял сознание. Товарищи подумали, что убит и доложили об этом командиру взвода. Лейтенант Стрелков подполз ко мне и обнаружил, что я еще жив. Приказал прижать немцев к земле огнем, а сам, рискуя жизнью, оттащил меня и уложил в траншею. Он спас мне жизнь.

Александр Вахлаев:

В ноябре задача заключалась в том, чтобы прикрыть Киев от ударов вражеской авиации и поддерживать действия третьей гвардейской танковой армии Рыбалко.

Вылетели на задание двумя четверками. Первую возглавил Арсен Ворожейкин (впоследствии дважды Герой Советского Союза), другую — я. Один истребитель из-за неисправности вернулся на базу. Нас осталось семеро. А на Киев двигались 52 бомбардировщика в сопровождении 18 «фокке-вульфов».

— Саня, видишь противника? — спросил Ворожейкин.

— Вижу, Арсен, будем готовиться.

Дальше действовали без команд. Набрали высоту, увеличили

скорость. Одна атака, вторая... Несколько вражеских истребителей подбили сразу, строй «юнкерсов» распался. Но ведущая группа бомбардировщиков, развернувшись в районе Фастова, опять взяла курс на Киев. Бой разгорелся с новой силой. Подбили еще несколько «юнкерсов». И тогда противник не выдержал.

В этом бою мы сбили 11 самолетов противника и, выполнив задачу, без потерь вернулись на базу. Четыре стервятника подбил я.

Иван Храмов:

Мой дивизион участвует в освобождении Киева. Мы прикрываем Дарницу, где накапливаются наши войска для основного удара. В этот период дивизион сбил 5 самолетов противника.

Петр Трофимец:

Тяжелый, по 12-13 часов, труд в горячих цехах, плохое питание истощали узников концлагеря настолько, что они еле держались на ногах, а то и вовсе не поднимались с нар.

Ко мне подошел Сергей Скромных. Мы обсудили способы помощи питанием истощенным товарищам. Скромных рассказал, что нашим девушкам из женского лагеря помогают продуктами французские и бельгийские узники. У них рацион лучше, чем у нас, и Красный Крест передает им посылки. Он же приказал мне ничем иным, кроме добычи продуктов не заниматься. На все остальное есть другие люди. К этой работе Сергей посоветовал приобщить наиболее надежных товарищей из числа комсомольцев, которых я хорошо знаю. Это приказ организации. Я гордился доверием.

Валентин Гречишкин:

Отбив атаку и отбросив противника, мы освободили несколько населенных пунктов и захватили значительные трофеи: много оседланных лошадей, несколько сот велосипедов. Наш контрудар был настолько стремительным, что утром следующего дня в расположение нашей части румынский повар завез завтрак, приготовленный для своих вояк. Перепугавшись, он повторял одно и то же: «Гитлер капут!».

В. Попов:

Словив ожесточенное сопротивление немцев, наша часть овладела городом Белая Церковь и по пятам стала преследовать отсту-

пающего противника. Осенние дожди и бездорожье не могли служить преградой наступательному порыву наших войск, так как каждый боец и командир знали, что от стремительности наступления зависит судьба быстрейшего освобождения от захватчиков столицы Советской Украины.

Анатолий Коробкин:

Двигаясь на северо-восток, 4 - 5 ноября 1943 года вышли к Верхнему Рогачеку. Снова бой, нас бомбит немецкая авиация. Перед заходом солнца появились два «мессершмитта» и стали бить по наступающим из пушек и пулеметов. Была разбита повозка впереди нас, мы попадали на землю. Пули у меня прошли на спине веще-шок, пробили котелок. Самолеты обстреляли нас и удалились в сторону В. Рогачика. Мы заняли оборону в ложине. На нейтральной полосе стоял наш подбитый Т-34. С лейтенантом Михайловым подобрались к танку. В танке никого не было. Вокруг валялись немцы с оторванными руками и ногами. Страшное зрелище. Ночью тягач отбуксировал Т-34 в тыл.

Валентин Гречишкин:

В нашей роте оставалось мало бойцов. Из трех взводов собрали два по 18 - 20 человек. Мы хитрили: ночью посылали бойца с ракетницей освещать нейтралку на левом фланге роты, где почти никого не было, создавая видимость, что мы там. Через время поступила команда: собраться и ждать замену, а нам — во вторую линию, километра за два от нашей передовой. Ночью мы сдали окопы новичкам в чистом обмундировании. Немцы прознали о смене частей на передовой и атаковали. Дрожала земля от тяжелого гула моторов самолетов и сплошных взрывов бомб. Передовую затянуло дымом и огнем. Сбросив бомбы, самолеты удалились. Тихо. Но вот снова стал нарастать гул. В небе появились штук 30 бомбардировщиков и все повторилось. Нас пополнили небольшой группой тыловиков, боеприпасами. Команда: «Вперед, в атаку!» Батальон пошел, распавшись в цепь. Среди нас стали разрываться мины, но прицел был плохой — мы быстро ушли вперед, оставляя разрывов позади...

Иван Дайнека:

Наш бомбардировщик подбили. Николай приказал, чтобы мы с Василием прыгали. Николай тяжело ранен, понимал, что погибнем все. А мы не стали прыгать. Он накричал на нас:

— Я вам приказываю! Прыгайте!

Мы прыгнули. Опустился в лесу. Понял, что ранен. Василия поблизости не оказалось. Я пополз. Мне казалось, что где-то рядом есть село. И действительно, вскоре я уже был возле хаты на краю села. Постучал.

— Кто там? — спросил мужской голос.

— Не бойся, я советский летчик.

Меня впустили в дом. Потом хозяин вышел поискать молока. Он долго не возвращался. Что-то меня толкнуло, выглянул в окно. Хозяин приближался к дому с двумя немецкими солдатами. Я спрятался за дверь. Как только они переступили порог, застрелил их из пистолета.

Направился к лесу. Всю ночь плутал. Наутро меня обнаружили крестьяне. Помогли, а потом переправили к нашим.

Петр Трофимец:

Помогать мне стали краснолучанин «Лында» — Леонид Кучмиев, харьковчанин «Моряк» — Михаил Аровин. На заводе Круппа и в других лагерях, где нам пришлось побывать позже, наше трио — «Лында», «Моряк», «Пушкин» (это моя кличка) — было хорошо знакомо. Через неделю после того, как я получил задание, Лында, отличный слесарь, изготовил ключи от продуктового и овощного складов. Мы стали время от времени посещать склады. Добытое распределяли между старостами жилых секций, а те уже снабжали самых слабых. Оставшиеся продукты прятали в подпол. Самым хорошим помощником в нашей работе был староста секции № 9 Иван Курта. Небольшой ростом, сообразительный быстрый парень из Хортицы. На каждую операцию старосты выделяли по два-три человека из каждой группы. И еще был категорический запрет обмена продуктов на курево. Дистрофиками в концлагере становились, прежде всего, заядлые курильщики. Григорий Шефатов со своим активом следил за санитарным состоянием и личной гигиеной обитателей лагеря.

Валентин Гречишкин:

Наш батальон под командованием майора А. И. Маслова занял оборону в районе высоты 17,6 и зарылся в землю. В ротах осталось по 30-40 человек, а надо продержаться до наведения понтонного моста через Сиваш.

М. Диброва:

После разгрома фашистов под Курском, Орлом и Белгородом я со своей частью вступила на землю Украины. Осень, распутица, бездорожье, красные от перегрева моторы автомашин.

Нашей саперной части приходилось нелегко. Но с форсированием Днепра под Днепродзержинском сравниться ничто не может. В тот огненный день мне вместе с мужем довелось пересечь Днепр вплавь под огнем врага. Какой он широкий, наш Днепр...

Валентин Гречишкин:

И вот радость! Мост навели, и подошло подкрепление. Фронт занимают «новички», фашисты при поддержке армады самолетов бросились на нас в атаку. Разгорелся бой. Наши передовые позиции буквально перепахали авиабомбы. Последняя схватка закончилась рукопашной. Враг отступил, оставив сотни убитых и раненых. В этом бою и я был ранен.

Николай Картавенко:

Керченский пролив. Огневая позиция стомиллиметровой стационарной батареи № 663 южнее Тамани.

Открыли огонь по быстроходным фашистским баржам, прорывающимся через пролив. Один за другим стали выходить из строя наши товарищи. У первого орудия ранен замковой, установщик прицела, снарядный... Вот застыл, навалившись грудью на штурвал, командор Гуреев. Из 11 человек орудийного расчета в строю остались только четверо: командир Капустин, левый наводчик Ковтун, правый наводчик Картавенко и подносчик боезапаса Тютюнник. Но все же каждые пять секунд звучал выстрел. 13 выстрелов в минуту. Ствол накалился, замок стало заклинивать. Прибежал командир огневого взвода лейтенант Пелых, появился замполит батареи старший лейтенант Саратов, помкомбата старший лейтенант Сокологорский.

Вот баржа накренилась на левый борт и пошла ко дну. Мы затопили две немецкие десантные баржи, уничтожили много складов с боеприпасами и техникой. С КП батареи поступила команда «Отбой». Батарея прекратила огонь. Перестал стрелять и противник.

В то время я служил корректировщиком и лучше других видел все, что удалось нашим артиллеристам.

В. Копытко:

В боях за Киев наш минометный полк наступал со стороны Святошино. Очень трудной была переправа через Днепр. Пехотинцы переправлялись кто на чем: на лодках, понтонах, на плотах и просто на бревнах. А вот для танков нужен мост. Не успеют наши саперы навести понтонную переправу, как вражеские самолеты и артиллерия разносят ее в щепы. Много погибло там наших солдат и танков.

И все же ночью понтонный мост построили. Танки с зажженными фарами и включенными сиренами ринулись по нему на врага. Гитлеровцы не выдержали яростной атаки и стали отступать. 3 ноября мощным ударом с занятых на правом берегу Днепра плацдармов немецкую оборону прорвали, и 6 ноября освободили Киев.

Александра Меркулова:

Фронтовые дороги привели меня в Украину. В ноябре в разгар боя прервалась связь с одной батареей. Рация тоже не работала — обесточились батареи питания. Под артиллерийским огнем противника пошла искать источник питания, и вскоре вернулась. Радиостанция продолжала работать, связь не прекращалась.

Андрей Чубинец:

В начале ноября 1943 г. наш 550 стрелковый полк после 90-километрового марша подошел к Перекопу. Один из батальонов сходу атаковал позиции фашистов на Турецком валу, но успеха не достиг. Тогда командир полка майор Иванищев приказал взводу автоматчиков поднять батальон в атаку и овладеть участком Турецкого вала.

Наш первый взвод автоматчиков, в котором я служил командиром отделения, выдвинулся вдоль железной дороги, пересекающей Турецкий вал, и занял позицию впереди стрелкового батальона.

По условному сигналу наш взвод резким броском вдоль железнодорожной насыпи прорвался к валу. Такая наша стремительная атака ошеломила немцев, и они начали отступать вдоль вала. Наш взвод, 18 бойцов, преследуя противника, занял около 400 метров Турецкого вала. Вслед за нами вышли воины батальона и закрепились на нем. Немцы опомнились и повели контратаки, чтобы сбросить нас с вала и восстановить положение. Занятый нами участок вала был использован дивизией для прорыва в Крым.

Николай Инякин:

5 ноября около 16 часов Карима Фаткулина доложила:

— Воздушная тревога.

Из-за леска появились 2 «мессершмитта». Длинные, как ужи, они прошли в стороне низко, затем скрылись, через 5 минут снова вынырнули над станцией.

Вот появились еще 3, но уже «Юнкерс-88». Я до боли сжимал ручку поворотного механизма, ждал команды.

Загрохотали орудия второй батареи. Не ожидая общей команды, открыли огонь и мы. Включили 5 прожекторов. Они стали шарить по небу. В их лучах появились три «юнкерса». 3 самолета шли на нас, неся смерть. Я почувствовал, как согревается спина, по телу побежали мурашки.

Прозвучала команда:

— Первому и второму орудиям вести заградительный огонь. Остальным — огонь по сабам.

Сабамы называли светящиеся авиабомбы. Сбросит их противник, и висят они, освещая местность, которую надо бомбить. Мы поставили заградительную завесу самолетам, шедшим на нас. Не дали возможности бомбить станцию и другой важный объект.

А утром налет возобновился. Навстречу врагам ринулись наши истребители, начался воздушный бой. Мы прекратили стрельбу, боясь попасть в своих. Вверху в дыму ревели моторы. Вот сбит один «мессер», остальные повернули, начали удаляться.

Но вот с другой стороны появились другие, весь полк открыл стрельбу, не давая заградогнем приблизиться к цели. И это помогло, стервятники сбросили бомбы, где попало. Подоспели наши «ястребки». Загрохотали пушки и пулеметы. Сбит еще один, потянув к земле шлейф из дыма и пламени. В этих поединках мы несли свою ратную службу у орудий, как подобает солдатам. Командир бригады подполковник Васильев П. Л. от имени командующего фронтом Р. К. Рокоссовского объявил благодарность всему составу полка.

Максим Луговой:

Темная ночь. Тихо вокруг. Впереди чернеет Днепр. За ним — истерзанная врагом земля, ожидающая своих освободителей. Медленно тянется время. Черное небо прорезает ослепительная ракета и, будто надломившись, падает вниз. С автоматом на груди я поднялся из окопа, шагнул вперед и закричал:

— За мной, товарищи!

Бойцы подбежали к плотам и лодкам, столкнули их в воду. В это время загромыхала наша артиллерия, открыв по правому берегу стрельбу. Гитлеровцы ответили сильным заградительным огнем и включили мощные прожекторы. Черная вода осветилась, забурилась, словно огненная буря налетела на реку. Но понтоны и лодки непрерывно шли к правому берегу среди разрывов вражеских снарядов, наполнивших воздух оглушительным громом и молниеносными вспышками. Крупнокалиберные пулеметы секли волны возле плотов. Над водой стелился удушливый чад. Гребцам трудно дышать.

На середине реки мина попала в бревно плота и убила трех бойцов. В желтоватом свете разрывов я увидел искаженные ужасом лица молодых, еще не обстрелянных солдат.

— Не робей, хлопцы! — крикнул им, взял весло и начал грести изо всех сил. Вскоре достигли берега.

— За Родину, вперед!

Я должен драться лучше подчиненных. Я не имел права бояться. Первым врывался в траншеи врага. Бил прикладом направо и налево, стрелял в упор. И моя рота, следуя примеру своего капитана, вступила в рукопашный бой, прорвала первую линию немецкой обороны, идущую по берегу Днепра.

Владимир Глущенко:

5 ноября 1943 г. мы в составе танковой бригады принимали участие в освобождении Киева. Когда его освободили, нас три танка послали провести разведку боем до города Васильков.

Двигаясь в этом направлении, мы уничтожили немецкое охранение, обоз. Но на окраине Василькова немцы из самоходных пушек подбили два танка. В том числе и наш. Бронебойный снаряд пробил лобовую броню как раз между мной и механиком-водителем. Механик ранен, башенный стрелок тоже. Мы с командиром танка лейтенантом Коломийцем продолжали вдвоем вести огонь по противнику и не отступили с позиции до подхода основных сил, то есть, до глубокой ночи. Этим мы способствовали освобождению г. Васильков.

Я получил осколочное ранение в руку.

Николай Угланов:

6 ноября боезапас у нас кончился. Решаем прорваться из окружения. С юго-запада немцы сосредоточили свои превосходящие силы для наступления, с севера плацдарм находится озеро. Здесь немцы

держат небольшое охранение. Именно здесь разведчики нашли проход. Ночью десантники сняли боевые немецкие охранения и через болото вырвались из окружения. По дороге нас обстреливает немецкая зенитная батарея. Ее забросали гранатами. Делаем ночной бросок, и к утру эльзитенцы, оборванные, босые, голодные, появляются на южной окраине Керчи. Переполох в тылу немцев. Смело проходим через боевые порядки врага и соединяемся с частями отдельной Приморской армии уже на севере Керчи.

Семен Акименко:

Бои на Полтавщине, взятие Миргорода, очередное ранение. Снова госпиталь. И снова — в строй. Военные дороги привели меня на берега седого Днепра. Начались бои за освобождение столицы Украины, матери городов русских — Киева. Армады Т-34 с включенными сиренами грозной лавиной двигались на фашистов. Мой батальон атаковал фашистов со стороны Святошино в направлении станции Киев-Сортировочная. Сквозь огонь пылающих вагонов и цистерн, по железнодорожным путям, разметая охваченных паникой врагов, мчались танки. И к утру, захватив множество вражеской техники и пленных, батальон вышел на западную окраину Киева.

В. Попов:

В боях за Киев бок о бок со мной сражались в одном подразделении казахи Орозбеков и Науразбеков, татары Касимов и Хаердинов, украинцы Зинченко и Перепелица, узбек Умарзакариев.

Шестого ноября столица Советской Украины Киев полностью освобождена от захватчиков.

Анатолий Коробкин:

Ночью 6 ноября заняли исходную позицию западнее с. Васильевка в неубранном кукурузном поле возле тригонометрической вышки. Перед нами поставлена задача взять Верхний Рогачик к 26-й годовщине Великого Октября. Село тянется вдоль лощины двумя рядами домов около 18 км. Полковую артиллерию поставили на прямую наводку. Готовились 7 ноября нанести удар по фашистам. Всю ночь слышали гул танков, рев самолетов. Утром 7 ноября 1943 г. перед наступлением на партийном собрании батальона меня приняли в члены ВКП (б). Еще не закончилось собрание, как немцы пошли в атаку. Они начали наступление на час раньше запланированного нами времени артподготовки. По нашим позициям открыла огонь немец-

кая артиллерия. Огонь бушевал на наших позициях. Фашистские автоматчики пошли в психическую атаку. Полковые пушки оказались в тылу, врагу удалось вытеснить нас из кукурузы. Мы вынуждены залечь на открытом месте. Заговорили дивизионные батареи. Солнце только начало всходить. Слева от кукурузного поля находилось скошенное пшеничное поле. На нем — копны соломы. Из этих копен выползли танки. Их много. До сотни. Пехота после первого залпа побежала. Второй залп пришелся как раз туда, где собралось много солдат. Врезалось в память: солдат, схватив рукой раненую ногу, прыгал на одной ноге, а потом упал. Я добежал до посадки и присоединился к полковым минометчикам. Батарея вела огонь по пехоте и танкам противника. Лейтенант меня знал. Мне давно хотелось попасть к ним на батарею, но меня не отпускали из роты. Минометы бьют по танкам, танки утюжат фланги и стреляют из пушек. Затем танки перенесли огонь по окраине с. Васильевка. С юга в село две пары волов тянули две кормушки, каждая длиной 6 — 8 метров. Танкисты приняли кормушки за новый вид оружия и открыли по ним огонь. Снаряды стали рваться вокруг кормушек.

Появились наши «Ил-2» и первую партию бомб сбросили на нас, чуть не накрыв всех. Мы кричали, бросали ушанки вверх, ракетами показывали, где враг и куда надо сбрасывать бомбы. Летчики поняли ошибку, и вторая серия бомб упала на немецкие танки и пехоту. Бой длился несколько часов. Через наши позиции проследовали наши танки и противотанковые пушки. Танковая дуэль продолжалась до темна.

Всю ночь окапывались, силы на пределе, клонит ко сну.

Утром возобновилась артиллерийская и автоматнo-пулеметная перестрелка, но ни одна из сторон уже не могла атаковать. Нам не удалось выполнить приказ освободить В. Рогачик к годовщине Октября. На этом участке фронта перешли к обороне.

Александр Вахлаев:

Осенью 1943 г. эскадрилья получила задание поддержать действия 3-й гвардейской танковой армии в районе Киева. Истребители приблизились к противнику на минимальное расстояние и открыли огонь. Фашистские бомбардировщики в суматохе сбросили бомбы и повернули назад. В этом бою, который длился 30 минут, мы сбили 11 самолетов противника.

Александр Борисов:

После овладения Киевом армия продвинулась в район Радомышля и заняла оборону по реке Тетерев. Здесь в командование армией вступил генерал-полковник А. А. Гречко. Продвинувшись еще на 180 км на запад, армия подготовила Проскурово-Черновицкую операцию, в результате которой освободила десятки городов, в том числе Проскуров, Староконстантинов, Каменец-Подольский и другие. Пройдя с боями 300 км, войска 1 Украинского фронта вышли на государственную границу с Румынией и Чехословакией.

С. М. Величко:

Батальон попал в окружение. Погибли все командиры. Я, молодой лейтенант, оказался самым старшим по званию. С боями, но все же я вывел батальон из окружения. Было это 7 ноября 1943 г. под городом Верхний Рогачик.

Во время Яско-Кишиневской операции мой взвод разведчиков ночью форсировал Днестр. Перед нами стояла задача овладеть высотой 107,5. Приказ выполнили. Нам удалось подобраться к пулеметной точке, державшей под контролем подход к высоте, а затем уже выбили немцев из траншей и закрепились. За тот бой награжден орденом Красной Звезды. Назначили командиром разведотряда дивизии.

Евгений Субботин:

«Мама! 7 ноября зачитали приказ о награждении меня медалью «За отвагу». Скоро добьем немца, а потом приеду в свой родной городок. Как хочется поработать на паровозе, пронестись с ветерком с первого поста на 10 или 15 путь. Передавай привет всем железнодорожникам. Крепите тыл, помогайте фронту. 9 ноября 1943 г.»

Анатолий Коробкин:

9 ноября выпал снег, сразу похолодало. На минометную батарею пришел лейтенант Михайлов и забрал меня в свой взвод. Наш батальон перебросили юго-западнее с. Васильевка. Наше отделение находилось в боевом охранении перед полевым станом, в котором закрепились фашисты. Я держал связь с ротой и батальоном. В обороне простояли до февраля 1944 года. Бои велись местного значения.

М. Живлюк:

В боях за керченскую переправу Покатаев тяжело ранен осколками немецкого снаряда. Потерял сознание. Поселок, где проходили бои, занят немцами. Жительница этого поселка, обнаружив раненного советского офицера, перенесла его в свой сарай и там спрятала. Вскорости бойцы шахтерской дивизии освободили от немцев поселок, и Покатаева отправили в госпиталь в г. Тбилиси.

Георгий Малидовский:

Погладил пушку по стволу, показалось, что она отозвалась на прикосновение. Подошел комбат В. М. Сердюков:

— Вы, я вижу, понимаете друг друга, — сказал он. — Что-то не нравится мне эта тишина.

— Перед бурей всегда затишье.

Комбат ушел. А я подумал: сейчас полезут.

На войне легких боев не бывает, но особенно трудным был бой под Керчью, у местечка Боксы, рядом с Аджимушкайскими каменоломнями, севернее завода Войкова, на танкоопасном направлении. Мне, командиру противотанкового орудия, дано задание любой ценой задержать танковый десант.

Бой начался утром. Враг бросил 60 тяжелых танков. На мой участок пришлось 20. В бинокль я увидел танки. Двигались на нашу батарею из-за сопки. Мы знали, что самые уязвимые места — это башня, бак с горючим и гусеницы.

В этом бою нам сопутствовала удача, тяжелые орудия моряков открыли огонь по танкам с закрытых позиций. Стрельбой их управляли корректировщики, которые находились на передовой.

— По переднему танку слева наводить по гусеницам. Огонь!

Снаряд скользнул по башне.

— Вертикальному наводчику: наводить точнее. Огонь!

Взрыв — и танк врага завертелся. Левая гусеница повреждена.

Моряки продолжали вести заградительный огонь. Снова вражеские танки, сворачивая с прямого курса, обходят взрывы мощных снарядов, приближаются к батарее Сердюкова. Вот они обнаружили нас и открыли огонь. Но снаряды рвались в стороне от огневой позиции. Батарея Сердюкова окутана пылью, пахнет гарью. В секторе стрельбы второго орудия появляется танк. Переношу огонь на него. Командую:

— По головному два снаряда. Огонь! Огонь!

Танк разворачивается вправо, уклоняется от взрывов тяжелых

снарядов моряков и подставляет правый борт под выстрел нашей пушки. Третий снаряд сорокапятки повредил гусеницу.

— Наводить по башне. Огонь!

Башню заклинило, враг не может вести огонь из орудия. Открывается люк, и фашисты выскакивают из танка. С передовой линии фронта наши солдаты поливают их из пулемета. Десять танков стояли на поле боя, некоторые горели. Казалось, все, можно и отдохнуть, убрать вокруг стреляные гильзы. Но не тут-то было. Из-за сопки снова появились десять громадин и двинулись на нашу батарею.

— Приготовиться к бою!

Батареи моряков, находившиеся рядом с передовой в местечке Колонка, поддерживали огнем. Я подпускал танк на близкое расстояние и посылал бронебойный снаряд наверняка. Пять раз поднимались гитлеровцы в атаку и откатывались на старые позиции. Но все же взвод фашистов незаметно подполз к батарее. Над головами у нас засвистели пули, на брустверы полетели гранаты. Мы стали косить гитлеровцев свинцовыми очередями из автоматов. И они не прошли. На поле боя остались четыре гитлеровских танка, более двухсот вражеских трупов. Бой утих поздно вечером.

Анатолий Коробкин:

В обороне под Верхним Рогачиком мы находились в ложине. Впереди нас был полевой стан на возвышенности, в котором закрепились немцы. Они обстреливали нас из самоходок. Однажды утром к нам пришел заблудившийся немец. Без оружия, с котелками. Заблудился в тумане.

Иван Храмов:

Когда Киев уже был наш, мы должны были защищать мост через Днепр. Здесь у меня стоял расчет крупнокалиберного пулемета. Бойцы — девушки. Они трассирующими пулями мешали противнику сбрасывать на мост бомбы. До конца войны мост остался неповрежденным. Налетели 12 бомбардировщиков. Меткий огонь пулемета заставил сбросить груз в Днепр. А последний ас решил уничтожить пулеметную точку. Ринулся на нее, стреляя из пулемета. Ему удалось поразить цель. Своей пулеметной очередью он перерезал шею пулеметчицы. Однако она продолжала стрелять и без головы. Рука в предсмертной судороге удерживала гашетку. Так уже после смерти еще некоторое время вела огонь по противнику. Ас увлекся и не ус-

пел вывести самолет из пике. Он врезался в песок в нескольких метрах сзади пулеметной точки и взорвался на своих бомбах.

Георгий Малидовский:

Прошло немного времени, и наша отдельная Приморская армия перешла в решительное наступление, освободила Керчь. Девятым валом покатила по побережью Крыма на Севастополь.

Триста восемьдесят третья шахтерская дивизия быстро шла вперед. Освободила Феодосию.

— Вперед, шахтеры!

— Даешь Севастополь!

Внушительно выглядел в ту пору мой боевой счет: сорок уничтоженных вражеских пулеметов, десять минометных батарей, пять самоходок, шесть танков.

Анатолий Коробкин:

Как-то пришел к нам в боевое охранение командир взвода. Появились самоходки и открыли огонь. Один снаряд прошел наш окоп и не взорвался, ударил по спине офицера. Офицер контужен.

Петр Трофимец:

Хотя строгая конспирация нелишняя, о нашей работе знал почти весь концлагерь, но никто не донес. Мы верили друг другу. В полуторатысячной семье не было ни одного урода, ни одного предателя.

Владимир Борсоев:

8 ноября, с. Балыка. Праздник провели очень хорошо. Собрались в кругу боевых друзей. Подняли бокалы за свободу нашей Родины. Повар Фиценко приготовил всего вдоволь, даже зажарил поросенка.

Петр Ткаченко:

В ноябре 2-й гвардейский кавалерийский корпус, в составе которого я находился, совершил глубокий рейд в тылы противника на территории Брянской области. Болотистая местность, лес, который недоступен противнику, а главное — героизм и мужество наших воинов дали возможность отрезать путь отхода немцев, и под местечком Жуковка на реке Десне советские войска нанесли завершающий удар противнику.

Пелагея Белоконь:

Казалось, что не будет ни конца, ни края этому аду.

Земля вставала на дыбы. Фашистские самолеты один за другим атаковали эшелон с зенитной артиллерией. А поезд мчался вперед и вперед, огрызаясь стволами орудий. Один, другой, третий стервятник потянул за собой огненную косу, и яркое зарево расщепило зимнюю ночь.

Николай Любарский:

Поздняя осень. В Крыму осталась отрезанной крупная вражеская группировка. Перед войсками Северо-Кавказского фронта, кораблями Черноморского флота и Азовской флотилией поставлена задача: форсировать Керченский пролив и захватить плацдарм на полуострове.

Александр Перепелица:

У нас любили все приурочивать к датам. Вот и считается, что Киев освободили 6 ноября. Но фактически бои за полное освобождение столицы Украины закончились только 10 числа.

Г. Загоруев:

После завершения разгрома немецких войск под Киевом нашей 70 мехбригаде поставлена задача: овладеть городом Фастов. Наш бросок фашисты не ожидали. Гарнизон в панике разбежался. Лейтенант пулеметной роты Александр Александрович Шаравин привел 25 пленных немцев. Все они в одном белье и в недоумении протирали сонные глаза. Не могли понять, что с ними произошло.

На рассвете немцы развернули контратаку, стараясь вернуть населенный пункт. В наступление бросили танки и бронетранспортеры. Силы противника явно превосходили наши, но мы держались стойко. Командир противотанковой батареи старший лейтенант Кибальченко ранен, но отказался идти в тыл. И, лежа на носилках, продолжал командовать орудиями. От плотного огня этой батареи противник неоднократно откатывался к исходному рубежу.

В этом бою погиб лейтенант Сергей Яковлевич Лось. Его любили бойцы, он был всегда в самых жарких местах боев. И в этот раз он вскочил в небольшой окоп, где стояло противотанковое ружье. Рядом лежали два убитых бойца. Сергей Яковлевич перезарядил ружье и выстрелил в приближающийся танк. Но танк продолжал двигаться.

Тогда он бросил под гусеницу гранату. Следующие два танка, шедшие наискось к окопам и открывшие свои уязвимые места, были подбиты Лосем. Он же вывел из строя три бронетранспортера противника и две машины с боеприпасами. И когда он поднялся, чтобы метнуть гранату в надвигающуюся на него стальную громаду — танки все шли и шли — очередью крупнокалиберного пулемета его перерезало надвое...

Владимир Борсоев:

10 ноября. Фастов Киевской области. 8 ноября получил приказ: сняться и выехать на Фастов через г. Киев. Сегодня прибыли к Фастову. Приняли бой с контратакующей группой немцев и отбросили их. Побывал на кургане в деревне Клеховке, где 21 июля 1941 г. я был ранен. На этом кургане тогда погибли 8 человек, находившихся со мной. В этот раз я снял шапку и постоял минут пять, почтил память погибших моих героев. Вспомнились минуты жестокой схватки, и чуточку из моих глаз пошли слезы.

Мария Зеленская:

Пришло сообщение, что Иван Алексеевич Зеленский пропал без вести. Чего только ни передумала, куда ни писала — ответа не было. Егорка со своей группой ушел на фронт.

А. Грязнухин:

Наступили сумерки. Идем в разведку боем. Нас 250 человек. В основном солдаты второго и третьего батальонов 15 бригады 4 гвардейского мотомеханизированного корпуса. Нашим взводом командует младший лейтенант Василий Иванович Фомин. Впереди блеснуло несколько огоньков, и над нами с визгом полетели снаряды. Быстро развернулись в цепь, пошли в наступление, не дожидаясь подхода остальных солдат. Вокруг крошечная мгла. В десяти шагах едва угадывались силуэты. Ночь поглощала и осветительные ракеты противника.

Впереди мелькнули фигуры, мы бросились вперед. Из окопа вылезли четыре немецких солдата с поднятыми руками. Неожиданно вспыхнули стога соломы, я отчетливо услышал восторженное немецкое восклицание: «Зер гут!»

Взвод оказался в хорошо освещенной зоне. Противник стал вести прицельный огонь. Нам пришлось отойти. Подоспели наши из основного отряда.

Танки, прорвавшись к деревне, подняли панику среди фашистов. С криками «Ура!» мы кинулись к деревне. Затем ворвались в Иловайск. Увлечшись боем, я не заметил, как оторвался от своих, залег в кустарнике и вел огонь по пробегавшим фашистам.

Анатолий Коробкин:

Ведем бои местного значения. В одном из таких боев наш пэтэзровец подбил свой танк и был награжден медалью «За отвагу». Туман. Наши танки наступали правей. Бой начал затихать. На позицию со стороны немцев выполз танк. Солдат выстрелил из противотанкового ружья и подбил его. Когда разобрались, оказалось, что свой. Жертв не было.

Николай Любарский:

Льют дожди. Четвертые сутки части 318 Черноморской десантной дивизии удерживали плацдарм Керченского полуострова. Отбито 13 контратак. Десятое ноября. Таманский полуостров. Чуть брезжит рассвет. Пятнадцатикилометровый Керченский пролив под ураганным огнем врага форсирован. Отделение советских десантников на заболоченном берегу, на дальних подступах к Керчи остановлено вражескими танками. На левый фланг в обход брошены две танковые роты. Бронированных машин более полусотни.

Задыхаясь в пороховом дыму, мы с и Иваном Сало занимаем оборону. В 100 метрах от нас уже горят 3 подбитых танка. Сзади взметается огромный столб земли. Коротко вскрикнул, опускаясь на дно окопа, Иван Сало.

Стиснув зубы, смахнул пот с лица. Остался один.

К закату солнца вывел из строя 7 танков и два бензозаправщика. Машины пылают.

Евгений Хлебников:

После Киева наш 266 танковый батальон освободил Житомир. И тут снова удар фашистского снаряда в мой танк. Пришел в себя: лежу в окопе с наложенной на переломанную руку шиной. 4 месяца провел в Вологодском госпитале.

Георгий Малидовский:

10 ноября командир артдивизиона позвал нас, командиров орудий, меня и старшего сержанта Аверина. Он поставил задачу: пере-

крыть дорогу, по которой фашисты периодически получали орудия. Все знали, такую задачу двумя орудиями выполнить трудно. Но есть приказ — выполняй. В помощь мне выделили шесть пэтээровцев-бронбойщиков. Пробирались обходным путем, чтобы не обнаружить себя. Захватили достаточное количество боеприпасов. Мы окопались, заняв выгодный огневой рубеж. А в мыслях приказ: «До вечера удерживать рубеж, не дать фашистам получить подкрепления. Вас сменят вечером, разъясните бойцам».

Время 11.00. Послышался рокот моторов. На горизонте показались хаотическидвигающиеся танки. Ждали не долго. Первыми огонь открыли бронбойщики. Открыли огонь и фашисты. По мере их приближения открыли огонь и мы с Авериным.

За танком потянулся шлейф дыма, это пэтээровцы открыли счет. А в противоположной стороне шел бой, ряды орудий и танков редели. Вот загорелся второй танк, этот подбит из орудия. Танки стали огибать позицию взвода и уходить в сторону. Вот подбит и третий танк — снова отличились бронбойщики. От близкого разрыва вражеского снаряда осколком был ранен наводчик моего орудия.

Я сам стал к прицелу.

Немцы уже сбоку открыли ураганный огонь. Погибли два бронбойщика. Выстрел. Один, второй. Цель различить трудно, всюду дым. Став вместо наводчика, подбиваю танк. Вышло из боя орудие старшего сержанта Аверина. Разбит прицел, убиты заряжающий и подносчик, ранен командир, а время только 14 часов. Я продолжал вести огонь.

С противоположной стороны появилось шесть танков. Оказалось, они вырвались из окружения и наткнулись на мое орудие. У немцев кончились боеприпасы.

Повернули орудие на 160 градусов и четырьмя выстрелами, почти в упор, подбили еще три танка. Таким образом, за неполные шесть часов поединка советских артиллеристов и немецких танкистов, подбито пять танков. Две машины на счету бронбойщиков. Со стороны артиллеристов потери составили: одно орудие, три ПТР, убиты 4 бронбойщика, заряжающий и подносчик, тяжело ранены наводчик и старший сержант Аверин. В результате упорных боев был захвачен плацдарм на восточных подступах к Керчи, и эта операция стала называться Керченско-Эльтигенской.

Владимир Борсоев:

14 ноября. Корнин Житомирской области. Получил приказ переместиться в район Корнина и остановить контратакующую группу

противника. Приехали туда 13 ноября. Командир орудия Григорьев из первой батареи сразу же подбил два немецких танка. Противник отброшен назад.

Михаил Целинский:

Волею судьбы оказался в бригадной разведке. Отдельная стрелковая бригада была на правах дивизии. Задачи ей ставились обычно на уровне дивизии.

Моя разведывательная деятельность проходила в сложных условиях: пересеченная местность, постоянные обстрелы, скудное питание. Тем не менее, воевать надо.

...Обнаружили мы на переднем крае оживление противника. Смотрим, строится новый дзот. У нас созрел план захвата языка. Образовали группы захвата и прикрытия. Глубокой ночью, в ненастную погоду бесшумно подошли (подползли) к противнику. В итоге удалось захватить языка. Вначале он сопротивлялся, едва не отхватил палец нашему товарищу, пытался кричать. Пришлось заткнуть ему рот тряпкой.

Потом уже, когда мы притащили его в расположение роты, он вел себя иначе. Говорил даже: «Гитлер капут!».

Владимир Борсоев:

15 ноября, с. Турбовка. С утра, сосредоточив крупные силы танков и мотопехоты, немец перешел в контрнаступление. В 10.00 он раздавил батарею старшего лейтенанта Ломонова. Здесь погиб прекрасный офицер — лейтенант Плешивцев. К 11 часам враг дошел до третьей батареи, но командир её не принял, как полагается истребителю, бой, потерял два орудия и мало нанес противнику потерь. В ночь с 15 ноября немцы перешли в контратаку и смяли два орудия. В результате схватки нами подбито и уничтожено 17 танков, до роты пехоты. Немецкие самолеты Ю-88 и М-110 висели над нами целый день. Ранен мой зам. по политчасти майор Лысенко. Убито и ранено 38 человек.

А. Грязнухин:

Кончились патроны. Метнулся к ближнему дому, затрещали выстрелы. Одна пуля обожгла плечо, но я успел укрыться за домом и побежал дальше. Вставил, наконец, диск в автомат, ощупал плечо, крови нет.

Автоматные очереди послышались с другой стороны, где дол-

жны были находиться наши. Оглянулся, вот задача: прямо на меня бежит немец, а за ним наши. Он бежал с намерением укрыться за углом дома, где стоял я. И буквально уперся в дуло моего автомата. От неожиданности немец выронил парабеллум.

В этом бою мы нанесли большой урон противнику.

Наши потери хотя и были гораздо меньше, чем немецкие, но оказались тяжелыми. Особенно пострадал наш взвод, ведший охранение. Из 22 человек в живых остались семеро.

Анатолий Коробкин:

Однажды ночью погибли два солдата в блиндаже. Один из них стоял на посту и смотрел в амбразуру. Пуля попала в лицо. Его сменил второй, и его сразила в лицо пуля. Немцы пристреляли амбразуру и на ночь укрепили винтовку на этом прицеле и периодически производили выстрелы.

Александр Горбанев:

Месяца два спустя после освобождения Красного Луча от фашистских захватчиков в числе других моих земляков меня вызвали в военкомат и направили на курсы специалистов по разминированию.

После курсов вместе с бывалыми солдатами, выписанными из госпиталей, принялись за нужную, но опасную работу.

Каким только «добром» не начинили здесь нашу землю фашисты! Были мины и противотанковые, и противопехотные нажимного и натяжного действия.

И все-таки, как мы ни осторожничали, без тяжких происшествий не обошлось.

Е. Бродский:

Валентина Бондаренко в Мюнхене являлась связной подпольной организации военнопленных. Гестапо удалось напасть на ее след. Несмотря на то, что на допросах применялись зверские методы, Валентина Бондаренко держалась мужественно и стойко, отказывалась дать какие-либо показания о подпольном Братстве.

Ее бросили в Мюнхенскую тюрьму.

«Поскольку арестованную не удалось склонить к сколько-нибудь правдивому признанию, — говорилось в донесении начальника Мюнхенского гестапо Кальтенбруннеру, — нужно было иным путем попытаться проникнуть в эту организацию». Ничего не добившись от

советской девушки, гестаповцы отправили ее в Освенцим, накололи ей номер 69012 и обрекли на медленную смерть.

Анна Гуленко:

Был у нас баянист Петр Арсентьевич Михайличенко. Как переберет аккорды, мертвый запоем. Мог на слух подобрать любую мелодию, будь то веселые частушки или оперная партия... Погиб в Крыму в 1943 г.

Виктор Малкин:

«17.11.43 г. Живу я по-старому, очень много работы и очень мало свободного времени, фрицев ловим помногу, так что работы с избытком, все время движемся вперед.

Катенька, из дому я получил одно письмо. Да, для меня очень большой удар — утеря Майорчика.

Итак, Золотко, друзей наших нет. Ничего, Катенька, я клянусь отомстить за своих лучших друзей и нашу разлуку!»

Александр Горбанев:

Снимать мины — дело опасное. Эта работа требует большого нервного напряжения. Не всегда нам везло прожить день без ЧП. Разрываясь, мина убивала не только того, кто ошибся. Всегда зацепит кого-то еще одного или двух. Осколки далеко разлетались. Так что никогда не знаешь, когда и откуда ждать смерть.

Вот и ждали ее каждую минуту.

Анна Скопенко:

4 Украинский фронт менял направление, и я ехала в одной автомашине с командующим Ф. И. Толбухиным.

В лесу из-за кустов к нам вышли три немца, обстреляли автомашину. Ранили адъютанта и водителя.

Тогда я схватила автомат офицера и расстреляла немцев. За этот поступок награждена медалью «За боевые заслуги».

Александр Горбанев:

Мы делали проходы в минном поле немцев. Они вообще уделяли большое внимание маскировке мин. Однажды мне попалась такая. Искал ее долго. Вот здесь должна быть по всем правилам, а

нет. Пальцами ворошил верхний слой земли. А нашел ее у самого своего каблука. Немец, закладывая мину, положил сверху комок травы. Это и скрыло усики мины С-35. Такая мина, когда кто-то наступал на нее, выпрыгивала из земли на полтора метра, в воздухе взрывалась и порождала. Она убивала даже в траншее.

Владимир Борсоев:

18 ноября. Вел. Голяки. Наши войска за три дня перемололи основную группировку немцев, пущенных в контратаку. Немец выдыхается.

М. Гурилева:

Лагерь смерти Равенсбрюк. Холодный осенний дождь. На улице нас выстроили в шеренгу, как собакам, бросили по две картофелины. Потом холодный душ. Постригли всех наголо и, разлучив матерей с детьми, развели по баракам.

Начались жуткие лагерные дни.

Существование на грани смерти. Каждое утро, в любую погоду, голодных и измученных, но под музыку, нас отправляли на работу. Встречали тоже с музыкой и прогоняли перед комендантом. Он отбирал для сжигания самых обессиленных.

Александр Горбанев:

Миноискатель помогал слабо, потому что земля вся усеяна металлом — осколками от бомб, снарядов, мин. Так что пицало неимоверно. Вот так и старший сержант в этом гуле не смог разобраться, где гудит опасней. Наступил на мину, она выскочила и разорвалась...

Нас с ним привалило к земле. Я вскочил в горячке сразу после падения, осмотрелся, вроде все в порядке. К сержанту, а он не шевелится. Поднял его, а лицо изуродовано. Грудь пробита осколками. Он был мертв. Видимо, меня прикрыл собой. Иначе и мне было бы несдобровать.

Виктора Ромодана из села Штеровки ранило в ногу выше колена. И как-то странно развернуло. Подбежала медсестра, девушка из Казахстана. Стала перевязывать рану. А мы взялись копать могилу сержанту.

Другой солдат с деревянной мины сорвал крышку, написал на ней «Погиб при выполнении боевого задания». Прибил ее на палку, установил на могиле.

Прощались с сержантом из Полтавы, положили на носилки

раненого Ромодана Виктора и понесли к «студебеккеру». Только погрузили его, принесли еще одного парня, пострадавшего от другой мины. Сестра увезла их в Успенку в больницу.

Александра Копытко:

В ноябре 1943 г. в разведке смертельно ранили моего сына. Умер в санбате.

Михаил Изотов:

«20 ноября 1943.

Дуся, главное, — это то, что наша священная земля быстро очищается от коричневой чумы. Я горжусь тем, что тоже на фронте и как многие товарищи, защищаю Родину, бью врага».

Ольга Василевская:

В санчасти больных было много. В 1943 г. в Белоруссии свирепствовал сыпной тиф. Так что кроме тяжелых раненных лечили больных. Санчасть располагалась в лесу и относилась к тыловым частям партизанской бригады. Врач я одна, медсестер 4. Одна медсестра погибла во время облавы. Одна санитарка. Работать трудно. Нет медикаментов, перевязочных материалов, необходимого инструментария. На бинты рвали трофейные парашюты. Кипятили их и перевязывали раненых.

Медикаменты с большим трудом доставали в Бобруйске.

Александр Ткаченко:

«24 ноября. Письмо твое мне доставило боль. Немного отошел от ранений, а тут письмо о смерти родного брата. Крепитесь, слезы не помогут... Тося, я усыновлю Жорку и заменю ему отца...»

Александр Горбанев:

Илирия в то время называлась Рыловка. Там уцелело несколько хат, и мы в них располагались. Когда дошли до Елизаветовки, нас перевели жить в Малониколаевку. Стояли там по квартирам. Там тоже убило троих. Владимира Григорьевича Шестаченко в том числе.

Из нашего Петровского на разминирование попали четверо: Дорохов Леонид Григорьевич, Дорошенко Петр Арсентьевич, Селявин с улицы Красной. Но его вскоре забрал отец в свою часть.

Павел Алякин:

В ноябре 1943 г. нас перебросили в Белоруссию. Немцы создавали укрепления 7 месяцев.

Утром пошли в наступление.

Здесь я был награжден орденом Славы.

Петр Потетюлькин:

В конце ноября на Могилевском направлении предстояло овладеть важным стратегическим узлом. Немцы пошли в контратаку. Но мы их отбросили. А вскоре мы взяли узел. Среди них был и я, пулеметчик.

Александр Горбанев:

Один допризывник пошел на минное поле. Снимал мину и пододвигался. Старший лейтенант построил всех утром и говорит:

— Кто будет самовольно ходить на минное поле, всех постигнет эта участь. Идите, попрощайтесь с товарищем.

Мне дважды везло. Когда закрыл собой старший товарищ, а второй раз просто пронесло. А моих соседей Дорошенко и Дорохова контузило. Дорохов Леонид Григорьевич долго был в больнице и стал белобилетником.

Петр Мороз:

«24 ноября 1943 г.

Морозовой Антонине Михайловне

Здравствуйте, мои дорогие родные Тонечка, Тамарочка и Верочка!

Шлю вам свой пламенный боевой чистосердечный привет.

Желаю вам всем крепкого здоровья успехов и счастья. Я жив, здоров. Получил письма на украинском языке и как-то мне интересно, ведь я давно не слышал такого разговора.

Письмо очень интересное. Из него я узнал о Павле Трофимовиче (бухгалтере Кривом). Немцы расстреляли его. Это письмо я читал многим.

Затем я получил письмо от дочки Татьяны. От Гарика ничего нет, и я волнуюсь.

Новостей особых у нас нет. Пока живу спокойно. Хорошо. Там же, где и раньше.

Выпал большой снег. Я немного простудился. Кашель и болит в

боку. Но неохота идти в медсанбат. Сегодня пойду в П. П. М. своей части. Там свои ребята из Харькова и Сум, есть аптека. Возьму порошков, и может быть, поставят банки.

Сейчас спешу на занятия. Пишу рано утром, чтобы оно пошло сегодня. Ваши письма идут ко мне ровно месяц. Сейчас надо еще подшить чистый подворотничок, побриться. Все надо сделать вовремя. Пишите о себе подробней. У кого и как живете, как ваше здоровье, как себя чувствует моя маленькая дочурка Лерочка. Я за вами очень соскучился. Особенно за моей Лерочкой.

Папа ее крепко целует. И поцелуйте вы ее за меня маленькую мою дочурочку. Привет от меня Маше, Куликам. А Любаше привет, как и Тоне. Я им очень обязан за вас.

Дорогая Тонечка, пиши о себе, как здоровье и здоровье Тамарочки. Где она работает? Получаете ли вы за меня пособие? Пока. Целую, ваш папа Петр. Пишите. Жду. Полевая почта 29070 «А».

Любовь Пушкарева:

Служила в роте связи. Обслуживала авиационные полки. Связь поддерживалась телефонная, телеграфная и радиосвязь. Я была радистом второго класса. Удостоена знака «Отличный связист» и назначена начальником радиостанции. Мне присвоили звание сержант.

В трудных условиях приходилось держать связь. Передавать и принимать радиogramмы.

Наши подразделения наступали в районе Брянска. Сутками не уходили со станции.

Григорий Савенков:

В Черниговской области в деревне спасли около 300 женщин, стариков и детей. Немцы заперли их в школе. Забили окна и двери и подожгли. Мне удалось выхватить из горящего помещения мальчишку. Я выскочил с ним в окно. Через несколько секунд оконная перегородка рухнула.

Вера Боечко:

Идет мелкий бесконечный дождь. Ледяной ветер. Конец ноября. В боях передышка, но раненые у нас в полевом госпитале № 5263 есть. И пока нет боев, стоим на месте в полуразрушенном селе, где-то на Кировоградщине, связной привел из штаба троих девушек — пополнение. Насквозь промокшие шинели и береты, посиневшие лица, в замерзших руках полупустые вещмешки. Докладывают старшине:

— Рядовые Юлиан, Коляда и Циммерман прибыли вместо погибших.

Какая судьба уготована им? Никто не знает. Госпиталь наш полевой. Подолгу нигде не стоим. Да и то, чаще в лесу или балке, а не в городе или селе. У нас холодно и голодно.

Когда раненых совсем не из чего было кормить, Клава Пилипенко, Нина Алехина, Нина Черных, Валя Кожану, Валя и Катя Тимофеевы, Сара Златопольская шли в села по уцелевшим хатам и землянкам, просили, кто что может пожертвовать госпиталю. Посуду на войне ведь тоже убивало.

Начальником нашего госпиталя был майор Гляденов.

Виктор Шиков:

В районе Фастова в результате начавшегося контрнаступления немцев ушедшая вперед часть попала в окружение. Нужно доставить боеприпасы. Выбор пал на меня.

— Вот тебе напарник. Поедешь двумя машинами. Главное, постарайтесь доехать туда.

Приказ был ясен, но вот как его выполнять? К окруженным провались через узкий коридор. Разгрузились, и пока не рассвело, поехали назад. Местность незнакомая. Ночь. Ехать пришлось с потушенными фарами. Вскоре поняли, что заблудились. Решили ехать вдоль железной дороги. Проехали с час и услышали окрик:

— Стой! Кто едет? — окликают по-русски.

— Куда же ты заехал, сержант? — сказал сапер. — Это же как раз середина минного поля, только что поставили.

Снег только выпал, следы хорошо видны. Попросил помочь сапера. Вывел одну машину. Потом ссадил молодого напарника и вывел его машину. Несмотря на морозец, гимнастерка была мокрой от пота.

— Ну, ты даешь, — удивлялся сапер. — Сам бы не увидел, не поверил. Так не каждый может. Не боялся, что рванет?

— Боялся. Да машину жалко, хорошая она у меня, привык к ней, как к человеку.

Григорий Савенков:

Бой длился до самого утра. На рассвете вышли на дорогу, окутанную туманом. Вдоль дороги тянулись обгоревшие деревья. Справа стоял колодец-журавель. А слева — освобожденная сгоревшая

дотла деревушка. Еще дымились руины. Только уцелевшие трубы от печей напоминали, что здесь жили люди.

Со стороны леса появился паренек. Представился лесником. Он рассказал, что немцы заживо сожгли всех. От мала до велика. А называлась эта деревенька Хатынь.

Так мы и шли, с боями освобождая родную землю. И на каждом шагу — следы немецких злодеяний.

Голенко:

Люди с радостью приступили к возрождению Донбасса. На нашей шахте № 5-бис бригада Перепелицы разобрала завал на 5 дней раньше установленного срока, восстановила запасной выход из шахты и несколько десятков метров центрального бремсберга. Большие работы выполнила женская бригада Игнатенковой. Она пробила водосточную канаву, наладила спуск воды со штрека и убрала породу на расстоянии 330 метров. В этой работе отличились образцовым трудом Задорожная, Чекурина, Рябцева и Сагайдачная.

Замечательно трудится бригада горноспасательной команды под руководством Адамчука. Горноспасатели восстановили коренной западный штрек Хрустальского пласта, квершлаг второго горизонта.

Шахта № 5-бис вступит в эксплуатацию в 1944 году.

Мария Козьмина:

Пошли мы на пруд. Он ледком покрылся. А подо льдом плавает рыба. Стукнешь сапогом, она раз, и шарахнулась в сторону. А лед тонкий, ее можно достать.

И до чего мы додумались? Достали пистолеты, и давай стрелять. Только выстрелил, лед проломился, а рыба метнулась и замерла. И мы достали. Но потом оказался почему-то сапог простреленным.

Мария Норка:

Завтра расстаюсь с колхозом, с родными, и через несколько дней я стану работницей угольной промышленности. Мне 20 лет. Жизнь вся впереди. Как хорошо учиться, познавать все новое и новое. И вдруг мне захотелось птицей лететь на шахту, добывать уголь. Как все интересно! Слова председателя не выходили из головы.

Тамара Горбачева:

После освобождения надо было зарабатывать на жизнь. Тем более, что на моих руках пятеро. И сама еще ребенок. 1 декабря приняли подкатчицей вагонеток на шахту 7/8, а уже через месяц перевели работать подземной откатчицей. В шахте работали, в основном, женщины и юноши. Старых работников — единицы. Взрослые сражались на фронте. Все процессы по выемке угля проводились вручную. Отбойными молотками. Труд женщин был тяжелым. Забои проветривались плохо. Газ после взрывных работ стоял в забоях по 4-5 часов. Погрузку угля производили выкидчики в перекидку в 4-5 пар рук. Эту работу зачастую выполняли женщины. Вагонетки откатывали руками и боком. Делали это тоже девчата. Плитовыми, зарубщиками были тоже женщины. Все эти работы пришлось выполнять и 16-летней Тамаре. Особенно трудно грузить уголь в вагонетку. Это делать приходилось и на коленях. А еще трудно разворачивать вагонетки «лимонадкой» на плитах.

Каждому рабочему, кто спускался в шахту, выдавали дополнительный паек: 200 г хлеба и 50 г сала. На подземного рабочего в сутки выдавали 1-1,2 кг хлеба. Поверхностным рабочим по 800 граммов. Иждивенцы и дети получали 500 и 300 граммов.

Василий Гетьман:

В декабре на подступах к Кривому Рогу мой пулеметный расчет постигла неудача. Мы отбили несколько контратак фашистов. Были даже психические атаки. Немцы отступили. Но тут начался минно-артиллерийский обстрел наших позиций. Второй номер расчета погиб, первый номер получил ранение. Остался я один. Но через несколько минут осколком разорвавшейся мины был ранен и я в правый бок (слепое осколочное ранение).

На госпитальной койке вспомнил и детство в селе Андреевке Харьковской области, и школу, ФЗО в Красном Луче, и шахту № 17, курсы горных электромехаников. Меня подлечили и выписали, но осколок так и остался под ребром.

Владимир Борсоев:

10 декабря, с. Юровка. С ноября немец не продвинулся ни на шаг. Наши разведчики ежедневно бывают в тылу врага. Доходят до батарей, приводят «языков». На фронте затишье. Наши силы подтягиваются. Скоро дадим врагу жару.

Михаил Белый:

В декабре 1943 г. стояли в обороне на реке Нарва. Там болота. Даже зимой не везде пройдешь. Сделали настил километра 3 — 4 и огородили его с боков забором из веток, чтобы противнику не было видно, что там происходит.

6 разведчиков ходили в тыл, и меня ранило. Донесли меня ребята до передовой, и попали мы на эту тропу. Пехотинцы сказали, что не пройдем, потому что идти будем медленно, и немцы перестреляют, как куропаток.

Тут есть санитары с лошадьми. Нашли этих санитаров. Меня уложили в специальную лодку, сверху накрыли такой же. Приученная лошадь помчала во весь опор на тот берег. На другом берегу ее поймали. Если человек не выдерживал этой гонки, он погибал. Я выдержал. Ничего другого для раненых нельзя было придумать.

С тех пор как увижу лошадь, на душе становится радостно.

Петр Соколов:

В декабре 1943 г. ранен и выбыл из строя.

М. Власова:

«Вот уже полтора года я сражаюсь на фронте за освобождение моей Родины. Я — отличник-связист, участвовала в боях за Сталинград и призываю вас, дорогие земляки, множить свои успехи на трудовом фронте.

М. Власова, гвардии ефрейтор. 11 декабря 1943 г.»

Солодовников:

Многое сделали восстановители шахты № 12/12-бис. Здесь отремонтирована вся жилая площадь горняков, восстановлены клуб, баня, столовая, детский сад, шахты № 4 «Облтоп» и № 12-бис, смонтированы и установлены подъемные машины, построено надшахтное здание, восстановлено паровое хозяйство. Шахтоуправление полностью подготовилось к приему электротока. В восстановлении шахты показали замечательные образцы труда электрослесарь Камышанов, зарубщик Шульга, навалоотбойщик Черненко и горноспасательный отряд под руководством Плотникова.

Здесь, у переднего края, жизнь забила светлым ключом. Все, что немцы разорили и разбили, мы возродим.

...Возле дороги, ведущей на шахту № 12/12-бис, стоит подбитая

немецкая пушка — свидетельница наших сражений за родной Донбасс. А в забоях шахт разгорается новая битва, битва за антрацит, который плавит металл для сокрушительного удара по врагу.

Владимир Борсоев:

12 декабря, с. Жатковец. Позицию, орудия и машины сдаем гвардейскому полку и сосредотачиваемся в селе Жатковец. Итоги боев за это время: уничтожены 24 танка, 15 машин и до батальона пехоты. Наши потери: два офицера, 63 человека младшего и рядового состава, из них убитых 7 человек.

Валентин Гречишкин:

В декабре 1943 года немцы, отступая, оставляли убитых и раненых. Как-то в окопе я увидел немецкого капеллана, поверх шинели у него висел на крупной цепочке крест, украшенный цветными камнями размером каждый с фасолину. Лежал немец на спине, с закрытыми глазами. Лицо его было умиротворенное, форма на нем аккуратная, чистая. На левой руке оторваны два крайних пальца. В моей голове возникли вопросы: «Чего ты пришел сюда! Что тебе нужно было лично от меня! Почему ты пришел убивать меня — ведь ты не знаешь меня, мою семью. Что я тебе должен!» На бляхе пояса я прочел надпись «Гот мит унс» (Бог с нами).

Николай Инякин:

12 декабря полк передислоцировали за Чернигов. Мы заняли огневые позиции на Днепре в районе станции Неданчичи. Здесь началось строительство стратегически важного железнодорожного моста через Днепр, готовилась операция «Багратион». Нам надо прикрыть мост. Со всех сторон шли земляные работы — защитники неба серьезно готовились к встрече с врагом. Спасибо погоде, она была нелетная, и мы успели основательно подготовиться.

Иван Чумак:

«13 декабря 1943 года. Здравствуйте, дорогие родители, я жив и здоров, мы до места еще не доехали...»

Дий Шмидт:

14 декабря в районе села Новая Жизнь в артбатареях вышли из строя две радиостанции. Требовался ремонт в армейских мастерс-

ких. Полк в это время поддерживал 231 танковый полк. Готовилось наступление. Все находилось в движении. Передача приказаний производилась по радио. Но до армейских мастерских добраться сложно, да и будет потеряно время. Снова доверили мне, и я справился, хоть поломки оказались сложными. Отремонтировал радиостанции, чем помог командованию выполнить боевую задачу.

Владимир Борсоев:

16 декабря. Киев. Приехали на формирование. Работы больше, чем на фронте. С трудом наладили занятия. Литературы нет, пособий нет.

Евгений Хлебников:

Со многими приходилось обороняться и наступать, и все танкисты, на первый взгляд, казались одинаковыми. На самом же деле все разные — женатые и холостые, робкие и бесстрашные, скромные и нахальные. Но все одинаково сжатые в единый кулак механизма, название которому — экипаж. Танк — коллективное оружие. В бою повернуть все обратно невозможно. Запоздалый выстрел может быть последним, может стать причиной гибели экипажа и боевой машины.

Мария Норка:

18 декабря мы приехали в Красный Луч, на шахту 4-бис им. 20-летия ВЛКСМ. Нас направили работать на восточный участок. Дали нам инструменты. В шахту шли робко. Подбадривала бригадир Катя Степаненко:

— Ничего, девушки, привыкнете, научитесь.

Катя рассказала, как владеть поддирой, клеваком, лопатой, как отбивать уголь. Все я запомнила, что она говорила, и старалась работать именно так.

Валентин Гречишкин:

Окончательно выбив немцев из наших окопов, мы начали хоронить своих. Мы были потрясены жестокостью войны: все в крови — обмундирование, оружие. На дне окопов — сгустки крови, которые тянутся, как кисель, за вынимаемыми телами убитых. Можно было различить лица каждого убитого.

Е. Пархачев:

12 немецких дивизий сумели остановить гвардейцев на дальних подступах к Днепру более чем на сто дней.

На Никопольском плацдарме начались сражения, в которых участвовали с той и другой стороны десятки дивизий. Героически сражалась с фашистами рота гвардии старшего лейтенанта В. Косенкова.

Трагичным для него оказался день 19 декабря. У села Новоднепровка В. Т. Косенков, увлекая бойцов за собой, вдруг упал... В ту пору ему было всего 20 лет.

Николай Гладышев:

Комсомольцы и молодежь Красного Луча для горняков шахт треста «Донбассантрацит» и энергетиков электростанции им. Дзержинского пошили более 2000 теплых рукавиц.

В. Сыроватский:

«Дорогие земляки-шахтеры! Быстрее восстанавливайте разрушенные немцами шахты. Работайте с еще большей энергией. Напрягайте все силы, чтобы дать стране больше угля. Обещаю вам, друзья, что отдам все силы на защиту Родины. За боевые заслуги меня наградили медалью «За отвагу».

В. Сыроватский, гвардии сержант, бывший машинист врубовки на шахте № 5/7. 22 декабря 1943 г.»

24 декабря началось общее наступление на Правобережной Украине, в котором приняли участие крупнейшие фронты — Белорусский, 1, 2, 3 и 4 Украинские. Боевые действия развернулись на 1400-километровой полосе — от Полесья к берегам Черного моря.

Ю. Мироненко:

Пензенский отряд трудрезервов, работающий на восстановлении электростанции им. Дзержинского, показывает хорошие образцы труда. Учащиеся группы мастера Гревцова комсомольцы Владимир Гераскин, Михаил Лысов и Александр Буян среднесуточную норму выполняют на 140 процентов. Не отстают от них учащиеся групп мастеров Симонова, Лазуткина и Горюшкина.

Николай Инякин:

24 декабря погода прояснилась, фрицы зашевелились. Сначала изредка прилетали они, а потом все чаще и чаще. Шли дни за днями, и бои похожи один на другой. Батарея жила дружною семьей. Между боями мечтали, пели песни, танцевали, ведь на батарее 18 девушек 19-20 лет. Налетов днем мало. Больше все вечерами и по утру. То в одиночку, то в паре. Стреляли сначала по шуму. Хищник попадал в лучи прожектора, что полосовали небо. Тогда мы вели прицельный огонь. Часто при налете стервятник вешал над объектом «лампады», т. е. светящиеся авиабомбы. Они висели долго, освещая мост.

Валентин Гречишкин:

Я ранен пулей в бедро. Санбат, операция, потеря сознания, меня вынесли в так называемый изолятор — положили на пол, ожидая, что «врежу дуба». Четверо суток я был в бессознательном состоянии, но организм не сдался. Вскоре меня перенесли в какую-то другую хату к раненым и положили ближе к печке. Потом были Мелитополь и Кавказ, Пятигорск, госпиталь № 5427 и... инвалидность.

Николай Гладышев:

С первых дней освобождения города от немецких захватчиков начал работать Краснолучский молочный завод. Здесь уже выработано более 600 килограммов сливочного масла для больниц, детских домов, и десятки тысяч литров молочных суфле и глясе. Мастером завода работает энергичная комсомолка Панченко, которая сохранила от разбойничьих рук оккупантов немало ценной аппаратуры

Е. Пархачев:

На Никопольском плацдарме, отбив очередную атаку пехоты и танков противника, преследуя его, Александр Иванович Якунин вдруг будто споткнулся... Упал, сраженный осколком вражеского снаряда. Он без сознания, но еще жив. Санитары отправили его в полевой госпиталь в с. Великую Белозерку. Однако спасти уже не удалось.

Самая большая, братская могила у с. Новоднепровка. На постаменте имени 1113 покоящихся здесь героев. Спит здесь вечным сном и наш земляк.

Хренов:

Декабрьский план восстановления электростанции горьковский отряд трудрезервов выполнил на 107 процентов. Образцовым трудом проявили себя группы мастеров Утрисова, выполнившая план на 150 процентов, Сурикова — на 184 процента, Мартынюк — на 166 процентов.

Передовые учащиеся Потайкина, Малиника, Щебарщина, Максимова, Поликарпова и Крылова выполняют производственное задание на 200-300 процентов.

Владимир Борсоев:

26 декабря. Вырвался, сходил в театр русской драмы. Слушал концерт. За два с половиной года первый раз попал в театр. Чудно. Хоть на минуту забыл войну.

Писем нет. Да, исключительно радостное известие получил от Елены Федоровны Задорожной: жива, здорова. А я думал, ее семья погибла у немцев. Оказывается, уцелела.

Владимир Шувькин:

Толик Еремеев, с которым сидели за одной партией, а на фронте мерзли в одном окопе, делились последними крохами хлеба, патронами сражен пулеметной очередью на крымской земле в декабре 1943 года.

В. Шепелев:

Немцы разграбили и разрушили нашу электростанцию. Ущерб, причиненный фашистскими оккупантами, огромен. Но вместе с Красной Армией на электростанцию пришла жизнь. После того, как расчистили и осмотрели фундаменты турбогенераторов, началась напряженная круглосуточная работа по строительству плотины. В этом созидательном труде самоотверженно трудились не только кадровые рабочие, но и домохозяйки, колхозники. Работали в дождь, при сильных снегопадах.

Среди всех каменщиков особенно выделялась комсомольско-молодежная бригада Ильиной, которая изо дня в день выполняла задание на 250 и больше процентов.

Стремительными темпами проходила работа по ревизии, ремонту и восстановлению основного и вспомогательного оборудования. На углеподаче, где начальником Суховерхов, восстанавливались транс-

портеры, скрепера, ленты, бункера. В котельном цехе — котлы, мельницы, дымососы, паропроводы.

Леонид Петрыкин.

«Уважаемая Зоя Васильевна! Ваш муж Леонид Филиппович Петрыкин в декабре, освобождая Коростышев, пал смертью храбрых. Высылаю вам фотографию братской могилы, в которой он похоронен. Его танк первым прорвался к центру города. Весь экипаж погиб».

В. Рогулин:

К нам в часть из госпиталя прибыл капитан Лобок. Подтянутый, дисциплинированный, требовательный к себе и подчиненным офицер. И в то же время душевный человек. Находясь в обороне под Оршей, капитан Лобок, не зная сна и отдыха, сколачивал партийно-комсомольский актив, воспитывал у бойцов жгучую ненависть к фашистам и веру в победу. Он охотно передавал свой опыт борьбы с немецкими танками, приобретенный им в боях под Москвой.

Василий Войнилович:

Много трудных фронтовых дорог прошли добровольцы краснолучане. И рядом с нами весельчак Иван Камышанов. От всей души поздравляли его, когда на груди появился первый орден Красной Звезды, а потом — ордена Славы 1 и II степени. Когда собирались все вместе, Ваня вслух мечтал о будущем. Какие планы у него! Но не суждено им сбыться.

Василий Ширков:

В конце 1943 года, находясь в лагере военнопленных, куда попал раненым под Сталинградом, установил связь с югославским подпольщиком — коммунистом, членом Сараевского ЦК партии, комиссаром Високофойничского партизанского отряда Драганом Поповичем. Теперь знал, что нужно делать. Получив оружие и сняв двух немецких часовых, вместе со своим товарищем А. К. Хазарянцевым бежал из лагеря в партизанское село Баре. Нас встретил связной Саво Тотич. Он помог добраться до находившегося в горах партизанского штаба.

С. Шахов:

В декабре героический экипаж подводной лодки «Д 4» и его командир коммунист Иван Яковлевич Трофимов погибли, с честью выполнив священный долг перед Родиной.

Е. Бродский:

Тридцатилетняя Мария Петровна Заброда — жена военного летчика, погибшего в воздушном сражении в первый месяц войны, оказалась на оккупированной врагом территории. Вместе с другими отправили в Германию. В Мюнхене её продали в кухарки.

Жажда борьбы с фашистскими поработителями привела женщину в подпольную организацию БСВ (Братское сотрудничество военнопленных). Она стала связной между лагерями, распространяла листовки, в которых звучал призыв быть бдительными и готовить силы для восстания. Она приносила записки от руководства БСВ на места работы военнопленных, распространяла среди них программу Братства, вступала в контакт с передовыми немецкими рабочими и с их помощью выполняла различные поручения руководства подпольной организации. Когда Мария Петровна попала в руки гестапо, ее избивали перед строем военнопленных, которым она помогала. Не получив от нее признания, гестапо бросило ее в лагерь смерти — Освенцим.

Гуц:

В четвертом квартале за ударный труд 37 шахтерам присвоено звание «Мастер угля в дни Отечественной войны».

Дмитрий Деев:

В короткий срок, как и до войны, на всех шахтах горели красные звезды, и пошел на-гора уголь. Жизнь закипела с удвоенной силой.

Борис Стремиллов:

Всем хватало работы, все хотели скорее восстановить шахты, заводы, жилье. На восстановление Донбасса съезжались люди со всех концов страны. Появилась молодежь, появились песни и уверенность в завтрашнем дне. К людям возвращался энтузиазм и патриотизм.

Алексей Мароков:

Как-то во время перевязки врач говорит:

— Теперь тебе, Алексей, фронта не видать. Вторая группа и баста.

Но молодость и настойчивость свое взяли. Стал тренировать ногу к походу, а затем забросил костыль и стал готовиться к выписке, утром встаю на ногу — болит. Виду не подаю. Думаю, куда инвалида направят? Конечно, в тыл. В то время тыл был вторым фронтом. Подошел день комиссии — II группа, за фронт забудь. Что делать? Сосед по койке посоветовал обратиться к замполиту. Он отзывчивый человек, поможет. Ну, думаю, была не была. Пошел. Выслушал замполит, сказал:

— Вижу, что ты настойчивый парень, да и в тылу такие, как ты, нужны позарез, но на фронте дважды, так вот, сейчас иди отдыхай, а после обеда зайдешь ко мне.

После обеда подошел к кабинету, жду.

— А, ты уже здесь, ну заходи. Слушай меня внимательно. Госпиталь дает тебе справку, что ты инвалид войны II группы, и направление в часть. Справку сохрани, останешься жив — пригодится. Поменьше прихрамывай.

Поблагодарил замполита и пулей вылетел из кабинета, будто находился не в госпитале, а на призывном пункте военкомата.

И вот я снова в своей «киевской» части. Тех, кто служил в этой части в 1940-1941 гг., почти никого не осталось.

Крикунова:

После освобождения Красного Луча я стала санитаркой и последовала за нашими частями на запад. Вместе с другими девушками помогала раненым бойцам.

Вера Симоненко:

Когда в 1943 г. из полтавского села Сенча попала в Донбасс, на нашу шахту № 5/7, мною меньше всего двигало призвание. Просто приехал в село вербовщик и звал людей на восстановление шахт. И я согласилась.

Шахта разрушена и затоплена. Восстанавливали ее только женщины и девушки. Чистили уклон и штрек, грузили грязь в вагоны. Потом я стала навалоотбойщицей. В мокрой лаве тяжело работать, но мы научились грузить уголь, стоя на коленях и отбивать верхнюю

пачку клеваком и поддирой. Работали по 8-9 часов. Нагрузить за смену каждой из нас полагалось 8 тонн.

Лидия Васильченко:

Отец преподавал в железнодорожном техникуме в Полтаве. Когда его забрали на войну, мы с братом, совсем еще мальчишкой, тоже ушли добровольцами на фронт. Я — санинструктор. А вот братишка погиб... Похоронен в братской могиле в городе Ровно...

С. Ляшенко:

31 декабря третий батальон на рассвете освободил село. Не успели бойцы привести себя и машины в порядок, как к нам несмело начали подходить люди. От радости и грусти плакали бабы. Расспрашивали, не встречались ли мы с их мужьями и сынами. А мы им рассказывали о своем походном марше, какие населенные пункты проходили с боями.

Зашел разговор, что сегодня в 12 ночи наступит Новый год. Девушки предложили встретить его в школе. К вечеру все классы очистили, самый большой из них даже побелили и стекла в окнах помыли.

А тем временем несколько бойцов моей батареи поехали полуторкой в недалекий лес и привезли небольшую ёлку, которую и установили в классе. Сколько было радости! Девушки принесли сухие цветы, вырезали из цветной бумаги разных зверьков, а кое-кто принес даже довоенные игрушки, и ими украшали елку.

А когда пожилая женщина принесла большую восковую свечу, которую берегла себе на смерть, как она сказала, укрепила свечку на самой вершине и зажгла, елка враз стала нарядной и красивой.

Наступила ночь, а молодежь шла и шла в школу. В полночь пришел политрук батальона. Приказал построить перед школой бойцов моей батареи и автоматным салютом возвестить жителей села, что наступил Новый 1944 год. Мы радовались, пели, танцевали. Казалось, и войны нет.

А на рассвете поступил приказ о наступлении.

Василий Рудов:

Воинская часть, в которой я служил командиром отделения автоматчиков, была задействована и в несении гарнизонной службы. В ночь с 31 декабря на 1 января меня назначили в наряд, помощником

начальника караула 3 разряда. В 23.00 произвели последнюю в старом году смену. Все вернувшиеся с постов в караульное помещение бойцы, умаявшиеся на холодном ветру, бросились, не раздеваясь, на полати и, без особых новогодних эмоций, мгновенно уснули. Бодрствовали только я (положено по уставу) и рядовой Емельяненко, который шуровал «буржуйку» и пек на ней картошку. Я сидел за столом, прямо перед дверью, листал старый журнал и смотрел на дверь, над которой висели часы. Дверь в караульное помещение открывалась и закрывалась бесшумно. На посту у этой двери стоял часовой, но из-за ветра его шагов и голоса не было слышно. Тихо переговариваясь с любителем печеной картошки, я в 23 часа 59 минут закрыл глаза и стал в уме отсчитывать последние 60 секунд старого года. Когда на последней секунде открыл глаза, я был ошеломлен увиденным: на пороге передо мной стоял дежурный по гарнизону майор Таууров. От неожиданности я вскочил на ноги и стал заикаясь докладывать ему, что положено по уставу. Эта растерянность давала основания дежурному заподозрить меня в грубом нарушении Устава. И только услышанные майором еще в коридоре мои реплики по поводу картошки уберегли меня от подозрений и серьезных выводов.

А было мне тогда аж 17 лет!

Е. Пархачев:

Изранена, как оспою, земля,
Следы от бомб и тысячи снарядов...
Пытаюсь ущипнуть себя: живой ли я,
А друг с Ивановки, что был со мною рядом?
...Зияет развороченный окоп,
На дне, как пламя, лужа крови,
А в луже — друга кирзовый сапог
И часть руки — от локтя до ладони.
Меня знобит: прощай... Прости, сосед...
Ты был мне верным другом, родным братом.
Заплачет мать:
— От сына писем нет...
И вытрет слезы стареньким халатом.

О себе, товарищах, войне рассказали

А

- Акименко Иван Гаврилович. Участник обороны Красного Луча.
- Акименко Иван Филиппович. Директор школы № 10 имени А. С. Пушкина.
- Акименко Семен.
- Акименко Федор Григорьевич. Командовал ротой. Участвовал в боях за Туапсе и Новороссийск. Участник десанта на Этильген. Капитан. Жил в Княгиневке.
- Алейников Виктор Васильевич. Боевой путь его начался в июле 1942 г. в гвардейской бригаде спец назначения. Кавалер ордена Славы.
- Александрина Прасковья Федоровна. Герой Социалистического труда.
- Алексеев Евгений Михайлович.
- Алисов Виктор Николаевич. Работал электрослесарем на шахте имени «Известий».
- Алисова Екатерина Федоровна.
- Алякин Павел Сидорович. Родился 21 марта 1912. Воевал в составе 580 стрелкового полка. Орден Славы III степени за взятие «языка» на Белорусском фронте. Погиб брат Алякин Иван Сидорович.
- Аникеев Григорий Иванович. За участие в боях в районе Малониколаевки награжден орденом.
- Антонов Яков Константинович. Форсировал Днепр. Победу встретил в Чехословакии.

Б

- Бакаич Тамара. Разведчица.
- Баранов Федор Егорович. Кавалер ордена Александра Невского.
- Барышников Александр Иванович.
- Безбородов Иван Николаевич. Поэт.
- Белевский Иван Матвеевич. Первый секретарь горкома партии во время войны, Почетный гражданин Красного Луча.

- Беликов М. Снайпер.
- Белогрудов Юрий Васильевич. Подростком жил в оккупации. Вел дневник о жизни краснолучан.
- Белоконь Пелагия Викторовна. Артиллерийская разведчица.
- Белый Михаил Карпович. Родился 10 ноября 1925 г. в Одесской области. Стрелок. Погиб отец. Слесарь химзавода г. Петровское.
- Бергер Юлия Тимофеевна. Жительница х. Степной.
- Бжелецко Александр Иванович. После войны работал на шахте им. «Известий».
- Биляченко Митрофан Иосифович.
- Бирюков Иван Григорьевич. Родился 8 июля 1924 г. ст. Лихая. Живет в г. Петровское, ул. Ленина 30/6.
- Богатырев Алексей Григорьевич. Родился 20 апреля 1924 г. в поселке Хрустальное.
- Богачев Александр Федосеевич. Родился 26 февраля 1921 г. Орден Красной Звезды, медали за оборону Москвы, Ленинграда, взятие Будапешта. Погибли брат и дядя. Учился в ФЗО, работал столяром в Тамбове, слесарем на химзаводе г. Петровское.
- Богуславский Владимир Яков.
- Богуш Евгения Ивановна. Врач.
- Боева-Богатырева Таисия Григорьевна.
- Боевко Вера.
- Боженко Владимир Игнатьевич. Командовал ротой. Участвовал в Сталинградской битве, освобождал Украину, Румынию, Болгарию, Венгрию, Австрию. Работал на обогатительной фабрике «Хрустальская».
- Бойченко Василий Дмитриевич. Заместитель директора горного техникума.
- Бондаренко Елена Григорьевна.

Бондаренко Михаил Порфирьевич. Полковник. Начальник штаба дивизии 7 кавкорпуса, участвовал в боях за Донбасс. Последние годы жил в Киве.

Борисов Александр Андреевич. Гвардии подполковник. Служил в Первой гвардейской Армии.

Борисов Михаил Дмитриевич. Командир 7 кавалерийского корпуса, генерал-майор.

Борисовский Александр Федорович. Родился 16 сентября 1924 г. До войны успел поработать молотобойцем на шахте. Освобождая Павлоград, получил осколочное ранение в руки и глаза. Инвалидом первой группы по зрению остался навсегда. Только в 1953 г. ему вручили орден.

Бороденко Семен Прокофьевич. Двадцатилетний командир саперной роты. От Старобельска до Нальчика, а затем до Берлина - таков его боевой путь. После войны он - начальник финансового отдела треста «Краснолучпромстрой», возглавлял совет ветеранов партии войны и труда предприятия.

Борсоев Владимир Бузинаевич. Артиллерист. Герой Советского Союза. Защищал Красный Луч в составе шахтерской дивизии.

Бочаров К. Командир авиаполка.

Братченко Филипп Васильевич.

Бродский Е.

Брусник Анатолий Антонович. Три раза солдат пролил кровь в боях за Родину. Когда окончилась война, бывалому солдату, кавалеру боевых наград, исполнилось 17 лет.

Букаев Петр Андреевич. Ратный путь начал 1941 г. после окончания Полтавского танкового училища.

Буков Иван Александрович. Разведчик, пулеметчик. Председатель городского совета ветеранов войны и труда.

Буриханов Б. Офицер, военный журналист.

Бутков Виктор.

В

Василевская Ольга Владимировна. Родилась 10 декабря 1910 г. в Риге.

Васильченко Анна Ивановна. Родилась 18 июля 1918 г. В Красном Луче в 1937 г. окончила медучилище. Работала в госпитале № 3425. На войне погиб брат Евгений Иванович Васильченко. г. Петровское.

Васильченко Иван Иосифович. Разведчик. Учитель.

Васильченко Лидия Лаврентьевна. С боями прошла Белоруссию, Украину, Литву, Латвию. После окончания войны еще два месяца разминировала подвалы, поля. Трудилась дежурной по станции Красный Луч.

Вахлаев Александр Алексеевич. Герой Советского Союза. Родился в большой семье в поселке Ивановка. Перед войной работал в Красном Луче на шахте «Сталинский забой». Почетный шахтер Красного Луча. Жил в Полтаве.

Ведерникова В.

Величко Карп Петрович. Заместитель начальника цеха предприятия. Партизан.

Величко Семен Матвеевич. Подполковник.

Винниченко Борис Ульянович.

Вислогузов Леонид Егорович.

Владимирский Константин Сергеевич. Капитан. Жил в г. Барнауле, заведовал отделом кинофикации Алтайского крайисполкома.

Власов Николай Иванович. Работал на шахте им. «Известий».

Войнилович Василий Иванович. Журналист. Участник обороны города. Восемь ранений и пятнадцать наград. После войны - учитель, директор школы-интерната № 1, секретарь исполкома городского Совета народных депутатов, заместитель директора спец. ПТУ.

Войтова Валентина.

Волженский И. Первый орден получил в 19 лет, а паспорт - только спустя 6 лет. В качестве первопроходца-сапера участвовал в боях за Белую Церковь, Яссы, Варшаву, громил врага в его собственном логове.

Волков П. Капитан.

Ворошилова Роза Николаевна.

Вощенко Иосиф.
Вьюхин Григорий Потапович.
Участник рейда кавкорпуса по тылам врага в Донбассе.
Вялов Иван.

Г
Гаврилов Михаил Степанович.
Коногон, танкист.
Гаврилова Ю.
Газин Федор Михайлович.
Гайван Семен.
Гайнулин Николай В.
Гетьман Василий Прокофьевич.
Строитель. Герой Соцтруда. Почетный гражданин Красного Луча.
Глазков Виктор Трофимович.
Глушенко Владимир Петрович.
Родился 21 декабря 1921 г. Жил в г. Петровское. Во время войны погибли два брата.
Говоров Т. Капитан.
Голенко. Зав. шахтой № 5-бис.
Голикова Е. Лейтенант медслужбы.
Головин М. Секретарь Краснолущского горкома партии.
Голофеев Николай Михайлович.
Командир батальона. После войны - зав. отделом горкома партии, заведующий городским отделом социального обеспечения.
Голошапов Е.
Голубев Анатолий Петрович.
Голубов Яков Степанович.
Почетный гражданин с. Перекоп, командир отделения автоматчиков. Мастер ПТУ № 17.
Гончаренко Алексей Иван. Преподаватель горного техникума.
Гончаренко Анна Филипповна. 25 октября 1927 г. родилась в Макеевке, окончила Ворошиловградский пединститут. Во время войны погибли сестра и дедушка.
Гончаров Егор Ильич. Почетный шахтер. Рабочий шахты им. «Известий».
Горбанев Александр Миронович.
Горбачева Тамара.
Грачев Иван Федорович. Начальник Краснолущского горотдела КГБ.
Гречишкин Валентин Степанович.
До войны успел окончить школу. Инвалид войны. Комсорт роты .

Григорьев Л.
Григорьев Андрей Петрович.
Родился 15 августа 1905 г. Конюх.
Григорьев Михаил Владимирович.
Работал на ш. им. «Известий».
Грязнухин А. Рядовой.
Гузенкова Варвара.
Гулеватый Тимофей Дмитриевич.
Гуленко Анна Михайловна. Участница обороны Красного Луча.
Гуреев Евгений.
Гурилева М.

Д
Давыдов Михаил Васильевич.
Дайнека Иван Демидович. Дошел до Берлина. После работал на ш. «Христофоровская».
Деев Дмитрий Иванович. Участник освобождения Донбасса. Лейтенант. Корреспондент Краснолущской городской газеты.
Дербенцев Павел Яковлевич. Трижды ранен. В шахтоуправлении № 4-бис был горный мастером.
Дербенцев Яков Филиппович. На фронте 3 года 4 месяца 18 дней. Горный мастер шахты 4-бис.
Деркач А. Плитовой ш. № 12.
Дианов Василии Петрович. Подполковник, работал в АТП № 12772.
Дибров Иван Сергеевич.
Родился 24 сентября 1907 г. Был комсоргом шахты 8/9, зав. отделом пропаганды райкома комсомол Антрацитовского района. Член бюро райкома комсомола. В Великой Отечественной войне участвовал с 1941 по 1945 гг. комиссар отдельного 1472 инженерно-саперного батальона. Зам командира батальона по политчасти. Агитатор, секретарь парткомиссии политотдела бригады. Защищал Сталинград, участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. Освобождал Румынию, Польшу, Чехословакию. Войну закончил в Берлине. После войны работал горным мастером, помощником начальника участка на шахте № 45, начальник отдела кадров комбината «Донбассантрацитшахтострой».
Диброва М.

Дикий Петр Васильевич. Мальчишкой пережил оккупацию. Как только Красную Поляну освободили от фашистов, ушел на фронт. Кавалер ордена Славы.

Донченко Владимир.

Дубовицкая Полина Акимовна.
Воспитательница ПТУ № 36.

Е

Егоров Владимир Иванович.
Кандидат исторических наук.

Ежов Николай Зиновьевич.
Младший лейтенант. Начальник участка РВУ ш. № 160.

Еременко Егор Иванович. Родился 25 марта 1914 г. Ордена Славы, Красной Звезды, медаль «За отвагу». Погиб брат. Рабочий химзавода.

Ермаков В. Представитель политотдела танкового корпуса.

Ермаков Иван Семенович. Капитан. Зав. Краснолучским гороно.

Ермоленко Александр Ефимович.
Ветеран авторемзавода

Ж

Живлюк М. Участник обороны города. Подполковник, командир минометного батальона шахтерской дивизии.

Жиленков Василий Макарович.
Участвовал в боях на Курской дуге, за Украину, Чехословакию, у Венгерского озера Балатон. Трижды ранен. Инвалид войны. Работал в Краснощековском карьере.

Жуков Михаил.

Жукова Юлия Федоровна. Разведчица Ивановского партизанского отряда.

З

Заверюха Анна Андреевна.

Загоруев Г.

Начальник канцелярии комбината «Донбассантрацитшахтострой».

Задорожная Елена Федоровна. Учительница.

Задорожный Александр. Участник боев за Красный Луч.

Задорожный Василий Кондратьевич. Лейтенант. Служил в 346 полку 14 сд. Ранен во время боев за Малониколасевку. Живет в Ивановке.

Заикин Иван Филиппович. Летчик. Работал на шахте имени «Известий».

Зайцев А. Сержант.

Зайчук Михаил Прокофьевич. Разведчик. Инвалид войны. Учитель.

Запорожец Петр Федотович. Старшина батареи № 19 береговой обороны базы Черноморского флота. Воспитатель в общежитии шахты № 160.

Захаров Николай Дмитриевич.
Освобождал Белгород, Киев, форсировал Днепр. Дошел до Мюнхена. Здесь тяжело ранен (в пятый раз). Танкист. Слесарь машзавода.

Захарченко Мария Алексеевна.

Звирин Павел Иосиф. Рядовой.

Звягин Дмитрий Яковлевич. Воспитатель в общежитии шахты им. «Известий».

Зеленская Мария.

Зинченко Василий Емельянович. Ветеран 383 шахтерской дивизии, маркшейдер шахты «Краснолучская».

Злобина Раиса Ефимовна.

Зубова (Матвейцева) Валерия Макаровна.

И

Иванов Василий Степанович. Участвовал в Великой Отечественной войне в составе 172 полка войск МВД.

Иванова Дарья Корнеевна. Родилась 7 ноября 1917 г. Разведчица. Работала в оккупированном Симферополе.

Ивашенко Г. И. Комиссар дивизиона.

Игнатова Мария Ивановна (Рыбкина).
Начальник финчасти 7 кавкорпуса. В феврале 1943 г. участвовала в рейде по тылам в нашем крае.

Изотов Михаил Михайлович. Родился 22 ноября 1904 г. Погиб брат.

Ильин Илларион.

Илюхина (Шарова) Зинаида Алекс.

К

Каганская Н. Е.

Калач Владимир Александрович.
Кавалер трех орденов Славы. После войны пришел на шахту № 16 им. - «Известий».

Калитеин Владимир Павлович. Разведчик дивизии на Ленинградском фронте. Учитель математики.

Камышанов Алексей Иванович.

Капленков Дмитрий.
 Каплун Николай Васильевич.
 Каралкин Василий Васильевич.
 Учитель, минометчик, зав. Краснолучским горно.
 Каркачев Семен Игнатьевич. С июня 1941 г. сражался с фашистами. Участвовал в Сталинградской битве. Командир минометного расчета.
 Карпова Надя.
 Картавенко Николай Кузьмич.
 Участник боев за Севастополь, Новороссийск, Керчь.
 Кедров Алексей Дмитриевич.
 Кириллов П. Капитан медслужбы. Остался жив благодаря П. И. Погорелову. Только через много лет он сумел найти Петра Ивановича и приехал в Красный Луч, поблагодарить.
 Кислый В. Д.
 Кобяков Ион Кириллович.
 Козицкий П.
 Козымина Мария Михайловна.
 Радистка партизанского отряда. Среди товарищей известна, как Люся Михайлова.
 Коленский Василий Петрович. Писатель. Сапер. Ст. лейтенант. Учитель. Редактор городской газеты.
 Колесников Евгений Петрович.
 Лейтенант, командир танка.
 Колесников Николай Петрович.
 Колесникова Валентина Павлов.
 Колесниченко Н. Н. Командир батареи. Участвовал в освобождении Новороссийска, Керчи.
 Комаров Иван Евдокимович.
 Полковник. Войну закончил в Берлине. 310 вылетов, 13 сбитых фашистских самолетов. Командир полка, зам. командира дивизии, учился в академии. Награжден орденом Александра Невского, пятью орденами Красного Знамени.
 Конопкина Любовь Ивановна.
 Конько Александр Титович.
 Член подпольной группы.
 Конько Анастасия Николаевна.
 Коньшина Мария Яковлевна. Родилась 17 августа 1923 г. Воевала в составе 578 полка. Во время войны погибли два дяди.
 Копытко Александра Семеновна.

Родилась 7 мая 1911 г. Погиб сын Гончаров Георгий Федорович 1931 года рождения. г. Петровское.
 Копыто Василий Семенович. Родился 21 июня 1912 г. в Винницкой области. Старший сержант. Два ордена Славы, Орден Красной Звезды. Погибли сын, два брата, сестра.
 Корнеев Иван Петрович. Начальник штаба артиллерийского полка. Награжден орденом Александра Невского. Подполковник.
 Корнилов Б. Капитан.
 Корницкий П. Мастер-взрывник шахтоуправления № 12/13.
 Коробкин А. Н. жил в Красной Поляне, Антрацитовского района.
 Коропцов Петр.
 Корягин Николай Федорович.
 Косенков Владимир Терентьевич.
 Костенко Ф. А.
 Краснов Сергей Васильевич.
 Крикунова.
 Крютченко Константин Ефимович.
 Живет в городе Вахрушево. Награжден орденом Славы.
 Кузнецова Мария Ивановна. Камеронщица.
 Кузьминский Николай Никитич.
 Председатель Краснолучского горисполкома в 1943 - 1949 гг. Почетный краснолучанин.
 Кулик Николай Евтихievич. Родился в 1910 г. В комсомоле с 1927 г. В КПСС вступил в апреле 1945 г. В Великой Отечественной войне участвовал с первых дней и до окончания. Оборонял Кавказ, брал Будапешт, Вену. После войны восстанавливал и строил шахты Краснолучского, Антрацитовского, Ровеньковского и Краснодонского районов.
 Куличев Алексей.
 Кучер Иосиф. Минометчик.

Л
 Лазаренко Петр Степанович. Узник концлагеря Нойнгамма. После войны - рабочий ш. «Христофоровская».
 Лебедев И. В. Редактор газеты «Вперед на врага» подполковник, преподаватель Ростовского университета.
 Лебедь С. Инженер машзавода.

Левицкий Василий Тимофеевич. Работал на шахте «Христофоровская».

Леонов Григорий Сидорович. Награжден орденом Ленина.

Лесик Николай Владимирович. Почетный железнодорожник.

Лешенко Иван Дмитриевич. Подполковник, командир авиаполка дальнего действия.

Литвинова Ефросиния Пименовна. Медсестра.

Луговой Максим Трофимович. Командир роты связи. После войны работал в «Донбассэнерго».

Лукияненко И.
Участник освобождения Донбасса.

Лупандин Иван Петр. Танкист.

Луценко Дмитрий.

Лыков Алексей.

Лысенко Александр.

Любарский Николай Яковлевич. Герой Советского Союза. Бригадир проходчиков шахты 17/17-бис. Родился в селе Ольховец Звенигородского района, Черкасской области. Работал в колхозе, слесарем на Ольховецком сахарном заводе. После службы вернулся на свой завод, работал машинистом локомотива. Осенью 1957 года приехал в Красный Луч.

Ляшенко С.

М

Макашутин Михаил Терентьевич. Родился 20 мая 1926 г. в поселке Фашевка Антрацитовского района.

Максимов А.

Малидовский Георгий Федорович. Герой Советского Союза. Командир орудия 383-й стрелковой дивизии. Участник обороны города. Горный мастер шахты № 7/8. Почетный гражданин Красного Луча.

Малкин Виктор Семенович. Разведчик. Учитель.

Малов Александр Федорович. Разведчик. Работал на шахте № 160.

Мароков Алексей.

Мартынов Михаил.

Мачуженко Андрей Федорович. Был заместителем командира бата-

реи, заместителем начальника связи артиллерии армии. Капитан. После войны - главный инженер хлебокомбината Красного Луча.

Мезера Александр Семенович. Во время оккупации Красного Луча был подростком. Учитель. Сотрудник музея шахтеров на Миусе.

Мельник Василий.

Меркулова-Сметанина Александра Федоровна.

Мещеряков Иван Михайлович. Родился 2 июня 1917 г. Погиб брат Василий. Химзавод. г. Петровское.

Милованов Иосиф Назарович. Танкист. Инвалид. Конструктор машзавода.

Минаева Анна Павловна. Нормировщица в АТП № 12772.

Минасенко Ольга.

Минасенко Петр Григорьевич. Подполковник, артиллерист. Секретарь горисполкома.

Мироненко Ю.

Мишин Аверьян.

Моисеева Мария Сергеевна.

Моргунов Алексей Семенович.

Моргунов Леонид Федорович. Этапы боевого пути - Болгария, Румыния, Венгрии, Югославия.

Мордовина Екатерина Петровна. Под Ржевом научили ее шоферскому делу и направили на Прибалтийский фронт.

Мороз Петр Игнатьевич. Родился в 1900 г. в Днепропетровской обл. Поселок Васильковка. Жил в Харькове. В 1917 г. окончил школу, боролся с преступностью, был следователем. Когда началась война, ушел на фронт. Освобождал Украину, Россию.

Морозов Александр.

Московенко К. Рабочая шахтостройуправления треста «Антрацитуглеобогашение».

Музырь Филипп Петрович. Полковник. Командир учебного дивизиона кавкорпуса.

Мучной Григорий Федорович. Участник штурма Берлина.

Мячин Михаил.

Н

Наумова Елена Акимовна.

Недоступов Г.
Нежданов Андрей Алексеевич.
Военный ветврач.
Нестеров И.
Никонов Алексей Яковлевич.
Старшина стрелковой роты.
Норка Мария. Навалоотбойщица шахты
4-бис им. 20-летия ВЛКСМ.
Нужненко Екатерина Федоровна.

О
Озеров П. Начальник станций фронто-
вых железных дорог.

П
Павлов Николай Иванович.
Панченко Федор. Взрывник.
Пархачев Евгений Тимофеевич.
Инвалид войны.
Паспортникова Инна Владимировна.
Перепелица Александр Павлович. На-
чальник разведки полка.
Петрюк Е. Боец 116 укрепрайона.
Петунова Прасковья.
Пивнык Леонид Александрович.
Летчик-истребитель. Совершил свы-
ше 100 боевых вылетов, сбил сам и в
групповых боях 11 стервятников.
Плуженко Тамара Васильевна.
Зенитчица.

Погорелов Петр Иванович.
С первых дней войны и до оконча-
ния был на фронте хирургом 507 мед-
санбата 315 стрелковая дивизия. В
1942 г. в Сталинграде вступил в
партию. В невероятно трудных ус-
ловиях войны сделал более семи ты-
сяч операций. И после войны П. И.
Погорелов помогал ветеранам вос-
станавливать здоровье и трудоспо-
собность. Майор Погорелов П. И.
удостоен 11 наград.

Подлипаева Мария Сергеевна.
Подольский Иван Дмитриевич. Старший
лейтенант, командир торпедного ка-
тера. Мастер-взрывник шахты
им. «Известий».

Полеводин Григорий Спиридонович.
Защитник Севастополя. Кавалер ор-
дена Славы.

Полеводин Евгений Иосифович.
Войну помнит подростком.

Полтаранов Петр.

Потетюлькин Петр. Боец истребительно-
го батальона.

Против Тамара Александровна.
Пустовой Василий Кириллович.
Разведчик.

Пушкарева Любовь Федоровна.
Родилась 19 марта 1919 г. Служила
в роте связи.

Пчелинцева Мария Дмитриевна.
Помнит войну подростом. Рабочая
автоматзавода.

Р
Редникин Николай Васильевич.
Майор, кавалер ордена Александра
Невского.

Резников Вадим Федотович.
Дважды Герой Социалистического
Труда.

Решетняк Иван Леонтьевич.

Рогова С.

Рогоулин В. Комсорг батальона.

Родин Иван.

Романовская Екатерина Ивановна.
На второй день войны ушла на
фронт добровольцем. Прошла всю
войну. Участвовала в боях за Ста-
линград, на Орловско-Курской дуге,
при освобождении Белоруссии,
Польши. Дошла до Берлина и рас-
писалась на рейхстаге.

Романчук С. П. Партизан. Сын воина,
погибшего в Красном Луче

Рябущенко Юрий.

Войну помнит подростком. Во вре-
мя оккупации находился в Красном
Луче. Жил в Днепрпетровске.

С
Савенков Григорий Дмитриевич.
Савенков Иван Андреевич. Артиллерист.
Помощник начальника шахты
17/17-бис, директор УМТС комби-
ната «Донбассантрацит».

Савенков Николай Лаврентьевич.
Слесарь-сборщик машзавода.

Саверский И.

Семенов Геннадий Тимофеевич.
Учитель. Поэт. Создатель музея бо-
евой славы в СШ № 8.

Сергеев Михаил Семенович. Начальник
связи кавалерийской дивизии.

Серов Иван Яковлевич.

Ратные подвиги его отмечены двумя орденами Славы. Сантехник.
 Сидоренко Михаил Федорович.
 Узник Бухенвальда.
 Скворцов Иван Гаврилович.
 Скворцова Тамара.
 Скопенко Анна Федоровна.
 Скрипников Владимир Павлович.
 Семнадцатилетним пареньком взял в руки оружие. Удостоился ордена Славы.
 Слесарев Егор Никитович.
 Подполковник. Работник политотдела укрепрайона.
 С м е ш к о И в а н Д е м ь я н о в и ч .
 Заведующий горно Красног Луча.
 Смыков Василий.
 Снежко Аграфена Самсоновна.
 Соколов Петр Викторович.
 Родился в 1904 г. Работал начальником краснолучской конторы «Ворошиловград...строй».
 Солодянкина Рая. Участница обороны Красног Луча.
 Соломаха М. Зам. директора СШ № 24.
 Соляренко Петр Петрович.
 Специальная Елена Павловна.
 Спивак Е. Капитан.
 Спирченков Василий Иванович. Родился 27 января 1911 г. Воевал на Западном фронте. Погибли родители.
 Станковский Дмитрий Иванович. В период освобождения Донбасса командовал 346-й стрелковой дивизией.
 Почетный гражданин Дебальцево.
 Старостенко Владимир.
 Стома Елена Иосифовна.
 Стрекица Мария.
 Стремилов Борис Степанович.
 Войну запомнил ребенком.
 Субботин Евгений. Старший сержант.
 Сыроватский В.

Т
 Терентьев Ф. Капитан. Участник освобождения Красног Луча.
 Терещенков Виктор.
 Тимофеева Мария Николаевна.
 Санструктор. Участница обороны Ленинграда.
 Ткаленко Вадим Яковлевич.
 Герой рассказа К. Симонова о защитниках Сталинграда. Награжден ор-

деном Суворова. Подполковник запаса. В Краснолучском шахтомонтажном управлении возглавлял производственный отдел.

Ткаченко Александр Ильич.
 Горный инженер. Работал на шахтах им. «Известий», 17-бис. За полгода до Победы упал на землю, скошенный пулей. О войне рассказал в письмах.

Токарева Пелагея Георгиевна.
 Помогала госпиталю. Стирала белье, выполняла другую работу. На строительство самолета внесла 500 рублей.

Токарчук Валентина Никитична. Медсестра госпиталя в г. Петровское.

Травина Любовь Константиновна.
 Работала на аэродроме. Готовила самолеты к бою.

Третьяк Дмитрий Афанасьевич.

Трофимец Петр Никитович. Командир отделения истребительного комсомольского батальона. Узник концлагеря.

Трофимова Евгения Яковлевна.

У

Угланов Николай Спиридонович.
 Заместитель командира отдельного отряда 83 бригады морской пехоты.

Ушаков В.

Ф

Федоров А. А. Майор.

Федоров Николай Дмитриевич.
 Авиамеханик.

Филатов М.

Командир минометного расчета.

Фильцов Петр Александрович.

Х

Харченко Василий Павлович. Участник освобождения Красног Луча.

Хлебников Евгений Николаевич.
 Танкист. Председатель совета ветеранов шахты № 12.

Хлобустина-Моисеева Л.

Хорохордина Ольга.

Храмов Иван Андреевич. Командир дивизиона 317 зенитного артполка.

Ц

Цацуρο Зоя Ивановна. Медсестра.
Целинский Михаил Станиславович. Почетный гражданин Красного Луча.

Ч

Чавычалова Екатерина Федоровна.
Учительница

Чалый Д.

Чепурной Николай

Черноморов Николай Алексеевич.
Всю войну находился на передовой: защищал Туапсе, освобождал Новороссийск и Керчь, участвовал в двух морских десантах: в 1941 г. - феоодсийском и в 1943 г. - керченском. Дважды ранен. После войны Н. А. Черноморов приехал в родной Донбасс. Трудился в АТП № 12772. Внештатный корреспондент городской газеты.

Чмелева (Белогольцева) Раиса Ивановна.
Командир санитарного взвода стрелкового батальона старшина медицинской службы, инвалид войны.

Чубинец Андрей Максимович. Родился 9 января 1924 г. Награжден орденом Славы, медалью «За отвагу». Погиб брат. г. Петровское.

Чумак Иван.

Чуприна Надежда Дмитриевна.

Ш

Шахов С.

Член Совета ветеранов подводников при Центральном военно-морском музее.

Шевцов Степан Гордеевич. 7-й кавалерийский корпус. После войны жил: Беларусь, Гродно, проспект Строителей, дом 29, кв. 11.

Шевченко Владимир Васильевич.
Секретарь Антрацитовского подпольного райкома партии. После войны - секретарь Ворошиловградского обкома партии.

Шевяков Александр Федорович.

Шейко Полина Федотовна.

Шиков Виктор Николаевич.

Ширков Василий Прокофьевич.
Участник партизанского движения в Югославии.

Шкейров Павел Николаевич.

Шмидт Дий Георгиевич.

Шпаник Дмитрий Михайлович.
Участник боев за Малониколаевку.

Шувькин Владимир Ильич.

Директор школы № 6.

Щ

Щебетовский Павел Кузьмич.

Щегольков Василий Васильевича.

Освобождал Латвию, Польшу, дошел до Берлина, участвовал во взятии рейхстага. Демобилизовавшись, поступил на работу в Краснолучский горноспасательный отряд. Погиб в шахте, спасая людей.

Щербakov Иван Ефремович.

Щетинина Евдокия Кирилловна.
В блокадные дни жила в Ленинграде. После войны - учительница в Красном Луче.

Щукина (Кичко) Александра Алексеевна. Войну помнит подростком.

Э

Эдигорьян Александр Иванович.
Закончил войну в Пруссии. Награжден медалью «За отвагу» и орденом Славы.

Ю

Юрьев Борис.

Я

Ягольницкий В.

Янчин Нина Петровна. Разведчица. Подполковник. Подругам известна как Нина Марьяна (Марьяна).

Яровой Григорий.

Ярошенко Николай.

Они отстаивали Отчизну свою

Грошев С.

Гуленко А. М.

Гуленко П. Е.

Гуленко Е. П.

Гуленко П. И.

Гусеница П. И.

Давыдов Ф. С.

Данюк В. С.

Дербенцев Я. Ф.

Дерновой А. П.

Джось Н. С.

Диаминский Т. К.

Дибров И.С.

Диденко А. Ф.

Дикий П. В.

Долгих П. Н.

Долина М. В.

Донченко В.

Дубенко А. В.

Дубовицкая П.
А.

Дыmareцкий А. Н.

Дьяченко П. Я.

Евсеева А. И.

Езолко Е. Г.

Емельченко А. В.

Емельченко В. Ф.

Емельченко В.
В.

Емельченко З.
В.

Емельченко Л.
В.

Еременко М.

Еровенко Д. Г.

Есина Л. П.

Железный С. А.

Жерздев В. Н.

Жижко А. И.

Жук А. В.

Жукова Ю. Ф.

Журавлев И. Т.

Журавлева М. М.

Жусов И. Р.

Жусова Ф. А.

Заверюха А. А.

Заикин И. Ф.

Зайнулина Т. Л.

Зайчук М. П.

Воспоминания ветеранов записали и сохранили:

Абуладзе А. П.
Александрова С.
Алтынников В.И.
Андриянов В. И.
Антоненко М.
Безкоровайный Б. И.
Белевитнева Т. В.
Белушенко И.
Беседин И. С.
Бигдан В. Н.
Бобрицкий А. В.
Богатырь И.
Бокарев Г. М.
Боровко Е.
Братишко С. В.
Бузяков З.
Булкин С.
Васильченко А. И.
Васина О.
Ващенко В. И.
Вдовиченко И.
Веретчак Т.
Виноградова Е. А.
Виноградова Т. В.
Власенко В.
Войнилович В. И.
Войтова О. А.
Волошин С. П.
Вольный О. Ф.
Высторобская Г.
Гай Д.
Гайдамака В. М.
Гараймович Л.
Горбатко М. В.
Горбатов Б.
Горобий Н. И.
Городецкий И.
Горяинов В. Г.
Грейчус Р.
Гришина.
Громак Т.
Губченко Елена
Гурьев Г.
Даниленко В.
Демченко Д. С.
Дивинский Г.А.
Дивинский Ю. Г.
Долинская Е. Ф.
Дьяконова Е.
Ельшин Н. А.
Емченко Г.
Еремин М. П.
Ещенко Т..
Зайцев А. И.

Засовский Г.
Здоренко В. Ф.
Золотарев Г. А.
Ивашенко Юрий
Кандель В.
Кацура О. Н.
Ковалева А. И.
Коленский В. П.
Колесниченко Н. Н.
Коньков Н.
Конюхова Н.
Корж Геннадий
Коркишко В. Г.
Костенко В. П.
Красноставский Л.
Криворука В. К.
Кривченко П.
Крупка А.
Кузницын Е.
Кулик Я. Я.
Куперман В.
Лазарев Н.
Лазаренко Дм.
Лепс В. Г.
Леткая Н..
Лисицын В.
Лифлянд Р. Е.
Лысенко Александр
Лысенко А. П.
Львов Александр.
Ляшенко С.
Макарова А. П.
Манихина Е.
Мартыненко Л. И.
Мезеря А. С.
Милютин И.
Мохов И..
Мухин В. П.
Мячин А.
Нападовская В. И.
Никифорова М. Г.
Озерной И. П.
Паламарчук И.
Панарин В. Г.
Панченко С.
Пекин В. Л.
Пивоваров Д.
Полеводин Е. И.
Попова А. М.
Попова Е. А..
Попытченко Ю..
Прийма А. А.
Проскура В.
Протасов К. М.

Пульная В.
Пятова С.
Радченко В.
Рамазанова М.
Распопова А.
Ревенко А.
Редя О. В.
Репин А. М.
Решетняк Л. И.
Романенко С..
Романенко Н.
Ростовцев А..
Рудов В. П.
Рыкованов С.
Рязанов В..
Савела А. А.
Сахно А. В.
Селиванов Н.
Семенова А.
Семенов Г. Т.
Сергеев Е. В.
Серенков Н. М.
Скнарин Н..
Слепцов И.
Снеговская
Снегур О.
Сомова Р. А.
Стецун А. В.
Стреблянская Л.
Тараканова Яна
Текучева
Тимченко Л. П.
Ткачева Т. В.
Трофимова Е. Я.
Трушалова О.
Турцов А. А.
Уколова Н.
Ульянова Т. П.
Федорова В. И.
Филипенко С. Г.
Фролов П.
Хвостикова Н.
Хромова О.
Черноморов Н. А.
Чубинец Е. А.
Шалунов И. Н.
Шелюто В. М.
Шембель В.
Шпилевский Р. И.
Штивель Н. Л.
Шульга П.
Шуропина Т.
Щетинина Е. К.
Янчуковский О.

Алфавитный указатель

А

Абдуллазаде Магомед 326
Аверин, сержант 351, 352
Агеев Михаил 78
Адамчук 361
Акименко Иван 151
Акименко Семен 215, 343
Акименко Федор 28
Акопян Сергей 176
Аксёнова Рая 77
Алейников Виктор 190
Александрина П. А. 315
Алексеев В. С. 280, 281, 286
Алексеев Евгений 206
Алехина Нина 360
Алисов Виктор 176
Алисова Екатерина 228
Аллабергенов М. 282
Алякин Павел 294, 358
Анашкин А. Д. 132
Андреев 32
Андрienко Лазарь Ильич 57
Аникеев Григорий 166
Анисов, капитан 260
Анохин Н. 42
Антонов П. 119
Антонов Яков 292
Анфиногенов Артем 196
Аня, медсестра 281, 284
Аровин Михаил 338
Атабаев Абдурахман 80
Афанасьев 228
Афанасьев, лейтенант 161
Ахматов, лейтенант 55
Ахметов Аглям 7
Ахметов Рашид 238

Б

Бабаев Алексей 322
Бабаев Ахун 322

Бабин, шофер 171
Бабичев 143
Базлов Владимир 51
Бакаич Тамара 7, 306
Баранов Федор 256
Барышников Александр 178
Баско, майор 73
Баткаев, сержант 179
Бахунова Клава 179
Бежан О. 40
Безбородов Иван 60, 318
Белевский Иван 370
Беликов В. Н. 117
Беликов Василий 288
Беликов М. 105
Белов 182
Беловодов М. И. 37
Белогрудов Юрий 104 - 106, 108, 109, 113, 121 - 143
Белоконь П. 203, 349
Белоусов, предатель 306
Белый Михаил 363
Белявцев Иван 325
Бергер Ю. 67, 77
Бердышев Леонид 121
Бесов, капитан 117
Беспалов 220 - 224, 265
Бехер 141
Бжеленко Александр 157
Биляченко Митрофан 157
Бирюков Иван 257
Бобрицкий 229
Бобров, капитан 281, 282?287
Богадюн, лейтенант 176
Богатырев Алексей 250
Богатырева Мария 141 - 143, 148
Богатырева Т. 293
Богачев Александр 95
Богуславский Владимир 137, 138
Богущ Евгений 305

- Боева-Богатырева Таисия 170, 171, 278
 Боечко Вера 359
 Боженко Владимир 10, 18, 21, 146, 153
 Бойченко Василий 43, 149, 180, 209, 240
 Бондарев Васа 5
 Бондаренко (погиб) 246
 Бондаренко 6, 275
 Бондаренко Валентина 354
 Бондаренко Михаил 48, 50, 54, 56, 57, 59, 60, 72, 74
 Бондаренко П. Д. 162
 Бондаренко, староста 248
 Борисенко И. 192
 Борисов Александр 163, 187, 345
 Борисов М. Д. 26, 32, 33, 36, 37, 41, 46, 50, 54, 58, 62, 71
 Борисовский Александр 281
 Борошенко 91, 266, 296, 299
 Бороненко Н. 272, 273
 Борсоев Владимир 8, 12, 19-21, 25, 27, 33, 41, 52, 95, 99, 103, 104, 106, 109, 110, 116, 156, 209, 224, 251, 266, 300, 315, 317, 348, 350, 352, 353, 356, 362, 364, 365, 368
 Бочаров К. Д. 278
 Боярко Павел Петрович 153, 196-199
 Брагин В. Н., врач 61, 86
 Брайлян 152
 Братченко Филипп 229
 Брежнев Л. И. 27, 29
 Брехов Владимир, полицаи 101, 197
 Бродский Е. 354, 370
 Бронников Фрол 71
 Брусник Анатолий 120
 Букаев Петр 11, 162
 Буков Иван 319, 321
 Булатов, сержант 153
 Буриханов Б. 307
 Бурмистров С.Н. 71, 196, 198, 153, 201, 202
 Бурцев Г. Б. 174
 Бутков Виктор 27, 28, 126
 Бухаров Василий 114, 115
 Бушуев П. В. 174

 В
 Вандышев 209
 Ванюшка, ординарец 193
 Варламов, рядовой 174
 Варяскин Николай 7
 Васенин 209, 233
 Василевская Ольга 357
 Васильев П. Л. 341
 Васильев, лейтенант 98
 Васильченко Иван 291
 Васильченко Лидия 166, 372
 Вахлаев Александр 164, 229, 335, 344
 Вахлаев С. 284
 Вахрин 198, 208, 209, 239, 238
 Ведерников 92, 209, 233
 Величко Карп 134
 Величко Н. Г. 61
 Величко С. 152, 176, 181, 197, 212, 213, 249, 255, 259, 264, 345
 Величко, снайпер 168
 Вербицкая 137
 Вербукин Владимир 166
 Вероховский Петр 126, 163, 165, 166, 218, 219, 232
 Весенев 65, 82
 Вилли, комендант 59
 Винокуров В. 89
 Вислогузов Леонид 317
 Вихров 7
 Владимирский Константин 61, 64, 65
 Власкин Николай Семенович 48
 Власов Николай 89, 98
 Власова М. 363
 Вовк Ф. Ф. 182
 Войнилович В. 29, 300, 301, 302, 369
 Волков П. 197, 203, 208, 209, 233238
 Волошин Николай 148
 Воробьев П. П. 33
 Воробьев, лейтенанта 259, 260
 Ворожейкин Арсен 335
 Воронина П. Г. 160
 Воронов В. У. 333
 Вороновы 100, 155, 196
 Ворохин 97
 Ворошилова Р. 285
 Вострухин 105
 Вульфегт, лейтенант 8
 Вшивков Иосиф Васильевич 108
 Вьюхин Григорий 61, 75, 77, 84, 276
 Вялов Иван 29

 Г
 Гаврилов М. С. 186, 252
 Гаврилова Ю. 187, 275
 Газин Федор 300
 Гайнулин Николай 246
 Гатажиков Х. М. 38
 Гетьман Василий 308, 362
 Гладышев Николай 366, 367
 Глазков Виктор 210
 Глазов Николай 30, 154, 155, 189, 190

Глазунова А. Г 99
 Глазычева, медработник 95
 Глущенко Владимир 342
 Глущенко Л. Д. 8
 Гляденов, майор 360
 Гнетнев 15
 Гнилицкая Нина 117
 Говоров Т. 38, 217, 328
 Годин П. 105
 Голенев И. И. 72
 Голенко 361
 Голикова Е. 192
 Голованов, полковник 65
 Головин М. 250, 251
 Голоскок, артиллерист 107
 Голофеев Николай 134, 213, 307
 Голощапов 57
 Голубов Яков 45, 48, 108, 109, 133, 155,
 158, 161, 184, 191, 208, 234, 235, 243,
 261, 262, 264, 284, 329, 330, 335
 Гончаренко А. 52, 61, 151, 162
 Гончаренко Николай 205
 Гончаров 15
 Гончаров Егор 219, 224
 Гончаров Иван 212
 Горбанев А. 354 - 358
 Горбачева Тамара 362
 Гордиенко Н. С. 173
 Горобец 105, 169 - 171
 Горюшкина 366
 Грабарь С. С. 83, 88, 91, 95, 160
 Грачев Иван 141, 147
 Гречишкин В. 34, 249, 332, 334, 336, 337,
 338, 339, 364, 365, 367
 Григоров Л. 188
 Григорьев, командир орудия 353
 Григорьева, комсомолка 8
 Гринев, лейтенант 54
 Гринкевич 186, 275
 Гришняков Павел 174
 Грищенко И. Е. 51
 Грязнухин А. 350, 353
 Гузенкова Варвара 313
 Гукова Екатерина 183
 Гулеватый Тимофей 141
 Гуленко Анна 355
 Гуленков, подполковник 73
 Гулюкин Тихон 80
 Гуреев, комендор 339
 Гурилева М. 356
 Гусаров Дмитрий 226, 227
 Гусев Александр 80
 Гусев Максим 7

Гусев, ординарец 220, 221
 Гусеница, майор 240
 Гуц 255

Д
 Давыдов Михаил 240
 Дайнека Иван 337
 Данилов А. В. 179
 Двоглазов, полицейский 59
 Дегтярева Л.П., 88, 160, 91
 Деев Д. 225, 240, 251, 293, 314, 370
 Демид, дед 43
 Демиденко, лейтенант 209, 233
 Демин, адъютант 210
 Демченко 153
 Дербенцев Яков 19, 24, 190
 Деревянко, капитан 223
 Деркач А. 232
 Дианов Василий 82
 Дибров И. Д. 122
 Дибров И. С. 25, 131
 Диброва М. 339
 Дикий Петр 257, 329
 Дирюхин, сержант 197
 Довженко, красноармеец 112
 Довженко, старшина 153
 Долгих Петр 311, 311, 313, 330
 Долгополов Михаил, лейтенант 173
 Донченко В. 285
 Дорохов Л. Г. 357, 358
 Дорошенко П. А. 357, 358
 Дрынов А. Г. 33
 Дубовицкая П. 13, 93, 126, 128, 129
 Дубровский Михаил 75
 Дударев И. И. 58
 Дудка, подполковник 273
 Дудкина, семья 101
 Дудко С. И. 71, 72, 76
 Дуся, бабушка 61
 Духан, староста 22
 Дынин, майор 248

Е
 Егор, дед 232
 Егоров 136
 Егоров А. А. 224, 225
 Егоров В. 163, 171-174, 178, 179, 181-
 183, 185
 Ежов К. 308
 Еремеев Толик 368
 Еремеев, офицер 252
 Еременко 24
 Еремин Б. Н. 30

Еремин, командир полка 154
Ермаков В. 290, 291, 294
Ермаков Иван 168, 170, 221, 254, 258
Ермаков, шахтер 226
Ермоленко А. 196, 198, 200, 202
Ерохин, боец 97
Ерошевич, комсомолец 43

Ж

Живлюк М. 346
Жигалов, мальчик 77
Жидков В. Ф. 173
Жиленков Василий 118, 120, 123
Жора, дядя 4
Жуков Михаил 239

З

Заброда Мария Петровна 370
Заверюха Анна 61, 66, 67, 69, 103, 160,
195, 196, 198, 199, 201, 218, 230, 232,
250
Заверюха, дочь 199
Загоруев Г. 299, 349
Задорожная Елена Федоровна 368
Задорожный А. 135, 138, 139, 237
Задорожный Василий 53
Задорожный Владимир Михайлович 61
Задорожная 361
Заикин Иван 131
Зайцев А. 154, 190
Зайцев Петр 166
Зайцев, сержант 41
Зайцева Е. 43
Зайчук Михаил 204
Закиров, майор 48, 173, 181, 256
Закотный 32
Запорожец Петр 270, 279
Зарубин Федор Яковлевич 253
Захаров Г. Ф. 180
Захаров Николай 188, 308
Збанацкий Ю. О. 51
Звирин П. 17
Звонарев Леонид 87
Звягин Д. 274
Зеггер, майор 16
Зеленская Мария 350
Зеленский Иван Алексеевич 350
Земнухов Ваня 5, 13
Зиберт, жандармейстер 9
Зилотин Михаил 80
Зинченко 343
Златопольская Сара 360
Злобин Петя 311

Злобина Раиса 27
Золотарев Л. 158
Золотовский 19
Золочев 97
Зотов Петр 174
Зубков 192
Зубова (Матвейцева) Валерия 34
Зыгул Григорий 117
Зыкин, ефрейтор 309, 311

И

Иван, дед 61
Иванов 202, 295
Иванов В. 69, 71, 102, 153, 197, 198, 201
Иванов Федор Степанович 102
Иванов, начальник полиции 195
Иванова Дарья 40
Ивашенко Георгий 25
Игнатенкова 361
Игнатов Трофим 240, 247
Игнатова Мария 62, 78, 85, 119, 183, 187,
204, 207, 217
Изотов Михаил 357
Ильин Иван 57, 141, 143, 216
Ильина 368
Илюхина Зинаида 132, 157
Имас Г. И. 264
Инякин Н. 207, 268, 310, 341, 364, 367
Ичнев, ефрейтор 125

К

Кабаненко 111
Кабанов 255
Каганская Н. 15
Казakov 112
Каймаков, майор 186
Калитвянский 102
Калитеин Владимир 100, 114-116
Калюжная Вера 142
Камустинин Борис 143
Камышанов Алексей 172
Камышанов, сержант 300, 302, 363, 369
Капленков Дмитрий 22, 26, 235
Каплун Н. 144, 146-149, 166
Капустин, командир 339
Каралкин Василий 297
Карасева Надя
85, 87-90, 196, 198, 218, 230, 232
Карепов 153
Карнут, лейтенант 308
Карпенко С. К. 280, 281
Карпинская 83
Карпов 69, 184, 195, 196, 202

Карпов Миша 198
 Карпов, сержант 212
 Карпова В.А.
 69, 77, 102, 160, 195, 196, 198
 Карпова Надежда 68, 77, 81, 83, 90,
 100, 103, 152, 153, 156, 194, 197,
 199, 200, 202, 218, 231
 Карпушенко 73
 Карпушин, майор 207
 Картавенко Николай 339
 Картавенко, наводчик 339
 Карташев Иван 143
 Касимов 343
 Касимов Кенжа 325
 Касумов 145, 147
 Катушев Алексей 214, 224
 Кедров Алексей 124, 164, 309, 311
 Кибальченко, лейтенант 349
 Киргизбаев Сатвалда 80
 Киреев, сержант 125
 Кирепчев, боец 335
 Кириллов П. 185
 Киричек Я.С. 63
 Кирюхин Н., рядовой 259
 Кислый В. 18, 20, 96, 99, 102
 Клименко 142
 Кнышевы 108
 Кобяков Ион 273
 Ковалев И. 26, 44, 52, 76
 Ковалев Павел 141-143
 Ковальский, лейтенант 60
 Ковтун Алексей 182
 Ковтун, наводчик 339
 Кожан В. 360
 Козицкий П. 240, 255, 256
 Козлова Мари Павловна 57
 Козуля В. Д. 275
 Козьмина Мари 96, 145, 150, 155, 172,
 185, 191, 215, 253, 261
 Козюлин К. И. 222, 272, 273
 Кокшаров Д. П. 132
 Коленский Василий 35, 264
 Колесник П. 77, 83
 Колесников Евгений 204, 205, 206
 Колесников Николай 87
 Колесникова Валентина 322
 Колесниченко Николай 327
 Колечко И. 313
 Коломиец Т. К. 169
 Колыхалов, парторг роты 172
 Коляда 360
 Комаров И. Е. 105, 106, 169-172, 199
 Комарь Анатолий 29
 Комендантов 302
 Комов 284
 Комов, автоматчик 174
 Коннов Алексей 178
 Кононенко, лейтенант 329
 Конько Александр 130
 Конько Анастасия 75, 77, 84, 276
 Коньшина Мария 261
 Конюхова Н. 196
 Копытко Александр 122, 124, 357
 Копытко В. 163, 340
 Коренков Алексей 326
 Корнеев И. 4, 7, 23, 280-282, 286-288
 Корнеевский 32
 Корнилов Б. 259
 Корницкий П. 41, 54
 Коробкин А. 23, 42, 44, 45, 49, 55, 58, 88,
 158-161, 167, 175, 178, 210, 211, 213-
 221, 223, 225, 227, 230, 257, 258, 260,
 265-267, 269, 272-274, 276-278, 281-
 285, 287, 298, 299, 301, 303, 308, 337,
 343, 345, 347, 348, 351, 354
 Коробкин Н. Г. 45
 Коробкин Петр 45
 Коропцев П. В. 28, 31
 Корпулев, капитан 203
 Кортоев Джабраил 254
 Корягин Николай 167
 Косенко Ольга Васильевна 164
 Косенков В. Т. 324, 325, 333, 366
 Костенко 15
 Костенко Ф. 170
 Костин 15, 229
 Костюк Е. 212
 Котенев 221, 222, 265 - 267, 272, 282, 286
 Котовский 18
 Кочетков В. 89
 Кравченко Степан 176
 Красиков, лейтенант 225
 Краснов Сергей 170
 Кривоченко Г. 9
 Крикунова 371
 Крылова 368
 Крютченко Константин 293, 296
 Крючков 15
 Кряжева Зоя 200, 301
 Кудрявцев 258
 Кузин 229
 Кузнецов В. 65, 82, 322
 Кузнецов Михаил 322
 Кузнецова М. 228, 331
 Кузьменко Прасковья Артемовна 334
 Кузьминский Н. 320

Кукуяшный (полицай) 183
Кукуяшный Петр Алексеевич 253
Кулик 207
Кулик Н. 37, 38, 75, 126, 280
Куличев Алексей 318
Куманикин Николай 7
Куников Цезарь 37
Куперштейн Роман 168
Куриленко Константин 236
Курмашев Каир, красноармеец 84
Курта Иван 338
Куртамин, автоматчик 174
Кустов 184
Кучер Иосиф 11, 12, 140, 201
Кучмиев Леонид 338
Кыкова 142

Л
Лазарев Иван Сергеевич 20
Лазарев Михаил Сергеевич 21
Лазарева М. 20, 29, 107
Лазаренко Петр 275
Лаздовский Казимир 158
Лазебник Николай 153, 176
Лазуткин 366
Лаптева 203, 205, 206
Ларин, лейтенант 65, 82
Лебедев 63, 68, 79, 84, 91, 97, 98, 104, 105, 107, 112-114
Лебедев, повар 208
Лебедь Иван 51
Лебедь С. 292
Левицкий Василий 157, 217, 311
Леонов Григорий 315
Лепеношев К. Ф. 302
Лесик Николай 255
Лещенко Иван 319
Литвинов А. И 228
Литвинова Ефросиния 96
Литвяк Лиля 192, 194
Литвяк, солдат 110, 111
Лобов 153
Лобов В. В. 160
Лобов Михаил 176
Лобок, капитан 369
Локтев 15
Ломонов, лейтенант 353
Лось Сергей Яковлевич 349
Луговенко Филипп 134
Луговой Максим 341
Лукин 141
Лукошкин Саша 262, 264
Лукьяненко И. 203, 205, 226

Лукьянов 182
Лукьянчук Михаил Федосеевич 187
Лупандин Иван 330
Лушина А. И. 88
Лушников 71
Лысенко Александр 112, 117
Лысенко Иван 7
Лысенко, майор 353
Любарский Николай 349, 351
Любимов Ефим Федорович 15
Любомирский, лейтенант 36
Любченко Николай Иванович 253
Ляхов Боря 56
Лященко С. 372
Лященко С. 196

М
Мазеев Г. С. 69, 103, 196, 160, 198, 195
Макаренко, полковник 186
Макашутин, староста 59
Максимова 368
Макущенко 248
Макущенко П. Д 228
Макущенко Татьяна 15
Малеев М. Л. 297
Малидовский Г. 330, 346, 348, 351
Малиника 368
Малиновский Родион Яковлевич 194
Малкин Виктор Семенович 53, 93, 105, 270, 321, 355
Малов Александр 318
Мария Николаевна, лодочница 324
Мароков Алексей 371
Мартыненко, слесарь 332
Мартынюк 368
Маслов К. А. 43
Маслова А. И. 338
Масловский, капитан 214, 216, 221-223, 225, 231, 257, 265
Мастрюков П. 97
Матвеев Александр 8
Матусевич Евгений 158, 159
Махортов, майор 209
Мачихин Витя 3
Мачуженко Андрей 18, 19, 40, 44, 46
Медведева Д. Н. 65
Медведева Е. И. 80
Мезеря А. 240, 243, 245, 247, 250
Мезеря Алешка 250
Мекадзе 178
Меликулов 307
Мельник Василий 121, 123
Мельниченко Наташа 150

Меркулова Александра 340
 Мерший Михаил Платонович 227, 301
 Мещеряков Иван 193, 275
 Милованов 10, 90, 92, 93, 99, 100, 102,
 129, 152, 156, 161, 195-197, 218,
 230, 239
 Милуков Сергей 80
 Минаева Анна 332
 Минаков, лейтенант 117
 Минасенко Ольга 328
 Минасенко Петр 292
 Мироненко 140
 Мироненко Ю. 366
 Михайличенко Петр Арсентьевич 355
 Михайлов 225, 222, 281, 287, 337, 345
 Михальков Василий 326
 Мишанин В. Т. 83, 103
 Миша-татарин 158
 Мишин Аверьян 33
 Мишина Люба 118
 Мищенко Ксения Ивановна 256
 Мищенко Михаил 77
 Моисеева Мария 254
 Моргунов 51, 329
 Мордовина Екатерина 330
 Мороз Петр 358
 Морозов Александр 46, 47
 Морозов Виктор 21
 Морозов, сержант 149
 Морозовы 108
 Москобенко К. 306
 Музырь Филипп 54, 60
 Муляров Валентин Данилович 44
 Муминов Эрназар 80
 Муравьев 105
 Муравьев, сержант 296
 Мучной Григорий 329
 Мячин Михаил 263

Н
 Наздрачев 105
 Наумова Елена 109, 111
 Науразбеков 343
 Недоступов Г. 127
 Нежданов Андрей 33, 71, 94, 95, 101, 102,
 160, 250
 Немов Б. В. 183
 Нестеренко 153
 Нестеренко Д. Н. 61
 Нестеров И. 30, 189
 Николаев Анатолий 5
 Николаев Ф. 268
 Николай, ординарец Беспалова 225

Никонов Алексей 28, 29
 Никулин С. А. 54
 Новиков В. С. 182
 Новиков Николай 80
 Новиков, капитан 183, 281
 Новохатко 291
 Норка Мария
 131, 306, 331, 361, 365
 Носко 228, 248
 Нужненко Екатерина 287

О
 Овсянников Василий Пантелеевич 117
 Овсянников Петр 51
 Ожередов Николай 14
 Ожередов Семен 18
 Озеров И. 271
 Ольга Васильевна 333
 Омельченко Володя 78
 Онищенко, комбат 266
 Орозбеков 343
 Осадчук Т. П. 175
 Осипов 91

П
 Павлов Николай 306
 Павлюченков И. П. 181, 256
 Панов В. И. 184
 Панов, лейтенант 289
 Пантелеева 183
 Пантюхин А.С. 63
 Панченко 367
 Панченко Петро 283
 Панченко Федор 283
 Парубенко, лейтенант 41
 Парфенов, капитан 222
 Пархачев Е.
 324, 325, 333, 366, 367, 373
 Пархимчик И. М. 33
 Паспортникова Инна 194
 Пастухов 68
 Пауль 148
 Пацюк 229
 Пашенко К. 9
 Пельх, лейтенант 339
 Перепелица А. П. 271, 272, 324, 349, 361
 Петров Николай Александрович 9
 Петров, лейтенант 39
 Петрович Василий 143
 Петросян Ашот 7
 Петрыкин Леонид 324, 369
 Петрюк Е. 238
 Петрюк И. Т. 238

Петунова Прасковья 158
 Петухов 142, 295
 Петухов, политрук 82
 Петухов, сержант 302, 303
 Пивнык Леонид 226, 145
 Пивоваров Василий 307
 Пивоваров Денис Сергеевич 307
 Пизин Ф. И. 196, 198
 Пилипенко Клава 360
 Пименов Григорий 104
 Письмак, пулеметчик 174
 Пихтерев Василий Владимирович 58
 Плешивцев, лейтенант 353
 Плотицина Анна 315
 Плотников 363
 Плотников К. С 102
 Плуженко Тамара 112
 Плужник П. 78, 187, 205
 Погорелов В. 13, 103
 Погорелов Петр Иванович 119, 185
 Подберезная М.Е 88, 91, 160
 Подгорный Л. 122
 Подлипаева Мария 285
 Подольский Иван 326
 Подопригора 84, 93, 95, 100, 160, 218
 Pokataev 346
 Полеводин Г. 328
 Полеводин Евгений 10, 15
 Полахин Архип Карпович 75
 Поликарпова 368
 Полтаранов Петр 111, 113
 Полуэктов И. В. 62
 Полянский 254
 Понгильский, старший лейтенант 183
 Попов Анатолий 5
 Попов Аркадий Нестерович 196
 Попов В. 327, 336, 343
 Попов Иван 17, 104, 303, 304
 Попова Таисия Владимировна 17
 Попович Драган 369
 Порыгин, лейтенант 84
 Постыка Алексей 80
 Потайкина 368
 Потетюлькин Петр 358
 Поцхерашвили А. И. 178
 Прибега Григорий Степанович 53
 Приходько 246
 Проворченко Петя 309, 311
 Прокопец, комсомолец 251
 Прохоров Иван 270
 Проценко Мария 276
 Против Тамара 60
 Прусаков Яков 80

Пряхин 143
 Пугачева П.И. 68, 90, 103, 194
 Пушкарева Любовь 359
 Пчелинцева Мария 287

Р

Разиев Калидин 326
 Разоренова Люба 142
 Расковинский Цезарь Селиверстович 149
 Рассказов, боец 75, 77
 Редникин Николай 4
 Редька 68, 196, 198, 200
 Резников Вадим 298, 300, 305
 Ренатус Эрнэст Эмиль 8, 14, 16, 22, 23
 Репяхов 257, 265
 Решетняк Иван 159
 Решетов 154
 Рогов Иван 71
 Рогова С. 136
 Рогулин В. 369
 Родин Иван 31, 32, 53, 62, 72, 73
 Родина Прасковья 9
 Рожков, лейтенант 272
 Романенко 75
 Романовская Екатерина 12, 199, 301
 Романщук Павел Степанович 290
 Романщук Сергей 288, 289
 Ромодан Виктор 356, 357
 Рудой Анатолий Михайлович 297
 Русаков 101, 155, 195, 196
 Руссинов, генерал-лейтенант 75
 Рябуха, старшина 258
 Рябущенко В 120
 Рябущенко М. Е. 96
 Рябущенко Юрий
 4, 96, 116, 120, 211, 227, 237
 Рябцев 361
 Рязанов Каюм 50

С

Сабанский Казимир 122
 Сабуров А. И 73
 Сабуров И. Д. 76
 Сабурова, соединение 18
 Савенков Григорий 359, 360
 Савенков Иван 13, 21, 149, 165
 Савенков Николай 26
 Саверский И. 22, 63, 66
 Сагайдачная 361
 Салихов Рхулбан 326
 Сало Иван 351
 Самойлов Иван 80
 Сапрыкин Николай Федотович 299

Сапрыкина М. 299
 Саратов, лейтенант 339
 Свиридов, радист 222, 227
 Свиридов, сержант 38
 Северин Григорий 117
 Селькин, лейтенант 203, 209
 Селявин 357
 Семенов Геннадий 13, 103, 244, 247, 248
 Семенов, лейтенант 41
 Семикин 275
 Сергеев Михаил 73, 74, 76
 Сергеев Саша 35
 Сердюков В. М. 346
 Серeda М. К. 178
 Серов Иван 273, 274
 Сидоренко Михаил 320
 Сидоров 15
 Симаков, сержант 198
 Симоненко Вера 371
 Симонов К. 8
 Симоняк 17
 Синица 64-66, 69, 78, 82, 85
 Синицын Федор 326
 Синьковский Сергей 75
 Сиротин, красноармеец 112
 Скворцов Иван 119, 122
 Скворцова Тамара 119
 Скопенко Анна 355
 Скориченко, староста 82
 Скрипников Владимир 323
 Скомных С. 148, 336
 Слесарев Егор 245
 Слонова Нина 261
 Слостин Василий 58
 Сметанин В. 242, 244
 Смешко Иван 106
 Смирнов Павел 80
 Смирнов, комиссар полка 18
 Смирнов, штурман 103
 Смыков Василий 206
 Снегирев, полковник 116
 Снежко Аграфена 277
 Снопко 307
 Соколов Петр 25, 207, 363
 Сокологорский, лейтенант 339
 Соловьев Н. П. 132
 Солодовников 363
 Солодухин 102
 Солодянкина Рая 118, 120, 122, 268, 295
 Соломаха М. 110-112
 Соляренко Петр 74
 Спивак Е. 294
 Спиридонов Евгений 75
 Спицын Н. 201, 224
 Справка Историческая 13, 16, 39, 57, 194, 282, 284, 286, 288, 290
 Сталин И. В. 24, 258
 Станкевский Д. 31, 32, 34, 37, 39, 41, 43, 47, 55-57, 59, 63, 77, 168, 169, 172, 173, 180-182, 184, 244, 248, 251-253, 256
 Староконов, сержант 113
 Старостенко Владимир 306
 Степаненко 15, 315, 365
 Степанищев В. 3. 45
 Степанов, лейтенант 118, 241, 242
 Степин, стрелок 260
 Стефакин, сержант 299
 Стеценко Григорий 148
 Стеценко Петр 148
 Стома Елена 49
 Стрекица Мария 253
 Стрелков, лейтенант 335
 Стремилов Борис 91, 129, 140, 201, 231, 258, 370
 Стрижак, майор 66
 Субботин Евгений 345
 Субботин Петр 166
 Сузанский, майор 110
 Сурба Анатолий Александрович 61
 Суровиков 368
 Сухашвили Роман 7
 Суховерхов 368
 Сухоленов Василий 58
 Сыроватский В. 366
 Сыромятников, Я. 153
 Сысомятин 295
 Сычев 34

 Т
 Танасишин, генерал 101
 Тараканов П. В. 55, 58
 Таракановы 42, 43, 322
 Татауров 373
 Теличко, лейтенант 258
 Терентьев Ф. 228, 244-248, 255
 Терентьева Л. 284
 Терещенков Виктор 136, 210, 272
 Тимофеева Катя 360
 Тимофеева Мария 10, 11, 14
 Тимохина 136
 Тимошенко Прасковья Федоровна 47
 Титаренко 145
 Титов 153
 Ткаленко Вадим 6, 8

Ткаченко А. И. 9, 21, 30, 109, 123, 161, 231, 324, 357
Ткаченко А. К. 11, 15-17
Ткаченко Петр 214, 327, 348
Тунов Александр Борисович 255
Токарева Н. Г. 88, 160
Токарева Пелагея 69, 87, 88, 91, 93-95, 99, 100, 102, 155, 196, 198-200, 202, 218, 231, 235, 250
Токарева Шура 88, 95
Токарчук Валентина 14
Толбухин Ф. И. 194, 355
Томильцева 77
Тотиев Николай 245
Тотич Саво 369
Травина Любовь 115
Третьяк Дмитрий 52
Третьяк Николай Павлович 61
Трофимец Петр 148, 168, 292, 336, 338, 348
Трофимов И. Я 133, 144, 149, 188, 189, 206, 216, 370
Трофимова Евгения 40
Туров Виктор 75, 84, 276
Тутыгин Иван 80
Тюменев В. 3, 114, 150, 234, 236, 243, 246
Тюрин В., сержант 255
Тютюнник, подносчик боезапаса 339

У

Уваров Михаил 80
Угланов Н. С. 28, 27, 331, 342
Узаков, красноармеец 145
Умарзакариев 343
Ушаков В. 322, 323

Ф

Фатихов Мухамеддян 326
Фаткулин Карим 341
Федин 112
Федоров 116
Федоров А. 73, 88, 99, 103, 196, 198, 202
Федоров Николай 277, 278, 279, 280
Филатов М. 223
Филин, капитан 209
Фильцов Петр 169, 290
Финкин, полковник 288, 289
Фомин Василий Иванович 350
Фомин Демьян 5, 6
Фролов 65
Фурсов Иван Кондратьевич 92

Х

Хаердинов 343
Хазарянцев А. К. 369
Халиков, лейтенант 43, 209
Харченко В. В. 33
Харченко В. П. 146, 205, 234, 235, 239, 243, 246-248, 253, 261
Хасанов, лейтенант 217, 221, 222, 225
Хлебников Евгений 133, 168, 351, 365
Хлобустин Яков Власович 330
Хлобустина-Моисеева Л. 330
Хорохордина Ольга 80
Храмов Иван 336, 347
Хренов 368
Хробуст И. А. 86, 183
Хрущев Н. С. 241

Ц

Цацура Зоя 332
Цветаев 152
Целинский Михаил 353
Циммерман 360

Ч

Чагин И. 102
Чайкина 315
Чаленко И. Т. 26, 56, 72, 73
Чалов, лейтенант 172
Чалый Д. 186, 267, 275
Чекурина 361
Чепурненко Н. Ф. 322
Чепурной Николай 177, 306
Чередниченко 122
Чернега В. 17
Черненко 363
Черноморов Николай 276
Чернуха Н. 328, 360
Чесленко Ивана Ильича 56
Чиков Михаил 100, 154
Чистяков, майор 37, 110, 181, 256
Чичиков 68, 77
Чмелева Р. 191, 192
Чубинец А. 283, 340
Чуйков 24
Чумак Иван 364
Чуменко 140, 143
Чуприна Надежда 7

Ш

Шабанова Ф. 256
Шабанский, майор 244
Шагов Анатолий 80
Шаймуратов М. М. 26, 71, 73, 76

Шалычев Николай Степанович 59
 Шаравин Александр Александрович 349
 Шарыгин И. В. 168
 Шахов С. 133, 144, 149, 188, 206, 216, 370
 Шевардин, генерал 34, 63, 77
 Шевцов Степан 23, 46, 64, 65, 69, 82, 84
 Шевченко Владимир 39
 Шейко А. А. 69, 71, 83, 94, 99, 101, 102, 103, 153, 155, 156, 160, 194, 196-202
 Шейко П. Ф. 66, 69, 93, 160, 196, 232
 Шелепенков, красноармеец 114
 Шелест 153
 Шепелев В. 368
 Шепелев Геннадий 5
 Шепелев Женья 5, 13
 Шепелева Таисия 13
 Шеремет Сергей 80
 Шестаченко В. Г. 357
 Шефатов Григорий 338
 Шиков Виктор 222, 360
 Шилов В. Д. 182
 Ширков Василий 369
 Ширков Николай 37, 305
 Шкейров Павел 319
 Шмидт Д. Г. 286, 364
 Шомахов 123, 249
 Шпаник Дмитрий 236
 Шпон 143
 Шувыкин В. 74, 250, 263, 310, 313, 331, 368
 Шувыкин Федор Иванович 313
 Шульга 363
 Шульженко Евдокия Яковлевна 181

Щ
 Щебарщина 368
 Щебетовский Павел 23
 Щегольков Василий 6

Щербаков Иван 101
 Щербаков Н. Е. 101, 102
 Щетинин Николай Георгиевич 154
 Щетинина Евдокия 15
 Щукина А. 65-68, 77-79, 81-93, 97, 98, 124, 125, 132, 135, 159-161, 163, 165, 218, 229, 232, 235, 237, 239, 252, 312
 Щукина М. Е. 86, 91, 93, 196, 198, 232

Э
 Эдигорьян Александра 207
 Эрджигитов Туйчи 134, 307

Ю
 Юлиан, рядовой 360
 Юматов Яков 58
 Юрьев Борис 158
 Юсупов, лейтенант 141
 Юшко, командир батальона 118

Я
 Яворский Гена 312
 Яго, гауптвахмистр 23
 Ягольницкий В. 272, 279
 Яковлев Н. А. 152
 Яковлев, лейтенант 34
 Якунин Александр 325, 367
 Якунин Н. П., генерал 26, 50, 57, 60, 73, 74
 Якунин Иван, комсомолец 148
 Янчин Нина 6, 96, 191, 220, 263
 Яровая В. Д. 196, 198
 Яровой Григорий 11
 Ярошенко Николай 51
 Ярулин 19
 Яценко 166
 Яценко Марина 236
 Яценко, дедушка 235
 Яценко, дьякон 126

Романов Николай Данилович
День за днем и жизнь за жизнью
1943 год

Редактор
Федорова Валентина Ивановна

Фото героев книги после войны
сделали корреспондент газеты «Красный Луч»
Владимир Александрович Доронин
и член клуба «Подвиг» Валерий Николаевич Бигдан.

Снимки военной поры — из семейных архивов.

Обложка — Дмитрия Романова.

Набор и верстка выполнены автором
Тел. (064-32) 2-30-21;
8-066-2206010
E-mail: podvig@kl.lg.ua

Сдано в набор 2. 2. 2000 г. Подписано в печать 11. 02. 2005 г.
Формат 60 х 84/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать
офсетная. Усл. печ. листов 25. Усл. кр. отт. 16,31.
Тираж 500. Заказ № 1 Издательство Руденко С. А.
Донецк, ул. Миронова, 1/2, тел./факс (062) 381-05-81